

№ 6(36). 2019

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Декабрь 2019 № 6 (36)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов — прозаик, публицист, драматург
Елена Грущкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — секретарь Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — прозаик, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета по культуре
при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован

Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.

Дата выхода номера в свет: 16 декабря 2019 года. Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,

адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки — Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка — Елена Балантаева

Корректор — Лада Ковальчук

Отпечатано в типографии «Страж Балтики»

г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53–17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал – 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе – *курсивом*, плюс фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашаем к дискуссии	
«Бездны Беловежской пуши». Поэт и публицист Сэда Вермишева и главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко беседуют о причинах и следствиях демонтажа СССР.....	4
Проза	
Юрий Серб. Счастливые. <i>Трилогия</i> . Книга 1. Венок неудачнику. <i>Продолжение. Начало в № 4–5-2019</i>	7
Владимир Максимов. Портрет. <i>Отрывок из повести</i>	38
Сергей Трахимёнок. Родная кровинка. <i>Рассказ</i>	53
Андрей Растворцев. Отражённые облака. <i>Рассказ</i>	65
Татьяна Каленик. Паганини. <i>Новелла</i>	72
Поэзия	
Виктор Кирюшин. Мы остаёмся. <i>Стихи</i>	75
Тамара Краснова-Гусаченко. Светились яблони в саду... <i>Стихи</i>	79
Михаил Пучковский. <i>Стихи</i>	84
Станислав Федотов. Гамма-излучение. <i>Стихи</i>	87
Берега памяти	
Валентин Курбатов. «Эта раса не убита...» <i>К 80-летию поэта Татьяны Глушковой</i>	92
Татьяна Глушкова. <i>Стихи</i>	97
Лидия Довыденко. «Богатство – вид людской невзгоды». <i>К 65-летию Юрия Шевченко</i>	101
Юрий Шевченко. <i>Басни</i>	106
Берега юбилеев	
Лидия Довыденко. Меценат России. <i>К 50-летию благотворительной деятельности Н. Д. Лобанова-Ростовского</i>	110
«Птица счастья в ладони князя». Художница Ольга Соколова о жанре лубка и о картине, посвящённой Рюриковичу, беседует с Екатериной Фёдоровой	117
К 200-летию открытия Антарктиды	
Сергей Воробьёв. Мирный, разгрузка	128
Год театра	
Лидия Довыденко. «В мою жизнь пришло что-то прекрасное!..» <i>О Евгении и Галине Киндиновых</i>	134
Берега Новороссии	
Вадим Десятерик. <i>Стихи</i>	139
Калининградские берега	
Протоиерей Георгий Бирюков. Семья Арсеньевых и японский святой	142
Валерий Батрушевич. <i>Стихи</i>	155
Николай Шумилов. Возвращение награбленных ценностей	157
Волжские берега	
Татьяна Качкина. Симбирское-Ульяновское Поволжье – флоту. Создание региональной флотской энциклопедии	161
Критика	
Лидия Довыденко. Вечные слова. <i>О книге Л. Яцкевич «Православное слово в творчестве вологодских писателей» к юбилею</i>	164
Людмила Яцкевич. Не потерять надежду. <i>О книге А.А. Цыганова «Помяни моё слово»</i>	169
Валентина Коростелёва. Русская звезда Фёдора Тютчева	176
Мир без границ	
Берега Австралии	
Тамара Малеевская. Старый Ворон. <i>Рассказ. Что значит быть русским в эмиграции. Эссе</i>	184
Берега Литвы	
Анна Тураносова-Абрас. Верю я... <i>Стихи</i>	191
Берега Латвии	
Ираида Кельмелене. Многое откроет вам безмолвие... <i>Стихи</i>	193
Берега Болгарии	
Никола Р. Казански. Набоков и Бицилли в эмигрантском Зазеркалье	197
Наши друзья	
О приобретении и подписке на журнал	200

Приглашаем к дискуссии

«Бездны Беловежской пущи»

*Поэт и публицист Сэда Вермишева
и главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко
беседуют о причинах и следствиях демонтажа СССР*

– Сэда Константиновна, вопрос трансформации Российской Империи в Советский Союз с последующим дроблением его территории на независимые суверенные государства оказался темой, требующей продолжения.

– Тема эта – тесто, которое заберёт ещё много воды. В прошлом разговоре мы остановились на сталинском периоде Советского Союза, включающем и Отечественную войну. Именно тогда удалось восстановить страну почти в тех границах, которые она занимала до 1917 года и создать сбалансированную систему противостояния внешней угрозе. Но анализ ситуации в Российской империи, как перед Октябрьской революцией, так и во время гражданской войны показал, что внутренние угрозы в случае их игнорирования или непринятия своевременных мер таят в себе не меньшие, если не большие угрозы, чем внешние...

– И подтверждение тому – послесталинский период Советского Союза, ставший медленным сползанием в бездну Беловежской пущи?

– Произошло оно не сразу, а примерно через 40 лет после смерти Сталина и через 16 лет после подписания 1 августа 1975 года руководителями тридцати трёх европейских государств, включая СССР, а также

США и Канаду, Хельсинкского Заключительного акта о незыблемости государственных границ по итогам Второй мировой войны. Беловежские соглашения от 8 декабря 1991 года были подписаны в нарушение как Хельсинкского акта, так и более близкого к нашим дням Закона СССР от 03.04.1990 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР».

– Как Вы прокомментируете итоги Всесоюзного референдума от 17 марта 1991 года?

– Тогда население СССР почти поголовно проголосовало за сохранение Советского Союза, потому что в народном сознании, как, впрочем, и в моём он был, и до самого последнего момента оставался «Союзом нерушимым». И слова эти звучали не фальшиво.

– Но какая почва была для игнорирования результатов голосования в 1991 году?

– Менялось руководство страны, давали знать о себе прошлые ошибки, совершались новые, мельчал размах, исчез масштаб, достойная мотивация действий. На каждом шагу нас поджидали транспаранты о надоях молока, по которым почему-то надо было во что бы то ни стало догнать и перегнать Америку, шла профанация идеалов и переформатизация их в идеалы материалистические. Дегероизировалось прошлое, духовные ценности трансформировались в материальные. Заслуженно нарастало плохо скрываемое негативно-насмешливое отношение в обществе к руководству страны, к коммунистической партии. Вертикальная мобильность по отрицательному признаку при формировании кадров приносила свои печальные плоды, диссидентские же настроения в обществе росли, охватывая всё более широкие слои населения и сферы общественной жизни.

– Но ведь никто не подвергал сомнению территориальное устройство страны?

– На это было много причин и, прежде всего, восторг пробуждения национальных сил и энергий, поэтому как гром среди ясного неба прозвучало заглавие ходившей по рукам в Москве статьи известного диссидента Андрея Амальрика, написанной им ещё в 1969 году: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Прочитать её мне довелось только в 1976 году. Помню, как

в моей ереванской квартире раздался телефонный звонок и незнакомый голос сообщил, что имеет кое-что мне передать. Это оказались статьи основателя и руководителя Московской Хельсинкской группы Ю. Орлова, а также Сахарова, Щеранского и других диссидентов, в том числе и того самого, заинтересовавшего меня, Андрея Амальрика, задавшегося вопросом: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»

– *Какое впечатление произвела на Вас статья Амальрика?*

– Статья произвела сильное впечатление – она отличалась от других, имевших хождение в диссидентских кругах статей, которые носили, в основном, правозащитный характер. Амальрик же задавался вопросом правомерности существования Советского Союза как такового, а не критикой отдельных его недостатков. Из этой статьи в памяти осталась фраза: «Развал Советского Союза начат с национальных окраин». Сейчас такой фразы в этой статье, размещённой в интернете, я не нашла. И потому мне придётся, в меру возможностей моей памяти, рассказать о личном знакомстве с Амальриком, произошедшем вскоре после того, как я получила и прочла его статью и его высказывания на тему развала СССР. А было это так. Поздним вечером, ближе к ночи, в моей ереванской квартире опять – телефонный звонок, и школьная подруга, с которой мы лет двадцать как не виделись, сообщила мне, что к её соседу приехали гости, а он в отъезде. Но у гостей – мой номер телефона, и они попросили её связать их со мной. Себя назвать гости отказались, сказав, что, увидев их, я их узнаю. Недолго думая, я взяла такси и поехала по адресу, где находились эти неожиданные загадочные гости.

Дверь открыла приятельница. Из-за её спины вышел человек приятной наружности, и с улыбкой протянув мне руку, представился: Андрей Амальрик. Мы обменялись рукопожатием. Вскоре Андрей и его жена – художница, красавица Гюзель – уже пили чай у меня дома. Из разговора с Андреем я узнала, что он совсем недавно вышел из заключения, и теперь органами госбезопасности ему предложен выбор: остаться в СССР и жить в стокилометровой зоне или навсегда покинуть Советский Союз. Он выбрал второе, предварительно испросив разрешения: на прощанье побывать в различных точках СССР. И одной из таких точек им был выбран Ереван, а ереванские адреса, в том числе и мой, он получил, вернее всего, у того же Юрия Орлова, председателя Хельсинкской правозащитной группы Москвы, ранее приславшего мне статью Амальрика.

– *Если коротко, то какова была суть вашего разговора?*

– Мы поговорили на литературные и политические темы. В литературе наши вкусы не сошлись, и хвалить его пьесы, которые мне довелось мельком прочесть, и которые были поставлены за рубежом, я не стала, и он, видя мой настрой, или отсутствие такого, разговора на литературные темы не продолжил. Политики мы коснулись основательнее. Амальрик спросил меня напрямую – **не хотела бы я, чтобы Армения вышла из состава СССР и стала независимым самостоятельным государством?** Я ответила отрицательно. Он удивился и попробовал увлечь меня перспективами независимого существования Армении.

– *Каков же Ваш был ответ, как Вы объяснили отрицательное отношение к независимости Армении?*

– Мой ответ ему был короток, он состоял из двух слов: «Посмотрите на карту». А политическая карта христианской Армении – это отсутствие общей границы с христианской Россией и наличие таковой с исторически враждебными мусульманскими государствами: Турцией и Азербайджаном, а также мусульманским Ираном и, хоть и христианской, Грузией, позиция которой всегда носит сугубо конъюнктурный характер. Амальрик, политик с ног до головы, в отличие от других знакомых мне диссидентов, озабоченных, в основном, как я уже писала, соблюдением в СССР прав человека, понял меня с полуслова и попросил в таком случае познакомить его с национально-ориентированными людьми Армении. (Получалось, что я к разряду таковых не отношусь.) А на его просьбу я ответила: «Не познакомлю». В голове за эти несколько минут я перебрала целый ряд знакомых знаковых фигур, которых можно было бы отнести к «национально-ориентированным» (в понимании Амальрика) людям, с которыми я могла бы его познакомить, но решения своего не изменила. «Не познакомлю», – повторила я и добавила: «Но Вы мой гость, и я готова и постараюсь в силу своих возможностей показать Вам Армению и её достопримечательности». Мой брат помог мне в этом. Кроме того, опасаясь за меня, брат предложил Амальрику и его жене Гюзель перебраться, в интересах безопасности, к нему на квартиру, так как брат жил

в центре города, и дома у него была собака. Как-то раз они заехали за мной и стали уговаривать меня не идти на работу, а поехать с ними по Армении. При всей заманчивости предложения я отказалась, сославшись на занятость по работе. Андрей поинтересовался, что это за работа. Я объяснила, что Армения – страна, богатая источниками минеральной воды, но в республике нет кварцевого сырья для изготовления стеклотары, и практически минеральные воды пропадают впустую, а я занимаюсь обоснованием возможности изготовления стеклотары для её розлива из местного сырья. Амальрик усмехнулся и тихо сказал: «Чем хуже, тем лучше». «Я так не думаю», – так же тихо ответила я...

– *Вы потом осмысливали эту встречу, делали выводы?*

– Этот разговор стал разделительной чертой между мной и диссидентами, для которых «Чем хуже, тем лучше» звучало, как заповедь. Я же думала по-другому. Так думал и круг людей, с которыми я впоследствии сходилась в своих убеждениях и с которыми, однажды встретившись, на всю жизнь сохранила дружбу.

Но вернёмся к тем дням, когда Андрей и Гюзель, объехав всю Армению, сделав много фотографий, собрались уезжать. Провожать их в аэропорт я поехала со своей подругой. Были опасения, что в аэропорту при вылете их могут задержать. Но всё прошло спокойно. При проверке ручной клади у них были изъяты фотографии с видами Армении. Гюзель крикнула в лицо досматривающим что-то дерзкое и вызывающее. Мы с подругой замерли. Но всё обошлось – они улетели. Через какое-то время я услышала, что в Ереван они прилетели не из Москвы, а из Грузии, где гостили у будущего президента Грузии Гамсахурдия. Потом до меня дошли слухи, что Амальрик погиб в Испании, уснув за рулём, в автомобильной катастрофе. Не так давно услышала, что во Франции умерла его жена Гюзель. И теперь, много лет спустя, мне приходит на ум много вопросов. Мне же тогда за молодостью лет и житейской неопытностью пришёл на ум только один вопрос, который я и задала начальнику службы безопасности Первого секретаря ЦК Компартии Армении (он был младшим братом одной из моих одноклассниц). «Алик, – спросила я его, – а почему вы меня не арестовываете?» Он ответил: «Приказа нет». Я поинтересовалась: «Приказа Москвы или Армении?». «Москвы», – сказал он. «А если будет приказ Москвы – арестуете?», – полюбопытствовала я. «Конечно», – ответил он, не задумываясь. Как коррелирует то давнее «нет приказа» с тем, что на политической карте мира больше нет Советского Союза?

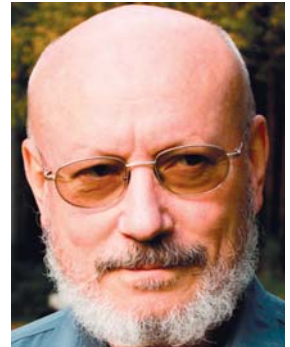
– *Благодарю Вас, дорогая Сэда Константиновна, а на Ваш вопрос, думаю, попробуют ответить читатели, чтобы продолжить нашу беседу в следующем номере.*

Проза

Юрий Серб

Лебедев Георгий Александрович (Юрий Серб) родился в Ровенской области (УССР) 17 апреля 1944 года. Окончил филологический факультет Ленинского университета (ныне СПбГУ), прозаик, член Союза писателей России. Прозаические произведения Юрия Серба печатались в журналах: «Литературная учеба», «Северная аврора», «Аврора», «Берега», «Медный всадник», «Родная Ладога», в сетевых изданиях: «Русский переплет», «Топос», «МолОко», «Русская народная линия», «Филград». Публицистика Ю. Серба, посвящённая главным образом вопросам защиты отечественного языка и культуры, появляется на различных интернет-сайтах на протяжении ряда лет. Сопредседатель Общества защиты отечественной истории и культуры «Петроград» (<http://petrograd.livejournal.com/>). Вёл колонку «Рцы Слово Твердо» на сайте «Российский писатель» в 2012/13 гг. Книги: «Годовщина прошлой листвы» (1995), рассказы; «Солнце вдоль проспекта» (2009), роман; «Страна Эстремагвай» (2010), «Речка Нача» (2012), повести; «Статьи. Стихи» (2013); «Площадь Безумия» (2016), роман; «Стихотворения» (2018). Член Высшего творческого совета СП России. Живёт в Санкт-Петербурге

Счастливые

Трилогия. Книга 1

Продолжение. Начало в №4 (34)-2019, №5 (35)-2019

ВЕНОК НЕУДАЧНИКУ

Младший Лобаченко своим приобретением супругов Шуриковых гордился. При знакомстве в Питере Лёха напел работодателю, что жену его прочать в аспирантуру и что она уже подмняла преподавательницу на младших курсах. Скорее всего, думал Салабинь, так оно и было. Только стоило ли ей губить себя в стамбульской шарашке? Лёшка уронил, а Салабинь обнаружил под столом – фотографию, где Шуриков стоял рядом с Женей, бледной тоненькой питерской девочкой, – оба в свадебном наряде. На обороте Женя написала: «Лёшенька, милый, я очень тебя люблю!»

В июле она прилетела посмотреть, как устроился муж, каково ему в Стамбуле. А Лёха уже согласовал со старым Лобаченко себе хлбное место главного переговорщика по ремонтным вёдомостям судов: ршать, какой конкретно объём ремонтных работ заказывать на верфи и по какой цене. Главное – что и по какой цене. Старика он без труда убедил: ведь в компании корабельщиков не было, если не считать корпусника Андрея Николаевича, но тот коммерсантом не был – от слова вообще.

Разговаривая с руководством «Азова Интернешнл», Женя растерялась: «А чем бы я могла у вас заниматься?» Вроде, она могла бы, для своего скакуна и в целом – за него, дёлать всю бумажную работу; но лучше бы, по мнению Салабина, оставаться ей в Питере ради нашего судостроения и во избежание дётей от Лёхи Шурикова.

По отъезде Жени всё продолжилось, как и прежде, только Лёшка теперь откровенно рассказывал Салабину, как много у него знакомых и друзей среди турок, он даже был свидетелем на одной турецкой свадьбе; там и турецкой подружкой обзавёлся.

– Парень, ты смотри, – сказал ему Андрей Николаевич, – как бы на нож не нарваться.

– Не, ништяк, у ней родители смиренные!

«Да он, пожалуй, мусульманин!» – подумалось Салабину. «Или косить под мусульманина, когда среди турок!»

Тём же летом появилась в офисе гостья из Ростова-на-Дону, безцветная дальняя родственница семьи – в первом приближении к возрасту старой дёвы. Постепенно Лёха привык под-

гарцовывать в её присутствии. Промежуточным итогом стало то, что ростовчанку Ксюшу взяли в штат бухгалтерии и отправили на денёк-другой обратно в Ростов, поскольку кончалась её туристическая виза, – а Лёшка отправился в Питер за разводом.

Обороты его гешефтов сильно возросли, когда он женился на Ксюше. Молодые теперь жили в снятой для них квартире, избавив Салабина от Лёшкина общества. Но всё же Бог шельму мстит: Лёшка сверзился в трюм с лестницы, получив сложный перелом ноги, – и, пока кантовался в больниц, в его бумагах нашли признаки мошенничества. Ксюша смогла его предупредить, Лёшка успел от тузлинских регистровцев получить рекомендации, ряд практических советов, и молодая пара тайно улетела в морскую столицу России: Лёшка устроился в Российской Регистр. И нёт у Салабина сомнений в том, что Шуриков успешно отсудил при разводе половину Жениной квартиры или площади, какова бы она ни была.

Последнее, что слышал о нём Салабин, – это переданный из третьих уст грозный обещания инспектора Шурикова: «Ну теперь этот «Азов...эшеналь» попляшет у меня!»

Ну и хватить о Лешке. Забудем о нём. Да о Женке вздохнём.

* * *

Несть власть, аще не оть Бога;
дѣйствительныя же власти
оть Бога поставленни суть

(Рим. 13, 1)

Турецкая власть – это беспрекословная власть. Какъ сказали бы новоявленные российские журналы, полюбившие и полюбившие это украинское слово: власть упёртая.

Турки назначают судну квадрат рейдовой стоянки – и не смей просить о другом. Они подолгу выдерживают корабли в очереди на проход Босфором из Чёрного моря – тянут с выдачей разрешения, лишь бы показать, что они власть. Это на всех уровнях, только чем ниже – тем хуже.

Разсказывают, что прошлым декабрём российской сухогруз «Св. Пантелеймон», будучи в балласт (без груза), на вторые сутки ожидания был выброшен на скалы штормом. Власть Босфора знали, что судно «налегке» будет игрушкой для непогоды; не могли не знать и метеопрогноза. Может, какому-то турку не понравилось имя судна?

К счастью, суда «Азова...» всегда подходят к Босфору с севера в полном грузу: с украинской сталью, украинской же глиной для печей Италии с Испанией, а то и с смечками, или со сталью из болгарских Кремиковцев... Зимой добавляется уголь; вот, собственно, и всё. Но с севера – груз непременно.

Другая беда судов, достигших определённого возраста и работающих под «удобными» (дешёвыми) флагами – это их частые аресты в портах Европы, в цыганской Румынии и даже турецкой Малой Азии. А как же?.. Турецкая джумхуриет* не одно десятилетие мечтает о Европейском Союзе – вот на Европу и равняется! На Аврупу, если по-турецки. А были времена, когда половина Аврупы была под властью пашей и под пнём муэдзинов; но времена меняются, всему, как известно, приходит закономерный конец. Главное, чтобы мы не забывали об этом.

Когда случается арест судна семьи Лобаченко, папа Лобаченко призывает на помощь экспертов и адвокатов той страны, где это приключилось, а когда надо раскошелиться – вылетает на место. Слава Богу, нет вины Салабина: бумаги в порядке. А то, что забыли газоанализатор, – на совести старпома.

Для семьи эти затраты не критичны; только Кравченко, Волков и Салабин цокают языком, слыша цифры потерь и простое. Калашников, как матерый спец, сохраняет ироническое спокойствие; он в курсе всех комплексов семьи, их раскладов и просчётов. Нервко он просит Салабина «пробьжать глазами» текст чартер-партии – и Геннадий погружается в казуистику английского юридического синтаксиса, пока Анатолий курит, давая мозгу передышку от «этой англомосятины».

* Республика.

Когда Калашниковъ только начиналъ произносить въ «Азовѣ...» фамилію Салабина, то навѣрняка упоминалъ, среди его качествъ, и способность «выучить турецкій за пару мѣсяцевъ». Салабинъ догадался объ этомъ, когда Анатолий высказалъ такую увѣренность разъ-другой уже при нёмъ. Отъ подобныхъ намѣреній Салабинъ энергично открестился. Во-первыхъ, турецкій сильно повредитъ болѣе чѣмъ восьмилѣтнему флирту Салабина съ новогреческимъ. Во-вторыхъ, не хотѣлось ему «на старости лѣтъ» вникать въ странности тюркской грамматики. «Будь мнѣ снова двадцать лѣтъ и другой вкусъ, я могъ бы взяться за турецкій, какъ Владиміръ Вольфовичъ, и сталъ бы специалистомъ вродѣ него... Но нѣтъ, послѣдняя свободная часть моего сердца уже занята.»

Птица по-турецки «куш», пѣвчая, пѣвчій – «чалы», а «Птичка пѣвчая*» – «чалыкушү».

Турецкій курортъ Кушадасы – это Птичій Островъ: куш + ада = кушадасы. Поди-ка разберись! Гдѣ столько времени взять? «Я врядъ ли къ этому привыкну безъ поврежденія какого-то изъ полушарій!..»

По субботамъ Калашниковъ и Салабинъ приходятъ поочередно въ контору просматривать входящую почту и переставляютъ фигурки корабликовъ на магнитной картѣ, а заодно – и что-нибудь своё навѣрстывать.

Въ такую трудовую субботу уже не идѣтъ Салабинъ къ паромамъ на пристани и не путешествуетъ въ Европу – къ историческимъ стѣнамъ Константинополя подъ бордовыми флагами съ полумѣсяцемъ и звѣздой. Но у него въ запасѣ воскресенье.

А въ понедѣльникъ объявится загорѣлый Ярославъ Гринда и похвалится путешествіями по Малой Азіи. Они даже пещерные города Каппадокіи видали – не зная, что это Каппадокія. А европейскій клочъ турецкой территоріи исколесили съ женой вдоль и поперекъ. Тамъ видѣли даже болгарскую православную церковь, сложенную изъ чугунныхъ деталей. По легендѣ, болгарскіе купцы чѣмъ-то ублажили султана, и тотъ сказалъ, что исполнить любую ихъ просьбу. Тѣ попросили разрѣшить имъ построить православную церковь для своей общины. Султанъ почесалъ носъ** и сказалъ: «Да, но... если успѣете построить за сутки.» Болгары заказали въ Австріи отливку деталей согласно ихъ чертежамъ, доставили ихъ по Дунаю и Чѣрному морю – сложили церковь за ночь.

Гринда видѣлъ её, а Салабинъ искалъ, ноги сбиль, но не нашёлъ.

На азійскомъ берегу Гринды изслѣдовали всѣ доступныя и популярныя мѣста, не ограждённые щитами и страшилками НАТО. Бандырма, Чанаккале, Эскишехиръ и Кайсері – вполне въ предѣлахъ досягаемости для ихъ внѣдорожника. Но и про дальнюю Каппадокію Ярославъ говорилъ взахлѣбъ, о цѣлыхъ «городахъ» пещерныхъ христіанъ – только греческое имя Каппадокіи турки ему не открыли.

Салабинъ былъ на сайтѣ каппадокійскаго землячества въ Греціи – изгнанниковъ изъ Малой Азіи при Ататюркѣ... Освободившись отъ злой Аврупы, «отецъ туроковъ» сталъ освобождать Малую Азію отъ коренныхъ ея жителей. Греческій фильмъ «1922» даѣтъ полную картину изгоняемыхъ семей подъ бичами конвоировъ и подъ палящими лучами чѣрнаго солнца.

Завтра, въ воскресенье, Салабинъ купить бутылку каппадокійскаго вина – единственнаго, пожалуй, въ Турціи, которое не горчитъ... На пробкѣ этой винодѣльческой компаніи изображёнъ двуглавый византійскій орёлъ, но турки уже не снимаютъ за это кожу съ грековъ.

Волковъ и Кравченко поставили Салабину телевизоръ (изъ запасниковъ Волкова) и смонтировали приёмную тарелку зрачкомъ на европейскій спутникъ. Пробное включеніе выдало итальянскій стриптизъ; Кравченко игриво толкнулъ Салабина: «А шо робыть?» Это его коронная фраза въ щекотливыхъ случаяхъ.

Салабинъ убѣдился въ приѣмѣ греческихъ каналовъ, російской «Планеты-24» – и началъ речь о томъ, насколько онъ друзьямъ-сослуживцамъ обязанъ... Оба дружно эти речи пресекли, а Кравченко взялъ Салабина за локоть и, глядя ему въ глаза, выразительно прошепталъ: «Мы же знаемъ, сколько вы получаете!»

Греческихъ каналовъ оказалось всего ничего – только шесть. А итальянскихъ – безъ малаго сотня, двѣ трети изъ коихъ – стриптизъ и порнографія. Зато одинъ-другой изъ греческихъ напомнили про советское краевѣдческое кино и чѣрно-бѣлую ретро-фильмотеку; тогда-то и увидѣлъ онъ фильмъ про 1922-й годъ...

* Романъ Решада Нури Гюнтекина

** Легенда прямо не говоритъ о носѣ султана, но Салабинъ будто воочию видитъ его, теребящаго свой носъ.

Въ одинъ погожий *αλόγευμα** Марченко подъехалъ по дѣламъ къ турецкой таможенѣ, а Салабинъ остался в машинѣ. Уходя, Кравченко выключилъ музыкальную кассету «русскаго шансона» и всякихъ «океановъ Эльзы» – и тутъ зазвучала мѣстная станція FM.

И вдругъ слухъ Салабина тронула тихая пѣсня и голосъ, который ни съ кѣмъ не спутаешь: Харула Алексіу, «Пез му пѳс гінетэ».

Въ тотъ вечеръ Салабинъ не поспѣшилъ домой. Зайдя въ офисъ, онъ сѣлъ за компьютеръ, вошѣлъ въ *stixoi.info* и нашѣлъ текстъ этой пѣсни, даже съ французскимъ и болгарскимъ переводами.

И вотъ какъ онъ отразилъ её по-русски:

Скажи мнѣ, какъ это возможно,
когда ты ушла,
когда ты ушла такъ давно –
но ты по-прежнему въ опустѣвшемъ домѣ
обнимаешь меня,
отвѣчая на мой поцѣлуй?
Скажи мнѣ, какъ это возможно?

Безумень, самъ не свой,
блуждаю, пленникъ твой,
роняю слѣзы и кричу,
кричу и хохочу,
кричу и хохочу
и брежу и молчу.

Скажи мнѣ, какъ это возможно,
когда ты ушла,
когда ты ушла такъ давно –
и ты по-прежнему въ опустѣвшемъ домѣ
обнимаешь меня,
отвѣчая на мой поцѣлуй?
Скажи мнѣ, какъ это возможно?

Такъ всё сошлось: умолкла кассета – не Кругъ, не Маршалъ, ниже Вакарчукъ, ни «Владимірскій централъ», а родное одиночество – и душевный голосъ въ эфирѣ. Потомъ онъ слышалъ эту пѣсню уже въ Россіи, и голосъ былъ тотъ же – только постарше, и музыка была въ черезчуръ удаломъ исполненіи, а пѣніе съ нарочитымъ надрывомъ. Отъ задумчивой душевности уже мало что оставалось.

Только Салабинъ былъ не лыкомъ шить: въ закромахъ интернета онъ отыскалъ то самое исполненіе, ту самую запись – и слушалъ...

* * *

...За окномъ отзвучалъ крикъ старьѣвщика съ телѣжкой, теперь летитъ по переулку кличь разносчика симітовъ**, но день воскресный – и Салабинъ досматриваетъ утренній сонъ.

На безкрайнемъ свѣтломъ этажѣ множество молодыхъ людей въ жѣлто-зелѣныхъ футболкахъ и рубашкахъ, съ одинаковыми ноутбуками и телефонами: нѣкоторые раскрыты – и въ нихъ реклама той же одежды. Салабинъ прошѣлся по этажу въ оба конца, тамъ и тамъ лѣстницы, онѣ построены, по умыслу или нѣтъ, но съ ошибкой: въ одномъ концѣ лѣстница спускается черезчуръ *круто*, ея ступени такъ «стекаютъ» внизъ, что сойти, не сверзившись, можно только цѣпляясь за перила; а въ другомъ концѣ лѣстница, ведущая вверхъ, – постелена настолько *полого*, что ступени своими «рѣбрами» топорщатся вверхъ на Салабина: приходится ступать по острымъ краямъ.

* Здѣсь: послѣобеденный часъ (*греч.*).

** Турецкіе калачи.

Салабинъ возвращается поразмыслить – къ своему ноутбуку, чемодану, телефону; примѣряетъ новенькія футболки, рубашки – и видитъ, какъ изъ коридора – а всѣ стѣны то ли прозрачны, то ли проницаемы для мыслей – къ нему сворачиваетъ его «крѣстный отецъ» по пароходству: покойный Купавинъ Сергѣй Ивановичъ.

Салабинъ охватываетъ его крѣпкимъ объятіемъ (въ жизни такое было немислимо), а тотъ зовѣтъ его къ себѣ. Салабинъ суетится, хочеть захватить съ собой телефонъ (какъ «назначенное лицо»), а Купавинъ говоритъ: «да брось ты, кто тебѣ станетъ звонить?». И правда, думаетъ Салабинъ, ну кто мнѣ звонитъ? – я же всѣхъ отвадилъ...

Тутъ сонъ растворяется въ яви, Салабинъ медленно думаетъ, приходитъ въ себя – и размышляетъ, чтò стало бы съ нимъ, женись онъ на дочери Сергѣя Ивановича или на той дѣвчкѣ съ факультета, чей папа былъ полковникъ и кандидатъ военныхъ наукъ, всѣ встрѣчи съ которыми, и съ той, и съ другой, и всѣ посѣщенія ихъ дома, знакомство съ родителями, случайные отсутствія родителей и его бесѣды съ дочкой (дочками) – въ ожиданіи Сергѣя Ивановича запаздывающаго, а съ дѣвчонкой-однокурсницей – не въ ожиданіи, а въ упоительныхъ поцѣлуяхъ, – всё это для него, для олуха, было подстроено, а онъ не видѣлъ этого столько лѣтъ...

Что стало бы съ нимъ?.. Онъ былъ бы обречѣнъ дѣлать карьеру, которой ждала бы отъ него дѣвчонка съ факультета и ея родители; или же погрузился бы въ морскія перевозки, въ переговоры съ партнёрами, по самыя уши – и тамъ бы барахтался, опять-таки дѣлая карьеру. Изъ которой было бы не выбратъся...

Нѣтъ, Господь попустилъ ему жениться на дѣвчонкѣ изъ семьи распавшейся, гдѣ братишка на учѣтѣ въ «дѣтской комнатѣ милиціи», и гдѣ мама съ бабушкой на ножахъ, гдѣ родители невѣнчаны – и не оттого ли женитьба Салабина была обречена и ко всѣму готова.

Такъ остался Салабинъ – тогда тамъ, а теперь во снѣ – свободенъ для выбора: въ какой конецъ этажа податься. Или – ни вверхъ, ни внизъ?.. Значить – остаться. «У себя...»

* * *

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хазарамъ...

А.С. Пушкинъ

Россія – центр еврейского мира.
«Еврейская газета», № 17. 2003

(цитата изъ интернета)

Легче всего забывается недавнее прошлое; поэтому профессионалы берутъ въ шоры именно давнее – и подвергаютъ прицѣльному бомбометанію. Хазары, у коихъ въ рукахъ претерпѣваютъ разоръ, поджогъ и поношеніе русскіе архивы, именуютъ сіе «борьбой съ мифами». А недавнее прошлое русскій человекъ и самъ забудетъ, какъ девяносто третій годъ. Самое надёжное стирание памяти ещё недавно – это алкоголь. Но теперь на первое мѣсто вышелъ телевизоръ.

Ещё недавно вся страна недоумѣвала: чей развѣдчикъ мистеръ ВВ? А сегодня инженеръ Гринда гордится имъ. А собственно – чѣмъ? А тѣмъ, что... хоть что-то... Какъ пѣли раньше о преподавателяхъ исторіи партіи и замполитахъ: «мы не пашемъ, не сѣемъ, не строимъ – мы гордимся общественнымъ строемъ!». Теперь гордимся тѣлодвиженіями, жестами, фразами... Наблюдаемъ въ упоеніи – пальца дядина движенія. Всему этому есть новое название: пи-аръ. PR. «Обогащается» великій и могучій! Результатъ? – его объденіе. Въмѣсто букета словъ и понятій получаемъ одинъ сухой стебель.

Теперь облечѣнные властью не говорятъ «осуществить; внедрить; провести въ жизнь». Теперь – *имплементируютъ*. А что – и взятки гладки! Кто обѣщаль осуществить? Ау?

Теперь слова *значительный, важный, существенный, вѣсомый, цѣнный, цѣнимый* замѣняются однимъ подкидышемъ изъ пробирки: «значимый»?!. Въ какомъ кабинетѣ его назначили? Если по-русски, то такъ не говорятъ. Ничего нельзя *значить*, а пусть оно само по себѣ что-то значить. Если всѣ вокругъ нормальные – и понятіе имѣютъ о переходныхъ глаголахъ, то такъ и будетъ. Но образованцы въ регалияхъ и пристяжные журна... листы всегда найдутъ что-нибудь *значимое* – и *значать* его, *значать*, пока русскій грамотный житель не выпрыгнетъ изъ окна. Можетъ, въ этомъ-то и цѣль?

Правда, нью-президентъ говорить, что только придурки отстаиваютъ свою русскость. И Лейба Давыдовичъ одобрилъ бы его, какъ нынѣ одобряетъ хабадь-уполномоченный Берль Л. Неслучайно всѣ журналисты берловой секты любятъ этотъ шлаковый соскобъ – «значимый» – и не любятъ его «устаревшихъ конкурентовъ». Совсѣмъ неслучайно это мертворожденное словцо-уродъ получило искусственную вентиляцию лёгкихъ отъ депутатовъ Майкла Горби-ибн-Тэтчер-унд-Рейган. Самъ этотъ Майклъ ничего не значилъ, но его *значили*... Вопреки грамматикѣ, Конституціи и Уголовному Кодексу. Его *значили*, построивъ лѣстницу изъ труповъ его соперниковъ, – разумѣется, устаревшихъ.

Начиная съ Андропова, страна осѣдлана хитрыми заклятыми врагами; они сѣдла не уступятъ, пока страна не сброситъ сѣдока. Въ противномъ случаѣ – будемъ ждать Второго Пришествія...

Салабинъ читаетъ редакціонную статью «Русской линіи» двухгодичной давности – реквиѣмъ Всемирному Русскому Народному Собору. Интернетъ сохранилъ её какъ будто для Салабина: онъ полностью согласенъ съ ней, хотя «Линія» и отказалась отъ знакомства съ «Русскимъ небомъ».

«Нельзя сказать, что всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждали начала VI Всемирнаго Русскаго Народнаго Собора*. Это было бы большимъ преувеличеніемъ. Въ послѣдніе годы авторитетъ Собора нѣсколько потускнѣлъ. Тѣмъ не менѣе, для русскаго человѣка Соборъ остаѣтся до сихъ поръ единственнымъ реальнымъ механизмомъ донесенія до власти нуждъ и проблемъ русскаго народа. Народа вымирающаго, раздѣлённаго искусственными границами, – народа, безъ котораго, въ концѣ концовъ, не будетъ ни Россіи, ни Русской Православной Церкви. Именно поэтому мы всё-таки ожидали открытія Русскаго Собора съ надеждой. Увы, наши надежды не сбылись.»

РІ сообщаетъ массу имёнъ политбомонда, науки, искусства – кто присутствовалъ на Соборе или кто прислалъ телеграмму приветствія: «председатель Конституціоннаго Суда Маратъ Баглай, генераль-губернаторъ *(такъ въ сообщеніи, Салабинъ не виноватъ!)* ЦФО Георгій Полтавченко, видные политики: Геннадій Зюгановъ, Григорій Явлинскій, Сергѣй Глазьевъ, Дмитрій Рогозинъ, Сергѣй Бабуринъ. Здѣсь же іерархи Церкви... Рядомъ видные дѣятели русской науки и культуры: ректоръ МГУ Викторъ Садовничій, режиссёръ Никита Михалковъ, скульпторъ Вячеславъ Клыковъ, художникъ Илья Глазуновъ, писатели: Валерій Ганичевъ, Валентинъ Распутинъ, Владиміръ Крупинъ, шахматистъ Анатолій Карповъ и др. Въ проходахъ толкалась журналистская братія...

Немного смушало присутствіе на Русскомъ Соборѣ значительнаго числа мусульманъ во главѣ съ верховнымъ муфтіемъ Талгатомъ Таджуддиномъ, а также одного изъ двухъ главныхъ раввиновъ Россіи Адольфа Шаевича и лидера буддистовъ Россіи Пандито Хамбо ламы Дамбы Аюшеева. «Впрочемъ, – пытается это объяснить авторъ сообщения, – Соборъ не только Русскій, но ещё и народный; кромѣ того, тема Собора «Россія: вѣра и цивилизація. Діалогъ эпохъ» – дѣлала необходимымъ присутствіе иновѣрцевъ и инородцевъ. Кстати, глава буддистовъ Россіи высказалъ удивительно мудрую мысль, до которой порою не доходятъ иные будто бы русскіе дѣятели: «Мы понимаемъ, что, помогая Русской Православной Церкви, мы помогаемъ самимъ себѣ».

Салабинъ не напрасно читаетъ объ этомъ столько времени спустя. Чтеніе поучительное: кто-то вылетѣлъ изъ перечня видныхъ дѣятелей, кто-то представился не совсѣмъ понятнымъ образомъ, кто-то задвинулъ ультимативно... Но возмутительно, – хотя, увы, совсѣмъ не странно, – что рѣчь идѣтъ о несуществующемъ титулѣ «главнаго раввина Россіи» – вмѣсто того чтобы назвать его, по аналогіи съ Дамбой Аюшеевымъ, главой иудеевъ Россіи, а ещё точнѣе – главой иудеевъ, проживающихъ въ Россіи. Тѣмъ болѣе что Хамбо лама – представитель кореннаго народа Россіи, въ отличіе отъ иудеевъ, «подаренныхъ» намъ раздѣломъ Польши.

Ещё потому не напрасно сохранѣнъ этотъ текстъ, что замѣны однихъ персонъ другими говорятъ о многомъ – и мрачно говорятъ. Рядъ фамилій пригодятся намъ въ дальнѣйшемъ, онѣ останутся «на слуху» и на устахъ Салабина сотоварищи, а смиренный Адольфъ Шаевичъ сразу съ 2000 года кому-то не угодилъ: его *de facto* вытѣснилъ приглашённый изъ-за океана и украшенный гражданствомъ РФ боевой хабадникъ Берль.

Однако не отвлекайся, дальше читай, Геннадій Серафимовичъ!

* Значить, мы съ Салабинымъ находимся въ 2003 году.

Главной мыслью обращения Патриарха Алексія II, по впечатленію автора статьи, были слова: «Церковь и нація вновь вмѣстѣ». Это ещё не констатація факта, считаетъ журналистъ, «но ужь точно – чаемое русскими православными людьми состояніе». Какъ мудрый отецъ, Патрархъ утѣшалъ представителей власти, «и это было очень къ мѣсту, ибо именно въ этотъ день Бушъ объявилъ, что США, наплевавъ на мнѣніе Россіи, выходятъ изъ договора по ПРО, что сильно ударило по авторитету президента Путина. Между строкъ привѣтствія Его Святѣйшества читалось: мы, конечно, слабы, наша экономика въ кризисѣ, армія ослаблена, съ Россіей мало кто считается въ мірѣ, даже лидеры малюсенькихъ странъ норовятъ дѣлать мелкія пакости, – но вы не унывайте. Рефреномъ краткой рѣчи Патриарха звучали слова «Россія имѣетъ что сказать міру». Патриархъ напомнилъ слова Достоевскаго, что Россія скажетъ міру «свое новое, здоровое и ещё не слыханное міромъ слово».

Однако въ нынѣшнемъ ея состояніи Россіи нечего сказать міру, потому она и безмолвствуетъ. «Для начала, – подчеркнул Патриархъ, – нужно подвергнуть свой будущій путь глубокому осмысленію, а прежде всего – духовно обновиться». Разъяснилъ Святѣйшій политическому руководству страны и то, какимъ долженъ стать этотъ будущій путь Россіи (только былъ ли услышанъ и понятъ Патриархъ тѣми, къ кому прежде всего были обращены его слова?).

Послѣ Патриарха съ привѣтствіемъ къ участникамъ Собора обратился президентъ Россіи. Увы, рѣчь президента разочаровала. По своему содержанию она была бы болѣе умѣстна гдѣ-нибудь на международной конференции, а не на Всемирномъ Русскомъ Народномъ Соборѣ. Создалось впечатленіе, что президентъ не понимаетъ, о чѣмъ нужно говорить съ представителями русского народа.

Кстати, такая безцвѣтная рѣчь президента стала причиной курьёзнаго событія. Одинаковый комментарий дали къ рѣчи президента ультралиберальныя «Извѣстія» и представители православныхъ борцовъ съ «антинароднымъ режимомъ Путина», выдѣлившіе въ качествѣ основополагающихъ его слѣдующія слова: «Намъ необходимо общественное единеніе въ непріятіи ксенофобіи и насилія». Видимо, и тѣмъ, и другимъ понравилось (съ противоположнымъ знакомъ, разумѣется) «непріятіе ксенофобіи». Это совпаденіе воспріятія рѣчи разными сторонами – лучшее свидѣтельство того, что...»

«А непріятіе русофобіи – гдѣ, кормилецъ ты нашъ?» – шепчетъ Салабинъ... Тѣмъ временемъ журналистъ продолжаетъ: «Навѣрное, это связано съ большой загруженностью главы государства». «А гдѣ государство? – спрашиваетъ Салабинъ. – Вѣдь антирусское государство – это антигосударство!»

«А можетъ быть, – продолжаетъ журналистъ, – это связано съ отсутствіемъ въ его окруженіи людей, чувствующихъ и понимающихъ проблемы и нужды русского народа».

Ну какъ въ воду глядѣль!

«Кстати, – пишетъ журналистъ, – на недавно прошедшемъ Гражданскомъ форумѣ, собравшемъ въ Кремлѣ бывшихъ диссидентовъ, правозащитниковъ и пчеловодовъ, Владиміръ Путинъ чувствовалъ себя куда болѣе увѣренно, пробылъ тамъ значительно дольше и рѣчь произнёсъ болѣе обстоятельную. Какъ бы то ни было, создалось впечатленіе, что у Владиміра Путина какая-то настороженность въ отношеніи Русского Собора». Кто бы сомнѣвался! – удивляется Салабинъ. – Но главное: она и въ отношеніи всѣхъ насъ.

Журналистъ справедливо замѣчаетъ: «Мысль о Россіи какъ о мостѣ между цивилизаціями неоднократно звучала на Соборѣ. Однако послѣ рѣчей Патриарха и президента показалась актуальной другая мысль: намъ нужно соорудить не мостъ между Европой и Азіей, а мостъ между Церковью и государствомъ».

– А между Церковью и народомъ? А между государствомъ и народомъ? – негодуетъ Салабинъ. – Эхъ, даже будь я сейчасъ въ Москвѣ, въ Россіи, а руки мои – коротки!

За разъясненіемъ своихъ недоумѣній журналистъ «РЛ» обратился къ виднымъ дѣятелямъ русско-го патриотическаго движенія. Первымъ былъ русской скульпторъ, глава Всероссійскаго Соборнаго Движенія Вячеслав Михайловичъ Клыковъ: «Всѣ, къ сожаленію, тонетъ въ общихъ расплывчатыхъ фразахъ, за которыми не ощущается воли, а видится этакое благодушное профессорское равнодушіе ко всему и вся... Основной документъ, который сейчасъ принять, – практически никакой: въ нёмъ нѣтъ ни остроты, ни соборнаго духа. На Соборѣ были яркія выступленія, но, къ сожалѣнію, всѣ они потонули въ этомъ итоговомъ документѣ».

Извѣстный писатель, критикъ, историкъ изъ Петербурга Маркъ Николаевичъ Любомудровъ былъ ещё болѣе категориченъ въ своихъ оцѣнкахъ: «Это мнѣ напоминало собраніе множества людей, которые переставляютъ съ мѣста на мѣсто море словъ, не очень понимая конечную цѣль, ради чего это дѣлается. Мнѣ кажется, что въ тотъ трагическій моментъ, который мы сегодня переживаемъ, мы должны занять болѣе боевую, болѣе безкомпромиссную позицію относительно того, что съ нами происходитъ, и относительно центральной власти. Я думаю, что если бы Соборъ, скажемъ, принялъ рѣшеніе о необходимости отставки правительства, онъ сдѣлалъ бы большое гражданское дѣло, полезное для всего народа, для Россіи...»

– А мнѣ – не кажется, Маркъ Николаевичъ, я въ этомъ убѣждёнъ! – восклицаетъ Салабинъ. – И хорошо вы сдѣлали, что не сказали «нашего правительства», сказали просто – «правительства». Но, добившись его отставки, можно получить другое такое же или хуже прежняго! Скромность патріотовъ подводила насъ на протяженіи всѣй исторіи. Большое дѣло сдѣлалъ бы Соборъ только въ случаѣ, если бы предложилъ президенту, притомъ настоятельно, свой новый составъ правительства. Только данный Соборъ, составленный спеціальными людьми президента, къ этому *органически* не способенъ! Нуженъ другой Соборъ – того же значенія, что и Помѣстный Соборъ 1613 года!

«Такъ же какъ, – продолжаетъ Маркъ Николаевичъ, – если бы мы учредили какой-то постоянный комитетъ по защитѣ жизни и достоинства русскихъ людей, которыхъ сегодня начинаютъ всё болѣе агрессивно преслѣдовать. Вотъ свѣжій примѣръ съ профессоромъ И.Я. Фрояновымъ, котораго убрали, вопреки общенародному мнѣнію, съ поста декана историческаго факультета Петербургскаго университета. А это крупнѣйшій отечественный историкъ, русскій патріотъ, онъ создалъ этотъ факультетъ какъ школу русской молодёжи, выходящей изъ стѣнъ университета съ отчётливымъ національнымъ историческимъ сознаниемъ».

– За это и пострадалъ, – говоритъ Салабинъ, – и мы пострадали! За то и отомстили ему, что онъ – отечественный, когда власть – компрадорская. И чѣмъ больше будетъ она укрѣпляться, тѣмъ слабѣе будетъ становиться сей «Соборъ»-ВРНС! Поэтому нуженъ не «какой-то постоянный комитетъ по защитѣ русскихъ людей», а Земскій Соборъ профессионаловъ отъ всѣхъ коренныхъ народовъ Россіи...

* * *

Когда стараго Лобаченко навѣщаютъ пріятели по прошлымъ его подвигамъ, онъ неизмѣнно проводитъ ихъ по всѣмъ подраздѣленіямъ «Азова Интернэшналь» и представляетъ сотрудниковъ, поочерѣдно встающихъ съ рабочаго мѣста. Въ зависимости отъ освѣдомлённости гостя Лобаченко называетъ Салабина то «назначеннымъ лицомъ», то правовымъ менеджеромъ. «А прилетитъ депутатъ Госдумы – я стану правозащитникомъ!» – криво ухмыляется Салабинъ.

Всего годъ прошёлъ, какъ онъ въ «Азовѣ...», а ему почти уже всё тутъ надоело; но и съ долгами онъ разсчитался всего лишь *почти*.

Прошлымъ лѣтомъ у него гостила дочка; руководство пообѣщало на это время никого не подсѣлять; Салабинъ собирался улетѣть домой въ отпускъ вмѣстѣ съ Марусей, но это сорвалось изъ-за покупки «Азовомъ...» почти новаго судна, названнаго «Тоledo»; потомъ былъ исключительный опытъ пребыванія въ Измирскомъ порту; потомъ отложенный отпускъ состоялся – и Салабинъ обзавёлся въ Питерѣ рядомъ новыхъ знакомствъ. А когда вернулся въ Юскюдаръ – подоспѣли шторма.

Однако обо всѣмъ по порядку (только «Тоledo» – въ сторону).

Какъ потомъ призналась дочка, она прилетѣла совѣтоваться съ отцомъ, куда ей поступать за высшимъ образованіемъ; конкретно – поступать ли ей на журналистику?

Отецъ признавалъ за ней способности къ этой профессіи (если можно это назвать профессіей), онъ читалъ ея замѣтки и статейки въ молодёжномъ журнальчикѣ. Но пришлось рассказать Марусѣ, что, оставаясь честнымъ человѣкомъ, въ сегодняшней журналистикѣ легко помереть съ голоду. А всѣ связи отца въ публицистикѣ и нѣкоторыхъ журналахъ не имѣютъ къ темѣ гонораровъ никакого отношенія. И почти невозможно встрѣтить выпускника журфака, который чувствовалъ бы русскій языкъ, зато калѣчить его всѣ горазды. Любой грамотный человѣкъ иной – *нормальной* – профессіи можетъ состояться журналистомъ: ему и карты въ руки, у него за душой настоящій

опыть, настоящая профессія, настоящія знанія. Журналисты же – съ промытыми мозгами... И большинство – съ копчёной совѣстью.

Дочка задумалась и сказала, «ну ладно, ещё годъ на раздумья; а другая моя цѣль – увезти домой немножечко турецкаго загара». У ребёнка было представлєніе, что въ Турціи можно загорать вездѣ. На Босфорѣ, конечно, существовали пляжи, но къ нимъ надо было долго ѣхать автобусами или, побыстрѣе, на такси; поэтому Салабинъ избралъ паромный маршрутъ на Принцевы острова. Это же, доченька, Мраморное море – разъ! Это же морское путешествіе – два! Я тамъ бывалъ уже – три! А пока будніе, рабочіе дни, отецъ по вечерамъ фотографировалъ дочку на фонѣ олеандровъ, на фонѣ дальнихъ кораблей, на фонѣ пасущихся овецъ.

– Смотри, Маруся, это фиговое дерево! Видишь, какіе листья? Ихъ античные скульпторы использовали... ну, ты знаешь. Фиги, то есть ихъ плоды – это на Западѣ фиги, а по-русски и по-турецки – инжиръ, зато по-натовски – Инджирликъ*... (Шучу!) А форма листьевъ фиговыхъ деревьевъ наводитъ на мысль, что безбожный англичанинъ Дарвинъ глубоко ошибался (если не лгалъ!) насчётъ своей теоріи эволюціи, потому что эволюціи глубоко безразлична форма листьевъ...

– Поняла! – воскликнула дочь Салабина. – Потому что это творенія... ну, то есть Божьи...

– Да, цѣлесообразность эволюціи и творческое вдохновеніе – они и рядомъ не стояли.

Въ часы, когда Салабинъ коснѣлъ за компьютеромъ въ офисѣ, Маруся дочитывала взятаго съ собой въ дорогу элегическаго «Дэвида Копперфильда». Вслѣдъ за ней повторно перечёлъ эту книгу отецъ. Вообще этотъ мѣсяцъ общенія съ дочкой остался у Салабина какъ одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ.

Но на Принцевыхъ островахъ они были только однажды. Туда надо ѣздить, оставляя цѣнные вещи дома, а дѣвушкамъ, не говорящимъ по-турецки, вообще нельзя ѣздить безъ мужского эскорта. Изъ-за фотокамеры и телефона отецъ и дочь окунались по очереди – и Марусю, пока она оставалась одна на берегу, сталъ донимать напомаженный, невыносимо благоухающій турокъ. Такъ что Салабинъ съ дочкой и загорали, и купались всего ничего – собрались и вернулись восвояси.

– Мы ѣдемъ въ Июскюдаръ, – говорилъ Салабинъ дочкѣ. – А на самомъ дѣлѣ это древній греческій посѣлокъ Скутари. Мнѣ одна гречанка сказала.

– А что, въ Турціи греки ещё остались? – удивилась Маруся.

– Самая малость. Мнѣ сказала объ этомъ хозяйка греческаго магазинчика на томъ островѣ, гдѣ мы только что были. Тамъ у нихъ и церковь сохранилась.

Салабинъ умолкъ, чтобы не рассказывать, какъ пыхтѣлъ и сверкалъ турокъ, мужъ гречанки, пока Салабинъ, покупавшій греческое вино, худо-бѣдно бесѣдовалъ по-гречески съ его женой.

На послѣдній выходной старый Лобаченко раздобрился и выдѣлилъ имъ съ дочкой автомашину съ шофѣромъ... Сначала они втрѣёмъ пообѣдали салатами и креветками въ Каракѣѣ, побывали въ музеѣ Топ-Капы (Пушечныя Ворота), въ Долма-Бахчѣ и, по отдѣльному желанію Маруси, въ магазинъ-клубъ «Бешикташъ», послѣ чего на «своёмъ», анатолійскомъ берегу, ещё застали немного солнца на пляжѣ въ Бостанджи. Эллинскихъ названій этихъ мѣстъ Салабинъ не зналъ: видно, мало были прославлены. Зато фешенебельный Бодрумъ – на самомъ дѣлѣ Геликарнассъ. А подмосковный Ногинскъ – это Богородскъ. Сегодня почти всё – поддѣлка, какъ построенный турками для туристовъ «троянскій конь» въ ихъ «національномъ паркѣ».

Проводивъ Марусю домой, Салабинъ угодилъ, какъ куръ въ ощицъ, въ кипящую кастрюлю Измира.

Измиръ, то есть эллинско-славянская Смирна.

Предстоящіе рейсы «Бельмопана» не предполагали его появленія въ Мраморномъ морѣ до истечения срока судовыхъ сертификатовъ. Значить, хочешь не хочешь, а придѣтся возобновлять сертификаты вдали отъ привычныхъ береговъ.

Дѣло какъ будто рутинное. Но Салабинъ, отработавшій въ пароконствѣ, ясно понималъ – и лучше, чѣмъ клерки Регистра – какое испытаніе ихъ поджидаетъ: «Бельмопань» въ Измирѣ стоялъ под выгрузкой порошкового груза: полевого шпата наваломъ. Значить, всѣ иллюминаторы будутъ за-

драены какъ въ космосѣ. Только не въ космическомъ холодѣ, а на знойной широтѣ Измира, Афинъ и Палермо.

– Ярославъ, кондиціонеры на «Бельмопанѣ» дѣйствуютъ? – не скрывая тревоги, спросилъ Салабинь.

– Это не ко мнѣ, Геннадій Серафимовичъ, это къ Серёгѣ Волкову! Ну, вы же знаете, какъ это въ жизни: сегодня работаютъ, а завтра не работаютъ, – Гринда звонко ляснулъ ладонью о ладонь и ещё звонче разсмѣялся. – А послѣзавтра – опять работаютъ, чѣртъ побери! Моё дѣло – силовая установка, Геннадій Серафимовичъ. Такъ что насчётъ удобствъ – это къ Серёгѣ!

«Да знаю я! – мысленно отвѣтилъ Салабинь. – Но ты же, братъ, чаще всѣхъ на судахъ объѣдаешь, могъ бы и въ курсѣ быть...»

Всё оказалось точно какъ предвидѣлось: пылящій грузъ, задраенныя каюты, раскалённый «Бельмопань», мокрая отъ пота постель, чугунная голова. Наутро этими головами регистровцы и Салабинь могли чокаться какъ болванками, а ещё надо было ни много ни мало – включить ноутбукъ, безъ ошибокъ заполнить всѣ болванки документовъ, распечатать, подписать, поставить печать Регистра на результаты *внѣшняго аудита* судна.

Оказалось, что двигаться осмысленно и въ положеніи вертикальномъ – это легче, чѣмъ лёжа ворочаться цѣлую адскую ночь.

Люди Регистра, ребята кабинетные, адскаго опыта закалки не имѣли совсѣмъ, но ихъ поднаторевшій разумъ имѣлъ опытъ иной: они поставили передъ Салабинымъ совершенно конкретный вопросъ. И хотя согласно международному кодексу назначенное лицо на берегу (DPA) имѣетъ *неограниченный доступъ къ первому лицу своей компании* по служебнымъ вопросамъ, Салабинь переадресовалъ «вопросъ Регистра» – въ этотъ ранній разсвѣтный часъ – Анатолию Лосеву какъ полномочному представителю Семьи.

Тотъ пристыдилъ Салабина («вы могли имъ сами всё пообѣщать») и попросилъ передать трубку молодымъ людямъ Регистра. Въ теченіе разговора регистровца съ Лосевымъ вопросы на его лицѣ разглаживались, мягчѣли – и въ концѣ концовъ оба регистровца, превозмогши зной и дурноту, почти обрѣли свой повседневный видъ.

Покидая бортъ «Бельмопана», они качались подъ слабымъ утреннимъ дуновеніемъ, какъ... какъ тотъ же Салабинь. А выгрузка продолжалась. Грейферъ крана пылилъ надъ головами – и глаза бы ихъ на него не смотрѣли! Глотнувшій воздуха Салабинь испыталъ внезапное озареніе: у него не двоится въ глазахъ, ихъ – регистровцевъ – на самомъ дѣлѣ двое, и это потому, что дорога – дальняя, они другъ друга подмѣняютъ за рулѣмъ, и – слава семьѣ Лобаченко! – имъ гарантирована компенсация... А мы, люди «Азова...», и такъ, считай, желѣзные!

Другой экстремальный случай съ Салабинымъ произошёлъ въ декабрѣ – по возвращеніи изъ питерскаго отпуска.

Старикъ Лобаченко, сопровождаемый Гриндой, пожелалъ посѣтить своего старого пріятеля – капитана на вновь приобрѣтѣнномъ суднѣ. Салабинь былъ тоже съ ними: чтобы доставить на бортъ грузъ документация МКУБ и въ офисъ привезти для своихъ анналовъ капитанскую расписку въ полученіи. (Съ международной ИМО не забалуешь!). Гринда заказалъ портовый катеръ и они отошли отъ причала въ серединѣ дня, чтобы, по расчётамъ хозяина, успѣть къ накрытому въ каютѣ капитана праздничному столу. Посѣщеніе судна Хозяиномъ – *праздникъ сердца* для капитана, тѣмъ болѣе для стараго товарища.

Однако уже штормило, балловъ эдакъ семь. Ерунда для бывалыхъ мореходовъ, привычная тягота. Турецкій рулевой невозмутимо стоялъ у штурвала. Шли къ мѣсту стоянки судна не долѣе полутора часовъ, но штормъ за это время усилился. Девять балловъ – или восемь, гадать не стали; судно было въ грузу по верхнюю марку, расчётъ былъ на то, что карабкаться долго не придѣтся. Несмотря на волненіе, капитанъ вывѣсилъ парадный трапъ. Съ учётомъ комплекціи старика Лобаченко, особенно передней части, штормътрапъ ему былъ противопоказанъ.

Завидѣвъ медленно приближавшійся катеръ, уже нехудо плясавшій на волнахъ, вахтенный доложилъ капитану – и тотъ подошёлъ къ фальшборту у верхней площадки трапа. Взмахи рукъ, привѣтствія – но тщетны были попытки приблизиться къ ступенямъ заливаемаго понизу, то и дѣло

окунаемого трапа. Рулевой катера невозмутимо и даже отрѣшенно продолжалъ свои манѣвры, катеръ то сближался съ дюралевой лестницей, то удалялся, но мгновений этихъ было недостаточно, чтобы хоть кто-то вскочилъ на ступеньку и ухватился бы за поручень. Казалось, что членовредительство всѣмъ и каждому гарантировано: амплитуда качаний катера была ошеломляющей – и поражала Салабина своей быстротой. Капитанъ и старикъ Лобаченко сохраняли тревожный оптимизмъ, а турокъ рулевой выказывалъ невозмутимое исполненіе распоряженій.

Пляска ихъ суденышка была уже бешеной – и Салабинъ, чѣмъ бы это ни кончилось, испытывалъ восторгъ идиота, цѣликомъ положившись на здравый разумъ начальства. Чуть возгордившись собой со стороны, онъ призналъ, что въ нёмъ-таки что-то есть отъ идиота, но онъ вѣдь столько ждалъ такого! Конечно, и на «Бельмопанъ» попасть ему хотѣлось, но это было не главное.

Однако всё кончилось тѣмъ, что Лобаченко сдался. Капитанъ собственноручно метнулъ линь съ мѣшкомъ на концѣ, куда Салабинъ упаковалъ папку съ тысячей страницъ документовъ, завязалъ мѣшокъ и подаль знакъ на подъёмъ.

Въ каменномъ молчаніи троица пассажировъ съ невозмутимымъ рулевымъ взяла курсъ къ причалу съ оставленнымъ автомобилемъ.

Рулевой получилъ свой бакшишъ.

Но главный результатъ экспедиціи остался никѣмъ не замеченъ: Салабинъ порадовался шторму (пожалуй что девятибалльному, спросить было некого) и тому, что его не укачало, – что онъ, выражаясь языкомъ заклятыхъ англичанъ, is a good sailor*, что онъ готовъ былъ сигануть на ступеньку трапа, если бы рѣшили «взять пароходъ на бордажъ».

Было бы это безразсудствомъ? Неважно. Онъ почуялъ запахъ роковой минуты. Когда втроёмъ садились въ машину, Салабинъ, въ отличіе отъ спутниковъ, былъ полонъ чувства свершенія, хотя къ этому примѣшивался привкусъ украденной побѣды. Какъ съ нами было не разъ на протяжении русской исторіи.

Островъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Салабинъ ещё въ первый годъ стамбульской жизни задумывался, какъ бы ему воспользоваться географической близостью Эллады и бывшей Византіи; онъ пошарилъ въ Сѣти по турецкимъ турагентствамъ, но этотъ путь оказался очень сложенъ: проще было попасть на «турецкую республику Сѣвернаго Кипра», чѣмъ на территорію, гдѣ свободно звучитъ эллинская речь; выборъ маршрутовъ былъ скуденъ, и цѣна сильно превышала разумные запросы. Похоже было на то, что изъ Турціи ѣздили въ Грецію только по дѣламъ приграничной торговли – какъ островитянка Антигони, державшая лавку греческихъ винъ и сыровъ. Но Салабину былъ нуженъ островъ Патмосъ – съ пещерой св. апостола Иоанна Богослова. Официальный сайтъ Патмоса Геннадій изучилъ вдоль и поперѣкъ, познакомился съ разными греческими компаніями по обслуживанію туристовъ, но не находилось такого сайта, чтобы обслужить гостя изъ Константинополя.

Къ тому же хотѣлось посѣтить Патмосъ не въ составѣ группы, а самостоятельно, чтобы чувствовать себя настоящимъ путешественникомъ. Въ концѣ концовъ онъ созвонился съ одной фирмой въ московскомъ Китай-городѣ и началъ разговоры съ милой дѣвушкой Леной – настолько съ ней подружившись, что даже ея фамилію сталъ воспринимать какъ греческую: Πέληχ.

Для турфирмы салабинскій случай, при всѣй его необычности, трудности не представлялъ, даже наоборотъ: кліента ни подвѣрстывать къ какой бы то ни было группѣ не надо, ни стыковать къ расписаніямъ: онъ самъ себѣ режиссёръ и менеджеръ; онъ застрахованъ, если на то пошло. Но ему-то какъ разъ предстояли трудности: анкеты и паспортъ Салабина должны были попасть въ Москву къ Еленѣ, а отъ нея – въ руки греческаго консула, чтобы затѣмъ уже паспортъ съ греческой визой могъ бы – неизвѣстнымъ пока образомъ – оказаться на столѣ у Салабина въ «Азовѣ Интернэшналь». Такъ это рисовалось въ фантазіяхъ у Салабина. Онъ даже наивно думалъ обратиться

* Хорошо переносить качку (англ.), буквально: «хорошій морякъ».

къ младшему Лобаченко, собиравшемуся въ командировку въ Москву... Ясно какъ день, что такое обращеніе ему бы даромъ не сошло.

Однако Лена изъ турфирмы фантазёркой не была. Она предложила Геннадію единственно возможный вариантъ: воспользоваться авіапочтой.

– Вышлете документы цѣннымъ письмомъ и точно такъ же получите паспортъ съ визой. А билетъ потомъ закажете черезъ интернетъ, съ вылетомъ хоть изъ Питера, хоть изъ Москвы.

– Какъ-то неохота довѣрять паспортъ авіапochtѣ.

– Какой вы интересный! А свою жизнь вы самолѣту довѣрите?

– Такъ вѣдь, снявши голову, по паспорту не плачутъ!

– Шутки въ сторону, молодой человекъ! Тамъ у васъ что – видъ на жительство? Даже паспортъ если пропадѣтъ – это не смертельно: восстановите. Вы же тамъ не одинъ! Паспорта и безъ почты теряются...

Этимъ доводомъ всё было рѣшено. Салабинъ перевѣлъ фирмѣ оплату услугъ, отправилъ паспортъ съ бумагами и, успокоенный практицизмомъ Лены Пелихъ, сталъ ждать.

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, сидя въ жаркомъ воздухѣ Пирея на причалѣ – въ ожиданіи своего Blue Star 1 (что, даже греки склонились передъ этимъ англійскимъ?!) – онъ спрашивалъ себя почти съ удивленіемъ: «Зналь ли я ещё восемь лѣтъ назадъ, для чего изучаю греческій? Ну точно не ради оригинальныхъ буквочекъ!...»

...Хотя къ той порѣ ему уже смертельно наскучили буквы англійскія.

Тамъ же, на причалѣ Пирея, Геннадій пожалѣлъ, что сына нѣтъ рядомъ. Онъ звалъ его въ прошломъ году и на Босфоръ (куда виза не нужна), но тотъ отказался: что, моль, тамъ дѣлать?

Конечно, служба и учёба въ вузѣ МВД его цѣликомъ поглощаетъ, но при этомъ куда-то исчезаетъ родственная связь, хотя крѣпкой она и такъ не была. Когда сына навѣщаль въ Калининградѣ, тогда чувствовалось: для Ростислава это событіе, можетъ, – и маленькій праздникъ. По возвращеніи сына съ Кавказа, когда отецъ ещё въ туретчину не собирался, они съѣздили въ Старую Ладугу на машине (её потомъ отецъ оставилъ Ростиславу). Древняя крѣпость и невозмутимый Волховъ Ростикъ понравились, хотя ни слова онъ объ этомъ не сказалъ. Но черезъ годъ или два пришла неожиданная эсмэска: «Ты знаешь, гдѣ я? Въ Старой Ладогѣ!» Значить, не забылъ!

А въ прошлый отпускъ отца Ростикъ устроилъ имъ съ Марусей рыбалку на Карельскомъ перешейкѣ. Теперь же вѣсти отъ него совсѣмъ не поступаютъ. Воспитанія нѣтъ. Ему позвонишь – и слышишь вопросъ: «Чего хотѣлъ?» А въ вопросѣ слышится досада.

Уходя въ армию, на шею крестикъ попросилъ. Съ Кавказа вернулся пустошей – и заявилъ, что «бога нѣтъ». Но надо имѣть хотя бы понятіе – о томъ, чего якобы нѣтъ. То, о чѣмъ говоришь, – уже *потому* есть. Можетъ, ты вернулся цѣлымъ и здоровымъ не потому, что «бога нѣтъ», а потому что за тебя отецъ молился? Только здоровымъ ли вернулся Ростикъ?

Однако приближалось время посадки на автобусъ, доставляющій людей къ парому, а онъ всё не появляется. Табличка надъ головой подтверждаетъ, что это мѣсто посадки въ автобусъ, всё вѣрно. Да и фанатъ-американецъ, держатель сайта о Греціи («How to get to a Greek island»), прямо увѣряетъ: сразу по выходѣ съ вокзала, какъ набережную пересѣкъ – тутъ тебѣ и λεωφορείο. Анъ нѣтъ: пустой причалъ, только красавцы паромы на горизонтѣ – да шеренга ихъ у поперечнаго пирса...

А что за автобусъ справа въ трёхстахъ метрахъ? Салабинъ схватилъ свою тачку-чемоданъ и пустился рысью... За двадцать шаговъ до цѣли онъ видитъ, что дверь плавно закрывается... Подлетѣвъ къ этой двери, онъ открылъ было ротъ для крика, но дверь опять отошла картинно въ сторону – и Салабинъ увидѣлъ гущу лицъ, глядящихъ на него изъ дверей.

– Этотъ леοφορείο хорошъ для Blue Star One? – выпалилъ Салабинъ – и услышалъ краткое «yes».

Автобусъ оказался хорошъ для нѣсколькихъ паромовъ сразу – но почему онъ всталъ не тамъ, гдѣ ждалъ его довѣрчивый Салабинъ?

Зато на борту – и на борту подъ греческимъ флагомъ! – хотя и съ англійскимъ названіемъ, онъ влился въ нѣсколько сотенъ палубныхъ, то есть безкаютныхъ, пассажировъ, облюбоваль себѣ одно изъ пустующихъ кресель и сталъ глазѣть съ восторженно-полоумнымъ видомъ на будущихъ попутчиковъ.

– Э’хетэ парѣа, кіріе? – спросилъ подошедшій мужчина и повѣль рукой на пустуюющія кресла рядомъ съ Салабинымъ.

– Охи, – со всѣмъ радушіемъ возразилъ Салабинъ. – Сасъ паракалó.

Грекъ подаль знакъ подходившимъ женщинамъ, коихъ разговоръ мгновенно оживился. Салабинъ улавливалъ отдѣльныя фразы – и радовался, хоть что-то понимая, но огорчался, когда слышалъ знакомыя и, увы, забытыя слова.

Очень скоро его спросили, откуда онъ.

– А откуда изъ Россіи? Изъ Петербурга? А мы всѣ изъ Агриньо. – А это гдѣ? – спросилъ Салабинъ. – Между Афинами и... Я’ниной – ну, или островомъ Корфу.

Салабинъ похвалился знаніемъ настоящихъ греческихъ названій:

– Я знаю Иоáннину, и Кѣркиру тоже. По фильмамъ.

Агриньонцы достали домашнюю снѣдь и стали подкрѣпляться, угощая Салабина. Онъ похвалилъ пирожки. Женщина среднихъ лѣтъ указала на мужчину, подошедшаго первымъ:

– Его мама дѣлала!

Самъ же Салабинъ, какъ простофилѣ и положено, ничѣмъ не могъ попотчевать своихъ добрыхъ попутчиковъ.

Гладь моря мерцала далеко внизу, машина корабля была совсѣмъ не слышна, они двигались навстрѣчу завтрашнему восходу, удаляясь отъ солнца, садившагося за кормой – и тьма начинала обволакивать громаду воды.

Мимо проплывали порой огоньки острововъ, но первой остановкой былъ Сіросъ – заповѣдникъ ночныхъ развлеченій молодѣжи. Молодая часть компаніи тамъ и вышла, было около трѣхъ ночи. Остальные агриньонцы шли до Хиоса, это за Патмосомъ. Ночь приглушила разговоры, усыпила любопытство – и когда Салабинъ прощался передъ сходомъ на берегъ, ему улыбались и говорили «настѣ калá».

Въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ на островѣ неясныя тѣни вздымали плакаты отелей и пансіоновъ; Салабинъ назвалъ себя человѣку, державшему знакомое названіе пріюта, а тотъ назвалъ въ отвѣтъ и пожалъ ему руку, послѣ чего окликнулъ стоявшую поодаль жену и они проводили Салабина къ запаркованной машинѣ.

* * *

Прибытіе парома нарушило сонъ сразу нѣсколькимъ десяткамъ островитянъ, вышедшимъ навстрѣчу, но таковъ ихъ экономической интересъ. А ужъ намъ, прибывшимъ, самъ Богъ велить не спать: мы-то вѣдь путешествуемъ!

Салабинъ получилъ ключъ отъ номера на второмъ этаже и краткій инструктажъ насчетъ кухни и самообслуживанія, принялъ душъ и брякнулся на бѣлоснѣжную постель, коихъ въ номерѣ было двѣ. Сонъ не торопился принять его къ себѣ – или всё же это былъ сонъ, сотканный изъ афинскихъ, морскихъ, теле- и журнальныхъ впечатлѣній, куда встрѣвали мифы, горгоны, медузы, реформы Перикла, спартанскіе нравы и пресловутый долгъ эллинской республики Евросоюзу. Далѣ случилось расщепленіе сознания: Салабинъ спорилъ съ редакторомъ Вельзевуломъ, отказавшимся печатать статью подъ заглавіемъ «Почему Западъ разрушаетъ Грецію», потому что написалъ её никому не извѣстный Салабинъ, но Геннадій четко помнить, что уже читалъ её на греческомъ сайтѣ. Значить, споръ идѣтъ о ея содержаніи – о чѣмъ же ещё? Вельзевулъ отказывается разговаривать и обращается въ спящаго на скамьѣ афинскаго бездомнаго – тотъ растянулся вдоль улицы Адриану. А Салабинъ уже стоитъ передъ запертымъ Эллинскимъ Национальнымъ Центромъ Книги – ЕКЕВІ – стеклянныя двери котораго забраны металлической решѣткой, хотя люди внутри спуютъ. Но противорѣчія здѣсь нѣтъ, всё правильно: кивѣрниси* приняло рѣшеніе сей центръ закрыть въ благородныхъ цѣляхъ

* Правительство.

экономіи. Въ этотъ мигъ у дверей оказался разносчикъ мороженаго съ напитками, онъ способенъ проходить сквозь запертыя двери, и Салабинъ проникаетъ вслѣдъ за нимъ. На стѣнахъ читаются программные плакаты о переводахъ эллинскихъ писателей на англійскій языкъ – и наоборотъ. «Я иностранецъ, – важно объявляетъ очевидное Салабинъ, – у меня предложеніе отъ питерской лавки писателей...». Но лица передъ нимъ расплываются безъ тѣни улыбки на нихъ. Салабинъ выходитъ на улицу – прямо въ садикъ передъ той гостиницей, гдѣ лежатъ его вещи, а садикъ граничитъ съ крохотнымъ котлованомъ археологовъ, со дна котораго торчатъ нѣсколько античныхъ колоннъ. «Прикоснись! Прикоснись!...», – шепчетъ русскій туристъ своей дѣвушкѣ – Салабинъ слышалъ это на Акрополѣ, среди отполированныхъ подошвами камней. Значитъ, онъ ещё въ Афинахъ. Изъ окна его номера виднѣнъ Акрополь – та его сторона, въ скалистомъ основаніи которой зіяетъ чѣрная дыра пещеры, а чуть въ сторонѣ и выше, на углу Акрополя, всегда толпятся люди. Салабинъ радостно удивляется своей догадкѣ, что тамъ онъ былъ не ради Акрополя, а чтобы съ Акрополя увидѣть Афины, – и съ этою догадкой просыпается. Отчего мнѣ радостно? – думаетъ онъ.

Онъ на Патмосѣ, онъ на островѣ. Сюда былъ сосланъ апостоль Иоаннъ Богословъ и здѣсь онъ записалъ «Апокалипсисъ», а потомъ императоръ выстроилъ на вершинѣ острова громадную крепость – монастырь Иоанна. Только вряд ли тамъ ступала нога апостола... Его келья была внизу, въ пещерѣ, которую надо ещё отыскать на картѣ.

А что за день сегодня? Пятница. Параскеві. За первые два дня надо... прикоснуться къ грекамъ. Къ сегодняшнимъ. Поговорить, или попытаться, съ Михалисомъ. На Патмосѣ это имя не рѣдкость. Это вообще на островахъ особенность: повторяемость фамилій и нѣкоторыхъ имёнъ, стоитъ только кликнуть каталоги пансионовъ и гостиницъ.

Прикоснуться къ грекамъ... Какъ когда-то онъ прикасался – къ литовцамъ.

Только бы не сглазить.

* * *

Очертанія Патмоса причудливы, словно онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ высокихъ острововъ, соединѣнныхъ внизу перешейками. Каждый такой «островъ» испещрѣнъ зелѣными пятнышками – эта бѣдная трава къ июлю пожелтѣетъ. Островитяне перемищаются на мотороллерахъ, на автомобиляхъ или на автобусахъ національной компаниі КТЕЛ. Особенно восхищаются матери семействъ: она управляетъ мотороллеромъ, у неё между коленъ трое дошколятъ, а дѣвочка постарше сидитъ у ней за спиной. Случай уже не единичный.

Салабинъ спустился по крутой лестницѣ и выходитъ къ набережной, минуетъ точку «Услуги: Душъ, Интернетъ» (для яхтсменовъ), идѣтъ мимо кладбища и двухъ продовольственныхъ магазиновъ къ длинной полосѣ прибрежныхъ кафе и тавернъ, которые завершаются морскимъ причаломъ (тамъ его и подобрали Михалисъ съ женой) и полицейскимъ участкомъ.

На Патмосѣ – ни рѣки, ни ручейка. Воду доставляютъ морскимъ путѣмъ, а зимой собираютъ дождевую – в резервуары на крышахъ. Землю для огородовъ тоже собираютъ – и потомъ защищаютъ отъ жестокихъ ливней каменной кладкой пристѣнокъ.

Михалисъ по основной профессіи строитель. У него дочь врачомъ въ Афинахъ, а сынъ – школьникомъ здѣсь на островѣ. Пансионъ Михалиса почти пустъ: какая-то семья внизу и одинъ Салабинъ наверху. О сосѣдяхъ Геннадій догадался по громкому хлопанью дверей рано утромъ, поздно вечеромъ и по дѣтскимъ голосамъ – какъ будто на нѣмецкомъ языкѣ.

Вечеромъ интересно смотрѣтъ съ балкона на густѣющія сумерки, на изрѣзанную почернѣлыми вершинами горъ полосу жѣлто-розоваго, быстро темнѣющаго неба, и на бѣгущіе безъ усталости вдоль высокой автодороги жѣлтые, бѣлые, красные огоньки.

А надо всѣмъ этимъ – недвижная громада, вершина и твердыня: Іера Моні Агіу Іоанну Теологу, тѣмный на протяженіи дня и сіяющій ночьюю.

* * *

Салабинъ привѣзъ хозяевамъ пансіона скромные подарки: альбомъ цвѣтныхъ фотографій Петрограда и бутылку хорошей водки – да съ ними всё никакъ не повстрѣчатся. Только къ вечеру пят-

ницы показался Михались съ коробомъ бѣлья и сталь его уютжить на кухнѣ. Вѣроятно, не хочеть грѣть воздухъ у себя въ домѣ.

Альбомъ онъ бережно ладонью погладилъ, а водку приподнялъ и бодро сказалъ:

– Оа та пѹмэ, э*? – что примѣрно означало «обсудимъ», или по-русски – «приговоримъ». Но бутылку отставилъ и тутъ же забылъ о ней, принявшись за простыни и скатерти. Вскорѣ Салабинъ понялъ, что пансіономъ занимаются только кѹrios και κυρία**, безъ наёмнаго персонала. Жена Михалиса мыла полы въ номерахъ, а онъ теперь гладитъ бѣлье и прихватываетъ другія дѣла, помимо дѣла на стройкѣ.

«Клевещуть нѣмцы и голландцы, будто греки заняты только пѣснями и любовью, а сѣверъ Европы на нихъ работаетъ!» А толкомъ не поговорили съ Михалисомъ. Правда, выяснилъ Геннадій, что служатъ въ пещерѣ Апостола съ восьми утра.

Зато поговорили во второй половинѣ дня въ воскресенье; Салабинъ спеціально припасъ бутылку добраго ўзо и, по собственному разумѣнію, сыра, овощей и оливокъ. Оказалось, что Михались родился въ Австраліи, но по окончаніи школы онъ съ родителями вернулся домой, «чтобъ не сдѣлаться австралійцемъ». «Потому что Эллада – это Эллада!». Салабинъ въ этомъ горячо его поддержаль. Михались сказалъ, что женѣ его понравилась виды Петербурга, а Салабинъ торжественно заявилъ, что его домъ къ услугамъ четы Яннарисовъ, какъ только они надумаютъ посѣтить берега Невы. Однако Михались не скрылъ своего скепсиса насчётъ такой возможности.

Въ остальные дни Салабинъ людямъ занятымъ не досаждалъ. Онъ позволилъ себѣ посѣтить двѣ-три таверны въ разныхъ частяхъ острова, побываль на нѣсколькихъ пляжахъ, совершая къ нимъ немалые маршъ-броски, и одолѣлъ нелѣгкий по жарѣ подъѣмъ на вершину острова – къ его столицѣ Хорѣ, прижавшейся бѣлыми домиками почти къ стѣнамъ монастыря. Хора – это страна, это мѣстность, это и столица почти каждаго греческаго острова; эта столица привѣтила его бодрымъ кукареканьемъ пѣтуховъ.

Но главнымъ событіемъ должно было стать посѣщеніе обители Іоанна Богослова – пещеры ссыльнаго апостола. Такимъ оно и стало.

Въ семь утра Салабинъ поднялся и послѣ краткой молитвы отправился въ путь. Предстояло пройти не болѣе четырёхъ километровъ, слѣдуя указаніямъ дорожныхъ стрѣлокъ, сдѣланныхъ по большей части отъ руки. И тутъ искуситель вынудилъ его ошибиться: на одномъ изъ поворотовъ Геннадій не замѣтилъ стрѣлку и полетѣлъ далѣе впередъ. Пролетѣвъ по ложной дорогѣ съ километръ, онъ заподозрилъ неладное и вернулся къ послѣднему замѣченному знаку; оттуда понадобилось подняться влѣво по мощёной булыжникомъ дорогѣ, что вывела на узкую тропу, идущую по каменному гребню черезъ рошу... Здѣсь табличка сообщила, что до пещеры Апокалипсиса осталось совсѣмъ ничего.

«Апокаліпсисъ – это Откровеніе», – пояснилъ Салабинъ, какъ если бы съ нимъ рядомъ находилась спутникъ, нуждавшійся въ такомъ объясненіи (хорошо бы сынъ и дочка!).

Выйдя на открытую площадку, онъ увидѣлъ невзрачный павильонъ о двухъ окошкахъ по фасаду – притомъ разной величины и на разныхъ уровняхъ отъ земли.

«Ну, это не пещера! – сообразилъ Салабинъ, – развѣ что входъ въ контору...»

Тутъ же онъ замѣтилъ каменные ступени, идущія внизъ, и началъ по нимъ спускаться. Нѣсколько шаговъ – и снизу послышалось ангельское пѣніе. «Опоздалъ!» – обожгла его мысль.

Въ покаянномъ состояніи духа онъ преодолѣлъ послѣднія ступени и осторожно заглянулъ въ пріотворѣнную дверь, за которой всё уже стихло...

Каково же было его удивленіе, когда онъ обнаружилъ только священника, возжигавшаго свѣчи и выставлявшаго крестики и медальоны на подвѣскахъ. Салабинъ подошѣлъ подъ благословеніе, а потомъ приобрѣлъ медальонъ съ образомъ Апостола. Далѣе, пока храмъ-пещера наполнялась людьми, онъ читаль поясняющіе тексты (всѣ на греческом!), а затѣмъ пришлось позаботиться о выборѣ пространства, куда бы стать.

Было ещё одно удивленіе. Чуть впереди Салабина молился сѣдобородый человекъ ни дать ни взять самаго русскаго вида. Онъ очень походилъ на церковнаго историка Николая Кузьмича, съ которымъ былъ знакомъ Салабинъ, – хоть и не близко.

* Пишемъ русскими буквами, потому что въ греческомъ письмѣ вопросительнымъ знакомъ служить;

** Господинъ и госпожа. (греч.)

Мѣшать молящемуся не сталъ. Но когда появились около десятка молодыхъ людей – дѣвушки въ длинныхъ юбкахъ и двое-трое юношей – Салабинъ уже не сомнѣвался: они съ Николаемъ Кузьмичомъ.

Преждѣ чѣмъ началась литургія, они признали другъ друга безъ удивленія и облобызались. «Мы отбываемъ сегодня», – предвосхищая вопросы, сказалъ Николай Кузьмичъ. – А у меня ещё три дня, – отвѣтилъ Салабинъ. Онъ ничѣмъ не собирался заполнять эти дни. Не будучи ни учёнымъ историкомъ, ни богословомъ, онъ не ставилъ себѣ цѣли непременно побывать въ монастырѣ...

Когда присутствующіе въ пещерномъ храмѣ стали выстраиваться къ чашѣ эвхаристіи, Николай Кузьмичъ отвѣтилъ на нѣмой вопросъ Геннадія: да, паломниковъ здѣсь причащаютъ безъ исповѣди. (Во вниманіе къ дальней дорогѣ и покаяннымъ въ ходѣ нея размышленіямъ, – сказалъ себѣ Салабинъ, желая вдругъ всё объяснить.)

И это ли не главное событіе года, десятилѣтія и всѣй удивительной жизни твоей – причаститься Христовыхъ Тайнъ въ кельѣ Иоанна Богослова!

* * *

Послѣ Греціи у Салабина оставалась почти цѣлая недѣля отпуска – полные пять дней. Они принадлежали Петрограду. Дочка поступала въ институтъ и встрѣтитъ папу не общала, поэтому Салабинъ въ день прилёта чувствовалъ себя одиноко и свободно.

Маруся рѣшила поступать въ одну изъ постсоветскихъ «академій», обучающихъ молодѣжь сложной комбинаціи «народнаго хозяйства, права и управления», такъ что было непросто догадаться, кѣмъ она оттуда выйдетъ. У непростыхъ родителей дѣти станутъ госчиновниками, бюрократами, депутатами – но кѣмъ станетъ его дочь?

А отцу – платить за это непонятное «образование» цѣлыхъ пять лѣтъ. Не то чтобы жалко денегъ; жалко обманутыхъ студентовъ, которыхъ обучаютъ растерянные либо циничные преподаватели. Есть, правда, этакая безстыжая истина: дѣвушкѣ важна не компетенція, а документъ и счастье въ жизни.

* * *

Всѣ же они повстрѣчались – отецъ и сынъ. Въ ближайшей выходной Ростиславъ повѣзъ отца и сестру на озеро Пионерское – на старомъ отцовскомъ Ижѣ-2126, которымъ пользовался по довѣренности.

О себѣ рассказалъ, что служба тяжѣлая, онъ какъ замѣститель командира взвода ВВО (внѣвѣдомственной охраны) отвѣчаетъ за укомплектованность дежурныхъ смѣнъ, а народъ научился «косить» отъ исполненія обязанностей подъ любымъ благовиднымъ предлогомъ. Просто пластаешься передъ ними – то грозишь, то упрощаешь. Платять уже не такъ, какъ было при Ельцинѣ, но «косить» народъ не разучился.

– А какъ было при Ельцинѣ? – спросилъ Салабинъ.

– А то ты не знаешь! Разстрельщикамъ – отъ пуза, а остальным...

– А остальные – обуза! – срифмовалъ Салабинъ, вызвавъ усмѣшку у сына.

На рыбалкѣ они набрали ведро краснопѣрой мелочи (ловиль-то одинъ Ростиславъ, отецъ и сестрѣнка смотрѣли), сварили на кострѣ ухи и заночевали въ палаткѣ. Въ слѣдующій выходной Ростислава отецъ предложилъ поѣздку въ Старую Ладугу, на Волховъ: помнишь, сынъ, какая тамъ въ крѣпости сирень цвѣла?

– А въ ноябрѣ какая сирень?

– Но рыба тамъ всё-таки есть!

Однако Ростикъ не проявилъ готовности къ такой поѣздкѣ.

«Надо будетъ парня расколоть, не влюблѣнъ ли онъ, – сказалъ себѣ Салабинъ. – Да и Маруся не очень мнѣ понятна...» Но эти подозрѣнія сами собой оставили его, не питаемая больше новыми впечатлѣніями. Маруся ходила въ школу, гуляла съ подружками, порой и Салабинъ видѣлъ её съ ними, и дочка потомъ сообщала «по секрету», кому изъ подружекъ онъ «понравился». А видѣться съ Ростиславомъ больше не довелось, тяжѣлая служба не оставляла парню просвѣта: то «усиленіе» въ

связи съ прибытіемъ президента, то въ связи съ террористической угрозой. Зато однажды сынъ позвонилъ и доложилъ ему съ дѣтской похвальбой, что стоялъ на мосту въ дозорѣ, а подь нимъ проходилъ президентскій катеръ съ американцами – и Ростикъ прямо подь собой видѣлъ президентскую лысину.

- Прикинь, а, папъ?..
- И что онъ тебѣ сказалъ?
- Такъ онъ же меня не видѣлъ! Только я его...
- Ну хорошо, молодець, ты выполнилъ служебный долгъ.

А слѣдующая мысль тревогой закралась къ нему въ душу: всегда ли служебный долгъ совпадаетъ съ долгомъ защитника Отечества? Понятно, что не всегда... Но не лучше ли додумать завтра, когда буду въ клубѣ «Русской мысли»?

Передь входомъ въ зданіе проектного института на Аэродромной, домъ 4 бесѣдовала группа представительныхъ мужчинъ средняго возраста и съ ними женщина. Знакомыхъ среди нихъ Салабинъ не увидѣлъ – и вошелъ въ вестибюль. Конечно, на разставленныхъ столахъ были разложены брошюры и книги, продаваемыя ихъ авторами почти безъ нацѣнки. Патриотическія изданія не признавались фирменной книготорговлей въ качествѣ товара и къ реализаціи не принимались.

«А ты ждалъ перемѣнъ къ лучшему, Геннадій? – упрекнулъ себя Салабинъ. – Онѣ берутся только съ бою!»

Онъ прошелъ въ актовъй залъ, увидѣлъ его хорошую заполненность, поискалъ глазами знакомыхъ, никого не нашелъ и вышелъ къ торгующимъ книгами. Увидѣлъ нѣсколько названій, уже имѣвшихъ въ его библиотекѣ – «Анатомію измѣны» Виктора Кобылина, «Русскую симфонію» митрополита Іоанна – но были и новинки: «Близъ есть, при дверехъ...» С.А. Нилуса, учебникъ церковнославянскаго языка, брошюры К.П. Победоносцева и св. Іоанна Кронштадтскаго... Беря въ руки ту или иную книгу, Салабинъ не обращалъ вниманія на стоящаго чуть поодаль челоуѣка, который за нимъ наблюдалъ.

Онъ вообще не смотрѣлъ туда, гдѣ предлагали свой товаръ авторы *альтернативной исторіи*, политической фантастики и новыхъ взглядовъ на происхождение Вселенной. Но челоуѣкъ, наблюдавшій за Салабинымъ, къ тому участку базара тоже не имѣлъ отношенія: онъ просто оказался въ той точкѣ, откуда было удобно видѣть и обложку листаемой Салабинымъ книги, и его лицо.

– Обратите вниманіе вотъ на эту... – сказалъ этотъ челоуѣкъ, стоя уже рядомъ съ Салабинымъ, и Геннадій обернулся.

Челоуѣкъ съ профессорской бородкой и усами, темноволосый, въ залысинахъ, чуть постарше Салабина, показывалъ ему книгу въ мягкой блѣдной обложкѣ, такъ что Салабинъ, преждѣ чѣмъ увидѣть ея названіе, прочелъ внизу на тѣмно-синемъ тлѣ серійное имя: «Русскія думы».

– Вы авторъ? – спросилъ Салабинъ, но приглядѣвшись, прочелъ и титуль: «Нація и имперія въ русской мысли начала XX вѣка».

– Это сборникъ нашихъ выдающихся умовъ, – отвѣтилъ незнакомецъ, и умолкъ, продолжая держать эту книгу.

Салабинъ улыбнулся и взялъ её. Изъ набора авторскихъ имёнъ онъ зналъ только Розанова, Михаила Меньшикова и П.Б. Струве, но аннотація обѣщала много новаго. Книгу онъ эту купилъ. И они вдвоёмъ съ неизвѣстнымъ господином (товарищем?) отправились въ залъ: звучалъ уже второй звонокъ. Сѣсть имъ удалось рядомъ, хотя Салабинъ такой цѣли не преслѣдовалъ. Онъ искоса присматривался къ незнакомцу: «Чѣмъ это я привлѣкъ его вниманіе?» Окинувъ взоромъ залъ, онъ не скрылъ своихъ сомнѣній:

- Кого здѣсь только нѣтъ! Всѣ, кому не лень!
- Это, съ одной стороны, хорошо, – отозвался сосѣдъ. – Но съ другой стороны, это плохо... Входи кто хочеть, будь ты хоть трижды американцемъ изъ...
- ...изъ ФСБ! – бодро вставилъ Салабинъ, а сосѣдъ внимательнѣе присмотрѣлся къ нему:
- Примѣрно это, конечно, я имѣлъ въ виду.

Покопавшись въ нагрудномъ карманѣ пиджака, онъ хмыкнулъ:

– Опять я визитныя карточки забылъ... Дмитрий Михайловичъ Красовъ, преподавалъ въ разныхъ вузахъ, философъ по образованію.

Салабинъ пожалъ протянутую руку:

– Салабинъ, Геннадій Серафимовичъ, морскія перевозки. Впервые здѣсь у васъ.

– Да я здѣсь тоже – не такъ чтобы свой, – покачалъ головою Красовъ. – Но надежда умираетъ послѣдней...

Тутъ за столомъ президіума стали провѣрять микрофонъ, въ динамикахъ прозвучали начальныя слова ведущаго – и на Красова съ Салабинымъ зашикали.

Ведущій, невысокаго роста худощавый сѣдой мужчина, изъ-за бѣлой шевелюры казавшійся краснолицымъ, былъ знакомъ Салабину по недавно вышедшему видеофильму «Россія съ ножомъ въ спинѣ», а рядомъ съ нимъ возвышался великанъ съ пегой «православной» бородой – одинъ изъ авторовъ фильма, главный редакторъ «Руси Православной». Его Салабинъ тоже узналъ, будучи подписчикомъ его электронной разсылки.

– А главъредъ «Русской линіи» бываетъ здѣсь? – спросилъ онъ шѣпотомъ Красова.

– Такого не знаю, – шепнулъ ему тотъ.

Ведущій, профессоръ-юристъ, объявилъ, что обѣщанный ранѣе докладчикъ изъ Москвы, патриотическій депутатъ Госдумы, не пріѣхалъ по независящимъ отъ него причинамъ, зато гость, запланированный на слѣдующій мѣсяць, бывший замѣститель предсѣдателя Госдумы и ректоръ московскаго вуза, твѣрдо намѣренъ быть.

По залу пробѣжала звуковая рябь недовольства.

– Это что, походъ въ театръ на любимаго артиста? – подумалъ объ этомъ недовольствѣ Салабинъ.

Профессоръ коснулся ряда послѣднихъ новостей и сталъ говорить о родимыхъ пятнахъ главнаго тренера россійской федераціи дзюдо и постразвитія, который, какъ истый сибаритъ, является на службу лишь къ обѣду – утомлѣнный вчерашними утѣхами со свѣтскими львицами... И подписываютъ готовыя бумаги, подсунутыя совѣтниками института Гайдара-Чубайса-Бурбулиса.

Это было только присказкой. Послѣ профессора внушительный редакторъ «Руси Православной» рассказалъ объ исторіи созданія фильма, который будетъ сейчасъ показанъ «участникамъ клуба».

Салабинъ обернулся къ Красову и съ удручѣннымъ вздохомъ спросилъ:

– Какъ по-вашему, Дмитрій Михалычъ, тайну беззаконія возможно одолѣть «круглыми столами» и митингами?

– Но вѣдь сначала надо собрать массу... – пробормоталъ, задумавшись, Красовъ.

– Давно уже собираютъ, слишкомъ давно... – прошепталъ Салабинъ. – Сколько за годъ соберутъ, столько за годъ и теряютъ!..

– Динамическое равновѣсіе! – подтвердилъ философъ и съ утроеннымъ вниманіемъ воззрился на Салабина.

Они уже съ трудомъ терпѣли собесѣдованіе зала и соведущихъ, потому что вопросы стали разбѣгаться во всѣ стороны: отъ «почему провалился ГКЧП?» до «какъ можно поступить къ вамъ въ аспирантуру?».

Предсѣдатель, какъ бы въ отвѣтъ на мысли Салабина, сказалъ, что перерыва не будетъ: заль оплаченъ за три часа подрядъ и тратить дорогое время на перекуръ – недопустимое расточительство. Послѣ этихъ словъ нѣсколько человекъ въ разныхъ концахъ зала встали и направились къ выходу.

Философъ вопросительно посмотрѣлъ на Салабина, но тотъ неопредѣленно пожалъ плечами. Всѣ-таки встать на виду всего благочестиваго собранія ему казалось вызывающимъ поступкомъ. Но и смотрѣть уже видѣнный фильмъ не хотѣлось.

– А вы фильмъ этотъ видѣли? – спросилъ онъ Красова.

– Нѣтъ.

– Давайте тогда останемся. Потомъ обсудимъ.

Оба ведущіе сегодняшняго собранія были на экранѣ въ числѣ запечатлѣнныхъ ораторовъ. Особо искренно и гнѣвно выступалъ профессоръ-юристъ, бичуя этнической, грабительской и вызывающе циничный характеръ «приватизаціи».

– Какъ ещё спецслужбы этотъ фильмъ не изымаютъ? – изумился Красовъ.

– Я самъ не пойму. Но профессоръ, между прочимъ, – полковникъ советскаго КГБ. Видно, ещё переходный періодъ не закончился.

– А вы знакомы съ нимъ? – спросилъ Красовъ.

– Нѣтъ. Но читаль въ интернетѣ.

Красовъ хотѣль признаться, что не дружень с интернетомъ и съ компьютеромъ, но тутъ снова на нихъ зашикали – и они замолкли до самага окончанія оплаченного времени.

Отъ метро «Пионерской» они доехали до Невскаго и, вмѣсто того чтобы разѣхаться, поднялись на поверхность и стали «бесѣдовать вдоль канала Грибоѣдова». Согласились, что просмотрѣнный фильмъ преподнести вещи уже извѣстныя – только въ обобщѣнно-концентрированномъ видѣ. И тогда это, подкреплѣнное цифрами (многими уже забытыми), глубоко впечатляетъ, но...

– Но пока громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится! – напомнилъ Красовъ старую пословицу, а Салабинъ подумаль, что пословица, конечно, не о религіозности мужика, а о человѣческой безопасности и, вѣроятно, трусости.

Вскорѣ оба «перешли на личности», рассказывая о себѣ.

– Мнѣ жизнь давала поводы задуматься о философіи, – говорилъ Салабинъ, – но я постепенно сталъ думать о ней какъ объ исторіи человѣческихъ заблужденій. Вы согласитесь?

– И да, и нѣтъ... Давайте посмотримъ на исторію вообще! Если мы увидимъ, что общая исторія складывается изъ отдѣльныхъ исторій, тогда исторія философіи тоже получить своё законное мѣсто. Смотрите-ка: есть исторія племѣнь и народовъ, исторія экономическихъ укладовъ, исторія техники, естествознанія, геологическая исторія... И вотъ вамъ исторія философіи, естественно... Пусть она даже исторія мысленныхъ блужданій, но это исторія логики, математики, да и мыслей человѣка о самомъ себѣ...

– Если такъ – то ладно, – улыбнулся Салабинъ, – пусть она и дальше существуетъ, философія...

Красовъ коротко разсмѣялся.

– И вашъ сарказмъ умѣстенъ, – добавилъ Салабинъ, – я его понимаю. Но когда я слышу отъ философовъ о всякихъ тамъ дискурсахъ, конструктахъ и деконструкціи, то просто уши вянуть... Вотъ пріѣзжалъ къ намъ въ Питеръ Жакъ Деррида, нынѣ покойный, и сыпаль намъ на голову свои конструкты – весь либеральный Питербурхъ сыпанулъ на Университетскую набережную, чтобы умильно лицезрѣть, пуская слюни...

– Ну, современные профессора, въ большинствѣ, заняты словесной игрой: игра смыслами, допущеніями... Притомъ не безобидная, совѣмъ не безобидная игра. Недаромъ Деррида къ намъ пріѣзжалъ въ особенный моментъ исторіи. Но, къ счастью, онъ никого изъ нашихъ мужиковъ не заразилъ – а либералы пусть какъ хотятъ, не жалко... Въ извѣстномъ смыслѣ – да, это конецъ философіи, наподобіе того конца исторіи, о которомъ протрубилъ изъ Америки японецъ Фукуяма: кончилась холдная война – и съ нею кончилась Исторія! Анъ не не тутъ-то было!

– Зацикленность учёнаго ума! – замѣтилъ Салабинъ. – Вообще постмодернь головного мозга – это конецъ всего: конецъ литературы, конецъ національнаго государства, конецъ культуры, семьи, много чего... Но мы поборемся!

– А этотъ жаргонъ съ дискурсами, нарративами, конструктами и концептами съ трендами, – Красовъ брезгливо, будто сплёвывая, роняль эти слова на старинные каменные плиты набережной, – это просто накипь на губахъ у бездарей. Вѣдь въ каждомъ вузѣ – кафедра философіи. На каждую кафедру не напасёшься батищевыхъ или хайдеггеровъ.

– А кто такой Батищевъ?

Красовъ остановился и, прежде чѣмъ отвѣтить, сосредоточился, какъ въ аудиторіи передъ студентами, а лицо его стало строже и какъ-то даже красивѣе.

– Генрихъ Степановичъ Батищевъ – выдающійся мыслитель двадцатаго вѣка. Хотя онъ жилъ въ Москвѣ, а я въ Питерѣ, но я къ нему ѣздилъ хотя бы разъ в годъ... Плюсъ были встрѣчи на конференціяхъ. Если будетъ у васъ желаніе, мы какъ-нибудь поговоримъ...

– Съ удовольствіемъ! – скорѣе машинально, чемъ искренне, отвѣтилъ Салабинъ и далъ себѣ наказъ посмотрѣть это имя въ Википедіи.

Они обмѣнялись телефонами и договорились держать связь, хотя Салабинъ такъ и не успѣлъ признаться, что онъ здѣсь въ отпускѣ, конецъ котораго – не за горами.

До отъѣзда Салабинъ ещё однажды видѣлся съ Красовымъ. Дмитрій Михайловичъ понравилъся ему своимъ дружелюбіемъ, что совѣмъ не исключало его горячности и даже страстности въ

отношении обсуждаемых имён и явлений. Понравился ему и Генрих Степанович Батищев, о котором он прочёл в Википедии.

Но Салабинь схитрил, когда видёлся с Красовым: ни словом не обмолвился, что сам когда-то чуть не угодил в философы и даже сдавал кандидатские экзамены в аспирантуру, зато теперь он мог задавать самые наивные вопросы, несколько не краснѣя.

Мнѣние о философии как о кладезѣ человеческих заблуждений Красов не поддержалъ. Такимъ кладеземъ она можетъ выглядѣть лишь какъ учебная дисциплина – и то не для всякаго студента. Тогда что такое философия?

Красовъ подѣлился своимъ открытіемъ, сдѣланнымъ вь юности, когда читалъ Ивана Киреевскаго и подивился ясности его мысли: философия не даётъ основного отношенія къ міру (этимъ занимается религія). Задача философии – провести это основное отношеніе къ міру черезъ всю систему человеческой культуры. Философия – какъ стражъ тѣхъ различій, что существуютъ между всѣми культурными проявлениями; и она же предостерегаетъ отъ аномалій разума: фанатизма, буквализма, слѣпотоу морализма (системъ запретовъ-«табу», какъ вь Талмудѣ, напримѣрь), стерильнаго эстетизма, теоретизма, вербализма (беспредметной игры словами) и проч.

Специализацией Красова была гносеология, теорія познания, и онъ ясно видѣлъ религіозную подоснову философскихъ ученій – отъ лютеранъ Лейбница, Фихте, Шеллинга и Гегеля до Канта, котораго безъ религіозной подосновы тоже не понять.

– Любопытно и, думаю, неслучайно, что эти лютеране – всѣ какъ одинъ, условно говоря, антисемиты (самъ Лютеръ іудеевъ просто ненавидѣлъ какъ сатанистовъ), – глаза у Красова сверкнули вдохновеніемъ, – а послѣ Гегеля вышли на свѣтъ младогегельянцы лѣваго толка – и всѣ какъ одинъ евреи. Это уже новая волна нѣмецкой философии. Естественно, имъ это прямо предписывалось: овладѣть философией – не какъ знаніемъ, но какъ отраслью человеческой дѣятельности. Ничего удивительнаго: то же самое было и сь Церковью, сь христианствомъ. Какъ только христианство стало признанной религіей имперіи, оно тутъ же подверглось нашествію крестившихся іудеевъ, стремившихся его осѣдлатъ – чтобы со временемъ возглавить.

– Ну да, одинъ Игнатій Лойола чего стоитъ! – подхватилъ Салабинь.

– Вь томъ-то и дѣло! И тогда совѣсть, которую кантіанцы-нѣмцы считали внутренней данностью разума...

– Души! – возразилъ Салабинь.

– Это вь Церкви, – пояснилъ Красовъ. – А философы-лютеране уже полагались на разумъ. Такъ вотъ, инквизиція іудеевъ замѣнила совѣсть бумажками объ отпущеніи грѣховъ – это вь католицизмѣ. А дальше – уже и кресту стали строить конкуренцію: звѣздами... Вѣдь только Вифлеемская звѣзда – христианская, она – восьмиконечная. Остальныя – изъ Ветхаго Завѣта: шестиконечная звѣзда Давида, пятиконечная звѣзда Моисея (руки, ноги, голова – полный гуманизмъ)... А когда іудеи вырѣзали пятьсотъ тысячъ христианъ, то звѣзда Моисея получила красный цвѣтъ и стала знакомъ іудейской мести. Потомъ уже Троцкій сдѣлалъ красную звѣзду эмблемой Красной Арміи. А до Троцкаго звѣзды у военныхъ были металлическаго цвѣта.

– Я, кстати, удивлялся, почему и вь русской арміи звѣзды были пятиконечныя, – сказала Салабинь. – Ещѣ сь Николая Перваго, по-моему.

– Онъ, видно, не придавалъ значенія. Зато совѣтники – тѣ постарались...

– Одно къ одному: и ружья наши вь Крымскую войну были гладкоствольныя, и звѣзды на эполетяхъ – пятиконечныя... Только русской штыкъ – молодцом! Боялись его.

– Да, но мы отвлеклись, это я виноватъ, – спохватился Красовъ. – Что такое Библия? Это тоже хитрость іудейская: держать подъ одной обложкой противоположныя вещи – Ветхій и Новый Завѣты – и назвать это однимъ словомъ: Библией, то бишь Книгой. А что такое Ветхій Завѣтъ? Это идеология, записанная іудеями вь вавилонскомъ плѣну, а потомъ переведенная на греческій семьдесятую учёными евреями, чтобы масса іудеевъ, забывшихъ вь плѣну свой ивритъ, могла её знать. Вѣдь чтобы сохранить іудейство, требовалась его идеология. Греческій языкъ былъ какъ латынь Востока. Поэтому переводчики прибѣгали къ изытіямъ и вставкамъ, дописывали и переписывали то, что переводили. Этотъ завуалированный, переименованный переводъ назвали Септуагинтой – по числу переводчиковъ. Ну мастера!.. Меня поразила одна русская сказка, какъ будто про этихъ мастеровъ написана: хоть буквой – но-таки пролѣзуть!.. Иванъ-царевичъ искалъ

свою Марью, украденную вѣдьмой, и ему добрая волшебница дала Книгу Правды, чтобы смогъ онъ разгадывать вѣдьмины загадки. И вотъ – заколдовала вѣдьма дѣвицу Марью камешкомъ въ морѣ – читаетъ Иванъ Книгу Правды, видитъ этотъ камешекъ и находитъ его въ морѣ. Удивилась вѣдьма; но уговоръ былъ о трёхъ загадкахъ. Заколдовала она Марью подъ пѣрышко птицы. Читаетъ Иванъ Книгу Правды, видитъ птицу, пускаетъ стрѣлу и ловитъ пѣрышко... Но въ этотъ разъ вѣдьма слѣдила за нимъ, увидѣла у него Книгу Правды... Тогда прикинулась вѣдьма буковкой – и пролѣзла въ эту Книгу! Смотритъ въ Книгу Иванъ – и видитъ фигу! Пролистала её всю – одна галиматья! Тогда взялъ онъ эту Книгу – да какъ шарахнетъ ѳземь! – фальшивая буква вылетѣла вонъ и увидѣлъ онъ саму дѣвицу Марью... Такъ что сказка обѣщаетъ намъ хорошій конецъ плохого времени, надо только здорово осерчать – и шарахнуть!..

Скоро исчезаетъ причина, по которой Салабинъ оказался въ Турціи, – расплата за квартиру. А теперь появляется другая цѣль; можно думать о трудоустройствѣ здѣсь, на родинѣ, а не на чужбинѣ. «Завтра спрошу на сей счётъ Дмитрія Красова. Авось подскажетъ.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Съ Красовымъ они условились встрѣтиться на выходѣ изъ метро «Невскій проспектъ» и въ назначенное время Салабинъ увидѣлъ его со ступенекъ эскалатора. Уже подходя къ Дмитрію Михайловичу, онъ почувствовалъ, что кто-то тронулъ его за локоть. Салабинъ обернулся: сѣрые, а можетъ – голубые, а можетъ – и стальные глаза Ирины смотрѣли на него.

– Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Вѣрно? – пропѣла она, глядя на Салабина.

– Ира, ты ли это? Звонить не звонила, и вдругъ – подходишь!..

– Почему не звонила? Трубку никто не бралъ. Телефонъ измѣнился?

– Нѣтъ, не мѣнялся. Я ужъ думалъ, ты давно за границей. Какъ та подруга твоя...

И Салабинъ обратился къ Красову, рядомъ съ которымъ стоялъ ещё кто-то, незнакомецъ:

– Вы видите, въ какое время живѣмъ? Молодёжь предпочитаетъ мобильники, а старшіе оглохли – трубку не снимаютъ! – онъ былъ замѣтно взбудораженъ.

– Всѣмъ добрый день, – сказалъ онъ, заминая неловкость. – Дмитрій Михайловичъ, рекомендую: ненаглядная Ирина Анатольевна.

– Можно безъ фамиліи! – возразила та, и Салабинъ поразился быстротѣ реакціи парашютистки.

– Очень пріятно! – откликнулся Красовъ. – А мнѣ доставляетъ удовольствіе познакомить васъ, и васъ, съ Петромъ Николаевичемъ Рославлевымъ.

Такъ, отчасти сумбурно, произошло это знакомство.

– Господа, – сказалъ Пётръ Николаевичъ, – предлагаю покинуть шумный Невскій и пройти хотя бы къ Милліонной или къ Манежной площади. Ирина Анатольевна, вы съ нами, надѣюсь?

– А я не помѣшаю?

– Напротивъ, только украсите общество трёхъ холостяковъ, – начальственно произнёсъ Пётръ Николаевичъ на правахъ устроителя банкета, а если кто и не былъ вполнѣ холостякомъ, то въ этомъ не сознался.

Они приближались къ пекарнѣ-кафе на каналѣ Грибоѣдова, и Красовъ предложилъ князю остановиться здѣсь, не мудрствуя лукаво.

– Князь? – Ирина округлила глаза. – Почему князь?

– Ап... – прижалъ пальцы ко рту Дмитрій Красовъ. – Да потому что Пётръ Николаевичъ прямой потомокъ князей Рославлевыхъ.

Ирина зачарованно уставилась на князя, который тѣмъ временемъ Красову возразилъ:

– Я думаю, не грѣхъ намъ посѣтить что-то болѣе капитальное. Отмѣтимъ новыя знакомства и возобновленье старыхъ...

– Вотъ это по-княжески!.. – жарко прошептала Ирина, а мужчины деликатно не замѣтили этого.

Однако гости князя ещё не знали, что имъ предстоитъ. Въ первомъ же ресторанѣ князь ожесточилъ губы и нахмурился:

– И здѣсь я слышу англоязычную попсу! У васъ тутъ найдётся русская пѣсня?

– Минуточку, – сказалъ человекъ, похожій на швейцара, – сейчасъ я попрошу администратора...

Администраторъ, длинный мальчикъ съ жидкими усиками, объяснилъ, что заведение связано договоромъ съ правообладателями исполняемой музыки и посторонняя музыка исключается.

– Это русская-то пѣсня – посторонняя?! – вскипѣлъ князь. – Я пріѣхалъ въ Россію и хочу слышать русскую музыку!

– Вы бы сразу и сказали, что вы – пріѣхали!.. – съ поклономъ ослабилъ администраторъ. – Одну минуточку!..

– Спасибо, милѣйшій! Мы уходимъ! «Гдѣ оскорблённому есть чувству уголокъ?!»

Компанія вышла вслѣдъ за Петромъ Николаевичемъ, не на шутку разсвирепѣвшимъ: онъ даже побагровѣлъ.

– Я бы стерпѣлъ въ Россіи ещё французскую, нѣмецкую, въ концѣ концовъ, – но англо-американскую?!. Извините, господа!

– Но вы вѣдь, Пётръ Николаевичъ, прибыли изъ самой настоящей Англіи!.. – мягко обратился къ нему Красовъ.

– Ахъ, вы не понимаете!.. – вздохнулъ Рославлевъ. – Именно поэтому!

– А я чуть не подумала, что это такой новый трэндъ! – просіяла Ирина въ сторону князя.

– Ещё не «трэндъ» всеокрушающей, – отвѣтилъ ей Салабинъ, – но старая, какая-никакая, а тенденція!

И онъ оборотился къ Рославлеву:

– Пётръ Николаевичъ, эта заминка съ русской пѣсней, къ сожалѣнію, будетъ вездѣ. А вотъ на Малой Морской есть греческая таверна...

– Это годится! – поддержалъ Рославлевъ. – И, кстати, я вамъ расскажу, господа, какую роль сыграла Греція... въ моёмъ возвращеніи на родину.

– Это интересно! – выразила общее мнѣніе Ирина.

– Малая Морская!.. – пробормоталъ Салабинъ. – Когда либероиды сняли имя Гоголя ради Малой Морской, никто въ Союзѣ писателей не почесался и не вздрогнулъ! Стыдь и позоръ!

– Но вы, я слышала, тоже вѣдь писатель? – посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ князь.

– Тогда ещё меня тамъ не было... Я былъ поглощёнъ борьбой въ иной средѣ...

– Но вѣдь Малая Морская – историческое названіе, или я неправа? – спросила Ирина.

– Имя Гоголя – не менѣе историческое, потому что городомъ присвоено въ 1902 году – къ 50-лѣтію со дня смерти Николая Гоголя.

– Но Малая Морская – болѣе старинное, – со страннымъ желаніемъ противорѣчить Салабину, сказала Ирина.

– Да, Ирочка, – согласился тотъ. – А Троицкая улица – болѣе старинное имя, чѣмъ улица Рубинштейна.

– А это одна и та же улица? – удивилась Ирина.

Красовъ и Рославлевъ слушали, не вмѣшиваясь въ эту пикировку старыхъ близкихъ друзей.

– Ну, Рубинштейна... – откликнулся Красовъ, – при нынешнемъ порядкѣ вещей, надо понимать, что это имя неприкосновенно... Ась?

– И наемни, и вчерась! – въ тонъ ему отвѣтилъ Салабинъ.

Когда они разсѣлись за тѣмнымъ деревяннымъ столомъ подъ непривычную для Ирины греческую мелодію и сдѣлали, съ помощью официанта, увлекательный выборъ незнакомыхъ блюдъ, пока Пётръ Николаевичъ выбиралъ вино, Салабинъ напомнилъ князю объ его обѣщаніи...

– Да, да, я помню... Чѣмъ помогла мнѣ Греція... Собственно, всё укладывается въ одну фразу: послѣ Англіи, прежде чѣмъ вернуться на родину, понадобилась Греція. Иначе случилась бы кессонная болѣзнь. Это у водолазовъ бываетъ – при несоблюденіи правилъ безопасности. Или у космонавтовъ при разгерметизаціи: кровь закипаетъ отъ упавшаго давленія... Въ Англіи я вращался въ опредѣлённыхъ кругахъ, гдѣ постоянно ощущалось давленіе, скажемъ, не менѣе восьми атмосферъ, а ещё и языковая среда создавала тоску по русскому слову, по нашей интонаціи... Отецъ у меня рано погибъ, и я воспитывался въ закрытой школѣ, отдыхая только на каникулахъ у бабушки въ Парижѣ. Перейдя изъ англофѣрнаго міра въ нашъ многофѣрный... сердце могло не выдержать. Нужно было пожить какое-то время среди болѣе свободныхъ людей, чѣмъ британцы, но всё же болѣе западныхъ, чѣмъ русскіе... и я, к тому же, не былъ ещё увѣренъ, что російскій режимъ приметъ бѣлоэмигранта...

– Но всё хорошо, что хорошо кончается! – подытожила Ирина.

– Увы, всё никакъ не кончится, – вздохнул Рославлевъ. – Часто слышимъ о двухъ пресловутыхъ «русскихъ вопросахъ»: кто виноватъ? – и что дѣлать? А вѣдь жизнь давно отвѣтила на эти вопросы. Настоящій русскій вопросъ одинъ: когда всё это кончится?

Эти слова прозвучали столь серьёзно, что никто не нашёлся что сказать. Только у Красова поднялась рука и снова легла на столъ.

Рославлевъ почувствовалъ перемену настроенія, которую самъ же и вызвалъ, и рѣшилъ отыграть назадъ:

– Ну-ка, кто предложить тость? Не гостя ли наша?

– Да, съ удовольствіемъ! Вы знаете, господа, что я почувствовала? Что вы, трое мужчинъ, по хорошему, что называется, спѣлись... То есть хочется предсказать: у вашего знакомства впереди большая дружба! Вотъ давайте за это и выпьемъ!

«Интересно, что произошло въ ея жизни, разъ она способна на такія слова? – подумалъ Салабинъ. – Или всё какъ разъ оттого, что ничего не произошло?»

Двѣ бутылки на четверыхъ – это нормально, это умѣренно...

Стали искать русское выраженіе взаменъ «кессонной болѣзни». Ея другое названіе, болѣе правильное – декомпрессионная болѣзнь. Попробуй-ка переведи!

– Кессонъ – это слово французское, – сказалъ Салабинъ, а Рославлевъ согласно кивнулъ. – Это большой коробъ, ящикъ, фургонъ, водолазная камера-«колоколь»... А въ архитектурѣ – ячейка дворцовыхъ потолковъ. У водолазовъ прижилось однимъ словомъ: «кессонка». Но жаргонъ профессионаловъ – тоже не для насъ. По крайней мѣрѣ – не для словесниковъ, коими я признаю Дмитрія Михайловича и себя – вашего слугу покорнаго...

Здѣсь Салабинъ выжидательно посмотрѣлъ на Петра Николаевича.

– Я – нѣтъ, я инженеръ... Но патриотъ-словесникъ, тѣмъ не менѣе.

Вступилъ со своимъ словомъ Красовъ:

– Жаргонъ, какъ правило, служитъ плохимъ спеціалистамъ для сокрытія профнепригодности! У философовъ это очень наглядно! Если полная бездарь, то обязательно обвѣщается «активной защитой»: дискурсы, парадигмы, операбельность, нарративъ... Кошмаръ! Я четыре года былъ научнымъ редакторомъ въ библиотекѣ Академіи наукъ: начитался-насмотрѣлся пустышекъ. Иждивенцы полные! – И онъ воздѣлъ палець: – На нашей съ вами шѣѣ!

– Я не противъ профессиональныхъ терминовъ! – заявила Ирина. – Мы, наприимѣрь, медики... Или – вотъ, говоримъ же мы: парашютъ! Слово тоже нерусское.

– Уже русское! – возразилъ Салабинъ. – А декомпрессионная болѣзнь – это ударъ по сосудамъ: судистый ударъ при чрезвычайномъ паденіи давленія. Или, вотъ: говорятъ *дефинитивный* – вмѣсто *опредѣлённый, окончательный*.

– А таргетированіе вмѣсто цѣлеполаганія? – воскликнулъ Красовъ. – Это просто отвратительно.

– Да, это ещё хуже: какъ всякій англицизмъ по сравненію съ латынью, – согласился Салабинъ.

Ирина придвинулась къ нему и шепнула:

– А самъ ты развѣ не англійскій преподавалъ?

– Грѣхъ молодости!..

Она въ отвѣтъ повернула палець около виска. «Нѣтъ, ничего въ ея жизни не произошло!» – рѣшилъ Салабинъ.

– Какъ твоя Юля? Какъ родители?

– Мама умерла годъ назадъ. Юля – въ Сбербанкѣ.

Онъ молча накрылъ ея руку ладонью.

«Онъ, кажется, порасторопнѣе сталъ!» – подумала она.

Опять вступилъ въ бесѣду Красовъ:

– Когда философа Хайдеггера спросили, почему онъ, владѣющій древнегреческимъ, латынью и японскимъ, не знаетъ англійскаго, тотъ отвѣтилъ, что ему неизвѣстно, что такого написано по-англійски, чтобы стоило изучить этотъ языкъ!

– Круто! – восхитилась Ирина. – Среди васъ, я – какъ будто на парашютѣ лечу!

– Ирина – воспитанница аэроклуба, – пояснилъ Салабинъ.

– Снимаю шляпу! – поклонился князь. Ирина зардѣлась. Красовъ подождаль вниманія:

– А был ещё случай, когда удивились, на что Хайдеггеру японский, а он объяснил, что ему интересен дзен-буддизм, который невозможно выразить ни одним субъектно-предикатным языком Европы: переводы бессильны.

– Переводы вообще бессильны! – отозвался Салабинь. – Надо знать языки.

– Что за странный тип! – изумилась Ирина.

– Кто – я? – дёланно обидёлся Салабинь.

– И ты тоже.

– Вообще Хайдеггер был очень высокомерен, – продолжил Красовь. – Можно даже сказать, человеконенавистник. И женоненавистник, несомненно.

– И вы тоже из них? Ведь это ваш любимый философ?..

На губах у Красова появилась лукавая усмешка.

– Я – напротив. Я ценитель женщин.

– Да мы все, я думаю, ценители, – задумчиво произнёс Салабинь. – Женщины – это цветы. Кто-то их вяжет в букеты, а кто-то только любит.

– Ну, наверно, и нюхает же! – предположила Ира.

Пётр Николаевич с довольным видом оглядел собравшихся:

– Пока речь не зашла о женщинах, нельзя считать вечер удавшимся! Надёюсь, у нас ещё будет подобный симпозиум... Ах, простите, это же иностранное слово!

– Владимир Иванович Даль не относил греческие слова к чужеродным, – отозвался Салабинь.

– Ну хорошо, надёюсь, вы, Дмитрий Михайлович, в следующем разе нам расскажете побольше о знаменитых философах.

– О, с удовольствием!..

Ирина сморщила носик.

* * *

На следующий день Салабинь пребывал в состоянии, которого сам не мог истолковать. Случайная встреча с Ириной и то обстоятельство, что она тотчас изменила свои планы, приняв приглашение Рославлева, не обязательно должны были его радовать. Скорее, наоборот, мог радовать предстоящий через два дня вылет на Босфор. Он был не готов к столь внезапной перемене своей участи и опасался сосудистого удара от декомпрессии.

Безпокой также Ростик, которого он слишком давно не видел. А вопрос будущего трудоустройства можно будет обсуждать с Красовым и заочно – по электронной почте... Но сына надо повидать.

Ирину он вчера, конечно, проводил домой и она даже вслух отметила, что он здорово изменился: раскован, находчив – но непонятен.

– Ты что-то скрываешь от меня?

– Только место своей работы. Она не в Питере. Я здесь проездом.

– А почему скрываешь?

– Хочу быть таким же загадочным для тебя, как князь Рославлев! – свои слова он смягчил лёгким смехом.

– Ты что – не рад, что я подошла?..

– Почему не рад? Я очень рад тебя видеть. Ты же ненаглядная моя – смотрел бы и смотрел! Это чувство только у нас, у русских, можно выразить одним словом. В остальных языках понадобится целое предложение.

– Опять тебя в теорию кидаешь. А мне какое дело до остальных языков?

– Верно: никакого.

Она подняла глаза к окнам своей квартиры:

– Юля дома. Ты зайдёшь?

– Нет. Лучше в следующий проезд.

– Как знаешь. Пока.

– Пока.

Он мог бы и ещё стоять и разговаривать с ней, но только не заходить в дом. Что-то произошло в его жизни, но он ещё не знал, что именно.

Созерцатель

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Однозвучно гремит колокольчикъ
И дорога пылится слегка
И уныло по ровному полю
Разливается пѣснь ямщика...

Народная пѣсня.

И. Макаровъ

Когда Салабинъ летѣлъ въ Стамбуль, ему думалось о Цареградѣ; теперь, по дорогѣ домой, въ головѣ звучать родныя пѣсни...

Подумать только, какъ измѣнились способы путешествовать – за одинъ краткій мигъ, въ какую-то сотню лѣтъ! И «ровное поле» теперь – не жнивье, не луга, не снѣга, а пухлое одѣяло облаковъ, стѣганое иглами восходящихъ воздушныхъ потоковъ. А случись въ одѣялѣ дыра – и проглянетъ ковѣрь лѣсовъ, рѣчные узоры и лоскуты земельныхъ участковъ. Земля сократилась, чтобы умѣститься въ сознаниіи человѣка, а дѣла человѣка всё болѣе выходятъ за грань его пониманія.

Приземленіе самолѣта въ Пулково сопровождалось, какъ бываетъ при мягкой посадкѣ, аплодисментами пассажировъ-иностранцевъ. Для русскаго человѣка это не поводъ, чтобы шумно реагировать.

Пройдя кордоны и получивъ багажъ, Салабинъ пошѣлъ къ залу прилѣта, высматривая, кто его встрѣчаетъ: только ли Маруся – или братъ ея тоже.

Маруся была одна. Да какъ замѣтно она вытянулась за четыре иесяца!

Они поцѣловались и Салабинъ спросилъ, какъ дѣла у Ростика.

– А онъ только пріѣзжаетъ, чтобы форму постирать... Всё нормально, говорить.

«Ну хоть такъ... – говорить себѣ Салабинъ, – чтобы форму постирать... Поколѣние пепси!» И они выходятъ на ноябрьскій вѣтеръ.

Ѣхать предстояло двумя автобусами съ пересадкой. Дочка была молчаливѣе обычнаго, и Салабинъ не сталъ её тормошить. Спросилъ о школѣ, о самочувствіи – и умолкъ, озираясь по сторонамъ. Особыхъ перемѣнъ вокругъ не замѣчалось.

Развѣ что сосредоточенность дочки навѣвала подозрѣніе, не влюблена ли она.

Сердце его дрогнуло при видѣ роднаго существа и ея улыбки, а теперь сжималось отъ мысли, что есть и его вина въ томъ, что дѣвочка живѣтъ безъ матери. Маленькій Гена всегда стѣснялся лишній разъ обратиться къ родному отцу, мать была ближе и проще, а каково теперь его Марусѣ?.. Что будетъ твориться въ ея душѣ, когда она будетъ мучаться дѣвичьими вопросами?

Но тутъ онъ усомнился въ способностяхъ Натальи быть доброй совѣтчицей... Когда она со свекровью купала маленькаго Ростика, то щипками пыталась усмирить его плачь. Припомнился и тотъ звонокъ Натальи въ ихъ коммуналку и ея просьба о встрѣчѣ, чтобы «рѣшить съ отданнымъ подъ залогъ видикомъ» – проблема эта странно прозвучала для слуха Салабина. Уже когда разстались, онъ сообразилъ, что это былъ только поводъ: предложить ему выкупить заложенный ею видеоманитофонъ, «чтобы не пропалъ». Судьба ея «видика» въ любомъ случаѣ Салабина не трогала.

– Ты гдѣ сейчасъ работаешь? – спросилъ онъ её безъ особаго интереса.

– Ты знаешь, что такое бандерша?

– Знаю.

– Такъ вотъ, теперь я бандерша.

Въ ея тонѣ прозвучало то ли странное самодовольство, то ли сарказмъ. Онъ не зналъ, вѣрить ей или нѣтъ, да и понимаетъ ли она, что говорить? Въ концѣ концовъ, повѣрилъ.

А она стала жаловаться на новыхъ свѣкра и свекровь... Отъ нихъ пришлось отдѣлиться и врѣзать себѣ отдѣльный замокъ; свекровь теперь причитаеть, что «изъ квартиры сдѣлали коммуналку»...

– Такъ мужъ вѣдь на твоей сторонѣ?

– Да, но...

Она метнула быстрый взглядъ на Салабина – и стала смотрѣть вдоль Лиговскаго проспекта.

– Не знаю... Покоя нѣтъ.

Она прїѣхала развѣдать его настроеніе, догадался Салабинъ. Уяснить свои варианты, чтобы оцѣнить ихъ.

– Надо мириться, – сказалъ Натальѣ Салабинъ. – Сходите съ мужемъ на исповѣдь – и всё подробно... Спросите совѣта. Мириться надо.

– Ладно. Ты меня успокоилъ. А то я всё не могла...

Съ тѣхъ поръ они не видѣлись. А дочка видѣла маму дважды: въ одинъ и другой свои дни рожденія, въ ближайшей отъ ихъ коммуналки кондитерской.

Теперь, съ ихъ переѣздомъ, концы обрублены.

Онъ видитъ, что дочка одѣвается со вкусомъ, только обновки отъ папы и отъ кїевской тѣти всегда надѣваетъ по одному разу – въ день даренія. Такъ и теперь: скажетъ навѣрняка, что ей не съ чѣмъ эту кофточку носить.

Пошѣлъ на кухню ставить чайникъ; но тамъ уже хлопотала Маруся.

Тогда онъ втиснулся на стулъ между окномъ и столикомъ и, наблюдая дочкины дѣйствія, вдругъ осозналъ, что нѣтъ у него никакихъ плановъ на предстоящія четыре недѣли, кромѣ полученнаго ещё въ Турціи по электронной почтѣ приглашенія на собраніе клуба «Русская мысль».

Съ дочкой Салабинъ видѣлся мелькомъ. Она исчезала то на сходку, то «на стрѣлку», на «тусовку» со сверстниками, а то заявлялась домой въ компаніи – но попытки отца сблизиться съ молодёжью ни к чему не вели: тѣ впадали въ принуждённое молчаніе, явно ожидая, когда старичина покинетъ ихъ. Потомъ дочка, как бы извиняясь за своихъ прїятелей, успокаивала папу: всё будетъ хорошо, у меня голова на плечахъ, да и ребята хорошіе, просто плохо воспитанные.

А Красовъ рассказывалъ о родной Полтавѣ, о родителяхъ, объ одноклассникахъ, о своихъ приключеніяхъ – потому что оказался Красовъ человекомъ, котораго любили приключенія, несмотря на то, что былъ онъ философомъ... Можетъ, именно поэтому? Ихъ бесѣда за чашкой чая продолжалась больше трёхъ часовъ и дала Салабину массу матеріала для воспоминаній и размышленій среди турокъ.

А пока что для Салабина важенъ другой итогъ его отпуска: въ одну прекрасную минуту онъ почувствовалъ, что совершенно свободенъ – и жизнь его не зависитъ больше отъ ненаглядной Ирины.

Совсѣмъ не зависитъ... Почти.

* * *

«Когда постранствуешь, воротись домой – и дымъ отечества намъ сладокъ и прїятенъ...»

И въ этомъ никакого нѣтъ преувеличенія. Хотя страна въ тискахъ у преступной группировки, и самъ ты можешь попасть между зубцовъ ея шестёрокъ-шестерёнокъ, но воздухомъ измученной Отчизны радостнѣй дышать, чѣмъ посреди цвѣтастаго базара Капалы' Чърши*.

Здѣсь на улицѣ тебѣ любой отвѣтитъ, или обронитъ замѣчаніе – и всё-то ты поймѣшь, и всё оцѣнишь, посмѣешься или погрустишь: всё здѣсь твоё, родное, своё...

Покупая каравай хлѣба, ты улыбаешься знакомому лицу продавщицы какъ родному – и вышутите сообща надъ погодой, и погода у васъ общая – и впечатлѣнія общія, и одинаково весною пахнутъ вамъ февраль.

Потомъ приходитъ привыканіе къ повседневности и копится возмущеніе несообразностями реформъ, цинизмомъ налоговъ и тарифовъ, ожиданіемъ обѣщанныхъ кризисовъ, перескоками «властной вертикали» отъ выборности губернаторовъ къ назначеніямъ – потомъ гибридизаціей того и другого, потомъ избирательностью «правосудія», потомъ приходятъ на умъ народные способы подавленія тошноты отъ ежедневнаго вранья свысока...

И всё равно я буду лучше тутъ, со своимъ народомъ, чѣмъ по чужимъ угламъ въ чужой землѣ.

* «Крытый Рынокъ» въ Стамбулѣ-Константинополѣ.

* * *

А сколько поэзии в русских названиях на карте родного края – и чем карта подробнее, тем лучше! Отстоящая друг от друга порой на сотни километров, они могут позволить себе быть полными тезками, оттого мы видим как повторяется то тут, то там Великий Дворь, или Усадище, а то – Гостинополье... А вот кому никто не хотѣл подражать: Заголодно.

Но вот являются глазамъ Градоша, Ратилово, Липная Горка, Кроватыни, Верховина, Шибенець, Мыслино, Ладвуши... А сколько их – Лебязьихъ-то озѣрь! И – Заборовье, Чудцы, Кукуй...

Платаниха?.. Интересно, это в какую же геологическую эпоху здесь платаны росли?.. Скорѣй всего, это мѣстный выговоръ такой, а прославилось селеніе хозяйкой здѣшняго подворья – Платоной...

И вотъ вамъ – Кончикъ, а то ещё – Киршинъ Конецъ!

И тутъ же – Равогоща: напоминает о Гощѣ, что на Воляни, гдѣ иезуиты обучали своимъ приѣмамъ Лжедмитрія Перваго.

Двѣ близкія сосѣдки: Усть-Шомушка и Кайвакса – уже нарѣчие другое, да столкнуться съ ними труда не составитъ, а тутъ же рядомъ и родныя сѣстры – при одной дорогѣ Палуя Большая и Малая, а рядомъ ихъ двоюродная – Лѣпуя, и чуть поодаль – ухажѣрь которой-то изъ нихъ: Пилытькь.

Ну а дальше къ сѣверу шагаютъ Ярославичи, Тервеничи, Новое Село, Ветхое Село, Мальгиничи... и сами собой вспоминаются далѣкіе Сновидовичи и бабушка Сальвета. И вотъ теперь, миновавъ Шапшу, заночуетъ Салабинъ въ Руссконицахъ, чуть-чуть не дойдя до Лодейнаго Поля.

Такъ, видно, на роду ему написано: чутокъ не доходить, не попадать въ десятку... Ему и Красовъ говорить: ты всегда какъ будто не досказываешь; моя Вѣра тебя читать любить за то, что «строки сами льются», а я не вполне доволенъ, остаѣтся чувство недосказанности.

– Да... – произносить Салабинъ. – Высказать всё – мало кому удаѣтся. Не взыщи, дружище. Къ тому же – я вовсе не писатель. Я не пишу: я чувствую и размышляю. Быть писателем, особенно в компьютерное время, – вѣдь это не ахти что, и давно не престижно. Столько всего уже написано! А насчѣтъ чтобы высказать всё... Всё высказано давно в Евангеліи. А мы – всё пишемъ, пишемъ...

– Ты правъ! – скинулись глаза у Красова. – Но мы ушли отъ темы... На чемъ я остановился?

– Ты сказалъ, что нація – механизмъ. Народъ – организмъ. Этнось, вошедшій в исторію, обрѣтшій историческое время, становится народомъ.

– Это я такъ сказалъ? – искренне восхитился Красовъ.

– Ну да!

– Значить, такъ и запишемъ!

* * *

Талантъ и тщеславіе начинаются съ одной и той же буквы, но только талантъ ею же заканчивается.

(Изъ записной книжки Салабина)

Вернувшійся на родину Геннадій закономѣрно побылъ нѣсколько мѣсяцевъ безработнымъ. Потомъ его устроилъ в «Учрежденіе дополнительнаго образованія дѣтей» (УДОД) лидеръ одного союза городскихъ графомановъ – застарѣлый диссидентъ внутри петербургскаго отдѣленія СП Россіи, но оказавшійся съ неожиданными связями. Творческіе союзы состоятъ изъ бурлящихъ самолюбій, рождѣнныхъ творческимъ разсѣяніемъ, но ищущихъ опредѣленныхъ точекъ сгущенія, говоря математически. Упомянутый диссидентъ происходилъ изъ разсѣяннаго технической интеллигенціи Ленинграда; поучившись в нѣсколькихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ избралъ стезю – и среду – разсѣяннаго поэтическаго. Благодаря таинственнымъ связямъ упомянутый стихотворецъ могъ издавать цѣлый альманахъ и ещё газетку оперативнаго реагирования, то есть представлялъ собой, в эпоху затянувшагося безвременья, для многихъ пишущихъ – точку искомаго сгущенія. Неискушѣнный Салабинъ попалъ в его окруженіе нежданно-негаданно; его ввѣлъ туда другой неискушѣнный, изъ отчаявшихся прозаиковъ, – Толя С.

Впоследствии Салабинъ былъ вынужденъ признать предводителя этой секты *бывшимъ поэтомъ* – и даже едва ли состоявшимся, несмотря на оказанную Салабину прошлую услугу; газетка лидера, используя разные псевдонимы, регулярно метала стрѣлы и шаровыя молніи въ председателя отдѣленія СП Россіи, а въ качествѣ издателя альманаха сей стихотворецъ выступалъ уже дилеромъ по всѣй Россіи, предлагая страничные площади своего альманаха извѣстнымъ поэтамъ и прозаикамъ – по сосѣдству съ собственными виршами. «На безрыбье и ракъ рыба», – говорить пословица, а приглашаемые авторы её дружно повторяли.

Распря фюрера секты съ председателемъ отдѣленія была застарѣлая, суть ея терялась во тьмѣ преданій, но важно отмѣтить, что она была односторонней: уголь въ топку подбрасывалъ одинъ лишь фюреръ. По слухамъ, онъ мстилъ председателю за неосторожное разглашеніе своей семейной тайны – о томъ, что сынъ его, адвокатъ и содержатель альманаха, былъ ему не родной, а приобрѣтѣнный при женитьбѣ. Но свара была ожесточѣнная: не довольствуясь газеткой, бывший поэтъ рассылалъ по электронной почтѣ косноязычныя плевки и ругательства вплоть до института им. Сербскаго и до администраціи президента. Правленіе СП Россіи и Госдуму онъ тоже не обносилъ. Въ пику председателю онъ даже зарегистрировалъ «петербургскій союзъ писателей – членовъ СП Россіи», куда единолично принималъ преданныхъ ему графомановъ, далеко не всегда въ СП Россіи состоявшихъ.

Это всё не сразу открылось Салабину, потому что съ председателемъ онъ былъ почти не знакомъ, и поначалу чувствовалъ себя обязаннымъ фюреру.

Вскорѣ УДОД отправилъ Салабина на курсы методистовъ въ Аничковомъ дворцѣ – и это особая тема и отдѣльный гротескъ. «Вы знаете, чему учить, а мы знаемъ – КАКЪ!» – торжестующе заявляли методисты специалистамъ. На курсахъ Салабинъ соприкоснулся съ такимъ методизмомъ дремучихъ мѣщанъ и бюрократовъ, что туретчина, МКУБ и пыльный опытъ Измира показались ему не самымъ душнымъ отрѣзкомъ его жизни.

Тотъ же Толя С. познакомилъ Салабина съ неповторимымъ Васей Ардальоновымъ – этотъ былъ не очень тайный и достаточно самовлюбленный противникъ существующихъ и особенно прежнихъ властей, издатель самиздатскаго литературнаго журнала «Топоръ новый», незадачливый кандидатъ 2005 года въ РФ-президенты, всегда неизмѣнно и перманентно влюбленный то въ студентку, то школьницу – какую-либо откуда-нибудь... Но женою Ардальонова послѣднее обстоятельство расцѣнивалось какъ юридически и физически ничтожное.

Всё это раскрывалось, постепенно становясь настолько привычнымъ, что ни одна изъ подобныхъ странностей въ Ардальоновѣ или въ комъ-либо другомъ не вызвала категорическаго отторженія. Напримѣръ, Салабинъ считалъ своимъ другомъ «фашиста Костю» – отличнаго пейзажиста и замѣстителя председателя питерскаго Союза художниковъ. Этому званія удостоилъ Костю одинъ посьтитель его мастерской: лицо международной національности увидѣло на берегу рѣчушки съ пасущимися лошадьми бѣлую часовенку съ крестомъ – повернулось къ живописцу и выпучило глаза: «Такъ ты, Костя, что – фашистъ?!» (То, что Левитану было можно, теперь Иванову – нельзя!)

Въ Костину мастерскую Салабина привѣлъ уже не Толя С., царство ему небесное, а Вася Ардальоновъ – во всѣхъ смыслахъ писатель, главный редакторъ и собственникъ «Топора новаго», революционеръ безъ революціи, въ прошломъ азартный игрокъ, ополченецъ на философію, на Церковь, на апостола Павла, критикъ, прозаикъ и виршеплѣтъ, подвижникъ и почти безсребренникъ. Исполать ему! (Εἰς πολλὰ εἶοί!) Но всѣ эти событія были только подступы къ роковому знакомству съ Павломъ Петровичемъ Свѣтовымъ.

* * *

Сѣро-зелѣные, навывкате, съ антрацитовымъ отблескомъ глаза Павла Петровича обладали если не гипнотическимъ, то ужъ точно не поддающимся опредѣленію дѣйствіемъ. Не то чтобы онъ подавлялъ вашу волю, но вамъ опредѣленно становилось не по себѣ. Когда онъ смотрѣлъ на васъ, ласково улыбаясь и глядя вамъ въ глаза, вы подпадали подъ его обаяніе, которое смущало васъ своей необъяснимостью – даже, можетъ быть, настырностью, отъ которой возникало неловкое чувство.

Когда неудачливый политикъ Ардальоновъ, владѣлецъ журнала и дожившій до сѣдинъ мальчишка-ловеласъ, знакомилъ Свѣтова съ Салабинымъ (то былъ нѣкій закрытый «круглый столъ» красующихся другъ передъ другомъ ораторовъ, до которыхъ былъ такъ охочъ старый диссидентъ Ардальоновъ) и Павелъ Свѣтовъ обмѣнялся съ Салабинымъ телефонами, то, сдѣлавъ запись у себя въ карманной книжкѣ, опять обратилъ къ Салабину настырные глаза и сладкую улыбку:

– Смотрите, я пишу: Геннадій Серафимовичъ, телефонъ... и «люблю и жую»... Люблю и жую!

Салабинъ мысленно пожалъ плечами и чуть не тряхнулъ ими наяву.

– Что за гранёный стаканъ стариканъ... – невнятно подумалось ему безъ всякихъ знаковъ препинанія.

Начиная уже съ фамилии, всё было необычно въ этомъ человѣкѣ съ цѣпкимъ взглядомъ выпуклыхъ глазъ и гривой сѣдыхъ волосъ, которыми онъ часто потряхивалъ. Кто-то сказалъ, что Свѣтовъ былъ когда-то корреспондентомъ «Извѣстій» въ Средней Азии, но его позднѣйшая ипостась, какъ скоро выяснилось, – это составитель и комментаторъ поэтическихъ антологій «серебрянаго вѣка», цѣнимый въ «Пушкинскомъ Домѣ» за скрупулёзность, педантизмъ и усидчивость.

Такъ постепенно стала разворачиваться передъ Салабинымъ лента жалобъ, новостей, событий и чертъ характера Павла Петровича Свѣтова.

Свѣтовъ жилъ бобылёмъ въ комнатѣ коммунальной квартиры на Васильевскомъ островѣ, но было извѣстно, что когда-то у него была семья. Самъ Свѣтовъ на этотъ счётъ помалкивалъ; Салабинъ объ этомъ узналъ отъ Васи Ардальонова, а тотъ зналъ Свѣтова почти четверть вѣка – и оба были старше Салабина лѣтъ на семь.

Вскорѣ Салабинъ былъ приглашёнъ Свѣтовымъ на день рожденія, устроенный только для мужчинъ; женщинъ Свѣтовъ собиралъ отдѣльно. Величалъ всѣхъ Свѣтовъ съ нѣжностью: Ардальонова – Васенькой, живописца – Костенькой, Салабина – «Гена, дорогой ты мой»... Въ сумрачной комнатѣ, выходявшей окномъ на сѣверъ и подъ вѣтви стараго вяза, собрались: одинъ филологъ изъ Пушкинскаго Дома, Василий, выпивоха и талантище Сергѣй, Салабинъ да самъ именинникъ – ожидался и Костя-художникъ, который не пришѣлъ.

Въ тотъ періодъ Серѣга былъ закодированъ отъ выпивки, поэтому онъ скоро засобиралися уходить, а Салабинъ ухватился за возможность составить ему компанію.

Возмездіе за преждевременный уходъ не замедлило: той же ночью, въ третьемъ часу, Свѣтовъ позвонилъ Салабину съ жалобой на бессонницу.

– Пить надо меньше! – вертелось на языкѣ у Салабина.

Но они ещё не были на «ты», поэтому Салабинъ сдержанно выразилъ сочувствіе, а потомъ долго выслушивалъ разсужденія и возмущенія Павла по поводу быстротечности жизни.

Ардальоновъ регулярно устраивалъ *презентации* номеровъ своего журнала – и Свѣтовъ, его старый пріятель, тамъ бывалъ. Журналъ изготовлялся въ дорогой цифровой печати, зато тиражомъ по двенадцати–шестнадцати экземпляровъ, что ничуть не умаляло радости авторовъ и дюжины читателей, потому что эти представленія проводились въ мѣстномъ отдѣленіи Союза писателей Россіи (далѣе – СПР) и сопровождались *фушетомъ*, въ складчину устрояемымъ. Василий могъ располагать помѣщеніемъ какъ членъ СПР и «нѣкоторымъ образомъ лютеранинъ» (такъ Салабину, въ духѣ чеховскаго персонажа, почему-то хотѣлось сказать), а гостями его были всѣ желающіе – плюсъ какая-либо новая поклонница ардальоновскаго таланта.

Но ни съ кѣмъ Салабинъ этими мыслями не дѣлился, а менѣе всего съ Павломъ: пусть люди празднуютъ, если новый «топоръ» – достаточный поводъ. Павелъ Свѣтовъ, бывая въ подпитіи среди подвыпившихъ, вскорѣ начиналъ своей эрудиціей и апломбомъ забивать окружающихъ, а возражать ему мало кто смѣлъ, потому что у Павла была феноменальная память и громадная библіотека. Стоило ему произнести своимъ резонирующимъ баритономъ: «Э... Это не такъ!» – и говорившій замолкалъ, а остальные только переглядывались.

Черезъ два-три часа, уже ночью, Павелъ звонилъ Салабину и спрашивалъ его о впечатлѣніяхъ отъ вечера, предварительно увѣдомивъ, что онъ дома сердечно добавилъ «на грудь». При всёмъ при томъ, его пьянымъ, что называется, никогда не видѣли.

– А как ты оцениваешь моё выступление? – спрашивал Павел. – Всё правильно, всё нормально?

И стоило Салабину похвалить Павла, как тот начинал шумно дышать и сопеть в трубку, жалуясь на врачей, на астму – и постепенно переходя на чудовищные преступления прихватизаторов, всё и вся дербанящих.

Зазывал Салабина Павел и на «гуманитарные проекты»: помочь в преддверии весны выскоблить оконные стёкла или увязать его книги в пачки накануне переезда в социальный дом для одиноких пенсионеров (через год-полтора Павел сдал свою комнату Госимуществу и получил взамен маленькую пожизненную квартирку – как ветеран пера и дитя войны). На стене у Павла висели большие фотографии Александра Блока, общее фото Есенина и Клюева времён мировой войны, фотография матери Павла... Женщина стояла во весь рост в рыбацкой лодке – на *ставке* в кубанской станице. Сбоку над дверным проёмом висел чёрно-белый портрет генералиссимуса Сталина, замечаемый гостями не сразу: между книжными полками и входной дверью Иосиф Виссарионович не очень попадался на глаза.

От приглашений *просто так*, ради общения, Салабин всячески отбивался, но рано или поздно наступал предель, когда Павел начинал грозить отречением от их дружбы, если Салабин не придёт послушать о клюевских чтениях в Вытегр или посоветовать, надо ли Павлу отвечать на письмо бывшего товарища из Америки. По дороге к Павлу Салабин в метро негодовал на рекламу «English First» и «Английский – язык твоего будущего!», а в троллейбусе или в автобусе до Васильевского насупленно слушал объявления остановок на английском языке. В троллейбусах голос принадлежал доморощенному диктору – и у того гласные были по-нашему растянуты и отчасти *некондиционны*, зато он говорил *embankment* (набережная) – с полного одобрения Салабина. А в автобусах звучал голос настоящего американца, хотя не очень образованного: вместо *embankment* у него было французское *quai*. Вошедшее в англоязычные словари, это слово было неизвестно американцу, и тот произносил его слишком по-своему: Юниверсити квей.

Переступив порог Павла Свётова, Салабин давал волю своему возмущению городскими властями (хотя такова была всероссийская «культурная политика») и это был тот несчастный случай, когда Свётов не мог перебивать, а только поддакивал. Потом Павел рассказывал о своей прошлой жизни, о коллегах, разбятанных по странам, о вехах жизни и профессиональных успехах, о матери, о службе в армии, и всё это в ход возни на кухне, а когда Салабин отправлялся домой, то Свётов провожал его до автобуса, неизменно держа под руку. Это Салабина очень тяготило.

Он не воспринимал Свётова как натуральное явление, тот казался ему итогом какого-то проекта – может быть, эксперимента; гипертрофированный книжник с феноменальной памятью; нарочитый, как «васеньки», «костеньки» из его усть... – нарочитый, как «украинец» с вышиванкой и «мовой» в зубах... как и сама фамилия Свётов.

На Свётова жаловались, что он взял в обыкновение звонить людям среди ночи, жалуясь то на бессонницу, то на потерю кого-то из близких, то на врачей, то на чиновников... А среди ночи он бывал обыкновенно в подпитии. Когда такая доверительность Павла накрыла и Салабина, тот, натерпевшись достаточно, запротестовал – «Зачем ты меня мучишь?», Свётов искренне воскликнул: «Дорогой мой, кого же я буду мучить, как не тебя!». Салабин, себя вопреки, сначала даже был польщён, но потом сообразил, что подобной лестью Павел мог подкупать и других... Некоторые знакомые признавались, что сумели отвести Свётова грубой правдой-маткой и защитили свой ночной покой. Как бы то ни было, Салабин долго оставался в числе избранных доверенных лиц Павла Свётова.

Павел держал Салабина в курсе своих ощущений и переживаний из-за непогоды, от обиды на отрёкшихся от него племянников, от расправивших его чувств по поводу прочитанных газет и читаемых книг. По ярости, клокотавшей в его голос, как и по рыданиям, рвущим его рёв, Салабин уверялся в том, что это всё не розыгрыш, а правда, сколь бы странной она ни была.

– Крѣпись, Паша! Мы должны быть мужественны...

Если рыдания пропадали, то в голос Паши прорѣзывались гордость и агрессия:

– Да, что поддлатъ – я сентименталень, Гена! Такимъ уродился. Можетъ, и недостатокъ – но вотъ я таковъ, и не болѣе того! Ещё твой Достоевскій говорилъ: полюби насъ чѣрненькими!.. Бѣленькими всякій насъ полюбитъ!

– Не Достоевскій, не Достоевскій! – хотѣлъ возразить Салабинъ. – Это его персонажъ!

Но вставить слово въ рѣчевой потокъ Павла было не просто, поэтому Салабинъ со временемъ закалилъ себя и научился просто трубку бросать, хотя потомъ день-другой терзался муками совѣсти. А на день четвёртый-третій Павелъ снова звонилъ какъ ни въ чёмъ не бывало.

Но когда Павелъ сообщалъ, что вотъ онъ третьяго дня опять вызывалъ неотложку – и до сихъ поръ ему хрѣновѣй некуда, то Салабинъ слушалъ его сочувственно и терпѣливо: кому ещё тотъ изольётъ свою жалость къ самому себѣ! Мама его, которую онъ поминаетъ въ каждомъ разговорѣ, давно въ могилѣ, отца, пропавшаго на фронтѣ, онъ не зналъ, а отчима, издѣвавшася надъ матерью, могъ только люто ненавидѣть. «И хорошо, что я ихъ разлучилъ!» – приговаривалъ Свѣтовъ.

Увезѣнный бригадой скорой помощи, онъ оказывался въ больницѣ безъ таблетокъ, безъ ингаляторов, безъ электробритвы, безъ зарядки къ телефону – и звонилъ поутру: «Гена, приѣзжай, дамъ ключи, привезёшь мнѣ...» Послѣ двухъ такихъ случаевъ Салабинъ предупредилъ, чтобы больше не звонилъ, а держалъ всё необходимое въ пакетѣ аварийной готовности: не ребёнокъ уже, слава Богу!..

Проза

Владимир Максимов

Максимов Владимир Павлович родился 29 июня 1948 года в селе Кутулик Иркутской области.

Печатался в журналах: «Байкал» (Улан-Удэ); «Сибирь» (Иркутск); «Сибирские огни» (Новосибирск); «Физкультура и спорт», «Охота и рыбалка», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Москва», «Наши современники» (Москва); «Всерусский собор» (Санкт-Петербург); «Дальний Восток», «Родное Приамурье» (Хабаровск); «Врата Сибири» (Тюмень); «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Florus» (Флорида, США). Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Автор 19 книг стихов и прозы: «Снег, уходящий вверх...», «Забывшие запахи лета...» и другие.

Портрет

Отрывок из повести

Есть у меня очень хороший, хотя не во всём нравящийся мне карандашный портрет, написанный в 1993 году в Париже художником из России Ринатом Анимаевым.

Написан был портрет в крохотной мастерской, являющейся одновременно и жильём для художника и его брата. Комнатка эта располагалась в мансардном этаже на Монмартре. И вид из их окна, с Монмартрского холма на вечерний Париж, словно изогнувшийся золотой подковой сверкающих огней, открывался просто волшебный!

Вот на этот завораживающий взор вид и предложил мне посмотреть художник, пока писал портрет...

Но, пожалуй, стоит рассказать о предыстории написания данного портрета, поскольку, на мой взгляд, она довольно интересна...

Прочитав в начале семидесятых годов двадцатого века (когда мне было года двадцать четыре) книгу Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой», я «заболел» Парижем. Хотя и понимал, что книга эта не о самом городе, где она была написана, а о призвании писателя. Но и о самом городе тоже. Причём написана она автором с такой любовью к Парижу, чудесным языком...

Но, мечтая посетить Париж, я хотел попасть туда не на самолёте или поезде, как все обычные люди, а въехать в него верхом. Как это было в 1814 году, после победы русских войск над Наполеоном. Когда brave красавцы гусары въезжали в сей город, под восторженные крики парижан, и особенно парижанок, на своих рослых, красивых скакунах...

И вот, когда мне исполнилось уже сорок пять, то есть более чем через двадцать лет после прочтения книги Хемингуэя, в 1993 году, возможность такая – въехать в Париж именно верхом – мне, наконец-то, представилась. Правда, не на гарцующем под тобою рысаке, а на велосипеде, в составе международной экологической экспедиции. Для чего необходимо было преодолеть расстояние в 16,5 тысяч километров – от Пекина до Парижа... Старт – в Пекине, в начале мая. Финиш – в Париже, в начале октября.

Надо сказать, что 90-е годы, как писали тогда газеты, «победившей демократии...» были для нашей страны невероятно тяжёлыми. Развалился Советский Союз. Цены стремительно росли. Предприятия закрывались. Наступила повальная безработица. Почти повсюду орудовали бандиты, прибирающие к своим рукам то, что плохо лежит. Будущее было тревожным и неясным.

Во главе страны стоял сильно и без меры пьющий президент. Ключевые посты в его команде занимали всевозможные выскочки, жулики и откровенные воры. Такой контингент всегда, в виде пены, появляется в период всевозможных потрясений и смут. Всякие там Чубайсы, Бурбулисы, Гай-

дары, Поповы, Собчаки – так называемые либералы западного толка. Подобострастно, чуть ли не до хронического косоглазия, заглядывающиеся на Запад и стремящиеся сомнительные «западные ценности» привить на русской почве. Даже не понимая того, что менталитет русского человека совсем иной. Если западный человек в первую очередь задаётся вопросом «Как жить?» – то есть как выстроить карьеру и всё такое прочее, то русский человек, или, шире сказать, восточный человек, в первую очередь задаётся вопросом «Зачем жить?». Каков смысл, подаренной тебе Творцом жизни?

Ведь западный человек – это человек, прежде всего, правила. В правиле он видит надёжность. Но в этом и его слабость. Он боится исключений, хотя в глубине души наверняка понимает, что жизнь сложнее всяческих схем. Но схема, правило для западного человека (я не говорю, что это плохо, я просто констатирую факты) – это вопрос упорядоченности мира. В русской же жизни зачастую исключение и есть правило.

Об этом и многом другом мы, кстати, говорили впоследствии в Мюнхене с бывшим диссидентом, встреченным в своё время Западом чуть ли не с фанфарами, но вернувшимся впоследствии в Россию, выдающимся философом Николаем Николаевичем Зиновьевым, подарившим мне в Мюнхене свою книгу «Запад», весьма нелицеприятную для европейской цивилизации. Нелицеприятную – поскольку в ней он наглядно, с обескураживающей логикой показал ложность и губительность многих так называемых «западных ценностей», коими Запад так гордится.

После этой книги и сам Зиновьев Западу стал неинтересен. Ведь несмотря на своё диссидентство, он Россию не клеймил, а говорил о ней как о надежде всего человечества, в том числе и для сытого Запада. Частенько повторяя впоследствии фразу: «Мы (диссиденты) целили в коммунизм (тоже, кстати, западное изобретение), а попали в Россию...»

И ещё, в Мюнхене, где мы прожили почти неделю, мне довелось дать интервью на радио «Свобода» своему соотечественнику Александру Соловьёву (в Германии – Матхейму, по матери. Он с ней, как с этнической немкой, перебрался туда после смерти главы семьи в конце восьмидесятых), жившему до переезда в Германию в небольшом сибирском городке – Вихоревка, что под Братском.

Интервью со мной длилось минут пятнадцать. И по законам жанра, принятым на радио «Свобода», я должен был восхищаться Западом и их фактическими хозяевами – Соединёнными Штатами Америки. Однако я этого не делал, несмотря на всю такую глянцевою жизнь Европы и плачевное тогдашнее состояние моего отечества. Выражая, напротив, оптимизм в том, что и нынешней так называемой демократией Россия переболеет, как корью, и станет ещё более крепкой и сильной.

Об американцах же на вопрос Соловьёва, как я к ним отношусь, я вообще отозвался не как о нации, а как о некой хорошо ли, плохо ли выведенной породе людей с огромными амбициями и куцей историей...

– Хорошее получилось интервью, – сказал мне Александр, когда мы закончили его запись в шикарной, просторной студии. Возможно, в той же самой, подумалось мне, где писал свои передачи Александр Галич, выдворенный в своё время как «антисоветчик» из Советского Союза, – динамичное, острое. Но, – Александр на секунду задумался, – вряд ли оно у нас пройдёт. У нас ведь радио «Свобода», что на деле означает возможность свободно дудеть в любую дуду, из которой льётся грязь на Россию. – Он ещё на секунду задумался, а потом, уже более оптимистично, продолжил. – Разве что дать его с комментариями всяких там политологов? Где бы они объяснили всему «цивилизованному миру», как ты глобально неправ. Как ты заблуждаешься. Тогда, может быть, и пролезет. В общем, попробую всё же выдать твоё интервью в эфир. Тем более что теперь, после развала Советского Союза, все здесь себя считают победителями. Но, как говорил твой любимый Хэм, «Победитель не получает ничего». Думаю, что и с нами будет то же самое. Просто разгонят всех вскоре. Мавр сделал своё дело – мавр может умереть. Вот на этой мути, на неопределённости интервью и может проскочить. Ибо большинству из нас терять уже нечего...

Впоследствии всё именно так и произошло, как предчувствовал Александр. Многочисленный персонал радиостанции «Свобода» в Мюнхене и в Чехии, до этого вещающей, в основном, на Советский Союз, непринуждённо, и безо всякой жалости, как это умеют делать на Западе, разогнали. Сработал западный практицизм. Зачем кормить лишние рты? Самим надо хорошо питаться. Да и сделали ребята своё дело. Теперь, как отработанный материал, они уже не нужны...

Что же касается моего интервью, то оно в эфир вышло, как и предполагал Александр, с комментариями каких-то трёх могучих аналитиков, которые в течение 45 минут (то есть по времени в три

раза больше, чем длилось само интервью) доказывали, какой я тупой, что не понимаю элементарных истин. И без придыхания отношусь к так называемым незабываемым западным ценностям.

Но узнал я об этом только на обратной дороге из Парижа, примерно через месяц, уже в Варшаве, от своего знакомого журналиста Зигмунда Дзенциалковского. При нашей встрече на Варшавском телевидении, где я, по его протекции, рассказывал об экспедиции и о том, что из 47 человек из разных стран, стартовавших в Пекине 3 мая, до Парижа через пять месяцев и один день, 4 октября, доехали только четыре человека, все россияне, и трое из них – сибиряки, после моего выступления в студии он сказал мне:

– Недели две назад слышал твоё интервью на радио «Свобода». Не во всём я с тобой в нём, дружище, согласен, но в целом интервью мне понравилось. Особенно то, что комментарии были в три раза длиннее самих твоих высказываний. Удалось тебе, значит, их зацепить. Но тебе после всех твоих высказываний, в том числе и о нынешнем российском руководстве, домой лучше не возвращаться. В лучшем случае упрячут в тюрьму или в психушку. А то и расстреляют «без суда и следствия», как врага демократии. Парламент же российский расстреляли из танков и не поперхнулись...

В похвале Зигмунда о моём интервью сработало, я думаю, всё-таки славянское братство, поскольку в горячей любви к России его никак не заподозришь, о чём говорят и его многочисленные публикации в разных европейских журналах.

А тогда, в Мюнхене, после записи интервью, Александр предложил мне пообедать в их столовой, где для каждой редакции были выделены свои столики.

Мы спустились с ним с третьего на первый этаж огромного, мрачноватого (в тёмно-коричневых тонах), какого-то гулкого, со множеством различных редакций, вытянутого дома, расположенного в живописном парке.

В очень просторном, светлом зале столовой в этот час было многолюдно. Сотрудники различных редакций – узбекской, эстонской, молдавской, украинской и прочих – проворно орудовали столовыми приборами, сидя строго за своими столами, о чём говорили аккуратные таблички, указывающие названия редакций. При этом обедающие весело переговаривались, не только между собой, но и с коллегами из соседних редакций, общаясь друг с другом исключительно на русском языке. И глядя на всё это, я с горькой иронией подумал: «Вот парадокс. Все эти люди так стремились развалить Союз, и в конце концов им это удалось. А теперь вот сами, в миниатюре, здесь его создали. И этот союз, как и бывшие союзные республики СССР, по-прежнему скрепляет русский язык»...

Но я отвлёкся.

Итак, чуть выше, мы уже констатировали тот факт, что империя СССР распалась.

От неё, хоть и не сразу, отделились в конечном итоге все шестнадцать союзных республик, ставших самостоятельными государствами.

В самой же России, по-прежнему неизмеримо огромной, в отличие от новых карликовых государств бывшего Советского Союза, единицы – сказочно богатели, очень быстро становясь миллионерами и миллиардерами, превращаясь в так называемых олигархов.

Народ же в подавляющем своём большинстве нищал, спивался от безысходности и неразберихи, и, казалось, уже окончательно начинал деградировать.

Мнилось, что вот-вот, на радость Америке и всем её западным вассалам из Европы, можно будет для этой непокорной страны России, не проигравшей ни одной войны, и не перед кем не склонявшей доселе головы, заказывать пышные похороны. По единодушному мнению западных аналитиков, «страна, где слились Запад и Восток», проиграла, по сути дела, самой себе. Точнее, той «пятой колонне» предателей – западников, крикунов, которых в ней оказалось довольно много. И которые с презрением, через губу, говорили о ней: «В этой стране...»

И порою действительно создавалось такое впечатление, что отчизна наша только что пережила стремительное, разорительное для неё нашествие жестоких иноплемённых орд, желающих только одного: чтобы такой страны, как Россия, больше не было.

Собственно говоря, почти так оно всё и происходило. Только «армии», разрушающие Россию, были не иностранные, а свои – доморожденные, вскормленные, впрочем, иностранной валютой из различных фондов. И во главе этих орд стоял пьяный президент, пожалуй, плохо понимавший, что происходит со страной на самом деле.

Но зато теперь, в это смутное время, можно было делать всё. В том числе и любую мерзость.

На волне этой вседозволенности, о чём прежде даже помыслить было невозможно, и созрел план некой иркутской экологической фирмы «Трэк», что в переводе с английского означало «Шаг», предпринять международный велопробег: «Пекин – Париж». Да не абы как, а под эгидой ЮНЕСКО. На деле доказав, что при помощи экологически чистого транспорта, только при энергии собственных мышц можно преодолевать огромные расстояния. Почти половину экватора. Соединив единым маршрутом столицу Азии – Пекин и столицу Европы – Париж.

Я в эту, во многом, впрочем, авантюрную экспедицию был приглашён как журналист. Жизнеописатель, так сказать, сиюминутностей, которые складываются в дни, недели, месяцы.

С «Восточно-Сибирским книжным издательством» был даже заключён договор об издании книги-альбома об этой экспедиции.

Текст к будущей книге должен был написать я. И я его, кстати, почти подготовил, ежедневно ведя дневник экспедиции, невзирая порою на запредельную усталость, после целого дня кручения педалями на велосипеде.

Фотографии же к планируемой книге-альбому должен был сделать руководитель данной экспедиции – фотокорреспондент ТАСС Сергей Падалко, перебравшийся вскоре, после окончания (не во всём, к тому же, осуществлённой) экспедиции, в Москву. И ни я, ни издательство фотографий от него в нужном объёме и нужного качества так и не получили. А издавать книгу-альбом о путешествии без фотографий издательство сочло невозможным.

Одним словом, как я уже сказал, я был заявлен в данную экспедицию как журналист, и педали крутить совсем не собирался. Тем более что присоединился я к участникам сего проекта лишь в Иркутске. И по дальнейшему маршруту намеревался следовать в машине сопровождения – «Фольцваген – кемпинг», где было четыре стационарных спальных места, газовая плита для приготовления пищи, а также хранились палатки, продукты. И множество запасных деталей для велосипедов.

Обычное же, ежедневное продвижение действительно международной экспедиции (где были и англичане, и американцы, и румыны) осуществлялось следующим образом. Утром, на очередном привале, после завтрака, по карте уточнялся маршрут движения группы велосипедистов. Скажем, от точки А до точки Б. Сорок–шестьдесят–восемьдесят, или больше (в зависимости от рельефа местности и погодных условий) километров, необходимо было преодолеть до обеда. В намеченном пункте Б группу уже ожидала машина сопровождения с приготовленным обедом. После обеда – снова уточнение маршрута, уже на следующий отрезок бесконечного, казалось, пути. Теперь уже от точки Б до точки В, где велосипедистов будет ждать ужин, приготовленный водителем машины сопровождения. А после ужина, вечером, разбиваются палатки и люди ложатся отдыхать. Попросту спят. Причём, очень крепко, как правило. И так изо дня в день. Более того, на федеральных трассах по России велосипедистов должны были сопровождать машины ГАИ, с мигалками, по согласованию с главами администраций тех регионов, по которым пролегал маршрут экспедиции.

Сам я стал крутить педали только от Красноярска.

И в этом моём решении слились как бы два фактора. Во-первых, я человек азартный, и мне тоже захотелось попробовать свои силы. А во-вторых, в Красноярске, куда мы попали на его 365-летие, нашу экспедицию встречали на главной площади города, где и проходило основное празднование. И где мне коллеги журналисты при огромном стечении народа подарили спортивный велосипед – как бы намекая на то, что настоящий журналист всё должен прочувствовать сам...

Что же касается сопровождения группы велосипедистов на федеральных трассах машинами ГАИ, то такого почти ни в одном регионе не было. И как-то всё до поры до времени заканчивалось благополучно.

А вот в Кемеровской области, при выезде из Мариинска, где нас (редкостный случай) сопровождали машины ГАИ с мигалками (впереди и сзади колонны), тем не менее, произошла трагедия.

В голову колонны велосипедистов, к счастью, изрядно растянувшуюся (поскольку был в нашей экспедиции даже один инвалид, с протезом до коленного сустава), миновав переднюю машину ГАИ, на полной скорости врезался наркоман, перегонявший для себя откуда-то подержанную иномарку.

От этого столкновения на месте погибла англичанка Шан Томас.

Ей я посветил впоследствии свою тоненькую книжечку «Парижская тетрадь», состоящую из 27 стихотворений, написанных во время экспедиции, и вышедшую в свет в 1996 году.

А вечером, накануне трагедии, прибыв в Мариинск, мы разместились в просторной комнате одноэтажного дома, со множеством кроватей вдоль стен, стульями и столом посередине. Это жильё на ночь радушно предоставила нам городская администрация, кажется, в бывшем общежитии какого-то местного давно уже закрытого предприятия.

И помню, что Шан сама вдруг вызвалась приготовить для всех ужин, который состоял из овсяной каши с бананами и крепкого чая.

После ужина, когда я сидел на своей кровати в углу комнаты и делал ежевечерние записи, Шан – эта тридцатилетняя рыжеволосая весёлая девушка – подошла ко мне. И вопреки своему весёлому нраву, грустно сказала: «Знаешь, я уверена, что до Парижа доедут только несколько человек из всей нашей группы. И это будете вы – сибиряки. И – я, поскольку я не англичанка, а валлийка. А валлийцы для Великобритании – это то же самое, что сибиряки для России, – народ особый...»

К тому времени из нашего состава уже выбыло двое американцев, непреодолимым препятствием к дальнейшему пребыванию в экспедиции для которых стали комары. На одной из ночёвок, перед Мариинском, после целого дня пути мы раскинули палатки в довольно живописном месте, у небольшой речушки. Правда, вокруг была болотистая местность, с целыми тучами комаров. Отчего из палатки американцев почти всю ночь потом доносились истеричные возгласы: «Москитос!.. Москитос!..»

Утром во время завтрака (пакетики с растворимым кофе, гусиный паштет в небольших консервных баночках, хлеб), сидя на раскладных стульях у реки, где прохладный ветерок отгонял свирепых, аки голодные волки, комаров, опухшие американцы, вышедшие из своей палатки позже всех, категорически заявили, что из ближайшего города они отправятся домой.

И уже на следующий день, купив билеты на какой-то ночной поезд, отбыли из Мариинска в Москву.

Мы же, оставшиеся, по распоряжению главврача разместились теперь уже в больничных палатах (больные – в одной, здоровые – в двух других), чтобы быть ближе друг к другу. Да ещё потому, что по распоряжению всё того же главврача нас всех в больничной столовой ещё три раза в день кормили. Прожили мы в больнице примерно неделю. После чего Розы Форстер – американка лет пятидесяти, с гипсом на левой руке, и её муж Гарри, в аварии, к счастью, не пострадавший, как и их соплеменники до того, тоже отбыли в Москву. Планируя оттуда улететь в Америку.

Отправилась в Румынию, с котом Василием, и молодая румынская девушка, лет двадцати семи, отделившаяся только царапинами и растяжением ноги. Хотя на её велосипед после аварии было страшно смотреть. И он, как говорится, восстановлению не подлежал. Настолько он был искорёжен. И удивительным было то, что сама она и кот остались целы.

Котишку этого – маленького, серого, всклокоченного, испуганного – румынка (блондинка, как ни удивительно) подобрала где-то на обочине дороги, вдали от населённых пунктов. И поместила в коробку из-под обуви, поставив ту в небольшую металлическую корзинку, стационарно укреплённую впереди руля на её велосипеде. В таких корзинках европейские бабушки в маленьких городках обычно возят из магазинов продукты. Румынка же, не помню, как её звали, собиралась довести таким манером своего найдёныша до Парижа. Так он в этой коробке и рос. И к Мариинску уже едва помещался в ней. А в пригороде Бухареста, где жила эта девушка, он, наверное, стал и вовсе могучим сибирским котом. И, возможно, научился даже любезничать с прогонистыми, цыганистого вида, румынскими кошками на их родном мяве...

Пострадала в той аварии в Мариинске и наша землячка – тренер по стрельбе из лука Нина Максимова. Очень симпатичная и очень фигуристая спортивная женщина. Её потом на поезде я сопровождал в Иркутск.

Из-за всех этих перипетий как минимум недели две времени мы потеряли. Да и группа сильно поредела.

Как я уже упомянул, Розы с гипсом на руке и с Гарри под руку – отбыли в Америку.

Румынка с котом Василием – в Бухарест.

Нина Максимова, с синяками по всему телу и лицу – в Иркутск.

Шан лежала в больничном морге. И вопрос о её дальнейшем передвижении решался двумя людьми. Каким-то атташе из английского посольства в Москве, прибывшим в Мариинск для того, чтобы на месте решить вопрос о дальнейшей транспортировке тела подданной её Величества королевы

Великобритании на родину. Приехал в Мариинск и русский муж Шан – художник-мультипликатор, намеревавшийся похоронить её в Москве.

Где, в конце концов, на туманном ли Альбионе или в Москве упокоилось тело Шан, я не знаю. Но надеюсь, что душа её отправилась напрямик на небо. Больно уж хорошим человеком была эта валлийка.

После Мариинской трагедии все мы полагали, что на том наша экспедиция и закончится.

Однако, несмотря на многих выбывших из состава команды, основные спонсоры и чиновники из ЮНЕСКО требовали от нашего руководителя продолжения экспедиции, поскольку она была уже заявлена во многих официальных документах. А информация о ней была разослана во многие средства массовой информации. Более того, организаторами сего проекта нам милостиво было разрешено компенсировать утраченное время, проехав часть пути на поезде, чтобы снова войти в заранее запланированный график движения. Ибо финишировать мы должны были 3 октября 1993 года в Париже, через пять месяцев после начала экспедиции.

Впрочем, на один день мы всё-таки опоздали, прибыв в Париж, где наш въезд и движение по столице Франции снимало французское телевидение, 4 октября. Выбились из графика на день.

Встречали нас в конечной точке нашего маршрута сырым промозглым октябрьским днём представители российского посольства, расположенного на бульваре Ланн, в шестнадцатом округе Парижа.

Встречали, надо сказать, с чисто российским гостеприимством, предоставив для проживания целый спортивный зал, расположенный в подвале посольства, а потому лишенный окон. И, самое главное, устроив нам всё в том же подвальном огромном помещении настоящую русскую баню! С берёзовыми веничками, с пивком и рыбкой после бани.

И когда мы все – пять человек: водитель машины сопровождения из Москвы; Сергей Макаров – веломеханик из Липецка и трое сибиряков – я, Сергей Падалко и Женя (не помню его фамилию, столько лет прошло, а в записях искать неохота), – раскрасневшиеся, разомлевшие, сидели после парной, укутанные простынями, за столом в просторном предбаннике, где отчего-то пахло струганными досками, неспешно, с наслаждением пили прохладное пиво, я вспомнил пророчество Шан о том, что до Парижа доберутся только сибиряки. И вот почти так оно всё и получилось.

А на следующий день после прибытия в Париж (и именно верхом!) мы с Серёгой после обеда уже колесили по его улицам на велосипедах, осваиваясь в нём. Тем более что наша официальная пресс-конференция в штаб-квартире ЮНЕСКО была запланирована на середину октября.

Остановившись у какого-то длинного здания, первый этаж которого занимал магазин телевизоров, мы стали сверять, в свете его витрин, свой маршрут по карте Парижа.

Было уже не раннее предвечерье. Смеркалось. Хотя из-за обилия огней на улице казалось, что ночь никогда не наступит. Тем не менее, в нашем посольстве накануне нам настоятельно порекомендовали возвращаться домой не позже одиннадцати вечера. И маршрут возвращения на бульвар Ланн мы как раз сейчас и уточняли.

Уже складывая карту, чтобы положить её в заплечную сумку, за огромным окном витрины, в которой длинным рядом стояли включенные телевизоры, повёрнутые своими экранами на улицу, мы видим Москву. И танки, стреляющие из пушек по Белому дому – парламенту России. И на всех экранах множества телевизоров транслировалась эта жуткая картинка, затмившая собой, похоже, все другие новости.

Мне от этого безумия, творящегося в Москве, стало тогда действительно страшно.

Я огляделся по сторонам, уверенный в том, что внимание всех прохожих сейчас должно быть приковано к этой картинке, поспешно комментируемой на французском языке, но быстро понял, что парижане, куда-то спешащие по своим делам, даже не обращают внимания на то, что происходит в России.

Им здесь, в этом чудесном городе, было хорошо и спокойно. А всё остальное их не особо волновало. Зато это волновало и касалось нас. И я, помню, тогда с горечью подумал: неужели я был не прав, там, в Мюнхене, когда давал интервью на радио «Свобода», утверждая, что Россия переболеет демократией, как она переболела коммунизмом, словно корью, и снова станет крепкой и сильной? Неужели все эти комаришки-«дерьмократы» сумели окончательно одолеть этого могучего зверя – русского медведя?..

И потом, через несколько дней, когда мне довелось брать интервью у моего двойного тезки Владимира Максимова, писателя-диссидента, живущего на небольшой улочке, в небольшой квартирке, недалеко от Триумфальной арки в начале Елисейских полей, мы уже оба сокрушались о происходящем. Не веря всё же в глубине души, что с Россией всё кончено.

И помню, как прощаясь со мной и пожимая мне руку, Владимир Емельянович сказал:

– Верю, что пока есть Сибирь и исконная Россия за Уралом, нашу страну не одолеть...

Он сказал «нашу», хотя в Париже прожил уже, наверное, лет двадцать. И даже был одно время редактором журнала «Посев», опубликовав там немало очень значительных произведений наших соотечественников...

Надо сказать, что в Париже жизнь у меня, как у журналиста, была весьма насыщена и разнообразна.

Так, мне посчастливилось даже взять интервью (не без помощи Владимира Максимова, который дал мне телефон) у всемирно известного актёра Алена Делона, с которым Максимов был дружен.

А с Пьером Ришаром, тоже актёром с мировым именем, довелось даже выпить по чашечке кофе на его барже, пришвартованной к одной из набережных Сены.

Баржа была переоборудована им под весьма комфортабельное жильё. И на её просторной палубе так было приятно сидеть, чувствуя лёгкий ветерок с реки, и пить кофе со столь знаменитым человеком, пусть даже и общаясь с ним только жестами и мимикой, да парой французских слов, типа: «Бонжур мусье; Уи, мусье; Пардон...»

Отчего-то частенько вспоминаются мне и выглядевшие какими-то скучными, словно с выцветшими глазами и охрипшими голосами ярко одетые парижские проститутки, во множестве стоящие на пляж Пигаль, у Мулен-Ружа. Совсем не похожие на тех озорных, весёлых девиц, так красочно изображённых на многих картинах Тулуза Лотрека, жившего одно время среди них в Мулен-Руж. Мне же они отчего-то напоминали печальные цветы герани в горшочках, частенько выглядывающие из многих окон парижан на вечерние улицы...

И хриплый голос жриц любви,
Их ноги, плечи
Волнуют меньше, чем Мистраль.
И – этот вечер.

Именно на пляж Пигаль и у Мулен-Ружа, когда я проезжал мимо этих мест на велосипеде, и начинало у меня складываться это стихотворение, вошедшее потом в книжку «Парижская тетрадь».

И ещё отчего-то довольно часто вспоминалось мне там, на улицах Парижа, одно из стихотворений Дона Аминадо, написанное им здесь же, в вынужденной эмиграции после октябрьского переворота 1917 года. Может быть, вспоминалось оттого, что и сейчас в России тоже был переворот, и тоже октябрьский. Да ещё потому, наверное, что в нём также присутствует намёк на парижских девиц лёгкого поведения.

Станем жаловаться вслух,
Что сильнее плоть, чем дух.
Что до неба – высоко.
Что Россия – далеко.

И всё-таки Париж, который я представлял себе в основном по книге Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой», и после которой «заболел» им я, как будто не узнавал, не находил. Даже весьма своеобразный Латинский квартал и чудесные, необычайной архитектуры здания не очень изумляли меня. Да, мне нравился этот необычный город, но для полноты ощущений мне как будто всё время чего-то не хватало. Какой-то присущей только этому городу особенки, что ли. И мне порою начинало казаться, что я приехал совсем в другой Париж. Не в тот, о котором писал Хемингуэй.

Даже символ Парижа – Эйфелева башня – не очень потрясла меня, вызвав весьма необычные ассоциации об ажурном чулке, обтягивающем ногу красивой высокой женщины. Причём чем выше по нему (в данном случае по чулку, впрочем, и по Эйфелевой башне тоже) продвигаешься (скажем, рукой), тем больше у тебя захватывает дух...

Вот так, изо дня в день, ничем до официальной конференции в штаб-квартире ЮНЕСКО не занятые, мы и колесили по Парижу на велосипедах. По набережным Сены и другим местам. И чем больше вглядывался я в город, тем больше говорил себе: «Нет, тут что-то не то. И даже Нотр-Дам какой-то не такой, каким я его себе представлял. Как будто меньше, что ли...»

В один из таких познавательных дней, уже под вечер, изрядно накатавшись по Парижу, мы решили посетить Монмартр, где ни разу ещё не были.

По пути туда Серёга тормознул у какой-то немалых размеров мусорной кучи возле дома (кстати, дерьмо собачье на тротуарах этого города тоже не редкость), решив сделать несколько интересных снимков. Тем более что в куче мусора деловито рылся колоритный – здоровенный белозубый негр, выживающий из различного хлама, ставшего ненужным, толстые порнографические журналы. Найдя очередной журнал, он бережно проводил по нему рукой в шерстяной (дырявой в нескольких местах) перчатке, словно удаляя с его глянцевого обложки пыль или оглаживая телеса голых девиц, красующихся на ней. После чего клал журнал в спортивную сумку, висевшую у него на плече.

Серёга, опираясь попой о раму велосипеда, щёлкнул несколько раз затвором фотоаппарата (тогда аппараты были ещё плёночные). Негр, увидев, что его снимают, довольно разулыбался. Причём улыбка его большого рта, с пухлыми, словно специально вывернутыми наружу, губами, отчего-то, напомнила мне оскал хищника: акулы, волка ли.

С этой улыбочкой во весь рот он вразвалочку направился в нашу сторону. Довольно сносно лопоча при этом по-английски:

– You must me ten dollars for my photo. – При этом здоровяк, пожалуй, не менее ста восьмидесяти сантиметров ростом, свою огромную ладонь, с розоватой ладошкой (перчатку он снял), протягивал в нашу сторону.

– Чего он хочет? – спросил меня Серёга, перекидывая фотоаппарат за спину.

– Он хочет, чтобы ты дал ему за его фотографию десять долларов.

– А ху-ху он не хо-хо? – весело взглянув на негра, ответил Серёга, перекидывая теперь уже и ногу через раму велосипеда, готовясь отъехать от этого злчного места. – Скажи ему: «В следующий раз». – И добавил, словно размышляя вслух: – Мне бы самому кто десять долларов дал...

– Perhaps, may be tomorrow? – Я не сразу вспомнил, как сказать «В следующий раз», поэтому сказал вначале: «Возможно, завтра». А, вспомнив, добавил. – Or next time.

Негр картинно взмахнул руками, и, хлопнув ладонями по своим бёдрам, обескураженно, словно он был маленький ребёнок, вслед нам прокричал:

– Russians not pay never! – Что означало: «Русские никогда не платят».

Отчего мне в связи с его репликой вспомнился старинный анекдот, когда бравый гусар русской армии времён 1814 года покидает после ночи, проведённой с парижанкой – дамой лёгкого поведения – свою пассию.

Гусар, уже облачённый в мундир, поправляет у зеркала усы...

А дама, ещё полусонная, утомлённая ночными безумствами, видя, что кавалер собирается уходить, изумлённо восклицает:

– А деньги?

На что бравый рубака с достоинством отвечает:

– Мы, гусары, денег не берём-с!

Такие вот у нас с европейцами разные взгляды на шкалу ценностей.

Направляясь на Монмартр, мы остановились сверить свой маршрут, у какого-то широченного моста, ведущего вверх, на холм. И перекинутого не через реку, а будто бы через огромный овраг, на дне которого располагалось кладбище.

И как только мы спешили, чтобы достать карту, к нам тут же подскочило несколько человек арабской внешности (не то марокканцы, не то алжирцы, не то египтяне). На плохом английском (гораздо хуже чем у встреченного нами у кучи мусора негра) они затараторили, пытаясь всучить нам какие-то свои «сувениры». И тыча ими нам почти в лицо. Среди этих безвкусных безделушек были и фотографии певицы Далиды, оказывается, похороненной на этом самом кладбище под мостом, где был виден только бетон, и не наблюдалось даже клочка земли с зелёной травкой.

И вся эта гортанно и громко галдящая орава торговцев, обступившая нас словно цыгане, что-то очень быстро, будто они куда-то очень спешили, пыталась нам втолковать. Из того что мы поняли,

становилось ясным, что эта без умолку говорящая публика готова осчастливить нас не только своими безделушками (по 10 долларов за штуку – прямо неизменная какая-то такса в Париже), но и тут же сопроводить нас к могиле Далиды (правда, за отдельную плату), в которую, судя по их горячим словам, изредка понимаемых нами, был влюблён когда-то даже сам Ален Делон!

Причём, говорили они все не только громко, быстро, но и почти одновременно. И были мне этой своей назойливостью неприятны, как надоедливые мухи.

– No! – громко и безапелляционно ответил я на все их настырные предложения, отчего они все тут же потеряли к нам всякий интерес и неспешно, с какой-то презрительной ленцой, отошли от нас. А мы поехали вверх по этому самому мосту над кладбищем.

И вот теперь, на Монмартре (холме мучеников, поскольку на его вершине в 272 году первый епископ Парижа Дионисий и два проповедника были обезглавлены за распространение христианства в Риме, Германии, Испании, а затем и в Галлии – нынешней Франции), с его великолепной седой по цвету базиликой Сакре-Кёр (Святое сердце), с его небольшими кафе и небольшими же магазинчиками, похожими на маленькие, красиво разукрашенные деревенские домишки, я вдруг почувствовал, что нахожусь именно там, куда так стремился. Именно в том Париже, так великолепно описанном Хемингуэем. К тому же, Монмартр – это ещё и самая высокая точка на севере французской столицы, оттуда открывается такой изумительный вид!

Название своё – «Mons Martis» по-латыни – это место получило оттого, что раньше на этом холме располагался языческий храм бога Марса.

На Монмартре всегда селились поэты, художники, музыканты. Здесь жили Золя, Берлиоз, Ренуар, Ван Гог, Пикассо и многие другие, ставшие впоследствии мировыми знаменитостями.

Повсюду в лавочках тут продавались разнообразные сувениры, самым распространённым из которых была чёрная футболка, с изображённой на её груди золотистой, словно кружевной, Эйфелевой башней и словом Париж на английском, русском, французском и прочих языках.

Ведя велосипеды «под уздцы», мы вышли по узкой улочке на небольшую квадратную площадь Тертр, где властвовали художники, отчего-то имеющие, на первый взгляд, жуликоватый вид.

Может быть, они производили такое впечатление потому, что им надо было заманивать туристов для написания портрета или шаржа. Ибо основной заработок художников Монмартра – рисование портретов. Да ещё продажа обычно небольших по размеру картин с изображением различных достопримечательностей Парижа.

Каждый квадрат этой площади был отмечен металлическим – под бронзу – штырём, невысоко торчащим из мостовой, с номером на его торце, где художникам для выставления их картин выделялась площадь примерно метра полтора на полтора. И на этих квадратах почти вплотную друг к другу были выставлены картины.

На картинах были и вечерние улочки Парижа, с отражающимся светом фонарей в Сене. И какие-то абстрактные картины, глядя на которые трудно было понять, что на них изображено. И привлекала, в основном, необычная цветовая гамма.

По сюжетам картин почти безошибочно можно было определить и предпочтения художника, и то, откуда он родом.

Вот этот явно из Эстонии. Узкие улочки Таллина. Башня «Толстая Маргарита». Зеленоватый шпиль собора Нигулисте, вонзающийся в небо. Красная черепица и серые стены крепостной стены, старого города...

Этот – болгарин. Небольшая, аккуратная деревенька. Алые черепичные крыши на фоне голубого неба. Церквушка на горе. И кусочек синего моря в отдалении...

Рядом с ним, скорее всего, турок. На картинах его – тянущиеся ввысь минареты, золотые полумесяцы, много солнца...

– Неужели здесь нет русских художников? – засомневался Серёга, когда мы прошли уже добрую половину площади.

– Должны быть, – обнадежил я его.

Когда мы прошли ещё несколько шагов, на самом углу площади перед нами предстали два совершеннейших франта! – если даже судить по меркам такого изысканного города как Париж.

Не было на них, как на большинстве присутствующих здесь художников, ни вытянутых (казалось, на три размера больших, чем нужно) грубой вязки свитеров, ни потёртых джинсов или пузы-

рящихся штанов, ни малиновых бархатных беретов, заломленных на ухо, ни небрежно перекинутых через плечо длинных шарфов.

Оба молодых человека (а они были действительно молоды) были в светлых распахнутых плащах, под которыми виднелись явно не дешёвые серые твидовые костюмы. В дополнение ко всему они были в серых фетровых шляпах и небрежно повязанных на шеях шёлковых шарфах не очень яркой расцветки.

А ещё, то ли из-за природной, приятной сухощавости обоих казалось, что лица их будто бы выточены Создателем из благородных пород светло-коричневого дерева.

Здорово, мужики! – обратился я к ним, придерживая левой рукой велосипед, протягивая правую для рукопожатия.

Мы молча пожали друг другу руки. А потом тот, что был пониже ростом, но, по-видимому, старший по возрасту, спросил:

– А как вы догадались, что мы из России?

– Да вы на картины-то свои взгляните! – ответил я. – Коровы, стожки сена, туман в низине над речушкой, берёзы. Явно среднерусская полоса.

– А-а-а, – протянул тот, который заговорил с нами. И так вдруг по-доброму улыбнулся приятной, открытой улыбкой. – Ринат Анимаев, – слегка наклонив голову, представился он. – А это мой младший брат Евгений – тоже татарин, – снова улыбнулся он. – Помните, как у Высоцкого: «Бабка с Волги у меня. Прадед мой самарин. Если кто и влез в родню, так и тот татарин...» Брат помогает мне продавать картины, ищет клиентов. Сам не пишет, – закончил Ринат.

Представившись друг другу и ещё раз обменявшись рукопожатиями, мы объяснили братьям, как и почему оказались в Париже.

– О, это дело надо отметить! Только русские способны на такое сумасшествие – прикатить в Париж на велосипедах! – воскликнул Ринат. – Женя, позови болгарина, – обернулся он к брату.

Минут через десять (перед тем растворившись в довольно плотной толпе зевак, прогуливающих по площади) Евгений вернулся с каким-то совсем юным, лет восемнадцати, смуглым молодым паренёком. Глаза у него были навывкате, нос походил на баклажан. И, когда глядишь в его чёрные печальные глаза, отчего-то сразу возникала ассоциация с меланхолично-мудрыми глазами коровы или козы с их вековечной невысказанной грустью. Юноша так разительно был похож на турка, что начинало возникать сомнение, а свободна ли Болгария от турецкого ига? Хотя её ведь ещё в девятнадцатом веке освободили наши доблестные русские солдаты. В том числе и при славных победных баталиях на Шипке.

Ринат достал из внутреннего кармана пиджака франки (евро тогда ещё не было) и начал отсчитывать деньги, отделяя купюры от довольно пухлой пачки.

Мы с Серёгой тоже, было, демонстративно полезли в задние карманы наших велосипедных маек, хотя и знали, что там в лучшем случае можно обнаружить лишь вошь на аркане, да несколько франков мелочью.

– Не надо, – увидев наши телодвижения, предостерёг Ринат, сделав соответствующий жест рукой. – Сегодня угощаем мы.

Он передал всё так же печально глядящему на всех болгарину отсчитанные деньги и подробно разъяснил, в какой именно лавке (где было подешевле), какого именно и сколько надо купить сыра и вина.

Паренёк согласно кивнул головой, взял деньги, и уже через мгновение будто растаял в плотных сумерках, среди не очень хорошо освещённых кривых переулочков.

– Сворачиваемся! На сегодня хватит, – сказал Ринат брату. И тот молча стал складывать картины с их квадрата в большую сумку.

Отчего на этой вымощенной булыжником площади сразу образовалась ощутимая брешь. Ведь кусочек России уходил отсюда...

На прощание Ринат помахал кому-то рукой. Вложил ладони в карманы брюк и лёгкой походкой, в распахнутом плаще, зашагал прочь от площади. А мы последовали за ним – я и Серёга, придерживая велосипеды, Евгений с большой брезентовой сумкой через плечо.

Шагая позади Рината, я отметил про себя, что брюки его были идеально отутюжены, а до блеска начищенные коричневатые туфли, казалось, отражали блёклый свет фонарей.

В их комнате на последнем этаже четырёхэтажного дома, расположенного совсем недалеко от площади Тертр, пока не пришёл болгарин, Ринат предложил нам фрукты, в виде натюрморта лежащие в вазе на журнальном столике этой небольшой, но очень уютной и опрятной квартиры.

И в этой их комнатке я впервые, кстати, в своей жизни попробовал киви – причём вначале попытаться съесть этот плод целиком, как огурец.

– Киви надо сначала очистить, – оценив мои намерения, предостерёг Ринат, моя в это время руки у умывальника в углу и видя меня в зеркале над ним. – Женя, покажи, как это делается, – обратился он к брату, уже успевшему аккуратно составить картины в какую-то нишу за занавеской.

Не успели мы все вымыть руки, как явился болгарин, молча поставивший на журнальный столик (другого стола по причине её малости в комнатке не было) трёхлитровую бутылку с красным бургундским вином и полголовки сыра в лощёной бумаге.

Проделав эту нехитрую комбинацию, он вопросительно взглянул на Рината.

– Всё, брат, спасибо, сдачу оставь себе, – сказал художник курьеру.

Тот кивнул головой и вышел.

– Он что, немой? – поинтересовался я.

– Нет, – ответил Ринат, – переживает просто сильно. Ему сообщили недавно, что девушка его в Болгарии готовится выйти замуж за его более зрелого односельчанина. И, подходя к столику, как бы мимоходом обронил, не оборачиваясь: – Женя, стаканчики, тарелочки. – И вдруг, чуть прищурившись, пристально взглянув на нас с Серёгой, весело добавил. – Приезжайте-ка вы к нам завтра! Вот так же, под вечер. Я ваши портреты нарисую. Это ведь не шутка – въехать в Париж верхом! Так что личности вы неординарные. И я на ваших портретах, глядишь, ещё и заработаю. А сегодня у нас – пир, – закончил он.

Вино было отличное. Достаточно терпкое, лёгкое, и хмельное. Сыр – тоже был очень хорош. И всем нам было весело и славно! Как бывает обычно, когда встречаются родственные души. Или – соотечественники на чужбине.

Мы много говорили, смеялись. И, к неудовольствию охраны нашего российского посольства, возвратились назад по почти пустынному городу лишь к полуночи, а не к одиннадцати вечера, как нам рекомендовалось. Двенадцать часов – это был уже предельный срок...

И в этот раз, проезжая по улицам Парижа, освещённым светом множества огней, я радовался тому, что, наконец-то, узнал его, этот чудесный город.

На следующий день мы снова поехали на Монмартр, где Ринат в своей мастерской и нарисовал наши с Серёгой карандашные портреты, сделав ещё и для себя несколько эскизов нас с велосипедами. Готовые же портреты он свернул трубочкой, каждый обернул цветной бумагой и подарил нам, видимо, понимая, что мы ему за них заплатить не сможем. Да и вряд ли свидимся ещё когда...

И мне теперь так иногда приятно прочитать в углу портрета, висящего в моей спальне: «Ринат Анимаев, 93 г. Париж. Монмартр».

Вот так у меня и появился ещё один портрет. И на нём я, как мне кажется, больше всего похож на самого себя, каким я себя представляю, хоть и с отросшей во время экспедиции бородой.

Правда, есть в этом портрете, с гордо вскинутой головой, некая неуловимая шляхетская спесь. Будто я гляжу ироничным взглядом ясновельможного пана, на всех и на всё свысока.

Это, несомненно, портрет победителя. Притом, чрезвычайно довольного своей победой.

И очередной вывод здесь напрашивается сам собой.

Человек всегда может достичь того, чего он очень сильно хочет. Правда, при одном непременно условии – долго и упорно трудиться, двигаясь к своей цели, порою очень крохотными шажками. Ибо даже малая капля, как известно, камень точит, порою пробивая его насквозь. Особенно если это делается долго и регулярно.

Однако, имея цель, время всё-таки лучше не торопить. Оно и так движется чрезвычайно быстро. Словно необъезженная дикая лошадь, не подчиняющаяся никаким законам, кроме своих собственных...

Что же касается художников и живописи вообще, то мы ещё ненадолго давайте задержимся в Париже, чтобы поговорить об этих и других вопросах тоже...

Где-то в середине октября (или чуть позже, поскольку сроки раза два по каким-то причинам переносились) состоялась наконец-то наша пресс-конференция в штаб-квартире ЮНЕСКО.

Народу на ней было немного. Человек двадцать, пожалуй. В основном, чиновники экологических организаций из разных стран. Плюс пятеро синхронных переводчиков. И два-три журналиста, да один телеоператор с камерой.

В своём десятиминутном докладе («Не более», – как предупредили меня заранее организаторы сего мероприятия) я обозначил, на мой взгляд, весьма простые и очевидные приоритеты. Об энергосберегающих технологиях, о том, что так называемый «технократический прогресс», на который уповают почти всё «цивилизованное человечество», – это, скорее всего, всё-таки не прогресс, а регресс. Поскольку природные ресурсы Земли варварски расхищаются и быстро истощаются в угоду немногочисленным странам и людям, живущим в этих странах, желающим жить всё более и более комфортно. Причём, достигая комфорта любой ценой. И что даже самый обычный грек из «Древней Греции» был, по моим понятиям, гораздо умнее, образованнее, и, самое главное, более приспособленным к жизни в любых условиях, чем нынешний среднестатистический обыватель, который придёт в ужас, скажем, от простого отключения электричества. И не будет знать, что делать и как дальше жить. Древний же человек умел, например, сориентироваться по звёздам в море. Мог развести костёр и приготовить себе пищу...

Кто-то из особо нетерпеливых слушателей (кажется, это был профессор из Германии), перебив меня, спросил:

– Так вы что же, призываете нас снова к сохе, лошади, в средневековье?!

– Нет, к этому я не призываю, поскольку и сам люблю тёплый туалет, – уверил я своего оппонента. – Но если человечество захочет выжить, ему придётся искать альтернативные, безвредные для природы энергетические ресурсы, используя энергию ветра и солнца. Придётся подумать и о самых важных, основополагающих для жизни любого биологического вида, в том числе и человека, вещах: чистом воздухе и чистой воде – пожалуй, самом ценном на земле продукте. Гораздо более ценном, чем любые драгоценные камни и нефть. Ибо питаться драгоценными камнями и пить нефть, увы, невозможно. Неизбежно придётся задуматься и о чистом воздухе, в большинстве мегаполисов уже почти ставшем ядовитым из-за обилия в них автомобилей с их отнюдь не безвредными выхлопными газами. Поскольку можно, скажем, поменьше есть, но дышать-то поменьше невозможно. Одним словом, человек должен, в конце концов, научиться жить в гармонии с природой. А не насилловать её, как это происходит повсеместно ныне. Перекрываются плотинами могучие сибирские реки. Создаются так называемые искусственные моря – прозванные в народе не водохранилищами, как их называют официально, а «водогноищами». Безжалостно вырубается тайга. Например, на один только какой-нибудь многомиллионный тираж, в принципе, никому не нужного глянцевого журнала порою уходят гектары леса. И примеров подобных, увы, не счесть. И пока что, я уверен в этом, поставщиком экологически чистой продукции (в том числе и немодифицированных на генном уровне продуктов питания) может стать Россия...

– Ну, вы и фантазёр, молодой человек! – снова перевела мне слова нетерпеливого немецкого профессора, раздутого не только от своего пафоса и значительности, но, по-видимому, ещё от хорошего немецкого пива, говорящая как-то бесстрастно худошавая, с несчастным лицом, бледная переводчица с тонкими бескровными губами. – Что и кому может поставлять Россия, если она почти всё, даже йогурты, закупает сейчас у нас, на Западе?

– По самым скромным подсчётам, профессор Вилли (перед каждым участником конференции стояла карточка, с отпечатанным на ней именем и званием), – продолжил я после заданного мне им очередного вопроса, – одни только химические предприятия Дюссельдорфа «съедают» почти весь кислород, производимый весьма хилыми лесами Германии. И если бы не существовало, как говорят метеорологи, глобальных переносов воздушных масс, то вам, в вашей стране, было бы просто нечем дышать. К счастью, на планете Земля осталась ещё пара «лёгких» – это тропические леса Амазонки в Южной Америке и сибирская тайга, не до конца ещё вырубленная по причине своей бескрайности алчными лесорубами. И молитесь Богу, что на самом деле «железного занавеса», о котором вы все в Европе так долго трубили, не существовало в природном аспекте и жизненно необходимый воздух европейцы получали, в основном, именно из России. Это первый и самый главный, жизненно необходимый продукт нашего импорта в Европу.

Что же касается чистой воды, литр которой, я в этом также глубоко убеждён, будет стоить в обозримом будущем гораздо дороже нефти и золота, то и здесь Россия на лидирующих позициях.

В Европе из рек и ручьёв уже давно воду никто пить не рискнёт. У нас, особенно в Сибири, такое ещё возможно. Более того, Байкал с его пока ещё чистой, несмотря на старания технократов всех мастей водой составляет, как известно, одну пятую часть мировых запасов поверхностных пресных вод нашей планеты. И способен один снабжать всё население Земли, в случае необходимости, несколько десятков лет.

Что же касается обмена продуктов, поставляемых Европой в нашу страну, и обмениваемых на обычную бумагу, именуемую «твёрдой валютой», то об этом процессе уже очень хорошо было написано в романе итальянского писателя Альберто Моравия «Чачора». Там есть, кстати, такой поучительный для многих так называемых бизнесменов, уповающих только на деньги, на их, как им кажется, безграничное могущество, эпизод. Когда-то во время войны в очередной раз приехавшей из Рима перекупщице простой крестьянин из небольшой итальянской деревеньки отказывается продавать сыр даже за очень большие деньги.

– Он что у тебя – золотой?! – в сердцах восклицает перекупщица.

– Нет, синьора, он не золотой. Но сыр гораздо дороже золота. Потому что золото вы есть не будете.

Это я к тому, что чистая вода и воздух гораздо дороже всяких йогуртов и бумаги, именуемой денежными знаками. И, к счастью, ценность чистой воды очень многим становится теперь очевидной.

Вот вам лишь один пример. По дороге сюда, в Париж, проезжая по Чехии, в городе Пльзень, на знаменитом пивоваренном заводе мы подарили чешским технологам пятилитровую бутылку с байкальской водой, накачанной с глубины в двести метров. Так чешские пивовары, пообещавшие сварить на основе этой уникальной воды пиво, полдня потом поили нас своим чудесным пивом и ещё в дорогу загрузили в нашу машину сопровождения несколько коробок своего чудесного продукта разных сортов...

И закончить я хочу своё выступление словами прекрасного французского писателя и лётчика (я заметил, как английский эксперт – дама, похожая на изнурённую работой худую лошадь, презрительно скривила губы) и просто очень хорошего, на мой взгляд, человека, Антуана де Сент Экзюпери, которые он так точно написал о воде. Чтобы ничего не перепутать, я прочту вам одну или две его цитаты по записочке. Итак:

«Вода! У тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя не опишешь, тобой наслаждаешься, не понимая, что ты такое. Ты не просто необходима для жизни, ты и есть жизнь. Ты величайшее в мире богатство, но и самое непрочное, – ты, столь чистая в недрах земли... Ты не терпишь примесей, не выносишь ничего чужеродного, ты божество, которое так легко спугнуть...»

И ещё одна его цитата. Как видите, я серьёзно готовился к выступлению во Франции, в Париже, воскресив в памяти некоторые изречения одного из любимых моих авторов по его книге «Планета людей».

Я взглянул на профессора Вилли и прочитал будто бы только для него одного:

«Если кто-то мыслит иначе, чем я, он не только не оскорбляет меня этим, но, напротив, обогащает меня».

Французы, присутствующие в этом небольшом зале, с мягкими сиденьями, расположенными амфитеатром, в ответ на чтение цитат, переводимых переводчиками на разные языки, согласно, и согласованно будто, довольно закивали головами. А кто-то из них даже захлопал в ладоши. А я уже продолжил своими словами:

– Эта простая, но очень глубокая мысль Экзюпери, и о воде, и об отношениях между людьми, говорит, в общем-то, о том, что все мы на нашей маленькой планете Земля, которую можно объехать даже на велосипеде, не причиняя, кстати, этим никакого вреда природе, находимся в одной лодке и связаны друг с другом. Поэтому я и обращаюсь к вам – международным экспертам по экологии – с просьбой по содействию включения Байкала в список всемирного наследия. Чтобы впредь это уникальное озеро могло быть под защитой мировой общественности, и не зависело от головотяпства отдельных, пусть даже и очень высокого ранга, чиновников нашей страны. Которые не могут до сих пор закрыть Байкальский целлюлозный комбинат, сбрасывающий свои отравленные стоки (пусть и очищенные, как утверждают эксперты) в уникальный водоём...

Что самое удивительное, через несколько лет Байкал действительно был включён в Список мирового наследия. А ещё через какое-то время, но уже в двадцать первом веке, был закрыт и печально известный Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат – БЦБК, так долго гадивший «в славное море, священный Байкал», в это уникальнейшее озеро планеты.

О вредности сточных вод для «священного моря» в разных газетах и журналах я написал не один десяток статей. Так что скромно надеюсь, что и в закрытии БЦБК, и во включении Байкала в Список мирового наследия есть и моя, пусть маленькая, толика...

Не думай, дорогой читатель, что я забыл о своём намерении ещё немного поговорить о художниках и их художествах, порою весьма сомнительных. К этому моменту я как раз и подхожу.

После моего выступления, прений, и очень скромного фуршета (бокал шампанского и тарталетки), нашу группу «велопробегистов», как назвала нас по-русски гид, сопровождающая потом нашу команду по штаб-квартире ЮНЕСКО, повели знакомиться со всевозможными достопримечательностями и в самом здании, и за его пределами.

Гидом нашим вызвалась быть гречанка. Может быть и оттого, что я с симпатией отозвался в своём докладе о её соотечественниках – древних греках.

По-видимому, тёмные от природы волосы её были испорчены перекисью водорода. И выглядели безжизненными и ломкими, но светлыми. Лицо у неё было миловидное. Фигура, что редкость для южных народов, была почти девическая, хотя ей было явно за сорок.

Сначала наш гид провела нас в садик ЮНЕСКО и показала место, где не более чем на десяти квадратных метрах уместился настоящий японский садик. Небольшой водоём с причудливо, и в то же время в строгой гармонии, «раскиданными» вокруг него огромными и не очень валунами, то стоящих в некоем нагромождении, то по отдельности, с лениво плавающими в крохотном озёрце зеркальными карпами, за которыми можно было наблюдать стоя на причудливо выгнутом деревянном красиво разукрашенном (чёрное и красное) мостике, перекинутом через водоём.

– Это дар ЮНЕСКО от Японии, – пояснила гид.

Из садика через широкие стеклянные двери мы вновь вернулись в здание.

В каком-то пустынном, просторном холле гид обратила наше внимание на огромную висящую на стене картину Ильи Глазунова. На ней было изображено множество лиц – русские князья, царские династии, выдающиеся люди и политики, поэты, музыканты...

И среди этих порою неведомых мне лиц я как бы заново узнавал и уже знакомые: Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского – с его колючим взглядом, коротко стриженного, в добротном костюме-«тройке» с галстуком...

Отчего-то вспомнились и его стихи, написанные в те времена, когда он был нешуточно влюблён в эмигрантку первой волны Татьяну Яковлеву, живущую в Париже. Он писал: «Я хотел бы жить и умереть в Париже. Если б не было такой земли – Москва». А конкретно к ней были обращены другие строки из его стихотворения «Письмо Татьяне Яковлевой»: «Ты одна со мною вровень ростом...» Высокая, значит, была девушка. И ещё о ней же: «Вошла решительно, как нате, муча перчатки замш. И тихо сказала: «Знаете, я выхожу замуж».

Маяковский познакомился с Татьяной Яковлевой в 1928 или 1929 году.

Полюбив эту девушку (ей тогда было 22-23 года), он почти месяц прожил в Париже. (Я тоже прожил почти месяц и в Париже, и у Татьяны, только Литвиновой, а не Яковлевой, во Владикавказе)...

Маяковский сделал Татьяне Яковлевой предложение «руки и сердца» (как и я, и тоже Татьяна), получив при этом тоже положительный ответ. Но ещё раз приехать в Париж (как и мне в Орджоникидзе – Владикавказ) ему не удалось. И в этом, – в неполучении документов для поездки за границу, насколько мне известно, очень постаралась сожительница поэта по их московской коммунальной квартире, Лиля Брик.

В 1930 году Татьяна вышла замуж за виконта дю Плесси (а Татьяна Литвинова – за какого-то своего осетинского родственника). В этом браке у неё родилась дочь Франсис. Возможно, и у Татьяны Литвиновой есть дети. И я был бы очень рад тому, что судьба её сложилась счастливо. А в 1941 году муж Татьяны Яковлевой – лётчик, воюя с фашистами, как и его соотечественник Экзюпери, погиб. И награду за его подвиги она получала из рук самого Шарля де Голля, ставшего впоследствии президентом Франции.

А ещё Татьяна Яковлева была дружна со знаменитой актрисой Марлен Дитрих, признанной красавицей. И если кто-то начинал хвалить точёные ноги Марлен, она обычно отвечала: «Да, они ничего. Но у Татьяны – лучше».

Кроме всего прочего, Татьяна пророчески предсказала Иосифу Бродскому, что он получит Нобелевскую премию в области литературы. Причём предсказание её случилось за двадцать лет до состоявшегося потом события...

Вот какой длинный ассоциативный ряд вызвало у меня лицо Маяковского.

– Это дар ЮНЕСКО от России, – пояснила гид, быстро устремившись затем (пройдя, правда, не более десятка шагов) к другой картине, висевшей в этом же холле на противоположной стене.

Подождав, пока все подтянутся к новому произведению искусства, наша провожатая прямо так с придыханием, как влюблённая гимназистка о предмете своей любви, произнесла:

– А это подарок ЮНЕСКО от самого Пабло Пикассо! «Падающий Икар», – указала она на висящую на стене картину.

Икара, впрочем, на картине никакого – ни падающего, ни парящего – не было. Да и картины самой, в общепринятом смысле этого слова, тоже, на мой взгляд, не было. А было на сером, даже не загрунтованном холсте, натянутом на сильно вытянутый по вертикали подрамник, несколько небрежных жирных, чёрных линий и небольшой круг. Круг подразумевал голову (так обычно человечков рисуют дети) и находился внизу полотна. А от «головы», проведённая будто малярной кистью, отходила коротенькая тоже якобы «шея». А дальше, за этой короткой полосой, в разные стороны шли ещё две полосы, призванные изобразить раскинутые «руки». За «руками» шла длинная (метра полтора) вертикальная полоса – «тулово», за которым тоже в разные стороны были раскинуты, правда, не так сильно, как «руки», загнутые в конце под прямым углом «ноги».

Обернув к нам восхищённый взор и увидав моё обескураженное выражение лица, гид спросила:

– Вам не нравится?

– Нет, – ответил я честно. – А вам?

Она на минутку задумалась. А потом отчего-то шёпотом, словно это была великая тайна, произнесла с глубоким вздохом и решимостью (словно готовилась прыгнуть в холодную воду):

– Мне тоже, в общем-то, не очень. Но все говорят: «Гениально!»

– Никогда не верьте тому, что «все говорят». Правы обычно бывают не массы и толпы, а единицы, – ответил я, не став дальше развивать эту тему.

Моё же личное впечатление от сего произведения сводилось к тому, что Пикассо, скорее всего, просто не знал, куда деть это своё незавершённое «произведение». Выбросить – жалко. Продолжить над ним работу дальше – видимо, не хотелось по каким-то причинам. Вот и пришла в голову идея – подарить. Поскольку продать это выгодно было бы, наверное, всё-таки проблематично. Да и совсем уж бесстыдно, пожалуй. Впрочем, подобными художествами грешили многие живописцы, ставшие известными при жизни. Когда уже не они работали на имя, а имя работало на них...

Проза

Сергей Трахимёнок

Сергей Александрович Трахимёнок родился в 1950 году в городе Карасук Новосибирской области. В 1977 году окончил Свердловский юридический институт. С 1990 года живет в городе Минске. Доктор юридических наук, профессор. Член Союзов писателей России и Беларуси. Признанный мастер остросюжетной прозы. Автор трёх десятков книг, издававшихся в Минске, Москве и Санкт-Петербурге, четырнадцати сценариев кино и видеофильмов.

Обладатель «Золотого купидона» – национальной литературной премии 2008 года за роман «Синдром выгорания» (Беларусь).

Лауреат литературной премии Уральского федерального округа 2012 года за роман «Чаша Петри или русская цивилизация: генезис и проблемы выживания» (Россия).

Лауреат Всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка 2015 года за книгу «Повести разных лет».

Дипломант национального фестиваля в Бресте (Беларусь – 2007) и «Бородинская осень» (Россия – 2008) за сценарий к фильму «Чуть смелее других», фестиваля спортивных фильмов в Липецке (Россия – 2012) за сценарий фильма «Терновые венки Олимпа».

Родная кровинка

Рассказ

Заседание кафедры закончилось поздно и Галина Ефимовна или, как её звали студенты, доцент Прошкович, опоздала на службу в Соборе Петра и Павла. Когда она появилась в церкви, прихожане уже расходились. Она купила свечку, поставила её перед иконой Скорбящей Божьей матери и помчалась домой, чувствуя вину за суету, с которой она всё это сделала. Чтобы успокоить себя, дала слово завтра придти пораньше, отстоять службу и помолиться...

Проехав на метро до конечной станции, она долго ждала автобус, понимая – чем дольше его не будет, тем труднее будет в него втиснуться и придётся ждать следующего. Но получилось иначе, стайка молодых парней ринулась к открытым средним дверям, и Галину Ефимовну внесло в салон, а потом притиснуло к какому-то мужчине, от которого пахло крепким табаком и только что выпитой водкой.

В своей жизни Галина Ефимовна не раз сталкивалась с таким запахом, но сегодня она почему-то вспомнила, когда почувствовала его впервые. Этот запах исходил от Павлюка, полица из соседней вёски*...

* * *

В начале войны ей было четыре года, но она не помнила того, что все вокруг называли началом войны, она словно отсутствовала где-то до сорок второго года.

Маленькая Галя смотрит в окно, в котором виден кусочек леса с жёлтыми мелколистными берёзами и зеленеющими между ними елям.

Посея-а-ла огиро-о-чки, низко на-а-д водо-о-ю,
Сама бу-у-ду полы-а-ваты, дрибною-у слезою...

...поёт отец, ловко управляясь шилом и иголкой: он подшивает старые валенки. Пара новых валенок лежит рядом.

* Вёска – деревня

Немецкое командование довело до сведения всех жителей приказ об очередной сдаче тёплых вещей и валенок. Отец с матерью решили себе оставить валенки старые, а две пары новых сдать. У отца был хороший полушубок, его от греха подальше спрятали на горище*.

Починив старые валенки, отец идёт на сборный пункт в деревню, где стоит немецкий гарнизон, она в семи километрах от Заболотья. Пока отца нет, мать, подумав, прячет на дно большого куфэра** ещё одну дорожную в хате вещь – пуховую шаль.

Павлюк появился на следующий день. Одет он был в чёрный бушлат, с серым воротником и обшлагами... Два ряда металлических пуговиц, ремень. За спиной короткая винтовка.

– Карабин, – сказал брат Стёпка, которому тогда было восемь лет, но в оружии он разобрался лучше старшей сестры Наташки и матери.

Это не обычное, как у большинства жителей близлежащих деревень, одеяние придавало ему вид не здешний и уж конечно не домашний. Вместе с ним был ещё один полицаи, одетый так же как и Павлюк, но ростом поменьше и помоложе.

Отца в хате не было. И мать встретила Павлюка в штыки.

– Чего явился?

– Службу справляю, – ответил он.

– Яку службу?

– Где полушубок? – прервал он мать, не желая продолжать пустой, по его мнению, разговор.

– Якой полушубок?

– В яком Яхфим прошлую зиму ходил, – сказал Павлюк, передразнивая мать.

– Нету полушубка...

Павлюк снял с плеча карабин, передал его напарнику и полез по лестнице на чердак.

Отец прятал полушубок в расчёте на то, что немцы его не найдут. Но там, где можно ввести в заблуждение оккупантов, трудно обмануть местных. Уже через минуту Павлюк спускался по лестнице с полушубком подмышкой.

Мать ухватила за воротник и стала с остервенением вырывать его.

– Отдай, – говорила она. – Ты его шил? Ты его наживал?

Павлюк мотнул мать в одну сторону, а потом в другую, и легко вырвал полушубок.

– Тетка Ходора, – сказал он, – будешь обманывать новую власть, дети сиротами останутся.

Он бросил полушубок на плечо напарнику и схватил маленькую Галю подмышки. Мать мгновенно забыла про полушубок и бросилась выручать дочь. Но Павлюк повернулся к матери спиной и подбросил Галю в воздух так, что она едва не ударила головой о потолок.

Всё произошло очень быстро, и Галя не успела даже испугаться. Она только помнит, как взлетела в воздух и снова попала в крепкие руки Павлюка. Именно в этот момент и ударил ей в нос тот табачно-водочный запах.

Павлюк поставил девочку на пол и сказал матери:

– А Яхфиму передай, что он у меня должник.

* * *

Домой на Юго-Запад Минска Галина Ефимовна приехала к девяти часам. Открыв дверь своего подъезда, она пошла к лифту и натолкнулась на парочку, которая целовалась в углу лестничной площадки.

– Хм, – произнесла Галина Ефимовна, но молодёжь не обратила на неё внимания, не прервала своего занятия, не смутилась, как это должно было случиться, по мнению Галины Ефимовны.

Кашлянув ещё раз для приличия, Прошкович дождалась прихода лифта, чувствуя спиной всё, что происходит на площадке, поднялась на восьмой этаж и позвонила в двери своей однокомнатной квартиры.

– Иду, иду, – раздался за дверью голос Алеськи, внучатой племянницы, которую она готовила к поступлению в вуз.

Алеська повернула ключ и дверь распахнулась.

– Привет, Алесья Александровна, – сказала Галина Ефимовна, – как гранит науки?

* Горище – чердак

** Куфэрак – сундук

– Грызём, тётка Галя, грызём, – в тон ей ответила племянница. Она никогда не называла её бабкой или бабушкой. А Галине Ефимовне это в некоторой степени импонировало.

– После ужина поработаем, – ответила та и стала раздеваться.

Алеська поступала в институт второй раз, в прошлом году она не прошла по конкурсу. Наученная горьким опытом, она заранее приехала к Галине и готовилась к экзаменам под руководством строгой родственницы. Алеська во всём внешне подчинялась требовательной бабке, но Галина Ефимовна чувствовала, что не стремление к знаниям привело в Минск Алеську. Если бы та могла остаться в столице без поступления в вуз, она не преминула бы сделать это. Но её отец поставил перед ней задачу поступить в столичный вуз. Только он, по мнению отца, мог быть основой для будущего благополучия дочери.

* * *

Заболотье называлось вёской, хотя в ней было всего три дома. И стояли эти три дома вовсе не за болотом, а рядом с болотом. Но кому-то в голову пришло так назвать этот хутор не хутор и вёску не вёску, непонятно.

Хата Прошковичей стояла крайней, рядом с ней была хата Ганы Болотки, а за ней, уже с другого края бабки Теклы, которую все чаще всего звали Куделихой.

До войны в каждом дворе были корова, поросята, овцы, куры. Ко дворам примыкали огороды. Кроме того, близость с одной стороны болота, с его брусникой и клюквой, а с другой – леса, с его ягодами и грибами давала заболотцам неоспоримые преимущества перед жителями больших сёл и райцентра.

Но прекрасным это место было в мирное время, а у военного времени своя логика. С началом войны Заболотье оказалось между молотом и наковальней, с одной стороны немцы и не без причины подозревали его жителей в связях с партизанами, с другой стороны партизаны своими посещениями ставили их на грань жизни и смерти.

Словно опасаясь, что там за пределами дома детей подстерегает опасность, мать не выпускала маленькую Галю дальше двора, тогда как старшая сестра десятилетняя Наташка и восьмилетний брат Стёпка таких ограничений не имели.

Наташка даже ходила какое-то время в школу, которую открыли немцы. И первые дни ей это нравилось. Но потом учитель отодрал её линейкой и отец сказал, что Наташка в такую школу больше не пойдёт.

Отец и старшие дети занимались хозяйством: работали в огороде, Стёпка управлял корову, Наташка давала корм курам.

У коровы на лбу было большое белое пятно и за это она имела кличку Лыска.

Может быть, потому что мать запрещала одной Гале выходить со двора, жизнь за изгородью казалась девочке таинственной и необычайно интересной.

Особенно ей нравилось бывать в гостях у соседей. Правда, их дворы и дома как две капли воды были похожи на хату Прошковичей. Но внутри их наряду с печкой, полатями, пристройками к печкам, которые назывались канапами, кроватями-ложками были вещи, которых не было у Прошковичей.

У Ганы старинное зеркало – люстерка, в почерневшем от времени деревянном окладе, узорные абрусы* (2) и сурветки** (3). У Куделихи прялка и кросны, а также широкие деревянные лопаты, которыми бабка ставила и вынимала хлеба из печи, а также необычного узора половики и постилка на кровати-ложке.

* * *

Справа на одном из болотных островов стоял отряд Бородина. Он был командиром Красной армии, оказался в окружении, а потом возглавил отряд, который входил в партизанскую бригаду «Смерть фашистам». Когда приходили его ребята, они всегда спрашивали: не заглядывал ли к нам Кондрат.

* Абрус – скатерть

** Сурветка – салфетка

Кондрат был командиром другого партизанского отряда. И отношение к нему было совершенно иным. За Кондратом тянулся шлейф каких-то мифов, необычных поступков, которые приводили в ужас жителей Заболотья и близлежащих сёл, в результате чего имя Кондрата всегда было на языке у жителей Заболотья. Поговаривали, что он не нашёл общего языка с командиром партизанской бригады «Смерть фашизму» и ушёл с группой своих бойцов в болота, создав свой отряд. Причём он занял место, которое комбриг берёг для так называемого гражданского лагеря. Лагеря, в котором могли жить семьи партизан, которые ушли из своих сёл, опасаясь преследования оккупантов за то, что их мужья и сыновья стали воевать с оккупантами.

Вдобавок он был местный, и так же как и Павлюк знал всё и вся. Говорили, что он бросил семью и женился на городской женщине, которая была родом из Ленинграда. Говорили, что он после партизанских акций оставляет записку «батька Кондрат», а также расстрелял двух бежавших из лагеря военнопленных только потому, что подозревал их в том, что их направили к нему немцы. Основанием для таких подозрений было то, что руки этих людей были без мозолей.

А ещё он явился на вечерку со своим адъютантом Васьком и «мобилизовал» к себе в отряд молодых хлопцев, которые оказались там.

Как-то между прочим, и между делом, раньше или позже всё, что творилось в округе – и немецкие облавы, и партизанские вылазки – становилось известным. Сначала об этом говорили родители, потом обсуждали между собой Наташка и Стёпка, и из этих отрывочных суждений у Гали складывалось собственная картина той жизни и тех событий.

* * *

Галина Ефимовна заканчивала ужинать на кухне, когда Алеська завелась петь в комнате.

Посея-а-ла огиро-о-чки, низко на-а-д водо-о-ю,
Сама бу-у-ду полы-а-ваты, дрибно-у слезою.

Ра-а-сти, р-а-асти огирочки, в четыре-е-е листочка
Не бачила миленького, четыре-е-е годо-о-чка.

Голос у Алеськи ангельский, поёт она «Огирочки» с украинскими интонациями и словами, прямо как когда-то делал это отец Галины. У него был абсолютный слух и, как теперь понимает Галина, способности к языкам. В детстве он окончил всего несколько классов сельской школы и далее всю жизнь учился сам. Ещё с Первой мировой у него была повреждена кисть левой руки. Однако он лихо управлялся одной рукой, и даже валенки подшивал и сучил дратву, помогая себе то больной рукой, то плечом, то зубами. Перед войной он был бригадиром в колхозе. С оккупацией колхоз перестал существовать и отец нигде не работал.

Обладал он и прекрасной памятью. Знал много песен и сказок. Без акцента мог говорить по-русски и по-украински. Причём сочетание «по-украински» он произносил не на русский манер, а так, как говорят на Украине, с ударением на второй слоге. Песни пел белорусские, но мог исполнить их по-украински. Так они звучали совершенно иначе, и такое непривычное и необычное звучание переворачивало душу маленькой Гали.

Удивительно, но ни дочери, ни сын Степан не унаследовали его слуха и голоса. А вот в Алеське он словно повторился.

А на пятый побачи-и-ла, як череду гнала,
Не посме-ела сказать: «Здравствуй», бо маты сто-ояла.

Бо маты-ы стоя-а-ла, да батько дыви-и-вся,
Як мой ми-и-лый чёрнобри-и-вый, на коня-а-а са-адився.

Алеська поёт, а у Галины Ефимовны на глаза наворачиваются слёзы, и она понимает, что никаких занятий с Алеськой сегодня не будет.

Она оставляет в раковине невытую посуду и идёт к Алеське, садится на диван, а та обхватывает её руками за талию.

– Вот видишь, – говорит Галина, – с милым заговорить боялись на глазах батьков, а сейчас...

Она хотела сказать, что сегодняшние молодые тискаются по подъездам, но сдержалась: понимала, что Алеська, опять же, внешне согласившись с ней, внутренне будет против, поскольку по её мнению это не такой уж большой грех, если не сказать большего, вообще не грех.

* * *

Летом сорок третьего Стёпка под большим секретом рассказал Гале, что хлопцы Бородина едва не перестрелялись с хлопцами Кондрата, поскольку и те и другие заказывали выпечку хлеба у бабки Куделихи.

И Куделиха, рискуя жизнью, пекла партизанам хлеб. Причём делала она это только ночами, потому что днём мог нагряться Павлюк.

– А ещё, – говорил Степка, – в доме у Ганны Болотки была партизанская свадьба, там пели, танцевали и пили самогон.

Самогон гнали все, он был чем-то вроде жидких денег. Такой же разменной монетой была махорка. И то и другое старались иметь в запасе. От тех же полицаев без самогона не отделаться. Соседка Ганна как-то пошла в райцентр в лавку за махоркой. Сразу же в лавке её поймали.

– Мужа нет, дети малые, значит, махорка для партизан, – сказал ей полицай и отвёл в какой-то сарайчик, местную тюрьму.

Ганна не особенно огорчалась, – разберутся. Однако один из сокамерников сказал, что полицаям наплевать на то, кому она покупала махорку. Им надо выслужиться перед немцами и представить тех, кто связан с партизанами.

– Так что, девка, – сказал он, – дела твои плохи. Но ты не голоси, а попросись до ветру, а в уборной две доски отходят, если выберешься незаметно – тебе повезло.

Ганна так и сделала. Она выбралась из уборной, проползла балкой подальше от места своего заключения и, дождавшись темноты, пришла в Заболотье.

– А ещё, – говорил Степка шёпотом, потому что отец обратил внимание на их разговор, – ночью приходил сам Бородин. Он с батькой говорил. Потом попросил у матери две тряпки на портянки. Мать стала копаться в куфэрке и оттуда выпала Библия, это книга такая про Бога. Бородин посмотрел на неё, полистал и сказал, чтобы она спрятала её подальше, а то ребята на самокрутки изведут.

Отец, словно почувствовав, что до дочери дошло то, чего ей знать ещё рано, говорит:

– Стёпка, геть на двор, корове сена дай.

Потом он подошёл к лавке, где сидела Галя, сел рядом и начал рассказывать сказку.

Каля рэчэчки Дняпра
Там хадила удава,
Там хадила удава.
Тай забачыла яна,
Тай на яваре арла.

И маленькая Галя тут же забыла рассказ Стёпки и перенеслась туда, где милый друг вдовы сражается с турками:

Ён с туркамі ваюе
По каленичкі в крыве

Ужас напал на Галю при этих словах, но дальше было ещё страшнее. И рубашечка на молодце «уся ускіпела от крыві».

И настолько образно Галя представляла себе «вскипевшую» от крови рубашку, что со временем стала бояться крови. И когда у них появилась Лизка, и когда мать впервые назвала её «родной кривинкой», Галя не могла отделаться от чувства, что это название когда-нибудь принесёт Лизке беду.

* * *

- Тётка Галя, – говорит Алеська, – а дед Степан старше тебя?
- Старше.
- А он был партизаном?
- Нет, он тогда был маленький.
- Ты же говоришь, что он старше тебя?
- Ну не настолько, чтобы воевать в партизанах.
- А ты видела партизан?
- После войны.

Галину Ефимовну удивляют эти вопросы. Хотя чему удивляться, наверное, для Алеськи борода-тый дед Степан жил в те стародавние времена, в какие всё могло случиться.

- А он не носил донесения партизанам?
- Нет, их носила тётка Наталья.
- Тётка Галя, а кого вы боялись больше, партизан или полицаев?
- Вот те на, партизаны были свои, а полицаи служили оккупантам. Кого нам было бояться? – отвечает Галина Ефимовна, чувствуя, что вопрос её покоробил.
- А дед Степан говорил, что партизаны у вас корову увели.
- Это были не партизаны.
- А кто?
- Вооружённые люди, бандиты...
- Да, а дед говорил...
- Что мог запомнить дед, он был ребёнком.
- А ты, ты тоже была ребёнком, ты запомнила?
- Да.
- Но ты же была ещё меньше.
- Зато я была впечатлительней. Ну, хватит о грустном, посмотри телевизор, а я помою посуду.
- Я сама помою.
- Ты помоешь завтра, а сегодня это сделаю я. Иногда это занятие отвлекает от ненужных мыслей.
- Ты прям как Агата Кристи.

Галина Ефимовна уходит на кухню, включает воду и начинает механически намывать тарелки, ложки и чашку, слыша, как Алеська переключает каналы «Горизонта».

* * *

Отец с утра натопил печку, сварил картошки и вся семейка за исключением матери сидит за столом, на котором лежат деревянные ложки, а перед ними несколько картофелин. Горячая картошка чистится плохо, и Наташка и Стёпка незаметно пытаются отвлечь друг друга, чтобы похитить у соседа чищеную картофелину. Но отец настороже, короткий удар деревянной ложкой по лбу – и всё становится на свои места: стол не место для игр и шуток. Правда, отец таким образом чаще всего наказывает Стёпку или Наташку, младшую дочь он милует, хотя она тоже участвует в этих шалостях. Тут ничего не поделаешь, если у тебя украли бульбочку, нужно воровать у соседей, иначе те облагают и будут это делать постоянно.

Галя чистит очередную картофелину и вспоминает вкус конфет, которыми её угощал немец по имени Ганс.

Ганс приходил к ним несколько раз. Был он высокий, тощий и, несмотря на тёплую погоду, ходил в шинели. Он долго бродил по двору, заглядывал во все углы хозяйственных построек, о чём-то говорил с отцом по-немецки. Из всех детей он почему-то выделял Галю. Брал на руки, давал круглые конфеты, говорил:

- Ин фатерлянд драй киндер.

После ухода немца отец усадил Наташку на табурет и, выпроводив всех из дому, сделал ей городскую причёску, накрутив косу на голове. Потом отправил с узелком к дальним родственникам в вёску, что находилась в одиннадцати километрах.

Вернувшись обратно, Наташка рассказала, что спокойно прошла немецкие посты, и её никто не остановил, потому что останавливали и проверяли только взрослых тёток и дядек. В вёске ей расплели прическу, извлекли записку, опять накрутили косу и отправили обратно.

Но посмотрев на себя в зеркало, Наташка расстроилась. Оказывается, Яхфим одной рукой смог заплести её лучше, чем дядька из вёски двумя руками.

Потом оказалось, что немцы проводили какую-то операцию, но кто-то предупредил жителей, и они ушли в лес.

Сразу же после этого пришёл Павлюк с двумя немцами и каким-то гражданским типом. Тип стал допрашивать отца:

– Что тут делал Ганс?

– Приходил менять свечи на яйца, – ответил отец.

– Покажи свечи, – потребовал следователь.

Отец достал из шкафчика несколько свечей, завёрнутых в тряпицу.

Следователь задал ещё несколько вопросов и ушёл.

В доме несколько дней было напряжённо, но потом всё как-то успокоилось. Всё обошлось, если не считать того, что Павлюк и его напарник вернулись и забрали последних курочек.

– А кто будет платить? – спросил отец, наблюдавший, как молодой напарник Павлюка сноровисто запикивает кур в мешок.

– А никто, – ответил Павлюк, – ты, Яхфим, у меня с прошлого года в должниках.

* * *

«Кто это так непривычно пищит? – думает Галя, просыпаясь, – на Надьку непохоже. У той голос значительно грубее».

Свесившись с печки, Галя видит, что мать сидит на лежанке и держит на руках свёрток, который пищит и извивается, как червяк. Галя начинает понимать – это младенец или, как говорили в вёске, немовляти. Мать даёт ему грудь. Писк на какое-то время прекращается.

Стёпка рассказывает Гале, что ночью приходил Кондрат с двумя партизанами и маленькой девочкой. Он сказал отцу:

– Или забираем корову, или возьмёшь девочку.

Девочку звали Лизкой, и было ей отроду несколько недель.

– Как жену зовут? – спросила мать Кондрата перед уходом.

– Тебе, тётка, какое дело?

– Время тяжёлое, вдруг не придёте за ней?

– Елизавета Кондратьевна она, – невпопад ответил Кондрат, но уже на выходе добавил: – а мать её зовут Ксения.

Адъютант Кондрата Василёк приходил несколько раз посмотреть, как мы обходимся с Лизкой, а потом перестал ходить.

Девочка была маленькой и слабенькой. На головке редкие волосёнки и короста. Галя с Наташкой стали рассматривать её, но мать сказала, что на маленьких детей нельзя смотреть так долго.

Мать кормила её грудью, делала соски из хлеба с отрубями, мыла её в отваре череды, мазала головку постным маслом, и через какое-то время все болячки Лизки прошли. А мать привыкла к ней и, поскольку Надька уже ползала и даже пыталась ходить, то на руках у неё чаще всего была Лизка. А уж после того как Лизка стала агукать и произнесла первое слово «мама», Ходора назвала её «родная кривинка».

* * *

Складывалось впечатление, что Павлюк знает всё, что делается в Заболотье. После прихода Кондрата он был тут как тут.

– Яхфим, – сказал он, – война кругом, жрать нечего, а ты детей стругаешь?

– Бог дал, – сказал, отец, – на сметник* не выбросишь.

– Кто из бабок роды принимал? – спросил Павлюк.

* Сметник – помойка

– Чего бабок беспокоить, я сам и принял, – ответил отец.

– Ну-ну, – сказал на это Павлюк, обошёл все углы хаты, словно хотел найти доказательства того, что отец ему врёт, и остановился, как бы вопрошая: «Что будем делать?»

Отец протянул ему старую торбу, в которой были кусок сала и бутылка самогона.

– А выпить со мной не желаешь? – спросил Павлюк.

– Ты же знаешь, я хворый, – ответил отец, – не пью.

– Ну-ну, – сказал Павлюк, покачался с пяток на носки, и ушёл.

И опять, как после визита Ганса, наступили тревожные дни ожидания несчастья. Но и на тот раз всё обошлось. То ли Павлюк поверил тому, что сказал отец, то ли не хотел связываться с Кондратом, поскольку тот был свиреп и не простил бы ему этого.

* * *

А девчонка со временем стала своей в семье Прошковичей. Наташка и Галя по очереди таскали её на руках, и она позволяла это делать. Правда, всегда косила глазами, не далеко ли её несут от матери. А так как чаще всего с ней приходилось сидеть Гале, то она освоила второе слово, и было оно отнюдь не «папа», а Гая, правда, звучало оно как «Гайя». В остальном её речь напоминала набор звуков, которыми она хотела высказать что-то её волнующее. И когда до неё доходило, что её не понимают, начинала обижаться и плакать. Ходить она так и не научилась, хотя к маю сорок четвёртого ей был уже почти год. На руках у матери она тянулась к Гале и

Наташке, но всегда настороженно реагировала на Стёпку и отца. Когда кто-то из Прошковичей-мужчин пробовал взять её на руки или шевелили пальцами рук, приглашая её, личико Лизки мгновенно сморщивалось, и она начинала плакать. В этот момент мать всегда поворачивала её головкой к себе и успокаивала:

– Ну, ну, – говорила она, – не отдам тебя Стёпке, не отдам, моя, моя...

* * *

Через полгода после появления Лизки Прошковичи лишилась последней живности, коровы Лыски. Было это в начале зимы сорок четвёртого. Удивительно, но молока матери хватало и Надьке, и приёмной дочери. Правда, к тому времени Надька уже смело пила коровье, тогда как у Лизки от него всегда начиналось расстройство живота.

В одну из январских ночей Галя почувствовал странную тревогу в доме и проснулась.

– Батька, – сказала мать, – никак к Лыске кто-то пошёл.

Во дворе слышался хруст снега от чьих-то шагов, а затем и раздался тяжёлый вздох, так могла вздыхать только Лыска. Мать бросилась зажигать свет. Но только она чиркнула спичкой, как по окну ударила автоматная очередь, и все, кто был в хате, без всякой команды бросились на пол.

– Не шевелитесь, – сказал отец, – не поднимайте головы.

Но никто и не хотел поднимать голову, все лежали на полу и кожицей чувствовали, как от них уводят их кормилицу.

Кто-то подошёл к окну и заглянул внутрь. Затем он исчез. Отец заткнул разбитое окно подушкой, обмотав её предварительно покрывалом от ложка.

Чуть рассвело, Стёпка и отец сходили в пуню. Лыски там не было. Всё это было странно. Между хлопцами Бородина и Кондрата было некое соглашение не трогать живность у тех, кто имел много детей. Наверное, это была какая-то случайная банда мародёров.

– А может, её вернут? – спросила Наташка на следующий день, – шаль ведь вернули.

Ни мать, ни отец на это ничего не ответили. А с шалью действительно приключилась удивительная история. Галя как-то простудилась и мать, напоив её кипятком, настоянном на сухой малине, закутала шалью и уложила спать на печку. А ночью у них ночевали два хлопца из отряда Бородина. Они ушли под утро, долго копались, одеваясь, не зажигая лампы и свечи. А утром мать с удивлением обнаружила, что куда-то исчезла шаль.

Но потом шаль принесли. Правда, это были другие парни. Впоследствии до Прошковичей дошли слухи, что об этом узнал Бородин и хотел расстрелять хлопца за мародёрство, но тот сказал, что взял шаль временно с согласия хозяев и обязательно вернёт им.

Почему Галина Ефимовна помнит лучше всего сорок четвёртый? Может быть, потому, что он богат на печальные события, а может, потому, что ей тогда уже было семь лет.

Мать всё больше привязывалась к Лизке, впрочем, как и та к матери.

Ходора, пытаясь укрепить ей ножки, часто держала её на руках, и та прыгала, упираясь в колени матери.

– Лиза, Лиза, Лизавета, – развесёлая кобета, – повторяла мать одну и ту же строчку какой-то песни.

* * *

Приближалось лето сорок четвёртого. Все понимали, что скоро оккупации придёт конец. Стали готовиться к тому, чтобы уйти в лес на время отхода немцев, так как боялись, чтобы они перед отступлением не отыгрались на местных за своё поражение.

Мать, словно предчувствуя скорое расставание с Лизкой, начала говорить о том, что Кондрат человек рискованный, он до конца войны не доживёт, и тогда Лизка останется у нас.

– А Ксения? – спрашивал отец.

– А что Ксения, – говорила мать и логика её была настоящей женской, – она баба молодая, ей за муж надо будет выходить за городского, а кому она нужна с ребёнком...

Но в одну из ночей мая к ним пришёл Васёк и сказал, что у Кондрата появилась возможность отправить Лизку и Ксению самолётом на Большую землю. Но мать не отдала ребёнка, и Васёк ушёл ни с чем. На следующую ночь явился сам Кондрат.

– Оставь ребенка, – говорила мать, – кончится война, тогда и придёшь.

– Всё, тётка Ходора, – сказал суровый командир, – мои приказы обсуждению не подлежат.

Мать начала суетливо собирать Лизку в дорогу. А та, словно почувствовав расставание, начала плакать. Тогда мать зашла за печку и стала кормить её грудью, приговаривая:

– Всё хорошо, ну, ну... моя, моя... Но Лизка никак не могла успокоиться, наверное, тревога матери передавалась и ей.

– Заворачивай её, Ходора, – потребовал Кондрат.

Мать запеленала Лизку и укутала сверху пуховой шалью.

– Ночью в болотах сыро, – сказала она, – не простудите её.

И казалось, что всё закончится благополучно, но в последний момент мать как с ума сошла. Первый это понял отец, он бросился к ней и обхватил руками, и придавил спиной к печке, иначе она выцарапала бы Кондрату глаза. Кондрат же направился к дверям, а Васёк как настоящий адъютант прикрывал его отход, пятясь задом за своим командиром, выставив вперед шмайсер.

Слухи о дальнейшей судьбе Лизки были противоречивы. Говорили, что её удалось отправить самолётом в Москву, а потом говорили, что самолёт не прилетел, и её передали родственникам Кондрата, которые после освобождения почему-то сразу же отправили её в Ленинград.

Чуть позже узнали, что в том же мае погибла Ксения. А Кондрат уехал в столицу и в наши места не приезжал ни разу.

Наташка к пятидесятым годам стала уже взрослой, и на постоянные приставания матери написать в Ленинград и разыскать Лизку сказала однажды, что Лизка живёт в Ленинграде, и пошла в школу, поскольку она развитая, и её приняли с шести лет.

Мать тут же стала вспоминать о том, как быстро Лизка училась говорить и, конечно, была умненькой.

– Вот Надька, – говорила мать, – научилась говорить в два года, – а Лизка, она бы... А ты откуда это знаешь?

– Однокурсник по техникуму в Ленинграде справки наводил, – ответила, не моргнув глазом, Наталья.

С той поры всё и началось. «Однокурсник» Натальи стал время от времени сообщать о житье-бытье Лизки. А мать долго жила каждой новостью, повторяла её, комментировала каждое Лизкино действие.

Эта ложь во спасение потянула за собой серию других. Так постепенно Лизка росла, часто болела, лежала в каких-то детских больницах, но с честью справлялась с болезнями.

– Голодное детство, – говорила мать, – вот если бы её свозить на юг.

Через год Лизка «стала ездить на юг», и ей «стало получше». Но «эти поездки» породили другую опасность. Мать стала интересоваться: каким поездом Лизка ездит на юг?

– И что бы ей не заехать к нам в гости, – говорила она, – ведь не чужие же мы ей. Вот ты, Галя, её на руках таскала, хотя сама была до печки вершок...

Но Лизка так и не заехала к матери. А потом и вообще закрутилась: поступила в институт, окончила его с отличием, стала работать в каком-то важном учреждении. Потом вышла замуж. Но детей у неё так и не появилось. Наталья, ожегшись на «поездках Лизки на юг», интуитивно понимала, что мать может пожелать увидеть Лизкиных ребятшек, может попросить связаться с Лизкой, то есть Елизаветой Кондратьевной, и попросить её привезти детишек на лето.

Потом с Натальей случилось несчастье. Она с мужем возвращалась домой, и машина врезалась в грузовик, который выехал к ним на встречную полосу.

Когда горечь утраты по дочери немного утихла, мать опять стала вспоминать о Лизке. И тогда эстафета рассказов о жизни в Ленинграде Елизаветы Кондратьевны перешла к Галине. И Галина стала делать это так же, как и Наталья, с той разницей, что осознавала греховность этого: в одну из ночей ей вдруг пришло озарение, а не наказал ли Всевышний Наталью за эту ложь. Но остановиться было уже невозможно. Галина понимала, что мать этого не вынесет.

Рассказы о Лизкиной жизни Ходора принимала с гордостью и ревностью одновременно. И только однажды высказала ту мысль, которую предполагала когда-то Наталья.

– А вот родятся у Лизки дети, и будут ездить ко мне на лето. А что, у нас тут хорошо, лес, болота, грибы, ягоды.

Но Лизка «всё время отдавала работе» и ей было не до детей. И тогда мать стала её осуждать за то, что она не думает о детях.

– Наверное, ходит в пальто с горжеткой, – говорила она, – живёт в многоэтажном доме рядом с Таврическим садом. А кто о ней позаботится, когда она станет старой?

Про Таврический сад мать знала из книжки, которая была у внука Сашки, сына Натальи.

И вот уже и дочь Сашки поступает в институт. Быстро летит время.

Мать переживала отсутствие детей у Лизки, не замечая, что семейная жизнь её родной дочери Гали не складывается, что она разошлась с мужем и детей у неё, скорее всего, уже не будет.

* * *

Вчера опять был страшный день, о котором вспоминать не хочется. Во двор пришли какие-то странно одетые солдаты.

– Французы, – сказал отец.

На ломаном русском они попросили накрыть на стол. Отец поставил на скатерть стаканы, самогон, тарелку с квашеной капустой и большую миску с картофелем.

Увидев всё это, гости разозлились.

– Партизан – большой картошка, нам – маленький, – кричал один из них отцу.

И тут случилось то, чего Галя не могла понять.

– Мы для своих детей готовили, а не для вас, – сказал отец, а потом добавил что-то на каком-то языке, похожем на воркование голубей.

Французы выскочили из-за стола и бросились к нему. А Галя, спрыгнув с печки, вцепилась отцу в ноги, боясь, что французы его заберут. Так и стояла она, закрыв глаза, слыша, как кричит мать, и как о чём-то говорят французы, понемногу понимая, что интонации их речи не несут ничего страшного. Уже после войны Галя узнала, что в Первую мировую отец был в плену и там научился говорить по-немецки и знал несколько фраз на французском.

При всём том, что рацион семьи Прошковичей был небогатым, дети, если и не были сыты, то большого голода не испытывали.

Из крапивы и щавеля варили суп, заготавливали грибы, даже подорожник и цветочки конюшины* собирались, сушились, толклись в ступе и служили приправами и добавками к супам, борщам, болтушкам из муки и затиркам.

Но желание наесться от пуза присутствовало постоянно.

* Конюшина – клевер.

Со временем мать стала отпускать Галю в лес с Наташкой, а чаще всего со Стёпкой. Вот и сегодня Стёпка лазает по берёзам и собирает вороньи и сорочьи яйца.

Иногда он пытается поймать сороку, но в круглых сорочьих гнёздах два входа, и если ты всунешь руку в один, то сорока мгновенно выскочит из другого. С вороньими гнёздами ещё сложнее – они полностью открыты. Стёпка держит в зубах за завязки шапку, в которую он складывает голубовато-зелёные в крапинку яйца.

Вот он спускается вниз. Галя рассматривает добычу, радуется, что тонкие скорлупки не повредились. Стёпка разводит костёр и в его золе печёт яйца. Делать это нужно осторожно, чтобы они сразу не потрескались, не вытекли, не смешались с золой. Но всё равно яйца всегда подгорают с одной стороны. Стёпка по-братски отдаёт Гале несколько штук из своей доли, а потом, откусывая принесённые из дому варёную картошку и хлеб, Галя с братом поедает добычу.

– Матери не говори, – предупреждает брат, когда они возвращаются домой, – что мы сорочьи яйца пекли.

– Ладно, – отвечает Галя.

Впрочем, ей и в голову не пришло бы рассказать об этом матери.

Стёпка кажется ей большим и серьёзным парнем, который всегда защитит её от опасностей и подводить Стёпку она не будет, хотя Галя до конца не понимает, что плохого в том, что они пекли и ели сорочьи яйца.

Стёпка шагает впереди, а Галя плетётся за ним. И ей не страшно в лесу, потому что с ней её старший брат, который, однако, совсем недавно чуть было не подвёл всю семью.

Уже с первых месяцев оккупации у жителей вёсок сложилось негласная договоренность в случае опасности всем находиться дома или в одном месте.

– Если уж случится что, так всем один конец, – повторяли родители.

Стёпка был у соседей, когда услышал звук мотоциклетных моторов. Он выскочил из хаты Ганы Болотки и бросился домой.

Увидев бегущего мальчишку, немцы окружили хату Прошковиной, обыскали все углы, чердак, запечье, испороли все подушки. Они подумали, что Стёпа бежит предупредить прячущихся в хате партизан.

* * *

Уже став преподавателем истфака, Галина Ефимовна пыталась в архивах найти упоминание об отряде Кондрата, его личном составе. В книгах о партизанском движении бригад с названием «Смерть фашистам» было несколько десятков. Но Галина Ефимовна разыскала и Бородина, и Кондрата. Кондрат значился командиром отдельной диверсионной группы.

Далее шли сводки и отчёты о деятельности бригады, её отрядов и групп и ничего больше.

Тогда она стала искать очевидцев. Медленно, по крупицам она восстановила картину той блокады, в которую попала в мае сорок четвёртого группа Кондрата.

А после того как восстановила, с ещё большей ревностью стала рассказывать матери о Лизке.

Отец умер в семьдесят пятом, мать пережила его на пятнадцать лет.

Со временем она всё меньше вспоминала о «родной кривинке».

– У неё своя жизнь, – как-то философски заметила она и больше никогда не спрашивала: – Дочь, что там слышно о Елизавете Кондратьевне?

И только перед смертью вдруг сказала:

– Умру, наверное, скоро?

– С чего это ты вдруг? – начала было Галина.

– Лизка сегодня приснилась...

После смерти матери у Галины Ефимовны отпала обязанность рассказывать о жизни в Санкт-Петербурге её приёмной дочери. И о существовании Елизаветы Кондратьевны в семье Прошковиной не вспоминали.

* * *

Май сорок четвёртого. Немцы блокировали соседнюю партизанскую бригаду. И по стечению обстоятельств в блокаду попал и отряд Кондрата. Тактика партизан в таких случаях была проста: разбиться на маленькие группы и пытаться прорваться. Но Кондрат не стал дробить свой отряд.

Не имея возможности получить у местных жителей продукты, уклоняясь от поисковых групп противника, отряд пытался нащупать места, где можно было либо пойти на прорыв, либо выскользнуть из окружения незамеченным. Но куда бы они ни выходили, везде были немцы, стояла военная техника, и громкоговорители убеждали партизан сдаться и получить помилование от немецкого командования, помыться в бане и сытно поесть.

Оставалась одна надежда на выход к стыку двух лесных массивов в надежде прорваться именно там, хотя никаких данных, что там нет противника или противник сосредоточил малые силы, у командира не было. Впереди, в пределах видимости были видны спины двух дозорных, остальные же брели одной группой. Бойцы не спали и не ели несколько суток. Недовольство решением Кондрата не разбивать отряд на группы росло и переходило в ропот. Ксения несла на руках Лизку, время от времени давая ей пососать тряпочку, в которую был замотан сухарь. Но это уже не устраивало ребёнка, и та стала пищать.

– Оставь её, – сказал Кондрат жене.

Та отрицательно мотнула головой. Кондрат, не привыкший к возражениям, снял с плеча Васька шмайсер.

– Оставь...на купине*

Ксения, спотыкаясь и оглядываясь на мужа, не передумает ли он, положила пищаний свёрток на болотную кочку.

– Иди, – сказал Кондрат ей, указав стволом автомата в сторону, куда двигался отряд.

Васёк увлек Ксению за собой, а Кондрат остался возле болота, в ожидании, когда последний из его бойцов скроется за стволами деревьев. Среди множества лесных шумов плач ребёнка был хорошо слышен. Но вдруг он прекратился. Лизка, словно почувствовав, что именно от этого зависит её жизнь, замолчала.

Ксения вырвалась из рук Васька и побежала обратно. Однако плач тут же возобновился, но... последовала короткая автоматная очередь, и Лизка больше не плакала.

В тот же день группа Кондрата прорвалась на стыке двух лесных массивов, потеряв две трети своего состава. Среди погибших была и жена Кондрата Ксения. Те, кто остался жив, говорили, что она искала смерти, и та пришла к ней.

* * *

На следующий день Галина Ефимовна отстояла службу в Соборе Петра и Павла.

Она поздно пришла к Богу. В храм ходит время от времени, плохо разбирается в обрядах и не знает многих молитв. Но каждый год в конце мая всегда посещает Собор Петра и Павла.

Из услышанного во время служб и некоей логики моления она составила свою молитву, в которой просит прощения за ту многолетнюю ложь, и ... упокоения душе Рабы Божьей Елизаветы... на поле боя убиенной.

* Купина – кочка.

Проза

Андрей Растворцев

Андрей Растворцев родился в 1958 году в с. Гонжа Амурской области. Детство и юность его прошли в Бурятии, в пос. Селенгинск, что находится в отрогах Хамар-Дабана у Байкала.

Андрей Васильевич по образованию геодезист. В 1978 году окончил Ленинградский топографический техникум. В настоящее время работает начальником топографо-геодезической партии Экспедиции № 138. Проживает в г. Чебоксары.

Автор книг: «Тринадцатое полнолуние» (Чувашское книжное издательство, 2015 год), «За тех, кто в поле», «Свободное плавание», «От любви до любви», «Там хлебом пахнет дым», «Полёт сквозь август», «Когда однажды обмелеют реки...», «Точка возврата», «Лунная дорога», «Хранители очага», «Домовёнок Фока и его друзья», «Новые приключения домовёнка Фоки его друзей».

Публиковался в литературно-художественных журналах:

«ЛИК», «Таван Атал (Родная Волга)», «Иван-да-Марья» (г. Чебоксары), «Невский альманах» (г. Санкт-Петербург), «Дальний Восток» и «Родное Приамурье» (г. Хабаровск), «Литера» (г. Йошкар-Ола), «Великороссь» (г. Лобня), «Юность», «Молодая гвардия» (г. Москва), «Берега» (г. Калининград), «Однако, жизнь» (Белоруссия), сетевом русскоязычном журнале «Испанский переплёт» (Испания), международном интернет-журнале «Русский глобус».

Отражённые облака

Рассказ

А кругом – взгромождённые ярусы,
Облака – облака – облака...

В. Ходасевич

Каменная осыпь длинным языком своим вползает в сосновый лес у подножья горы и в нём теряется. Огромные валуны и булыжники, когда-то бывшие единой монолитной скалой, прикрываясь зарослями малинника и мелким осинником, всё глубже врастают в землю. И только несколько глыб, сумевших прорвать передовую линию сосняка, гордо и осанисто выглядывают из рыжих останков опавшей хвои коренного леса. У основания одной такой, величиной с маленькую скалу, бьёт родник. Родниковая вода стекает в песчаное углубление и, переполняя его, тонкой струйкой по дну овражка перетекает в маленькое болотце.

На ровной, словно специально кем-то выбитой в камне площадке стоит мятая кружка. Чуть далее – костровище, за костровищем шалаши из еловых лап. У шалаша несколько холицёвых мешков, большой прокопчённый котелок, миска да пара деревянных ложек с отколотыми, а может, и обкусанными краями. На настиле из сосновых плах столярные инструменты: большой фуганок, лучковая пила, долота, скобель, моток бечевы, куски мела. Над поляной сизая пелена от тлеющих дымокуров. Дым сырых веток сегодня против комара в самый раз...

Хорошо отточенное закруглённое лезвие плотницкого топора легко входит в тело закреплённого на плахах соснового бревна и подламывает отделяемую щепу словно шерхебель. Лицевой кант получается ровным, без волн. В опытной руке топорнице сидит плотно и усадисто. Дело делается знакомое, взмахи топора размеренные, без суеты и спешки. Спешка любому хорошему делу только во вред...

Он и дерево-то без суеты выбирал. Хотя, вроде бы чего его, дерево это, выбирать, оглянись – вон их кругом сколько! Бери любое. Не-е-ет. Для поклонного креста любое дерево не пойдёт. Чем

выше будет крест, тем тоньше и крепче нужен брус. Хорошо бы, конечно, из дуба или там кипариса, только откуда в нашей тайге такие деревья?! Можно и из осины, да нужной высоты дерева среди осин не сыскал.

Остановился на сосне.

А уж как с деревом-то определился, дальше всё просто – стилил, обрубил со ствола сучья, перекапывал бревно на заранее расчищенную поляну, на плахи уложил. Скобелем от коры зачистил. Для себя заранее решил – кант с тыльной стороны делать не будет – был бы кто в помощь, а так... Кант только по трём сторонам.

Разметил бревно, затеси сделал, да помолясь и за топор взялся...

Доброе дело всегда не в тягость. Душа и руки знали, что делают. Потянулись дни – летние, долгие, жаркие, после Ильи с прохладой, по сентябрю дождливые...

Работу, начатую долгими июльскими днями, закончил он только в конце сентября. По первым заморозкам.

Над сложенной из некрупных валунов и скреплённой по периметру брёвнами голгофе на небольшом возвышении у родника стоял восьмиконечный поклонный крест. Высокий, четырёхметровый.

Над главной вертикальной перекаладиной две укороченные и одна косая, верхний край которой направлен к северу, нижний – к югу.

На малой верхней перекаладине надпись: «Иисус Назорей Царь Иудейский»...

Ещё двое суток он не уходил от креста – прибирал поляну, жёг стружки, щепу. Молился. Последними в костры пошли останки шалаша...

Ну, вот, теперь на зиму и домой. А уж по весне здесь и часовенку можно ставить.

Негоже роднику святому без часовенки, сила в нём великая...

1.

Летняя ночь в лесу наполнена звуками: шорохами, стонами, чьими-то осторожными шагами, шуршанием опадающих листьев, потрескиванием сухих веток, криками ночных птиц, вздохами, протяжными скрипами деревьев. Чьи-то крылья с лёгким свистом прорезают прохладу ночи. Писк умирающей плоти.

Для жизни, как и для смерти не существует ни дня, ни ночи, ни смены времён года...

Но пока горит костёр, пока стреляют прогоревшие угли и в чёрное, почти угольное небо улетают искры, пока тлеет неспешный разговор, звуки ночи не беспокоят душу.

Но лишь только костёр догорит, ночь вступает в свои права: тьма и шорохи даже сквозь прикрытые веки пробиваются в душу. Лёгкая тревога и беспокойство холодят сердце, а встревоженный разум наполняется воображаемыми опасностями.

И только вид безмятежно посапывающего во сне товарища рассыпает в прах ночные страхи. Сон наливает свинцом веки, глаза закрываются...

Пётр Фадеев и Иван Еремеевич Конев полжизни знакомы. А может, и больше. Одно время дружили крепко. Семьями. По молодости всю округу исходили-исползали, сначала одни, потом с жёнами, а после уж и с детьми. Каждую сопочку, каждую тропочку, каждую речку и ручейки наперечёт знали. И грибниками-ягодниками заядлыми слыли, и рыбаками-охотниками были. Да что говорить...

Потом жизнь развела. Конев в город с женой уехал, к сыну старшему. Да что-то там не задержался, не сжились как-то – в соседней области в леспромхозе обосновался. Фадеев к этому времени овдовел, квартиру детям оставил, сам на дачу перебрался. Благо, дача рядом с посёлком – да при машине это и не главное.

С той их дружбы годов-то много пролетело, но связь мужики не теряли. Сначала переписывались, а как сотовые телефоны в моду-то вошли – перезваниваться начали. А нынче, при оформлении пенсионных дел, Иван Еремеевич в посёлок-то собственной персоной наведалься, да в гости к Петру и заглянул. А в гостях и задержался. Куда пенсионерам торопиться?..

На третий день воспоминаний и на рыбалку выбрались. Заехали с вечера. Костерок, ушица, ну, соответственно, грамм по двести на брата – хорошо!

Коневу и место внове, и озеро незнакомо: без него уж Пётр это место с озером разведаль. Ну, так

тем и интереснее, новое – оно ж всегда притягивает. Тем более друг наобещал кое-чего необычного показать...

Встали рано – только-только горизонт светлеть начал. Не спеша сполоснулись, на костерок чайничек взгромоздили. Холодной юшки похлебали. После вчерашнего принятого хорошо юшка на душу легла. Словно живая вода. А тут уж и макушки деревьев порозовели...

Солнце пропёкшимся блином выкатилось над лесом. Побежало рыжей дорожкой по озеру. Предутренний ветерок стих, и невесомый туман, цепляясь за кусты и травы, стал затягивать берега. Лик озера разгладился.

Сквозь зеленоватую толщу воды, сначала лёгким нечётким абрисом, затем всё явственнее стали прорисовываться контуры православного храма. Пять маковок его куполов блестели позолотой, белёные стены отливали серебром.

Заиграли заутреню. Чистый малиновый звон заструился над озером и притихшим лесом. На прибрежных раскидистых ивах перестала трепетать листва.

Ясный рассвет да долгая песня колоколов. Время застыло...

Но вот в лесу раздалось первое кукушкино: «Ку-ку...» – и гладь озера будто кто задел рукой, колыхнул ли невзначай, озеро подёрнулась лёгкой рябью, закачались кресты на куполах, изображение храма стало двоиться, трояться, а затем медленно растворилось в глубине озера...

2.

– Видел?..

Оторопевший Конев задумчиво и недоумённо мотнул головой.

– Видел...

Чуть помолчав, добавил: – И даже слышал...

– Звон колокольный?..

– Звон колокольный... Бред какой-то! Не бывает же такого!

– Не бывает... А здесь – сам видишь... Такое вот дело...

Иван Еремеевич ничего не ответил. Откинувшись спиной на ствол кривой берёзы, покусывая тонкую подсохшую былинку, смотрел он на озеро, в котором отражались проплывающие по небу облака.

Во всё, что только что произошло, поверить было трудно. Совершенно невозможно! Но ведь видел?! Видел. И даже слышал. Сам и видел, и слышал. Бред...

– Храм я видел. Пятиглавый. Заутреню играли...

– Ну, да, только поутру этот храм увидеть можно. И заутреню услышать... Да и то – не всем. Не первый ты, кого я сюда привожу. Но первый, кто вместе со мной и звон колокольный услышал, и храм увидел... И что ещё интереснее, озеро это я не всегда нахожу. И дорога вроде приметная, а бывает, не поверишь! – днями хожу, а озера нет... Многим рассказывал, так они у виска крутили – отродясь, мол, здесь никаких озёр, никаких храмов не было. Лагерь – да, был одно время, перед войной зеков нагнали, они тут лес валили, так и лагерь в пятьдесят пятом прикрыли. Одна колючка да труха от барачков...

– Если здесь ничего, даже озера этого нет, как всё вот то, что мы сейчас видели, объяснить?!

– Разве в жизни всё можно словами объяснить? Да и надо ли?..

Фадеев тяжело встал, подошёл к костру и снял с рогулины закипевший чайник...

Озеро жило своей обычной жизнью: на отмелях сустились мальки, в зарослях молодого камыша раздавалось чавканье и причмокивание сазанов, кормящихся озёрными травами, поползень головой вниз челноком сновал по обрубку старого пня, торчащему из воды у берега. Порхали над озером стрекозы, бабочки, в прибрежных травах стрекотали кузнечики...

Никакого таинства и никаких чудес. Обычное озеро в обычном лесу...

– Слушай, Петро, а может, здесь это, то самое знаменитое Беловодье, ну, которое рай на земле? Как думаешь? Ну, или там Китеж какой, а?

– Окстись, Вань! Беловодье на Алтае, там, где Катунь с Бахтармой сливаются, а Китеж на Нижегородчине, Светлояр озеро уж сколько веков. Мы-то от тех мест-то – у-у! – в какой дали. Думай малость. Беловодье, Китеж, а остальные видения?! Там, где люди живые: бабы, мужики?..

– Ну, а что тогда? Не просто ж так, картинки эти? Может, дурман какой озёрный?

– Ага, дурман – и только на рассвете?! А днём, значит, пожалста – рыбу лови?!

– Ну, а что? Может, в воде чего? – мы умылись, и попёрли видения разные...

– Да ну тебя, Иван! Несёшь не пойми что...

– А что? Вроде логично... Давно видишь, ну, картинки эти?

– Да уж три лета... Заболел я как-то. Сильно. В больницу меня свезли. Диагноз так толком и не поставили. Лечили от всего сразу. Сейчас понимаю – от жизни меня лечили. Лекари! Думал – всё! Ни таблетки, ни уколы – ничего не помогало. Доходил. На меня уж и врачи-то внимания не обращали, да и дети дорогу забыли, кому ж нужен покойник, хоть и живой пока? Короче, думал я, полный аминь мне и вечная память. Ну, а тут, в палате нашей, мужичок один лежал. Шебутной такой. Шило в заднице. Чем он болел, я так и не понял, да он и не распространялся. Тормошил всех, дёргал – закусать не давал. Мы в той палате все тяжёлые лежали. Каждую неделю кого-нибудь вперёд ногами выносили, а на замену на ту же кровать опять доходягу клали. Короче, перевалочный пункт – с этого света на тот. Ну и как-то после очередного отбытия подсел он, мужичок этот, ко мне. Ты, говорит, местный? Округу хорошо знаешь? Знаю, говорю, с малолетства по этим лесам шастаю. Вот мужик и говорит: а об озере с храмом слышал? Нет, говорю, не слышал. Это, говорит, ничего. Зброшенный лагерь знаешь? Знаю, говорю, кто ж его не знает. Вот, говорит, тебе туда, к лагерю, и надо. Ты крепкий. Дойдёшь. Я ему – да какой я крепкий, даже лежать уже не могу! А он мне – крепкий, крепкий, – вот скольких уж вынесли на погост, а ты всё держишься. В общем, так говорит: охотники, а то, бывает, грибки-ягодники по утрам к востоку от лагеря иногда колокольный звон слышат, будто заутреню играют. А никаких церквей, ни поселений там отродясь не стояло. Сам знаешь, тайга на востоке на сотни вёрст. Но ходили люди туда, а там – озеро. И вода в нём целебная. Вроде как живая. Кто до озера доходил, словно обновлённый возвращался. Кому-то и просто умыться хватало, а кому-то и неделю-другую приходилось на озере прожить, чтобы здоровьишко вернуть. Только не каждому то озеро открывается. Как уж оно кого выбирает, одному Богу известно. В общем, говорит, если жить хочешь – тебе туда, к озеру, на колокольный звон...

Я говорю – мол, а ты ж чего? Меня отправляешь, а сам? Давай вместе? А мужик мне – пробовал я, не единожды пробовал, не открылось мне озеро, видать, сильно я по жизни грешен или ещё чего там. Да теперь уж и поздно – сегодня и меня вынесут...

И точно, вечером прилёт тот мужик на кровать вроде как на минутку, а потом вдруг приподнялся, обернулся ко мне, махнул рукой: «К озеру, к озеру иди...» – откинулся на спину, вытянулся и всё, помер...

3.

Ноги не держали. При каждом шаге подгибались колени, кружилась голова. Тошнота подкатывала к горлу. Тяжёлый металлический привкус забивал рот. Дикое желание лечь, лечь и никогда не вставать! Боже, как плохо-то!

Испарина пробивала лоб, выступала над верхней губой. Дурнота то накатывала, то отступала...

Ухватившись за дужку кроватной спинки, пытался он сделать хотя бы шаг, затем хотя бы два, три... А тело не слушалось и при каждом усилии начинало трястись мелкой противной дрожью. Однако...

Да, конечно, он знал, что слаб. Очень слаб. Но до такой степени?! Как же теперь в себя-то приходить?!

А в голове одна мысль, словно её кто вдалбливает в мозг: «К озеру. К озеру надо. Там всё лучше будет. Всё лучше, чем в этих стенах...»

4.

– Короче, добился я выписки. Расписку оставил, мол, если со мной чего, то врачи тут ни при чём. Ходить почти месяц заново учился, – а то как обезноженному-то ийти? – сто раз думал, сдохну! Только рассказ того мужика и держал меня на свете. В общем, к озеру я приполз, – не пришёл, натурально приполз, на карачках. Четверо суток от заброшенного лагеря на колокольный звон полз. Проснусь утром – слушаю – звонят? Звонят. Ну, я на тот звон и ползу...

В одно утро очухался оттого, что захлёбываться стал – что за дела, думаю? Оказывается, головой в озере лежу. Дополз-таки. Вот уж тогда я наглотался, напился воды до одури, в нутрях больно стало. Пью – остановиться не могу. А вода! Вкусная! Холодная – зубы ломит! Отполз к соснам, лежу, глаза в небо...

А тут и колокола заиграли. Лежу, плачу – светло на душе, легко, хоть лети...

За ствол сосновый ухватился, привстал, в озеро гляжу, а там храм в пять куполов сияет! Прямо вот как сегодня! И тут меня вырубил. Напрочь! Сколько под сосной валялся – не помню. Может, час, может, день – нет, не помню.

Когда в себя пришёл – день был. Солнечный. Тёплый. Помолился я. Как помолился? Да как сумел, так и помолился. Что помнил, что знал, как чувствовал – всё в кучу сгрёб. Такая моя первая молитва была. Собрался с силами, да в озеро и залез – искупался...

Так вот, в молениях да купании здесь три недели и провёл. Озеро-то это от родничка малого питается, с которого мы с тобой воду на чай, уху вчера брали. Родник тот освящён кем-то – видел, на камне рядом крест выбит? А ещё голгофу давнюю я здесь нашёл. Развалилась, правда, уж вся, брёвна в труху, камни раскатились, травой её затянуло, но всё одно углядеть её можно. Значит, крест здесь стоял поклонный. А уж время ли, люди ли от него и щепы не оставили – нам знать не дано. Думаю, и часовенка здесь была. Уж больно место для неё как раз...

Вот, значит, неделки через три окреп я, ожил и телом, и душой, домой засобирался. Утром того дня, как домой идти, под звон колокольный помолился, на озеро напоследок взглянул, да так столбом и застыл – жену, Клавдию, свою увидел. Вот как храм мы с тобой сейчас видели, так в озере Клавдию и вижу...

Тонко звенели комары, где-то неподалёку переругивались, что-то не поделив, птицы, надоедливо гудели и крутились у лица слепни. Любопытный бурундук, оседлав старый выворотень, разглядывал людей у озера. Шустрый выюрок, блеснув розоватым оперением, юркнул в дупло на сухой сосне. Выглянул на секунду, вроде как удостовериться – видел ли его кто? – и снова скрылся в своём убежище. Лето в разгаре. Всё в лесу жило и дышало в полную силу...

– Ну, чего замолк? – Еремеевича просто распирало любопытство, и хотя он ещё окончательно не решил для себя – верить или не верить во всё то, что произошло и происходит, ему страшно хотелось узнать, а что там дальше-то было? Да и ещё лёгкая обида подступала – дружок называется, за столько времени и ни слова! О чём только по телефону ни говорил, а об этой истории ни гу-гу...

– Рассказывай...

– А что рассказывать? – вижу я, улица наша деревенская, ну та, что вдоль пруда, не теперешняя, а та, что лет сорок назад, без этих, без коттеджей навороченных – и будто туманом всё каким слегка прикрыто, и Клавдия по улице идёт, не идёт даже – плывёт по тому туману. Воду, два полнёхоньких ведра на коромысле несёт. Ни капли не расплеснёт. Молодая, красивая... – Фадеев неожиданно замолчал, потом отвернулся к лесу и как-то вдруг по-детски, коротко и беззащитно шмыгнул носом...

Конев чуть помедлил и, не дождавшись продолжения рассказа, подсел к другу – Ну, ты это, Петро... время-то уж сколь прошло... не вернёшь ведь ничего...

– Такая, понимаешь, красивая! А мы, значит, неженатые ещё. А она воду, полным-полны ведра к дому нашему несёт. К будущему нашему дому. А дома-то ещё и нет...

А тут кукушка эта, нашла ж время! – закуковала, и всё... Так и не доглядел, что там дальше-то...

– Моя баба, если воду во сне видит, к добру, говорит...

– Так у нас с Клавдией только добро в жизни и было... Ты знаешь, с того случая я звон-то каждый раз слышу, а картинки храма озеро с картинками людей чередовать стало. Разных людей. Знакомых и незнакомых. Более всего мужика одного вижу. Плотник он. Да видать, не из последних. Пилит, строгаёт, но чаще топором работает – над бревном стоит, голова белым платком обвязана, и ладно так бревно-то обтёсывает. И справа, и слева. Без спешки. Красиво так работает. Аж завидно. Устанет, воды из баклаги попьёт, и снова за работу. А то сидит на бревне и что-то на плахах остроганных вырезает. Бывает, голову поднимет и долго-долго на меня смотрит. Я первые-то разы пугался было – ну, мало ли! – а потом пообвыкся, тоже на него гляжу...

Вот и сейчас – ты храм видел, а я его...

– Кого его? Плотника что ли? Как это? В одно озеро глядели, а каждый видел своё?! Что за бредятина?!

– Бредятина? Ну, не знаю... Ты подумай, представь – мы с тобой одновременно в зеркало глядим, и что видим? – ты – моё лицо, я – твоё. Или так: ты – своё, я – своё. Выходит, так и здесь – смотрим в одно зеркало, ну, то есть озеро, а видим каждый своё...

– А звон?

– А что звон? Звон мы оба слышим, звон от картинки не зависит. Заутреню играют всегда...

5.

День летний, хотя и долог, но приходит время – и он кончается. В разговорах за жизнь к теме утренней мужики не возвращались. Рыбачили, уху варили, рыбу на рожнах жарили. Иван Еремеевич под вечер на россыпь сбегал, пару рябчиков подстрелил – не зря же ружьё в такую даль по жару с собой тащил. Дикого лука нарвал, клубней саранок нарыл. Потом в фольге «подножный корм» этот вместе с рябчиками в углях запекли...

Ужин знатный получился. Только вот рюмочку под такой стол Фадеев принять отказался. Всё, говорит, нельзя мне более водочку. Иван, насмотревшись утром разных непоняток, уточнить, почему вчера было можно, а сегодня нельзя, не стал. Нельзя значит нельзя. Чего лишний раз человеку в душу лезть? Сам-то принял с удовольствием, потому и спал крепко и хорошо. И ничего ему не снилось...

Проснулся Иван свежим и бодрым, словно все силы давно растраченные вернулись. Петра в палатке не было. Нашёл его Конев у озера.

Накинув поверх плеч толстый вязаный свитер, сидел Фадеев на комле старой ветлы у воды.

– Давно тут?..

– Давно. Считаю, не ложился. А ты долго спишь, счастливый. Я уж тебя будить хотел, да пожалел, уж больно сладко ты спал.

– Скучал что ль без меня? – Иван Еремеевич коротко хохотнул.

– Разговор есть. Серьёзный. Ты вот что, Иван, не обижайся на меня, мне сказать тебе много чего нужно. Поймёшь – благодарен буду, нет – значит не смог объяснить...

– Что-то ты круто, Петро, завернул. Хочешь что сказать – скажи, а я уж подумаю, как к тому относиться. А то ещё ничего не сказал, а уж – обижайся, не обижайся. Давай, что там у тебя?

– Помнишь, вчера я тебе о плотнике говорил? Так это он, плотник этот, здесь и поклонный крест ставил, и часовенку срубил. Позже в монахи постригся, облачился в рясу, камилавку, да в отшельники и подался. От людей ушёл: и от хороших, и от плохих, от радушных, и от завистливых, от суетных и неспешных. Здесь скит основал. Родник освятил. Жил в ладу с собой и миром. Да только у нас ведь как? – в какую глушь не заберись – всё одно дорогу к тебе отыщут. Пошли к нему люди. Всем помогал, кому словом, кому делом, никому не отказывал...

Сначала за помощью и с добром шли, а потом и со злом пришли.

Ты же знаешь, тогда, после смерти вождя всех народов, во многих лагерях забастовки да бунты начались, люди амнистии требовали. Насиделись ведь, наголодались до невозможности, набедовались до последней степени отчаяния. Где митингами да невыходами на работу обошлось, а где и до стрельбы дело дошло. Воркутинское да Норильское восстания самые кровавые были. Да и здесь, в нашем лагере, бунтовали. Вот те и, у которых кончилось терпение тянуть лямку лагерной зоны, те, что были на так называемой «таёжной командировке», смяли охрану на лесосеке, да в побег и ушли. Как тогда говорили, хоть час, хоть день, да на воле...

Отшельник и этих четверых, бежавших из лагеря, приютил. Думали они в скиту сил набраться, отлежаться немного, воздухом воли надышаться, да на материк пробираться. Не сложилось...

Предотвратить-то побег оперчекисты не смогли, но вот на отлов беглецов и сил, и людей у них хватило. Подняли всю вохру, армейцев нагнали, пограничников с собаками – быстро на скит вышли. А тут уж никто и ни с кем не церемонился...

Изначально не ставилось задачи кого-то задерживать, в лагерь тащить, судить, срок добавлять – нет, постреляли всех и сразу – и беглецов, и отшельника. Крест поклонный свалили, часовенку по брёвнышкам раскатали, да всё и в костёр.

Да и трупы никто в лагерь тащить не собирался – много чести. У каждого отрубили кисти рук – для опознания. Ну, на дактилоскопию. Для отчёта, значит – кто, когда, как. Тогда часто так делали. Трупы в болотце скинули...

А на другую весну на месте того болотца неожиданно озеро образовалось – как снег сходить-то начал, земля под болотцем и просела, да ровно так, словно кто круг прочертил. Вот с того времени и контуры храма в озере стали видны, да звон колокольный слышен...

– Слушай, Петро, а откуда такие подробности? Да и вообще, всё это, ну то, что ты мне сейчас рассказываешь, откуда?

– Видел. Всё, что рассказываю, сегодня своими глазами видел. В озере...

– Может, просто пригрезилось, приснилось?.. Задремал, а потом сон за явь и принял?..

– Не знаю. Может, и так. Только отсюда ты уйдёшь без меня.

– Чего это?.. – Иван удивлённо приподнял брови.

– Который год уж я думал здесь остаться, душе моей здесь покойно. Да всё не решался. А сегодняшние видения всё и решили. Здесь моё место. Крест восстановлю. Часовенку. Мучеников помянуть буду. Плотника-отшельника... Инструмент, кстати, его – здесь, в пещере потаённой, в ней же и иконы святые. Показали мне сегодня это место. А плотник я, – сам знаешь, без похвальбы, – не самый плохой, управлюсь.

– Ну, ты даёшь, Петь! Вот уж чего не ожидал от тебя, так не ожидал! Что за мысли!?! На день, на два, на недельку укрыться в таёжной глуши от людей – это хорошо, и даже полезно, сам иногда так поступаю, но уйти на всю оставшуюся жизнь?! Отшельничество?! Зачем тебе весь этот ад?.. Не понимаю. Хоть ты что сейчас говори – не понимаю...

– Людям зачастую трудно отличить рай от ада...

– Да и храм этот, думаю, и не храм вовсе – облака это в озере отражённые. Чуть солнцем подкрашенные. Вот тебе и купола золотые...

Хотя, пусть даже и правда всё, что ты рассказал, пусть даже всё, что мы видели реально, и всё так здесь и было, – зачем тебе, именно тебе, и именно сейчас здесь оставаться?! Жил ведь ты без этого озера с храмом, да и к Богу что-то я не замечал у тебя большого интереса, зачем все эти мысли об отшельничестве, о часовенках, о крестах? К чему все эти подвиги?!

– Ты думаешь, я не спрашивал себя об этом? Спрашивал. Уж сколько лет, особенно после смерти жены, да и во время своей неожиданной болезни, днями, а особенно ночами, думал об этом. И так прикидывал, и эдак. Всю жизнь свою заново проживал. Всю душу свою перетряхивал. И не находил ответа. А сегодня утром всё сложилось. Так всё просто, и так всё ясно. Словно прозрел. Понял я, что у каждого из нас своя дорога к Богу. Своя. По которой рано или поздно нам нужно пройти. Я свою дорогу нашёл. И она привела меня сюда. Я дома. А облака ли в озере, храм ли...

Конев на слова Фадеева ничего не ответил. Казалось, что он даже и не вслушивался в то, что говорил ему друг. Сидел и отрешённо смотрел на каменную осыпь.

Рассветное солнце пробилось сквозь подушку облаков над гольцами, свежий ветерок заиграл листвою на деревьях и лёгкой рябью побежал по озеру. День вступал в свои права.

Наконец Иван медленно обернулся и каким-то долгим ищущим взглядом стал вглядываться в лицо Фадеева. И вдруг, даже не спросил, а выдохнул:

– Ты кто, Пётр?..

– Я? – Фадеев перевёл взгляд с озера на друга. – Я настоятель этого храма...

6.

Негоже роднику святому без поклонного креста да часовенки, негоже...

Хорошо отточенное закруглённое лезвие плотницкого топора легко входит в тело закреплённого на плахах соснового бревна и подламывает отделяемую щепу словно шерхебель. Лицевой кант получается ровным, без волн. В опытной руке топорнице сидит плотно и усадиво. Дело делается знакомое, взмахи топора размеренные, без суеты и спешки. Спешка любому хорошему делу только во вред...

Проза

Татьяна Каленик

«О чём молчит гармонь?..»
Худ. Анна Каленик

От автора: родилась в городе Березино Минской области. Школьные каникулы проводила в деревне, где всегда ждали верные друзья: дедушкины медали; живущий за оконным наличником ветерок; берегиня-печь и сказочный паровозик, состоящий из деревянных катушек, на которые бабушка цепляла цветастую, как летняя поляна, ширму. Весёлой компанией мы занимали места в уютных купе, и локомотив уносил нас в мир фантазий и приключений. Каждый вагон (катушечка) имел свою историю, свой затайливый изгиб на подстаканнике, свой, ещё непознанный нами привкус вагонного чая. Шли годы. Всё туже и туже затягивался корсет урбанизации, постепенно вытесняя из памяти хронику тех событий, но как хотелось прокатить мечтательниц-дочурок в нашем волшебном поезде! Как одинокий парус, белеющий в море одичавших трав, настырно

сопротивляясь бегу дождей и облаков, будто всё ещё что-то оберегая, нас встретила... печь. Не чувствуя ног, я бежала в её объятия, упрекая себя в предательстве! Сюрприз всё же ожидал. Из недр печной таинственности улыбнулись глазки друга-ветерка. «На, вот, сказки наши напишешь», – пронёсся тихий шепоток, и невидимые ручки протянули состав заждавшихся катушек. Историю одной из них я рада сегодня представить.

Паганини

Одно коротенькое соло из жизни простой белорусской деревушки, название которой уже отзвучало.

Перевод с белорусского языка автора

1.

Непоседа-ветерок ненароком тронул портрет на стене... Из глубины рамки, будто из другого измерения, улыбнулся девчужке совсем ещё юный отец с гармонью. Образ словно ожил под стеклом: пальцы взлетели над грифом, ребристый мех растянулся и залился голосистым перебором. В такт ему захлопали деревянные катушки. Они скользили по натянутой под потолком струне и одновременно держали ширму-занавеску, прикрывавшую кровать от чужих глаз. Занавеска встрепенулась... Лёгкие волны затанцевали по пёстрому полю сатина, раскачивая струну. Та напевно загудела... Едва уловимая мелодия начала заполнять комнатную тишину, и Аля невольно попала в её таинство.

2.

Местный Паганини так здорово играл на гармошке, что невозможно было удержать ни рук, ни ног – они пускались в пляс сами. Его безымянный палец не гнулся, был искалечен, оттого виртуозный перебор выскальзывал только из-под четырёх перстов. Невиданная дерзость! Но она вознаградила музыканта большим пиететом слушателей. Казалось, безжизненный палец никак не участвует в конструировании аккордов. В действительности же, паря над другими, он словно призывал их в полёт, и те, вдохновенно резвясь над чёрно-белыми кнопками гармонии, окрыляли не только самого Паганини, но и слушателей. Небесно-голубые глаза гармониста и не в срок побелевшая чёлка соперничали с глубокой загорелостью лица. Это прибавляло мужчине в расцвете сил лет двадцать,

а то и все сто веков, что отождествляло его с каким-то забытым божком. Казалось, его спустили сюда с небес то ли для исправления собственных грешков, то ли для украшения людского бытия.

Почему гармониста прозвали именем известного скрипача – для Али оставалось загадкой. А поскольку её отец был настоящим виртуозом от природы, у девочки сложилось своё представление. «Вероятно, – думала она, – прозвище невольно «прилипло» к нему только потому, что земляки часто сравнивали своего маэстро с дарованием другого народа. Да и похожи они на удивление: одинаково харизматичны, смуглы. А этот высокий лоб! А нос горбинкой!». Однако, как позже выяснилось, гармониста и скрипача объединяли не только талант и имя, но и ещё одно довольно впечатляющее совпадение.

3.

Ещё совсем мальчишкой Николка прекрасно владел фисгармонией и скрипкой. Во время войны, когда ему было примерно лет десять, в их краях расположился один из немецких гарнизонов. Фрицы по-хозяйски выходили в поля и косили рожь здешних крестьян. Однажды из леса послышались выстрелы. Кто-то не выдержал, расстрелял косцов.

Ощерились немцы! Вздыбили автоматы, стали сгонять сельчан – стариков, детей, женщин. Ужас! Паника! Переполох! Воздух раздирают рокот моторов, собачий лай, проклятия! И вдруг... сквозь гвалт и ненависть, как тихий ручей в шальном водовороте, полилось негромкое соло скрипочки.

Люди замолчали. Расступились. На взрытой злобой земле стоял подросток и выводил смычком... чувства. Никто не смел пошевелиться, даже когда музыка стихла. Казалось, теперь она обнимает всех – и врагов, и своих.

Вскоре с немецкой стороны вышли трое. «Ты – талантливый малчик, – сказал один из них на ломаном русском языке, – однако... на четырёх струна может играть все!»

Гитлеровец повернулся к людям. В эту минуту у тех, кто ждал приговора, остановилось время и движение крови. Лицо немецкого офицера категорически застыло. Казалось, вот-вот лопнут натянутые желваки, но... ойкнула скрипка – белые перчатки оборвали три её струны. Немец демонстративно поднял искалеченный инструмент и объявил, что отменит казнь, если мальчику удастся умилостивить его!

И струна запела... Словно растроганные боги коснулись её. Они заглянули в мир людей между своими делами и поразились: здесь, уже не над маленькой прекрасной планетой, а над полем боя, словно птица, забыв о силках и опасности, витал маленький скрипач...

Капельки крови падали на песок. Это порванные струны, овившись вокруг, разрывали плоть безымянного пальца «Паганини» – так немного позже окрестит мальчика немецкий офицер. А теперь то ли увлечённый игрой на скрипке, то ли от страха, Коля не чуял под собой ни ног, ни земли, ни даже боли. Было только видно, как мальчик крепко сжал зубы, как дрожат его коленки, как он старается не выпустить окровавленный смычок... Не по годам возмужавший, впрочем, как и все мальчишки войны, он знал одно: за ним – десятки жизней.

4.

Закончилась война. Тяжело пришлось всем. Благодарным за жизнь соседям хотелось хоть как-то отблагодарить спасителя-Николая, но что они могли? Картошину, лепёшку из липовой коры, если была, – сами голодали.

На семейном совете решили: чтобы выжить, необходимо продать фисгармонию и скрипку, каким бы болезненным ни оказалось расставание.

...Старый конь не сразу тронулся с места. Его понукали, хлестали по крупу кнутом, трясли удилами, но даже утренние сумерки не скрыли пристальный взгляд умного животного. Как только мальчуган отпустил его сердцем, конь лениво потянулся в заокольную мглу.

Когда родители вернулись с ярмарки, около повозки стояла дубовая кадушка, отливающая золотом злаковых зёрен, и тёпленькая бурая коровка. Суетилась мама, измученная долгой дорогой. На её плечах красовался цветастый платок, а руки бережно сжимали новенький костюм для сына. Хорошо

стало у Коли на сердце, спокойно. «Ох, и заживём!» – подумал он, но что-то было не так... Как-то непривычно без дорогих душе предметов, пусто. И мальчик бросился к телеге...

Из дырявого мешка улыбнулась белозубая гармонь! Новые друзья так обрадовались знакомству, что в ту же минуту как обнялись, так до последних своих дней не разлучались! В горе, и в радости – всегда неразрывны: местный Паганини и его двухрядка.

5.

Тот головокружительный день из семидесятых Аля запомнила на всю свою жизнь. Оконные наличники украшали кристальные бусы паутинок. В них отражалось разноцветье августовских красок и роскошь мирного неба. Кое-где над огородами уже поднимался лёгкий дымок от костров, навевая приятную истому. Вяло стрекотали кузнечики в траве. Замирание нарушил торопливый лязг калитки: почтальонка Надежда несла небольшую бумагу.

Руки Паганини зримо затряслись от волнения... Огонёчки, ещё полминуты назад ожившие в глазах, начали гаснуть в недоумении – что-то сообщал документ, но – что?! Собрались люди. Вести быстро разносятся по деревне. Каждый, кто умел и не умел читать, пробежался глазами по строчкам письма... Бумага была написана по-немецки.

– Не отчаивайся, Никола, – вмешалась тут Надежда, – бери паспорт – да на почту, там всё объяснят!

6.

Говорят, хуже нет, как ждать и догонять, однако не расходились односельчане, ожидали. Время тянулось, как никогда: на почту – будто на край света... Вскоре каждого охватило волнение – вдали на деревенской улице закружилась загадочной эйфорией дорожная пыль...

Огромные очи, полные боли и торжества, воздаяния и всепрощения, молчали и говорили с каждым. Лицо Паганини побледнело. Он что-то сжимал в кулаке до нестерпимости, до онемения... И не сразу раскрыл его – не слушался дух. Только теперь, когда фашистский след засыпало время, всегда бесстрашный и дерзновенный, Николай почему-то оробел перед земляками.

...Пальцы выпрямились. На ладони играли мягким переливом три скрученные струны – посылка из Германии.

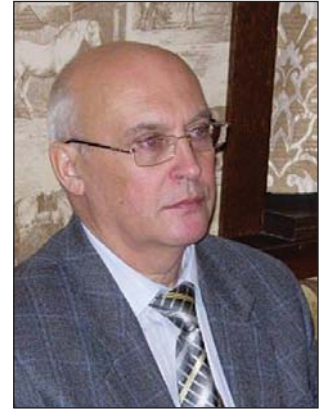
– Вот, она, победа... – только и выдохнул он.

Поэзия

Виктор Кирюшин

Кирюшин Виктор Фёдорович – поэт, переводчик, публицист. Родился в Брянске в 1953 году. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор шести поэтических книг, многочисленных публикаций в антологиях, журналах и альманахах. Лауреат Всероссийских и международных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Москве

МЫ ОСТАЁМСЯ

Тянемся взглядом за стаей гусиной,
Но остаёмся с тобою, река,
С этой пылающей
Горькой осиной,
С полем, ещё не остывшим пока.

С этим просёлком, где вязнут машины
И безнадёжно гудят провода,
С рощей, глухими дождями прошитой,
В блёстках мерцающих первого льда.

Мы остаёмся,
Не в силах расстаться
С небом, где ранняя зреет звезда,
С непроницаемым сумраком станций
Мимо которых летят поезда.

Мы остаёмся,
Где веси и хляби,
В нужды и беды уйдя с головой,
Под нескончаемый
Жалостно-бабий
Русской метели космический вой.

Что же нас держит?
Вопрос без ответа...
Просто в душе понимает любой:
Только на этом вот краешке света
Мы остаёмся самими собой.

ЗИМНЯЯ РЕКА

Даже ворон не крикнет. Откуда?
И полозья не скрипнут. Куда?
Комариного звонкого гуда
Не осталось давно и следа.

Только стужа ворчит, матеря,
Да метелица путает след,
Вместо жаркого цвета кипрея
Рассыпая серебряный цвет.

Где трепещет сухая осока,
Обнажённая стонет ветла –
Гулом крови,
Движением сока
Жизнь как будто недавно была.

А теперь, словно в доме без окон,
В этой чёрной воде подо льдом
Затаился воинственный окунь,
Дремлют чуткая щука и сом.

Ходит солнце по низкому кругу,
Гаснут стылые дни вдалеке,
Чтобы снова по кроткому лугу
Вышла цапля к остывшей реке.

Это дерево знает и птица,
И вода понимает
И твердь:
Можно заново будет родиться,
Если только рискнёшь умереть.

ЮГО-ВОСТОК

Летела смерть-воровка,
Нечаемая смерть.
Горячая воронка.
Дымящаяся твердь.

Летела, волком выла, –
Жечь, убивать, колоть.
С неистовою силой
Рвала живую плоть.

Июльская истома.
Дней окаянных быль,
Где ни жильца,
Ни дома,
Одна седая пыль.

Снарядом разметало...
Куда? В какую даль?
Из белого металла
В золе нашли медаль.

Металл, а не бумагу,
Оплавленный огнём
И было «За отвагу»
Написано на нём.

* * *

У края, у межи
Сошлись теперь и впредь
Предположение жить
С надеждой умереть.

Язык весов и мер
Поставил мир впросак,
Но свет нездешних сфер
Покуда не иссяк.

Колокола звонят
Во сне и наяву:
Они меня хранят,
Они меня зовут.

Канат легко рубить,
Но что вам завещать?
Живых уметь любить,
Живых уметь прощать.

СНЕГИРЬ

Не копи ни обиды, ни страха
На пути к неземному суду...
Вновь снегирь, беспечальная птаха,
Поселился в январском саду.

По тебе я соскучился за год,
Угощаю, чем только могу-
От звенящих рубиновых ягод
До семян золотых на снегу.

Оскудевшего неба кольчуга.
Затяжное ненастье грядёт...
Ничего, перетерпим, пичуга.
Всё проходит и это пройдёт.

Я, конечно, неволить не буду,
Только ты не спеши улетать.
Хорошо мне с тобой, красногрудый,
Эти стылые дни коротать.

Научи одержимости взмаха,
Безоглядной свободе крыла,
Чтобы жизнь без унынья и страха
Шла вперёд,
Убывала,
Была!

* * *

Музыка,
Тобой не надышаться!
Торжествуйте, медь и серебро,
Чтоб могли нечаянно свершаться
Вечные надежды на добро.

Мудрая,
Звучи не угасая,
Дай тобой напраздноваться всласть!
Может, это девочка босая
В дальнем далеке отозвалась.

Может, снова стать случилось юным
Под зелёным пологом лесным,
Где поют, как солнечные струны,
Ветви заскоруждые сосны.

Где ничем ещё не запорошено
Озаренье юношеских грёз.
Потому и музыка хорошая
Неизменно трогает до слёз.

СТРАННИК

Все бродит, взяв суму да посох,
Вдали от псов сторожевых,
В полях пустых и безголосых,
В лесах почти что неживых.

Где ливень хлещет,
Ветер свищет,
Блистают молнии во мгле...
Того, что странник этот ищет
И не бывает на земле.

Смешно за выдуманном светом
Гоняться, не смыкая глаз,
Но он,
Не знающий об этом,
Счастливей каждого из нас.

* * *

Остановлюсь и лягу у куста,
Пока легки печали и пожитки,
На оборотной стороне листа
Разглядывать лучистые прожилки.
При светлячках,
При солнце,
При свечах
Мир созерцать отнюдь небесполезно:
В подробностях,
Деталях,
Мелочах
Не хаос открывается, а бездна.
Вселенная без края и конца
Всеяла б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхался у лица
Листок зелёный
С муравьём на ветке.

ТОЧКА

Точка – это не конец.
Ну куда от пауз деться?
Не петля и не свинец,
Просто повод оглядеться.

Жизнь казалась, видит Бог,
Бесконечною, как поле...
Время подвести итог,
Промежуточный, не боле.

Бросить пить, сменить режим,
Предпочесть горбушке мякоть
И над замыслом чужим
От отчаянья заплакать.

ОТТЕПЕЛЬ

К ночи сгущается воздух сырой,
Вольно и наспех прошитый капелью.
Пахнет в округе набухшей корой,
Дымом печным и оттаявшей елью.

Забуксовало зимы колесо –
Дерзко и весело царствует влага!
В зыбком тумане
Почти невесом
Звук торопливого женского шага.

Снега январского жалко до слёз...
Много ли проку в такой канители,
Если ненадолго и не всерьёз
В чаще лесной затаились метели?

Их возвращения не тороплю,
Видимо, свыкся с погодой сырою.
Утром остывшую печь затоплю,
Стол на двоих, как бывало, накрою.

Красная скатерть, хмельное вино,
Встречи на миг, остальное – разлука.
Буду смотреть в зоревое окно,
Ждать понапрасну условного стука.

Лучше б весь мир занесло, замело,
Снежная запеленала одежда...
Необъяснимо такое тепло.
Необъяснимее только надежда.

* * *

Поговорим о чём-нибудь высоком,
Что предстает обыденным подчас.
Вот яблоко, наполненное соком,
Качается, фонариком лучась.

Рябит листва, дрожащая от ветра,
Как тысячи неразличимых лиц.
Во всем – сиюминутное и ретро,
Без явно обозначенных границ.

Вот голуби лепечут на карнизе,
Как сто и даже двести лет назад,
Не ведая иллюзий и коллизий
Когда-то наполнявших дом и сад.

Вот женщина – судьба моя и мука,
До сей поры сводящая с ума,
Уже не дочь баюкает, а внука,
Почти не веря этому сама.

Созвездия плывут над головою
И возвращают прожитые дни
То серенькой картинкой бытовою,
То фреской,
Рафаэлевой сродни.

РОМАНС

Вспоминайте, как молодость, летнее пекло,
Промелькнувшее в хохоте и озорстве.
Скоро изморозь ляжет по травам поблеклым,
По сухой и звенящей,
По ясной листве.

Над размытой чертой между тьмою и светом
Звёзд мерцающих выплывет поздний косяк.
Убывает тепло, Наречённое летом,
И студёные ветры летят на рысях.

То, что вечностью чудилось, только мгновенье,
И наверное, в мире не первому мне
Всё мучительней к памяти прикосновенье,
Всё теплее в её отражённом огне.

Скоро красным засветится по снегу тальник,
Станут зори прозрачней, а взоры темней...
Время думать о жизни,
О жизни как тайне
Или век доживать
И не думать о ней.

ХОРОШО!

Тянет гуж провинция глухая,
Ни о чём столицы не моля.
Хорошо, что сыплет, не стихая,
Белый снег на чёрные поля.

Быть большой воде и урожаю,
Льду речному рваться на куски...
Хорошо, что больше не сажают
За случайный трёп и колоски.

Яблоня озябшая в окошко
Постучит, мечтая о тепле...
Хорошо, что в подполе картошка
И она же вечно на столе.

Хорошо, что золотятся дали
И весною аисты кружат
Над избой, где дедовы медали
За божницей строгою лежат.

Первые в застолье и артели,
Без отказа – только позови...
Хорошо, что не разбогатели
На чужой недоле и крови.

Подавать не брошена привычка
И врагу разбитому не мстить.
Хорошо, что церковь-невеличка
Всех принять готова и вместить.

Хорошо, что подрастают дети
С чистою и ясною душой.
Просто жить на этом белом свете
Необыкновенно хорошо!

Тамара Краснова–Гусаченко

Родилась 1 апреля 1948 года в деревне Щепятино Брянской области Брасовского района.

Поэт, прозаик, публицист, детский писатель. Автор 24 книг и участник более 50 альманахов и коллективных сборников, многочисленных публикаций в литературных журналах и СМИ Беларуси, России, Украины, Латвии, Северной Осетии, Канады, США и др.

Лауреат многих международных литературных конкурсов, первой Национальной литературной премии Республики Беларусь в номинации «Поэзия», полный кавалер Государственных наград – медали Франциска Скорины и Ордена Франциска Скорины, всероссийских литературных премий: «Русский путь» им. Ф.И. Тютчева, «Прохоровское поле», «Я вижу сны на русском языке», «И помнит мир спасенный», «Золотое перо», обладатель медали и Памятного Знака «Золотое перо «Тютчевъ»», лонг-лист (полуфинал) литературного конкурса ЛГ «Золотой Дельвиг», многократный дипломант республиканских литературных премий «Лучшая книга года», победитель литературных конкурсов имени Владимира Короткевича, Петруся Бровки и др.

Автор гимна города Витебска. Человек года Витебщины (2012).

Почетный член Союза писателей Беларуси, член правления Союза писателей Союзного государства и Союза писателей Беларуси, член Союза писателей России. С 2005 года – председатель Витебского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси».

Живёт и работает в Витебске.

КУПАЛЬЕ

Светились яблони в саду
За три минуты до рассвета,
В тени ракиит купало лето
Кувшинки жёлтые в пруду.

Луна качалась над водой,
Меня совсем не замечая,
Роса на листья иван-чая
Ложилась, чтобы стать звездой.

Гляделись в небо тополя
В пуховых шалах у дороги,
Как те языческие боги,
Чей дом – Полесская земля.

Бежали звёзды клином звонким
И высекали для красы:
То – ковш Медведицы, то – тонкий
Стан Водолея, то – Весы...

И косы раскидало лето
За леса сонную грядку,
И голос пел далёко где-то
О том, что я к тебе иду...

Висели гроздь искр над прудом,
И лодка хлюпала веслом,
По кромке алого рассвета
Купалье шло по белу свету.

И пусть не слышно соловья,
Но далеко ещё ненастье...
Огни Купалья. Дом мой. Счастье.
Любовь и Родина моя.

* * *

Постучали не в окно, а в душу,
Чётко-чётко, ясно так: вставай!
Тишину густую не нарушив,
Тихо в мире... Только – я и май.

Небу хмель подмешивая сочный,
Не такой, как завтра, и вчера,
Плыл сирени запах томной ночью,
Уносил куда-то со двора.

А куда? Кругом лишь тьма да звёзды,
Подпеваёт Моцарту луна,
Млечный путь, растянутый обозом,
И земля, тревогою полна.

Спят блаженно в доме домочадцы,
Слава Богу, и соседи спят,
Вот зачем, кому было стучаться?
И сегодня, знаю, постучат...

НЕ НАГЛЯДЕТЬСЯ,
НЕ НАДЫШАТЬСЯ...

*На Малой Родине
на Троицу*

Не наглядеться,
Не надыхаться!
Как больно сердцу –
Не рассказать мне.

Что сердце рвётся,
О чём льёшь слёзы?
Да тут – моё всё:
Юность, берёзы...

Здесь родилась я,
Вон в той деревне,
И эта сказка
В крови, наверно.

Крест на погосте,
Могила мамы,
Троицей в гости
Еду с цветами.

Дом – за горами,
С белым крылечком,
А между нами –
Синяя речка.

Небо высоко
Меня качает,
Речка глубока,
Ох, не мельчает!

Завет был строгим:
«Господь с тобою,
Бойся лишь Бога.
Будь молодою».

Так и живу – всю
Жизнь – молодая,
Бога боюсь и
Песней летаю –

Над родной нивой,
Над чистой речкой,
Над детством милым
Летать бы вечно!

В родные двери
Вновь постучаться,
Ах, наглядеться!
Да – надыхаться!

ЗАВЕЩАНИЕ

Я вас прошу: в угаре увлеченья
Страх отменяя, ложь и суету,
Не придавать пустым делам значенья,
Не тратить сил души на пустоту.

Живущему – однажды суждено
Вдруг испытать в отчаянии глубоко,
Что в смерти, и страдании – одно
Дано нам: быть одним и одиноким.

У каждой жизни эти даты есть,
Достойные навек застыть в граните:
Одна – рождение, другая – смерть,
А между ними, радуясь, живите,

День каждый – словно с чистого листа,
Не сдерживая слёз и восхищенья!
А чтобы вас не съела пустота,
Не придавайте пустоте – значенья.

ДУРАЧОК

В нашей деревне юродивый жил.
– Й-ох! – с придыханием он говорил,
С торбой своей по посёлку ходил,
Всё что-то прятал да хлеба просил...
В жизни он больше не мог ничего,
Так и прозвали все Ёхом его.

Дети бежали за Ёхом гурьбой,
Хлеба никто не жалел ему дать,
Часто терял он дорогу домой,
И, отыскав его, плакала мать:
«Любенький, жалкий, сыночек родной!»
И уводила беднягу домой.

Тихая, кроткая Марья была,
Кланяясь всем, незаметно жила.
Но заблудился Ёх под Рождество.
Как ни искали его, не нашли.
Сердце у матери разорвалось,
Люди чужие её погребли.

А растопило сугробы весной –
Все увидали: помилуй же Бог!

С торбой своею сидел под сосной,
Видно, замерзший нечаянно Ёх.
Тут – спохватились: а как его звать?
Имя какое – на крест написать?

Так и поставили в жёлтый песок
Крестик с дощечкой «Любимый сынок».

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Моя мама идёт
по дороге из ясного света,
Над садами вишнёвыми,
пенной кипящими сплошь,
Моя мама восходит
по этому белому цветку
Далеко, высоко!
И – зови не зови – не вернёшь.

Моя мама идёт
через сердце, когда оно рвётся,
И спасает от боли,
как ангел, коснувшись крылом,
А откуда те крылья?
Откуда та радость берётся
После каждого сна,
где мы – за руку, с мамой вдвоём?

Всё, что есть у меня –
от тебя, моя милая мама,
Все, что детям отдам –
от тебя, от тебя, от тебя...
Ах, как зелень шумит
в этом мае, как машет крылами,
И как жизнь матерей –
коротка, и сурова судьба.

Мама! Что ж ты уходишь!?
А яблони в мае всё гуще
Белым снегом горят!
Неба колокол бьёт надо мной...
Почему, почему
эта тропка – всё круче и круче –
По которой иду?
А иду, знаю я, за тобой.

ПО СЫНУ

В чистом поле,
Чистом, белом,
Белой ночи свет,
Там – душа
Прощалась с телом
На заре – навек.

Ах, прощалась,
Тосковала
И к родным рвалась,
На мгновенье
Залетела
В дом, где родилась.

Встрепенулась
Среди ночи,
На рассвете мать.
Горе, горе, нету мочи.
Очи выплаканы, очи –
Нечем зарыдать.

В чистом поле
Белы звуки,
Даль белым-бела...
Не подставила
Я руки,
Не уберегла!

Видно, мало
Я молилась,
Вглядывалась вдаль.
И – случилась
Ночью белой –
Чёрная печаль...

В чистом поле
Свет лучистый
Белый-белый свет,
Чистый, чистый,
А от боли
Нет спасенья,
Нет.

КОЛЕ

Верила, молилась и просила,
падая из синей высоты,
и за мною вслед – невыносимый –
Ангельский избыток доброты.

Горе слева заходило, справа,
а потом ударило в лицо,
но любовь цвела и полыхала,
только – обручальное кольцо

сорвалось, пропало под обвалом
стылых вёсен и горячих зим,
где горело белое на алом,
покрывалось чёрное – седым.

Там стояла я и каменела:
а мой сын, как будто бы во сне,
но каком-то белом, белом-белом,
через вечность улыбался мне...

Небосвод над ним сверкал лазурный,
и была высокою звезда,
а ведь он не знает, что он умер,
и уж не узнает никогда.

* * *

Вам, кто меня не знал, не знает,
Не завещаю боль мою,
У вас ведь и своей хватает,
И не о боли я пою.

А просто – нет сильнее средства,
Когда тоска подступит к сердцу,
Знать, как другие с болью жили
И как в стихи её сложили...

ПРИШЛИ ВРЕМЕНА

Пришли времена: обступают нас – маски, не лица,
Предательство – нормой считается, доброе – злом.
И силы иссякли. Осталось лишь только –
молиться?

Нет! Биться со злом, что уселось
за нашим столом.

Спасти своё сердце, что слова не знало «измена»,
Из жизни своей мы построили наши пути:
Мосты и дороги крепили идущим на смену,
А «смена» пришла, чтобы все уничтожить
мосты?!

Беда, коль вандалы глумятся над воином, павшим
В бою за Отчизну и ворон уже за спиной...
А «наши»-то где? И вокруг почему-то –
не «наши»?

И дом разделился на части. Мой дом! Не чужой!

Как выжить, не сдатьсь? Ведь если не вор ты,
то – жертва.

И коль не подлец – суждено тебе жертвою стать.
Одно только держит так крепко
ещё среди смертных,
Что я не успела всю правду о жизни сказать.

ОГОНЁК

Май. Девятое. Нынче берёзы
Снова – зелены... Мир под луной...
Но горючи, горьки наши слёзы
О погибших той страшной войной.
О пропавших, сожжённых, убитых,
Всех, навеки ушедших от нас.
Нет, никто и ничто не забыто.
А кто сможет забыть, к тому час,

День – приступят и счёт свой предъявят,
Только счёт тот уже оплатить
Невозможно. Ничем не исправить
Всё забывшим – вины. Кто простит?
Всё простит – только Бог. Он, конечно,
Так велик, всё Он может прощать.
Ну, а мы, кто порою той вешней
Родились, чтобы голод познать,

И, от всех утаив похоронку,
Только помнить живого отца,
Да молиться украдкой, тихонько,
Веря в то, что придёт... до конца
Не зимы, не войны – целой жизни,
Той, в которой лишь верить и ждать
Нам дано... Да увидеть на тризне
Чёрным горем убитую мать.

Дар был нам, лебеды и мякины
Не едавшим вкуснее, познать
Хлеба вкус, как он невыносимо
Ароматен... Но, всё ж, не прощать,
Но жалеть мы умели. Я помню:
Немцам пленным, голодным, несли
Наши бабы во вдовьих ладонях
Сухари... Хлеба дать не могли.

Это нам всё с избытками было:
Бед, лишений и горя дано,
Все не дожили, недолюбили
Наши мамы, отцы... Суждено
Нам родиться в военные годы,
Чудом выжить... Ведь после войны
Мы – Победы нечастые всходы –
Всё же были на свет рождены.

Но дано было чуду случиться,
Помогал сам Великий Творец –
Чтобы нам в этот мир появиться,
Должен был возвратиться отец.
Мы наследство бесценной Победы
Возрождали в труде, как в бою,
Жилы рвали, не гнули нас беды,
Мы Отчизну спасали свою.

Отчего ж со слезами уходят
Победители, дети войны?
Тьма глумлений упала сегодня,
Ищут даже убитых – вины,
Тех, кто жизнь отдавал, чтоб восстала
Из невиданных миром руин,
Обвинили... Без боя – не стало
Всех врагов победившей – страны.

И всё глубже развал год за годом...
Прежде – с нашей Великой страной
Мир считался... Свободно и гордо
Жили, пели, трудились с тобой.
Кто посмел бы унижить хоть словом
Гражданина Советской страны?
Нет, Европа не знала такого,
И Америке были видны

Наша сила и крепость – все люди
В завтра смело смотрели, и знал
Каждый: он защищён, его любят,
У народа был – идеал.
Май... Девятое... Слышится песня –
«День Победы», как «... был он далёк»,
Звоны Храмов летят в поднебесье,
И... всё ярче в душе огонёк.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

...Не жди меня...

Я знаю, как тебе – одной,
как холодна твоя подушка,
никто не постучит в окно,
боль – твой помощник
и подружка –
неиссякаемая боль,
нет сил, а жить-то всё же
надо:
детей оставил я – с тобой,
всё, что имел...
Ещё – награду
дадут: посмертную мою,
медаль за битву под Варшавой,
когда Победу запоят,
и зацветут сады...

Я знаю,
всё знаю: как тебе – одной,
какая стылость дней большая,
всё – на тебе, моей родной,
я так любил вас,

но – истаял
в чужой земле, среди берёз
лежу, спелёнутый корнями,
и даже всех на свете слез
не хватит,

чтоб вернулся к вам я
из холода могильной тьмы...
Как я спешил –

домой вернуться,
чтоб дождалась меня с войны
с Победой!

Нет меня. Проснуться
мне не дано. И ты – одна.

Как прокормить,
ведь сил – не стало,
одеть, обувь...

Моя война
закончилась. Твоя – осталась.
А я...

Давно не больно мне,
ушёл в бессмертье... Говорят,
что всем,

погибшим на войне,
писать любимым разрешат.
Ты там не рвись,

и не спеши,
не переделай дел,
послушай
в рассветах – крик моей души:
не бойся,

скоро – станет лучше!
И обо мне ты не реви,
боль не буди:

как я оставил
вас, без защиты и любви?
Теперь вот – смог:

письмо отправил
по Троице – через сирень...
То не она цветёт средь мая,
я – море нежности моей
тебе и детям посылаю.

*Любящий вас, ваш Ваня,
январь, 1944 года.*

Поэзия

Михаил Пучковский

Пучковский Михаил – выпускник филологического факультета МПГУ 1998 года. Лауреат фестиваля «ИНТЕРЕАЛЬНОСТЬ» (Киев) в 2014, 2016, 2017 гг., в 2018 г. – участник жюри фестиваля. Стихи Михаила были опубликованы в литературных журналах: «Лава» (Харьков), «Akzenty» (Чебоксары), ЛиФФт, СТО-ЛИЦА (Москва), «Берега» (Калининград), а также в online-изданиях «Новая Реальность», «Новая Литература», «Твоя Глава», «Эхо Бога». Автор сборников стихотворений: «В ожидании снега» (Москва, 2015), «В поисках ускользающей тишины» (Киев, 2016).

ПАМЯТИ ДРУГА

Соловей на старом кладбище
В молодой листве весны.
Соловей на старом кладбище,
В утешение родным.

Соловей над тихой Сетунью
Разливается, звенит.
На судьбу свою не сетую
В подосиновой тени.

Под еловыми ладонями,
По-над медленной водой,
Под раскидистыми кронами,
Вот он я – почти седой.

А дыхание всё молодо,
Сердце бьется в такт шагам.
От воды вечерним холодом
Так и тянет по ногам.

А река журчит, и кажется –
Лету трогаю ногой.
По каким нездешним пажитям
Ты гуляешь, дорогой?

Облака к закату грудятся,
Даль весенняя свежа.
За какой межой трудится
Вечно юная душа?

Не забыть сиянья млечного
На целованном челе.
Не развяжется и в Вечности,
Что связалось на Земле.

КИПРЕЙ

Только солнце июня пригреет,
Только травы раздышатся пряно,
Бездорожьями и пустырями
Загораются свечи кипрея.

Приминая стопами босыми
Белый клевер, солодку и донник,
Видишь – старые вырубки тонут
В этом пурпурно-розовом дыме.

Нам бы глаз не смыкать до рассвета,
Воробьиное утро встречая,
Чтоб увидеть, как строй Иван-чая
Стережёт проходящее лето.

Тихий омут осенний, бездонный,
Там, за пологом летнего рая.
Но куда кипрей не стораит,
Удержу это лето в ладонях –

И короткие светлые ночи,
И жару бесконечными днями.
Пусть кипрей прорастает корнями
И в мою немудрёную почву.

Пусть горит. Мне известна примета
Невесомого, тихого счастья.
Буду жить. И свеча не погаснет
У порога предвечного света.

ШУПАШКАР

Обручённое с осенью лето в плену облаков
Не слепыми дождями исходит, а соком арбузным.
На исходе июль, и игры распорядок таков –
Снова солнечный шар покатился в закатную лузу.

Обречённое лето течёт и течёт через край,
И закат за закатом в оконном стекле догорает.
Кто найдёт в этом городе душном потерянный рай,
Тот не встретит закатов красивее этого рая.

Солнце тонет в реке, в небеса выпуская луну,
И выходит дозором луна, не спеша и надолго.
Кто-то любит всю жизнь этих улиц твоих кривизну,
Одинокие ночи встречая над медленной Волгой.

В этой тихой ночи не твоим раздаваться шагам,
Не тебе запирать себя в цепкой и липкой неволе.
Кто-то должен уехать отсюда к другим берегам,
Кто-то должен найти свою долю в далёком раздолье.

В первых жёлтых листках тихо тлеет грядущий
пожар,
И всё те же закатные в окнах пылают пожары.
Над великой рекой никуда не спешит Шупашкар,
Из июля в сентябрь днём и ночью плывут
Чебоксары.

РОМАНС

Когда короткий день промчит бегом,
Когда январский вечер будет долог,
Ребёнок мой найдёт фотоальбом,
Забытый где-то в недрах книжных полок,
С надорванным помятым уголком.

На старых фото жизни карусель.
То синяки, то финики, то фиги.
Дни, вязкие, как бабушкин кисель,
И долгие, как дедушкины книги,
Одно и то же, словно карусель.

И донесутся вдруг издалека
Слова, что в гневе брошены когда-то,
Тяжёлые, как папина рука,
Шершавые, как мамины заплаты,
Всплывают как во сне издалека.

Но сколько злая память ни кричи,
Не станут фото ни на каплю резче.
Дай Боже мне детей не научить
Носить мои затасканные вещи,
Дай Бог моих детей не научить.

Дай Бог держать обиды на нуле,
Друг другу ничего в укор не ставить.
Дай Боже им совсем иную память,
О том, как было вместе на Земле,
О тех, кого любили на Земле.

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Странное дело – движенье ночное.
Гулкое, словно во сне,
Верное, мерное пенье стальное,
Эхо в пустой тишине.

Соло гудка на пустом переезде,
Оторопь заспанных крыш.
Скоро ли, скоро ли будем на месте?
Спи, беспокойный малыш.

Ранена ночь в нашем сумрачном квесте
Этим протяжным гудком.
Скоро мы, скоро мы будем на месте,
Знать бы уже, на каком.

Вой бередит предрассветные раны
Не у тебя одного.
Это бежит в незнакомые страны,
Это кричит тепловоз.

Криком прогнав дождевую истому,
Молит стальную судьбу:
Буду ли, буду ли жить по-другому?
Буду ли, буду ли, бу...

МОСКОВСКОЕ

Здесь огромное стало большим,
А большое становится малым.
В этом море людей и машин
Небоскрёбы вздымаются валом.
Здесь разлука в порядке вещей,
На бегу всё случайнее встречи.
Весь в заботах, как в модном плаще,
Я московский смешной муравейчик.

Я люблю этот город. Во мне
Те же токи по всем капиллярам.
В предзакатном небесном огне,
В неприкаянном свете янтарном,
Пронизая пространство насквозь
Проводами от точки до точки,
Он незримо и прочно пророс
В истощённую временем почву.

Догорает усталый закат,
Чайный цвет заменив на кофейный.
Темноте подступившей не рад,
Зажигает огни муравейник.
Ярче окна, чем вечер темней.
Взять мозаикой бы и собрать их.
Посреди миллионов огней
Ищешь взглядом свой чёрный квадратик.

СОЛНЦЕ НОЯБРЯ

Да сбудется всё, что мне свыше назначено. Давит и давит в груди.
Но по волшебству, говорят, не иначе как, остановились дожди.
Осеннее солнышко, будто стеклянное, катится, тихо звеня.
И темень сырая, тоска окаянная, вдруг отпустила меня.

Хлебнув под завязку промозглого лиха, я, словно челнок в два весла,
Вплываю в глубины осенние, тихие, словно озёрная гладь.
А в небе прозрачном, холодном и чистом, недвижим косяк облаков.
Дышу ноябрём – упоительно, истово, в ритме грядущих стихов.

Последние листья, как рыбы чешуйки, сквозняк по дороге метёт.
Под носом у заспанной облачной шуки блесной просквозил самолёт.
Пропел в тишине, басовито, негромко, неведомо мне, для кого...
И низкого солнца на облачной кромке недвижно застыл поплавок.

Неяркого света неожиданной отрадой комок растопило в груди.
Постой, снегопад, у пустынного МКАДа, дороги белить погоди.
Пусть ночью зима подкрадётся незваною. Медленно, словно во сне,
Такой неожиданный и долгожданный, мой город укутает снег.

ВОДОМЕРКА

Есть такие места в нашем северном летнем раздолье:
Если вдруг захотелось побыть одному в тишине,
Ты с дороги сойди где-то между Лесным и Привольным,
Где в полуденный зной и комар поленился звенеть.

Побредёшь наугад, без оглядки – что будет, то будет.
По заросшей тропе, через дикой малины кусты.
Набрёдёшь на забытый-затерянный старенький прудик
Разорённой усадьбы, чьи окна столетье пусты.

Купыри да осока, а выше – развалины церкви.
И застыли, спускаясь к пруду, за ветлою ветла.
По спокойной стоячей воде просквозит водомерка,
Не заметит её эта тихая сонная гладь.

Так и жизнь пронесётся – легко, бесполезно, нелепо.
Ни врагов, ни забот, ни тревоги, ни близкой беды...
Водомерка скользит в отражении близкого неба,
Над глубинами мутной от ила, стоячей воды.

Что сегодня напомним она невеликому клерку?
Что своей борозды за собой не оставить нельзя.
И подумаешь – глупо прожить эту жизнь водомеркой,
По поверхности мыслей и чувств суетливо скользя,

Без нырков и без взлётов, без слёз, без потерь и открытий,
Как лихого конька, водяного клопа оседлать,
По вечерней воде укатить к горизонту событий,
Позади оставляя такую же ровную гладь.

Но за вечером утро над нашим невзрачным болотом
Пряным запахом трав разольёт с ветерком благодать.
А вокруг – наливаются алым сияньем высоты,
И, пылая рассветом, зовут научиться летать.

Поэзия

Станислав Федотов

Федотов Станислав Петрович, сибиряк, окончил радиотехнический факультет и аспирантуру Томского университета, член Союза писателей с 1973 года, автор поэтических книг, романов и пьес, лауреат Международной премии имени Валентина Пикуля и премии «Рукопожатие», в настоящее время живет в наукограде Реутове Московской области.

ГАММА-ИЗЛУЧЕНИЕ

В заботах бытовых мельчая,
Спешим,
бегущий день лоя,
И говорим,
не замечая,
Как
действуют на нас
слова.

Но замираем среди гама
(как будто сердце вдруг зашлось):
Из шутки вынырнула драма,
И доброту явила злость.

А мир, что был бездумно-розов,
Вдруг стал пугающе-суров,
И появилась тьма вопросов
О смысле
прежде ясных слов.

Слова... слова...
Мы им значенья
Не придаём ещё подчас.
Но
словно гамма-излученье
Они пронизывают нас.

Пронизывают мозг
и душу
Их незаметные лучи
И могут что-то в нас разрушить,
А могут что-то излечить.

И я твержу себе всё строже
При разговоре при любом:
«Будь с излученьем
осторожен,
Чтоб не раскаяться потом».

БОРА*

Громыкнуло где-то глухо.
Город чутко поднял ухо.
Слышит:
зашептали горы:
«Скоро бора... Скоро бора...»

Бора...
Бора?
Что за бора?!
Как котёнок,
вдоль забора
Прыснул
первый ветерок –
Даже пыль поднять не смог.

А за ним
щенячьей стаей,
Развесёлой кутерьмой,
Мостовые подметая,
Третий...
пятый...
и седьмой...

Вот слились
в клубок бурлящий,
А из этого клубка
Вырос ветер
настоящий,
Взял
весь город
за бока.

Небо выгнулось от свиста.
Море бьёт крутая дрожь.
Где-то чайки,
где-то листья –
Ни черта не разберешь!

* Бора – ураганный ветер в северо-восточной части Черного моря

Гул –
стеной! –
до горизонта.
Всё оглохло, хоть кричи.
С угнанного в море солнца
Напрочь
сорваны лучи.

На дверях трещат запоры:
По дворам гуляет бора.
Не жалеет бора рам –
Тара-тара-тарарам!..

А потом
внезапно
стало
Тихо так,
что если вдруг
Шлёпнут волны у причала, –
Эхо катится вокруг.

Тишина... Раздолье музам...
Ясно... Радостно... Тепло...
Только в бухте – мусор... мусор...
Чуть не с верхом намело!

Ну зачем, откуда бора
Собрала весь этот сор?!
Ведь таким чистейшим город
Представлялся
до сих пор!

Что подумает колючий
Посторонний,
чуждый люд?!
Вот, мол, хвастались,
что лучше,
Чище всех
у вас живут!..

И добавит
для позора
Сто словечек побольней...

Ну и пусть!
Спасибо, бора!
Нам без мусора вольней!
Не стесняйся,
дуй сегодня,
Завтра дуй,
старьё круша...
Нам потом дышать свободней,
Чище тело
и душа.

* * *

Посёлок Быково, а попросту – Быковка.
Подольский (а не Раменский) район.
Квартира наша – голая обновка:
Бетон... бетон...
бетон со всех сторон.

Холодный камень... В трещинах и сколах...
Цементный пол... Цементный потолок...

Ремонт не изучают в наших школах –
Жизнь преподносит
нужный нам урок.

Он оказался впрямь великолепен.
Мы в руки взяли кисти, мастерки,
И вот шпаклюем, красим, клеим, лепим
И учимся – сомненьям вопреки.

В своей квартире не начнёшь халтурить –
Здесь ой как степень качества крута!
Жена так наострилась штукатурить –
Я дал бы ей звезду «Герой труда».

Работали, порой не зная меры,
Не расчисляя времечко своё...
Зато какая радость –
из пещеры
Самим создать уютное жильё!

Вот так бы взяться за страну всем миром,
И лень, и равнодушие скинув с плеч,
И развалюху
превратить в квартиру,
Вернее – в дом,
и от воров беречь.

* * *

Всё это – было...
Всё – знакомо...
Но почему-то вновь и вновь
Мне снятся,
словно молодому,
Полёты,
дали
и – любовь.

Легко своим владею телом,
Подобным гибкому лучу...
Кричат:
– Смотрите, полетел он!..
И я лечу, куда хочу.

На виражах, крутых и плавных, –
По лету...
осени...
весне...
Наверно, так на дельтапланах
Теперь парят и не во сне.

А дали...
Ах, какие дали!..
Душа, восторженно замри,
Не веря в то,
что не летали
Мы
в ранней юности
Земли.

Без крыльев и винтов ревущих
Скользили,
словно по волнам,
И птичьи стаи в райских куцах
Тогда завидовали нам.

А сны любви...
О них открыто
Сказать –
себя не тороплю,
Но просыпаюсь,
как от крика,
От вздоха нежного:
«Люблю...»

И сердце бухает,
как молот,
В огромной,
словно мир,
груди...

Я в снах летаю.
Значит – молод.
Люблю!
Всё, значит, – впереди.

* * *

Чтобы встретить чудо,
бережно
Надо пестовать умы...
Я купался в море Беринга
Прямо против Костромы.

Словно к сказке на свидание
Заявился невзначай.
Вот такое сочетание
Замутил Камчатский край.

Кто додумался название
Града древнего Руси
Принести сюда –
не знаю я
И ответа не проси.

А сам остров,
где купался я
(там на нерест шла кета),
Сверху так похож на палтуса
Или даже на кита.

Впечатление не жлобское,
Подтверждают рыбаки:
Всем нам помнится ершовское
Чудо-юдо Рыба-кит.

А вода была чудесная,
Хоть по Цельсию низка.
И крутили пальцем местные
Под ушанкой
у виска.

Всё ж я был не в одиночестве:
Мой поддерживал каприз
Николаевич по отчеству
Всем известный юморист.

Два ершовские Иванушки,
Испытав себя дотла,
Выходили не из ванночки –
Из Берингова котла.

Были жухлые, усталые,
С виду – чуть не старички,
Вышли на берег
удалые
Моложавые качки.

Тут такими не бросаются.
И на нас,
слезу пролив,
Костромские две красавицы
Пялились через пролив.

* * *

Александр Герасимову

Деревянные ступени
Чуть скрипят под каблуками.
Деревянные перила
Отшлифованы руками.
Платье тёмное в цветочек.
Сумочка из дерматина...
Извлечённая из дали
Чёрно-белая картина.

Под причёской – взгляд серьёзный,
Теплотою скрытой грея.
Тенью на губах – улыбка
Моны Лизы,
но – милее.
Рядом с лестницею – сосны.
В соснах вся – вблизи – округа...

Фото памятное – мамы.
Не моей, а мамы друга.

* * *

Что надобно для счастья человеку?
Широкою
обветренную реку
И лодку
между небом и водой,
И берегами, пахнувшими сеном,
И солнце,
восходящее степенно
Над миром,
над страной,
надо мной.

* * *

Честолюбье мое незлобиво:
Не беру за грудки... пояса...
На чужие стихи
как на диво
Загляжусь:
жаль, не я написал.

И продолжают
спокойно, негромко
Труд свой честный
душа и рука...

Может, чуткому сердцу потомка
И моя попадётся строка.

И, ни с кем не вступая в сравненье,
К чувствам века добавит свои
Каплю нежности,
каплю волненья,
Каплю чистой и доброй любви.

ПРИСКАЗКА

Только лето со двора,
В окна – снега белые...
Седине пришла пора –
Что же я поделаю!

Что теперь я сотворю?
Время вьёт порошею.
Жизнь подходит к ноябрю
Тропкой нехорошею.

Кочка... рытвина... сугроб...
Всё назло расставлено.
Чтоб споткнулся,
хлоп и – в гроб!
Стоп!..
Да тут... проталина!

Как?!
Откуда?!
По глазам – чёрная, дымливая...
Дышит радостью...
А там –
В рост трава счастливая...

Среди снежной маеты
Золотисты,
свеженьки,
Распускаются цветы,
Неженки-подснежники.

В небе – вновь голубизна,
Птичьи свисты кружатся...
И вода –
совсем без дна! –
В бирюзовой лужице.

А над этою водой
В тишине трезвоночной –
Оленёнок молодой,
Стройный, лёгкий, солнечный.

Я – к нему!
Олешка – встречу,
Ластится с опаскою.
А в глазах – мольба:
сберечь
Мир неожиданно-ласковый.

Я хочу спросить:
– Ты чей?
Глядь – уже и нет его,
А у ног звенит ручей
Мелочью монетною.

Нет, не прав я: ни при чём
Здесь монеты-денежки –
В чистом звоне
бьёт ключом
Чистый голос
девушки.

Лишь подумал – вот она!
 Подошла неспешная.
 Настоящая княжна –
 Гордая и нежная.

– Кто ты? – мой вопрос повис...
 Не исчезла б вдруг она!
 Сердце –
 чую –
 камнем вниз
 Падает испуганно.

– Кто ты?!
 – Я – твоя судьба.
 Необыкновенная –
 И царица,
 и раба,
 и подруга верная.

– Ну, без первых
 как-нибудь
 обойдёмся.
 К чёрту их!
 А подругой верной
 будь,
 Чтоб и корку чёрствую,
 И икорку –
 пополам...
 Жизнь бери,
 лепи мою!
 Будь –
 за это всё отдам! –
 Женщиной любимой!
 Но скажи мне напрямик –
 Просто правды хочется:
 Где ж была ты?
 Я привык
 К боли одиночества.

Запинаясь, говорю –
 Слово б не обидело:
 – Почему лишь к ноябрю
 Ты меня увидела?
 В мае строен был и юн,
 Кудри –
 русой шапкою...
 А теперь какой стою?
 Только что не шамкаю.

– Не кокетничай с судьбой.
 Помнить не мешало бы:
 Лето ты прошёл
 с другой

Без единой жалобы.
 Знаю:
 в том не виноват,
 Что один,
 как брошенный,
 Но в любви смотреть назад
 Надо по-хорошему.
 Твой ноябрь –
 ещё не ночь,
 С вечным сном не дружится.
 Я пришла тебе помочь:
 Силу дать
 и мужество.
 В опозданье что корить?
 В том твоё везение –
 Из предзимья
 отворить
 Двери в дни весенние.

Сердце сжалось,
 хоть кричи:
 Трудно в чудо верится...

– Я готов!
 Давай ключи
 От заветной дверцы.

– Путь-дорожка за ключом
 Перевита тайною.
 Ведь с олешкой и ручьём
 Встречи – не случайные.

И – смеётся...
 Ой, княжна!
 Вся – мороз и таянье!

– Если я тебе нужна,
 Разгадаешь тайны.
 И в пургу,
 и в зной,
 и в дождь
 Духом неизменчивый,
 Все дороженьки пройдёшь
 За любимой женщиной.
 Чтоб моложе стать,
 сильнее,
 А иначе –
 маяться...

Это – присказка.
 За ней
 Сказка начинается.

Берега памяти

Валентин Курбатов

Валентин Яковлевич Курбатов – литературный критик. Родился в 1939 году в Ульяновской области. Член Академии российской словесности. Член Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов. Действительный член Академии философии хозяйства. Входит в состав редколлегии журналов «Литературная учеба», «День и ночь», «Дружба народов», «Роман-газета», «Берега». Член Общественной палаты России. Член президентского Совета по культуре. Лауреат премии им. Л.Н. Толстого, Горьковской и Новой Пушкинской премии

«Эта раса не убита...»

К 80-летию поэта Татьяны Глушковой

Похоже, мы и правда живём в постисторическом пространстве, где время теряет рассудок. То, что было вчера, представляется древней историей, а вроде навсегда отболевшие заблуждения столетий искушают, как завтрашняя политическая программа. От усталости последних лет мы готовы обмануть себя и сделать вид, что никакого вчера не было, чтобы скорее оказаться в сколько-то защищённом завтра. Очевидно, мы надеемся, что, отказавшись от себя, мы скорее обманем судьбу, и болезнь покинет нас.

А только, слава Богу, русские поэты ещё не оставили своего свидетельского служения, и их «показания» по-прежнему «не горят». Они ждут зрелости читательского сердца, чтобы пробудить его для настоящего осмысления и догадки, что недодуманная мысль, как недоисповеданный грех, не освобождает души. И что история, как Христов хитон, не шита из кусков, а целиком ткана сверху. И её надо видеть открытыми глазами, чтобы яснее почувствовать в своём сердце незатянувшиеся разрывы в живом теле Родины и церкви.

«Друг мой, – восклицал Гоголь, – или у вас бесчувственное сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия!» Это их общее, как если бы их сердце было открыто самым физическим образом, без защиты плоти, и Россия, может быть, иногда и сама не рада этим зорким детям, которые, не опуская глаз, спрашивают с неё последней правды, но она знает, что это – вопрошание любви и что это оправдание её перед Богом. А надеющиеся загородиться успокоительной ложью в очередной раз вынуждены будут понять, что поэт – свидетель неподкупный, и никакая неправда не утаится. До Божьего суда, как его первый знак и предвестие, приходит напоминание поэта «Но есть, есть Божий суд...»

Таким напоминанием кажется мне попавшая нынче на глаза нестареющая книга* ушедшей пятнадцать лет назад московской поэтессы Татьяны Глушковой, книга, рождённая в первых своих горчайших стихах в мучительные дни после страшного, трусливо не обдуманного нами октября 1993 года. Тут о «текстах» не поговоришь, потому что каждое стихотворение, да и каждая даже строка – вопрос не к одному умозрению, а к самому существу жизни. Немного у поэта средств в жестокое время – «всего-то под рукой лишь боль – да гармонические звуки», но эта безоружность отливается в крылатое слово, которое растёт в душе и становится единственно действительной силой.

Как мы жадно постарались забыть тот октябрь! Даже не избыли, а просто вычеркнули из памяти, как нечто не бывшее, но русская Муза «с горьким взором, с завязанным ртом» безжалостно возвращает нас в эти дни без «эфирной цикуты» телевизионной лжи, не в хаотическом метании обрывочных полуправд, а в преображённом страданием слове. Теперь уже не загородиться заботами и

* Татьяна Глушкова. Гражданская лирика. Издательство «Русский остров». Санкт-Петербург: «Владимир Даль». 2004.

неразберихой дня, теперь надо глядеть и понимать. Это не старая хроника, а большое сегодняшнее сердцебиение:

Ещё встает за окнами рассвет,
Ещё струится осень золотая.
Но нет Москвы. А есть – воронья стая
Над стогнами страны, которой нет...

Этот мотив неустанен – страна, «которой нет». «Когда не стало Родины моей...». «Но был весь мир провинцией России, теперь она – провинция его». Это очевидно слепому и, может быть, очевиднее всего тем, кто каждый день твердит нам о возрождении России – той страны нет. Нет нашей Родины, которую не надо было одевать в слова и которой не надо было клясться, ибо она была кровью, домом, гордостью, семьёй и матерью, о которой не думаешь, пока их не лишишься. Нет того, что мы за стремительностью разрушений почти не успели осознать, что при всех потерях, горестных заблуждениях и стыдных вывихах идеи занималось в мире, а занималось нечто небывалое, нечто, сулящее миру смысл больший, чем восторжествовавшее, к нашему стыду, брюхо и отдых на Канарах.

И вот поэт переглядывает хронику памяти («в тот день осенний: сладковатый чад/ клубился вывьсь... Какой листвы сожженье?», «В тот час, как танки въехали в Москву, /хлеб зачерствел, и горькою водица/ вдруг сделалась...») и спрашивает, спрашивает ответа:

Зачем молчали вы, колокола?
Зачем весь причт не вышел крестным ходом...

А ответа нет и сегодня. Подняли бы колокола Москву? Наверное. Да не знали звонари, куда звать, какой народ поднимать, не ведали, с какой стороны они сами, как не ведал причт, кого звать в хоругвеносцы и кого ставить под небесные знамена, и в какую сторону идти. Подлинно – «распалась связь времен», и мы тогда не успели понять, что из народа стали населением, что не на кого было оглянуться отдельному человеку, ибо не было за ним рода – ни крестьянского, ни дворянского. Пока мир держался, казалось, всё внутри нерушимо, а повалился – и обнажилась наша духовная ослабленность. И церковь, пригрозив анафемой пролившему кровь, не нашла в себе силы договорить начатое до точки, вполне в духе времени «позабыв» вчерашние заявления. И на сороковой день опять фактически не церковь, а поэт сулил погибшим юношам, что «души их во благих водворятся», а поняли бы мы под церковным взглядом, что это наш общий день поминовения России, собрались бы, не судя, а плача, и опять были бы народ. И не было бы «мощи, чтобы одолеть/ ту крепь – коль встанут мёртвые с живыми/, единого Отечества во имя готовые вторично умереть».

Но нет этого «единого Отечества». И живые предают своих мертвецов (не только этих октябрьских, но и тех, кто под Бородино, Севастополем, Сталинградом) нетерпеливым переписыванием истории, подменой героев (Сталин равняется Гитлеру, Власов – гуманнее Жукова и т.д.). Но история не описывается, а *делается*, и её можно оболгать, но не отменить, можно предать, но нельзя сделать не бывшей. Каждое 9 мая проверяет нас, и мы всё хуже выдерживаем испытание. Глушкова особенно остро слышала этот день и думала о нём иногда задолго до этой святой даты. Вот и в ноябре 93-го года, когда ещё не остыл позор октября, торопит 9 мая 1994 года, словно надеется образумить и собрать человеческое сердце, заставить в свете того первого великого дня очнуться и понять, как вышло, что вот спустя полстолетия:

Ни очага. Ни хлеба. Ни державы.
Всё взято. Сдуто. Угнано в полон.

А уж 9 мая 1995 года и не надеется образумить, а ещё в предчувствии, не видя того, что будет, по одному безумию оглашенной программы понимает, что можно только отворотиться, чтобы спасти если не сердце, то хоть зрение:

Парад Позора! Не моим глазам
Глядеть, не моему склоняться слуху,
Внимая, как Великую Разруху
Кимвалы славят и пируют срам.

Эхо нового «октября» уже пошло вершить необратимую работу в народном сознании, и не за что ухватиться, нечем себя ободрить в минуту крайней усталости. Разве иногда почудится «...случайный / бывлой уездный городок/ ещё наполнен русской тайной/ ещё хранит свечи венчальной –/ на брак и царствие – дымок». Но только уж мы и сами знаем, что и про «уездный городок» – только чудится. Он или стыдится своей уездности, или продает её. Увы, как и в столицах, там тоже «в душах властвует число». В Угличе рядом с Кремлём я увидел в те дни церковь Флора и Лавра, бросился поглядеть, а она и не церковь вовсе, а магазин заморского барахла с удалым названием «У Флора и Лавра».

Подлинно:

А мы живём теперь чужие жизни.
В чужую жизнь вплетаем жизнь свою
Ненужную, как память об Отчизне
В чужом, немилым, сумрачном краю.
И пролегло такое расстоянье
От этих дней и до былых времен,
Как будто мы, и подлинно, в изгнанье
Иль видим сон: кромешный видим сон...

И гордость наша ещё восстаёт и нет-нет вырвется старое властное слово и повеет прежней статью и достоинством:

Мы сами на семи холмах стоим,
Не нам у Рима спрашивать дорогу.

Но как увидишь вот такое «У Флора и Лавра», или то, как Пушкин в Москве на своей площади всё ниже клонит голову, чтобы не видеть победно обставших его на всех кровлях «Samsung», «Daewoo», «Coca-Cola» («Лютуют чада праха над тобой, / Глумятся, мол, и ты подобен праху»), то и почувствуешь, как нетвёрдо мы стоим на своих холмах, а Рим не без высокомерия или, что ещё больнее, – не без снисхождения – напоминает нам, что, коли уж мы выбираем европейские модели экономики и политики, то и церкви нашей придётся заглянуть в чужую историю и догматику. Она хоть институт-то и небесный, но стоит на земле и везде на *своей* земле, и когда её общество, её дети эмигрируют и предательствуют, ей не остаться здоровой и от «римской дороги» не уклониться. Мы об этой болезненной связи стараемся не думать, не видя, что это самообман по последствиям гибельней других, не видя, что без Родины «и слава, и любовь/ сама душа – как храмина пустая».

Так у нас связаны Родина и душа, Россия и церковь, что у нас и Христос по народному сознанию русский, отчего мы его всегда роднее других чужаки и любили именно не в царском, а рабском виде. Вот почему Глушкова права, когда пишет в начале книги: «Когда не стало Родины моей,/ Тот, Кто явился к нам из Назарета,/ осиротел не менее поэта...», ибо был изгнан из того дома, где был живее всего, и нынешний, на компромиссе и уклончивости ставленный дом не хочет делаться «домом молитвы», как мы не надеемся убедить себя в обратном.

А только и «победителям» тут радоваться нечему – в таких «поражениях» выигравшего не бывает.

Не радуйтесь: мол, русская расплата...
Всемирное в ней тлеет торжество.

Ну, до торжества ещё далеко, а вот до общей кончины этого слепого, подталкивающего Россию в пропасть мира очень даже близко. Себя, бедняги, в пропасть-то толкают, не ведая законов сохранения духовной энергии, не понимая, что уж давно не только нашей литературой, а и нашей церковью живут, что умный Рим по русской религиозной мысли понял и старается усвоить. И как Россия надеется выбраться за счёт провинции, так и миру придётся надеяться на свою провинцию – Россию. И тут как раз формула Глушковой не обидна, если бы миру хватило ума понять её. А от России, от гордости её из-за того что она «деревня», не убудет.

То-то и беда, что как деревня сегодня бежит от себя, так и вся Россия застыдилась своей «провинциальности», не разумея того, что всякий не потерявший рассудка народ, побегав за своими рево-

люциями и «перестройками», в конце концов возвращается к осмеянному «не передовому» отчету порогу, около которого и воскресает.

Но – вот вечное чудо: как только на минуту оставишь заботы дня и дашь волю усталому сердцу, оно тотчас начинает искать света, преобразовать пережитое и бережно подвигать душу к выходу. Это небесная Россия, та, что, собственно, и зовётся Родиной, подставляет плечо и «думает за тебя». Вдруг начинает сознаваться, что «Россия, кровью умытая», оказывается на какой-то непостижимой глубине – «отмытая», убелённая» этой кровью, вымоленная, наверное, теми небесными юношами, которые пали тогда. И всё кажется, что сама поэтесса удивлена этим проступанием света «уму наперерез»:

«Невозвратимо!» – говорит мне ум.
«Невосполнимо!» – мне стрекочут сводки.

...Но вздох глубок, но воздух – золотист,
и клочок отавы блещет жемчугами.

...То сам Господь, как сеятель идёт.
Из недр золы, щебёнки, перегноя
Лучистым взором семя достаёт –
Незримое, родимое, ржаное...

Оттого и – «смерть поправ», оттого и пасхальное проступание. Ещё на дворе Страстная неделя, еще всё болит при каждом прикосновении, ещё не сдаётся ум и не слабеет гнев, но всё что-то будто трогается в воздухе, как перед рассветом. Но это не заслуга нынешних миродержцев (что им до России?), это именно народный слух поэта говорит, земная и небесная его стихия, как знак верной жизни в языке и истории. Как это у Блока вырвалось после видения нищеты и отчаяния тем же народным слухом: «Ну что ж? Одной заботой боле –/ Одной слезой река шумней, А ты всё та же – лес да поле/, Да плат узорный до бровей»... Вот и здесь к смятению поэтессы:

...Из таких потёмок –
А песнь?... И вроде из славянских слов
Составлена, содеяна... Сокрыта,
Самой землёю сбережена.
Так значит, эта раса не убита,
И даром, что нещадно казнена?

Именно, именно – «самой землёй»! И потому и «раса не убита», что есть ещё у нас наша земля и право и честь лечь в неё и быть ею. Оттого и это неуклонное движение книги к слову «Победа» и твёрдое знание, что «срам поражений, мороки измен/ смахнёт плащом сверкающий Георгий,/ прогонит прочь от этих красных стен». И, коли уж надежда выступает из такой раны и такого страдания, – значит, подлинно свет во тьме светит и видится мужественным зрением, а не уловкой очередного самообмана.

Это уж проникание *туда*, за пророчимую поэтом и ещё предстоящую кровь, за последнее противостояние злу, в те пределы, где начертана наша подлинная судьба, как суд Божий, от которого не уклонишься и которого чужими дорогами не обойдёшь. «Не во власти человека, – так же выстраданно писал некогда И.А. Ильин, – оторваться душой от той среды, которая его возрастила, погасить свой национально-духовный облик и, раз надышавшись родного воздуха, сделать себя действительно лишённым духа и Родины».

Вот и она ни на минуту не может представить себя без родного воздуха, и потому так пряма в отношении прекрасной, но только элегической, безопасно усталой поэзии первой волны эмиграции и так жёстка в отношении второй («они бежали не из плена, а в плен во время той войны»). И потому резка с «неохристианами» и «мстителями», которых явился легион и кто плюёт в Отчизну, «расчитываясь» с нею за своих родителей, дедов, за их частную правду, потому что сама она, претерпев семейный урон более других, слышала стократ вернейшее:

Не для тщедушных этот путь,
Не для жрецов стерильной славы.
Не на воде стоят державы,
Лишь на крови они растут.

Не зря она – славянка, рождённая в Киеве, жизнь прожившая в Москве, слышавшая равно Украину, Россию, Сербию, – не выносила комнатного патриотизма, ищущего безопасной правды, ибо всегда знала, что

Величье духа требует пространства,
Так повелел не Пётр – Небесный Царь,

и носила в груди до парадокса доходящее знание, что даже и тяжкий труд демидовских рабочих, и тьмы крепостных таинственным образом необходимы в свой час, чтобы выковать пушкинские «Египетские ночи» или строку о «гении чистой красоты». Это могло показаться дерзостью, жестокой игрой. Но она никогда не играла. Она – *знала*.

Книга, начавшись с грозной, почти страшной ноты, с плача по расстрелянным в Белом Доме, с тягчайшего реквиема по русской славе, к концу если не светлеет, то выравнивается, как близится к успению человек, как страна, выбаливая, начинает на самой пока едва различимой глубине возвращать слух и понимать, что «от *Слова, Слова* прорастёт народ». Прежде всего из такого нелицеприятного врачующего слова, из пушкинской непредвзятости мысли и леонтьевского пафоса жизнеохранения.

Грозная, властная, скорбная, светлая книга Татьяны Глушковой из спасительных «глотков родного воздуха», которым живёт и крепится духовный облик русского человека. Давно русская Муза не говорила так властно, так по-русски грозно, во времена, когда дух и лучших политиков и военных отставал от поэзии. Давно она не была так мужественна, прекрасна, нетерпелива, неуклончива, бесстрашна, потому что искала не слова даже, а того, что за словом – великого Целого, где едины полки, стоявшие на Чудском и под Бородиным, и под Сталинградом, где бестужевки, поповны, московские просвирни и мещане – всё хранило речь, которая прорастёт и выведет из гибели.

Её историзм был отличен от других русских поэтов последнего времени. Она предчувствовала скорую утрату гражданской лирики в России и была настойчива, постоянна, требовательна к истории, в которой жила всякий день и час уже больным, но тем горячее любящим, живым, не литературным сердцем. Она была нелицеприятна, резка. Часто невыносима. Как невыносима сегодняшнему уклончивому сознанию честность. Её «скорбный дух» был «не сломлен и не смирен» до последнего часа.

Слава Богу, Россия не осталась без трагического эпоса в час, когда закатывалась, когда превращалась в «провинцию мира». Есть трагическое свидетельство и уже навеки неуничтожимое свидетельство, что мы были. И ушли не молча.

Берега памяти

Татьяна Глушкова

Родилась в 1939 году в Киеве. Окончила Литературный институт имени М. Горького. Автор книг: Белая улица. – М., 1971, Выход к морю. – М., 1981, Разлуки нет. – М., 1981, Столько солнца на лугу. – М., 1982, Традиция – совесть поэзии. – М., 1987, Снежная гроза. – М., 1988, Стихотворения. – М., 1992, Всю смерть поправ... Стихи о Родине (90-е годы). – М.: Благовест, 1997. – 64 с., Не говорю тебе прощай... – М., 2002. Перестройку не приняла, После событий осени 1993 года она создала цикл стихов – «Всю смерть поправ...», посвящённых трагедии русского народа, переживая разрушение СССР как потерю Родины. В последнее время работала над романом в стихах «Грибоедов» – дневником-исповедью, написанным от лица великого русского поэта, а также автобиографической книгой о военном детстве «После Победы», фрагменты из которой были опубликованы в газете «Завтра» и «Дне литературы». Скончалась в 2001 году. Похоронена на Переделкинском кладбище.

ЗИМНИЕ ПТИЦЫ

I

Молчим. Скорбим. Осиротели.
А может быть, она – мертва,
та Смерть под музыку метели
в канун Святого Рождества?

Ведь даже встрёпанные птицы
покинули её плеча,
чтоб впитаться в нотные
страницы,
крича, гортанно клокоча,

но вдруг светлея, розовея,
чтоб, сбросив чёрное перо,
вплетать в напевы снеговея,
напевов райских серебро...

II

И воском ласковый сочельник,
как медом солнечным, пропах.
И шепчет лапник, шепчет ельник:
«Что было – прах, легло во прах;
но то, что дух, – неодолимо:
себя свежей, себя вольней,
летит – молить неутомимо
о милой Родине своей!»

6–7 января 1998 г.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Ещё и ель моя свежа:
горит в угоду новогодью.
Но плачет Музыки Душа,
душа, покинутая плотью.

Ещё и пушкинская тень
остра, быстра в колонном зале.
Но гаснут свечи на рояле,
и полон мглы девятый день.

Ещё стрекозы просверкнут
в золотых власах крылатой арфы,
и струны вербный мёд прольют,
как миро из ладоней Марфы.

А флейта, внятная и там,
где сгрудились юго-славяне,
ещё свирелит по лесам,
пастушит в солнечном тумане.

Ещё гудёт Зеленый Шум
широкой праздничной кантаты, –
а мы полны тревожных дум
и тайной робостью объаты.

Как будто призрачную сень
незряче зрим, дремотно чуем...
То вьюги белая сирень
чело нам студит поцелуем.

То вражьи сети – иль покров
молитвенно простерт
над нами?..
А вьюга горсти жемчугов
швыряет в мертвенное пламя.

«Всё мрак и вихрь», – говорим,
да нет родней её купели,
в ней – блеск седин,
цветенья дым,
железа лязг и дробь капли;

в ней – гнев, и навьи голоса
хохочут, свищут и стенают,
и словно белые леса,
с корнями, по небу летают...

А вот приляжет у креста,
взобьётся облачком в изножи, –
лебяжьим помыслом чиста,
утешлива, как слово Божье.

И, хвойной веткою шурша,
она до горнего чертога
превознесёт тебя, душа:
к Отцу – от отчего порога!..

13 января 1998 г.

ПОД СРЕТЕНЬЕ – СОРОКОВИНЫ

I

Ныне отпускаеши...

День Сретенья, ты день разлуки!
Прощальный звон... Приветный звон...
Как жадно старческие руки
простёр усталый Симеон!

Как нежно примет он
Младенца,
как трепетно введёт во храм!..
Белеют снегом полотенца
вокруг иконы по углам.

Ведь, право, нет уже причины
томиться в дольных берегах...
И ты, душа, из отчей глины
летишь, летишь, покинув прах.

Оплакав прах, что был
прекрасной –

земной Отчизною твоей,
где голый куст рябины красной –
зрит огорчённый воробей.

Где гимны русскому раздолью
смычки метельные поют;
где всклень полна счастливой
болью
душа, свободная от пут.

Где голубое Лукоморье
затмило взору явь и близь;
где волей солнышка
на взгорье
озимых всходы поднялись.

Где разом вербы посмуглели
и снится Вход в Ерусалим...
Где робко на Страстной неделе,
Минуй мя, чаша...» повторим.

II

А Сретенье зовём – Громница.
И се – громничная свеча
среди звёзд морозных
золотится,
как летний полдень, горяча.

И се – кутья поминовенья
из красных, каменных пшениц.
Еловой ветки мановенья...
Чуть слышный возглас половиц...

И, как надгробие печали,
как, может быть, сама печаль,
чернеют ноты на рояле,
как чёрный лёд, блестит рояль.

III

День Сретенья!..
Осиротенья вчерашний день...
Но как светла
долина слёз, обитель пенья,
где сорок дней метель мела;

Где скорбно в белоствольном зале
склонился долу мерзлый куст;
где всей землёй мы прошептали
по Музыке сорокоуст.

21, 29 января 1998 г.

ЧАС БЕЛОВЕЖЬЯ

Когда не стало Родины моей,
я ничего об этом не слыхала:
так, Богом бережёная, хворала! –
чтоб не было мне горше и больней...

Когда не стало Родины моей,
я там была, где ни крупницы света:
заслонена, отторгнута, отпета –
иль сожжена до пепельных углей.

Когда не стало Родины моей,
в ворота ада я тогда стучала:
возьми меня!.. а только бы восстала
страна моя из немощи своей.

Когда не стало Родины моей,
воспряла смерть во всём подлунном мире,
рукой костлявой на железной лире
брящая песнь раздора и цепей.

Когда не стало Родины моей,
Тот, кто явился к нам из Назарета,
осиротел не менее поэта
последних сроков Родины моей.

* * *

А та земля, в которую сойду,
которая в наследство мне досталась,
уже металась в пламенном бреду –
как будто вдруг к щеке моей прижалась...

Как будто этих пожелтевших рук
она ждала с заката до восхода,
как будто этот неутешный звук
сулит ей дождь иль солнце с небосвода.

Сулит колосья, полные зерна,
скоту – приплод, а девушке – обнову,
огонь в окне, и тени у окна,
и чью-то верность молвленному слову.

И чью-то разделённую любовь,
и кем-то сокрушённую разлуку,
и путнику – уже нежданный кров,
и грешнику – как раз по силам муку.

Сулит весну – и талый чернозём,
и эту жалость нежную к отчизне,
и всё, что мы опасливо зовём
не смертью, нет, но продолженьем жизни.

НАВЕКИ ПРЕСНЯ КРАСНАЯ КРАСНА...

Ещё встает за окнами рассвет,
ещё струится осень золотая.
Но нет Москвы. А есть – воронья стая
над стогнами страны, которой нет.

Над выщербленным Зданием Беды,
какое быть желало «Белым домом» –
лакейским флигельком под Вашингтоном,
куда ведут кровавые следы.

И над моей оглохшей головой,
когда дремлю, когда встаю до света,
и вижу: труп плывет у парапета,
отторгнутый речною глубиной.

Ни в воду вы не спрячете концы,
ни в грудь земли, ни в хляби небосвода...
Бредёт в осторожном рубище Свобода,
ведёт коня слепого под уздцы.

Тоща, как Смерть, как чёрная вдова.
А следом – гулко катится телега...
Не убраны в полях разливы хлеба.
Не убраны тела до Покрова.

И слышу: танки валкие гремят

по старой Пресне – точно по Берлину!..
Нас гнут в дугу. А мы расправим спину.
Священным гневом горизонт объят.

Навеки Пресня Красная красна.
Навеки чёрен этот ворон чёрный,
что кружится над Родиной просторной
и над душой – как Спас, нерукотворной,
что плачет, страждет, мечется без сна...

Навеки Пресня Красная красна!

НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ

Залётный скульптор! Что ты изваял?
И что ты вызнал у горы Поклонной?
Что всё безродно – камень и металл,
как ты, пустою славою пленённый?..

Какою-то засохшей стрекозой,
какою-то крылатою мурашкой
задумал взмыть ты над моей Москвой,
к её стыду, во дни обиды тяжкой?

Обласкан чёрной сворою бояр
и той, и этой проданной столицы,
но будешь сдуть – как мошка иль комар,
с державной, белокаменной десницы.

И станут прахом бронза и бетон...
А если призовем кого с Кавказа,
то будет зваться он – Багратион,
пусть он пока – всего сержант запаса.

Все Семь Холмов поклонятся ему,
Бородино вздохнёт горячей грудью.
Он смугл?.. Но это чудится в дыму.
Он – русский всей своей орлиной сутью!

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

Как сумрачно, как страшно на Москве!
Растаял снег – и прозелень густая
на славной, н е п о к о р н о й голове
вдруг проступила, взор живой пугая.

Она струится по твоей груди,
по раменам, по старенькой крылатке.
О, Боже! То не Пушкин впереди,
то смерть – и тленья злые отпечатки!

Лютуют ч а д а п р а х а над тобой!
Глумятся: мол, и ты подобен праху...
О снегопад, отдай ему рубаху,
укутай пышной шубой снеговой!

Хитёр он, твой бессмысленный палач!
Он душит то забвеньем, то любовью.
Он смрад клубит к святому изголовью,
хохочет он, заслышав русский плач.

Он назовёт иронией судьбы,
нечаянной игрою непогоды
и ржавчину на месте позолоты,
и вспоротые древние гробы.

Он храм откроет подле кабака,
мелькнёт в бедламе патриаршья митра.
А я мечтаю, что твоя рука
сжимает меч, а не поля цилиндра.

Как бесы в полночь, разгулялась чернь.
Ей трын-трава – само скончанье света:
стяжает звёзд нерукотворных зернь,
вбивает в землю отчий град поэта.

И знаю я, что тленья убежит -
навек вольна! – душа в заветной лире, –
а всё невмочь, когда в дневном эфире,
в подлунном, с л о в о м просветлённом мире
когтистый вран над Гением кружит!

ВЕЧЕРА РУССКОЙ МУЗЫКИ

Совсем не страшно – на свирели,
на лире, лезвии ножа,
пока и в мае, и в апреле,
листами нотными шурша,
кружат Свиридова метели,
поёт Гаврилина душа.

И, умилён Вечерней жертвой,
ты прячешься между колонн.
Какою радостью бессмертной
тут каждый звук посеребрён!

Какой смиренною печалью,
какой властительной мечтой...
И плачет ночь под чёрной шалью,
и пляшет месяц молодой.

И сами звёзды колядуют,
и вьются ленты голосов,
и музы в лоб тебя целуют,
начётчик букв, подёнщик слов.

Тебя коснулось дуновенье
привольных сфер, отверстых недр –
дубрав купальское волненье,
Фавора златоверхий ветр.

*Публикацию стихов подготовила
Валентина Мальми*

Берега памяти

Лидия Довыденко

«Богатство – вид людской невзгоды»

К 65-летию Юрия Шевченко

27 ноября исполнился год, как нас настигло известие о смерти Юры Шевченко, моего доброго друга, соратника, автора журнала «Берега», великолепного фотографа, общественника и неравнодушного, благородного человека, поэта, прозаика, публициста. Юрий Шевченко родился в 1954 году на берегу Чёрного моря, в Керчи, а состоялся он как поэт, баснописец, писатель-фантаст, журналист и певец морской пехоты – на Балтийском море. 9 ноября Юре исполнилось бы 65 лет.

Я помню, как разволновалась после тяжёлого звонка об уходе Юры, как вышла на улицу, не находя места в квартире. Тут же пошёл большими хлопьями снег. Я взглянула на три бордовых розы, цветущих у металлического забора вокруг многоэтажки, на которые падал густой снег. Белое небо, белый снегопад и тёмно-красные розы с ярко-зелёными глянцевыми листьями на высоких стеблях. Я проходила мимо них раньше, не замечая, а снегопад заставил остановиться с сочувствием.

Снег прекратился так же внезапно, как и начался, выглянуло солнце. При плюсовой температуре воздуха снег тут же растаял. Всё засверкало вокруг каплями воды, засияло в солнечных лучах. Розы были невозмутимы в своей задумчивой красе. Снега они как будто не заметили. Не душа ли Юры подавала мне не разгаданные мной знаки? Так он прощался, пока я брела по проспекту Мира.

Что нас объединяло? Взаимное уважение к творчеству друг друга, принадлежность к одному Союзу писателей России, бережная память о первом члене Союза писателей в России в Балтийске поэте Викторе Сысоеве, общие усилия по увековечиванию его памяти мемориальной доской на улице Ушакова, на доме 18, участие в мероприятиях, которые проводил музей Балтийского флота, библиотеки Балтийска.

Горит свеча, в сердце светлая память, и в день, когда перестало биться его сердце, доброе, отзывчивое, по-детски доверчивое и непосредственное, любящее, с добрым юмором, я хочу вновь обратиться к его творчеству.

Тема чёрного берега

«Белостокцы в чёрном берете» – под таким названием вышла в свет книга Юрия Шевченко, автора гимна морских пехотинцев «Слава Белостокского полка». Собрание очерков посвящено 70-летию 336-й Отдельной Гвардейской Белостокской Орденов Суворова и Александра Невского бригады морской пехоты.

Военный журналист газет «Страж Балтики», «Красная звезда», автор статей журнала «Морской пехотинец», Шевченко соединил в сборнике 68 своих очерков. Главными героями его стали наши современники, судьбы которых оказались связанными с легендарным соединением, где девизом всегда были слова, скреплённые мужеством и боевым братством: «Где мы – там победа!»

Виктор Чирков, тогда Главнокомандующий Военно-Морским Флотом России, в своей вступительной статье к книге заметил, что воин в чёрном берете – главный герой сборника – пользуется популярностью у российской молодёжи и служит объектом для подражания. В то же время незаслуженно мало внимания уделяют современные писатели героическим судьбам пехотинцев. Полтора десятка лет назад вышла книга «Морская пехота Балтики» В. Громака и О. Одноколенко. Есть у морской пехоты свой сайт, где размещены статьи о жизни воинской части.

Но книга Юрия Шевченко, внука черноморца-катерника А.А. Мелентьева, участника морского десанта у Керчи во время Великой Отечественной войны, восполнила тот недостаток информации

о «морских волках», который ощущается в современной отечественной литературе. Сборник написан «с глубоким уважением к морякам в чёрных беретах, названных народной молвой красой и гордостью флота».

Автор рассказал о том, как родилась идея написать о морской пехоте – после встречи с одним из героев книги Андреем Гуциным, полковником, Героем России, который с сожалением произнёс, что о них начинают писать, когда пехотинцы оказываются «навечно в строю». Тогда и созрело нелегкое решение – написать об особенных людях нашего времени, но трудность выполнения такой задачи заключалась в том, что, по выражению писателя, герои его – «люди молчаливого подвига», «многих приходилось обхаживать годами», но результат стоит того.

Юрий Шевченко сделал мощный прорыв в направлении создания целой галереи красочных словесных портретов офицеров и матросов, которые своей доблестной службой продолжают традиции морской пехоты, заложенные на заре рождения русского флота, а затем, – если посмотреть на боевую карту мира, – прошли от Норвегии до африканских джунглей.

Хочется предположить, что, возможно, эти очерки станут основой для будущих захватывающих российских киносценариев, составив конкуренцию западному кино, где не жалеют средств на создание кинолент о героизме их десантников, постоянно спасающих от чего-либо мир, но довольно часто и вымышленных.

Ценность книги Шевченко в том, что она написана о реальных, живущих сегодня людях, наших Брюсах Ли, в общении очень скромных, избегающих «ярмарки тщеславия», переживших столько всего, что рассказать пережитое – подвергнуть себя, свою жизнь новой опасности.

Книга адресована широчайшему кругу читателей, интересующихся ратным недавним прошлым, опалённым Чеченской войной, трудными буднями повседневных боевых полигонных учений, свидетельствами воинской славы и отваги, представленных не только очерками, но и редкими фотографиями из личных архивов пехотинцев и музея Балтийского флота.

Элита Вооружённых Сил России – морская пехота Балтийского флота – представлена в книге Героями России, в том числе, и не получившими этого обещанного в «горячие ночи» звания, орденосносцами, комбригами, комбатами – вплоть до гвардии старшин и рядовых матросов. Они отличаются не только особой физической подготовкой, но интеллектуальной способностью решать боевые задачи в самых сложных условиях, демонстрируя высочайшее военное мастерство.

Произведение Шевченко – это и попытка, в коротком жанре очерка, найти истоки проявленной психологической силы, мужественного и оптимистического характера человека, у которого, конечно же, есть и семья, и своё хобби, своё увлечение, но ему роднее родных – гвардейцы бригады.

Невозможно перечислить в этой статье всех 68 героев книги, поэтому назову лишь некоторых из них. Многие скажут, что образ Алексея Мересьева – это из забытых школьных лет, и хромой Суворов, и одноглазый Кутузов, и одноногий адмирал Исаков – из учебников истории, – и ошибутся.

Среди пехотинцев – заместитель командира первого десантно-штурмового взвода Михаил Родыгин, который, лишившись ноги, уверенно нёс службу, лишь недавно уволившись в запас.

Александр Мендрик, гвардии майор, руководит минёрами, которые только за последние два года обезвредили 26 000 мин, оставшихся на калининградской земле после войны.

Когда читаешь книгу Шевченко, то слова песни из кинофильма «Звезда пленительного счастья»:

Не раздобыть надёжной славы,
Покуда кровь не пролилась, –

воспринимаешь совсем иначе, чем в фильме, охваченный тревогой и ощущением трагедии, которая за плечами таких, как ласково называемый подчинёнными комбат Дарик – Герой России, Александр Даркович, под руководством которого, по несколько раз в день отстраняемого от должности, переправа через Сунжу «вошла в анналы» истории бригады.

Также и уникальный выход из окружения по болоту после четырёхчасового боя гранатомётно-пулемётного взвода под началом Валежана Абдусаттарова, кавалера Ордена Мужества.

Читатель книги забирается в бронетранспортёр, входит в госпитальную палату, отправляется на полигон, к минометной батарее, выполняет задание вместе с подрывниками, идёт в роту связи, любит чётким, слаженным шагом под звуки оркестра, учится снайперскому искусству, узнаёт позывные, участвует в экипировке десантника, встречает корабли из походов...

Автор книги о пехотинцах уделил внимание и женщинам в чёрных беретах, уникальному явлению современности, подчеркивая, что писать портреты «верных дочерей Отечества» – для этого требуется «особенно тонкое перо».

Герои книги Ю. Шевченко рождают то же чувство, какое испытывают жители Балтийска, столицы морской пехоты Балтийского флота, с почтением останавливаясь, ощущая перехватывание горла и мороз по коже, когда ежегодно гвардейцы в чёрных беретах возвращаются из Москвы, с парада Победы, и, чеканя шаг, проводят триумфальное шествие по майским улицам города.

Баснописец

Острое слово, рождённое острым умом, оформленное чётким ритмом и рифмой в жанр басни, в соответствии со всеми её классическими требованиями, давалось в истории литературы далеко не всем. Известных баснописцев в мировой художественной культуре не так уж много: Эзоп, Жан де Лафонтен, И.А. Крылов. Более тонкие литературоведы назовут ещё Козьму Прутков, В.И. и М.А. Майковых, Д.И. Дмитриева, И.И. Хемницера, А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина, Демьяна Бедного.

Редкие современные авторы пытаются работать в этом жанре, но наиболее удачные басни, на мой взгляд, принадлежат перу Юрия Шевченко. Чтение сборников басен вызывает то улыбку, то горестное размышление о пороках нашего общества, но главное чувство – удивление перед талантом автора. У него богатый жизненный опыт, который он приобрёл будучи офицером военноморского флота, а затем огромный человеческий материал переработан им в статьях для газеты «Страж Балтики», где он трудился журналистом. Автор приобрёл известность как поэт-лирик, писатель-фантаст. Но мы знаем немало среди тех, кто служил на Балтийском флоте, и поэтов, и писателей, и художников, и композиторов, но вот баснописцев, пожалуй, творческая, интеллектуальная элита флота ещё не рождала.

Наверное, само время вынуждает поэта и вызывает потребность у нас, читателей, громко посмеяться над приобретающей огромные масштабы тупостью, невежеством, самомнением, графоманией, снобизмом, поверхностностью людей. Жанр басни предполагает, чтобы они были представлены в образах мартышек, ослов, свиней, баранов. В басне «Осёл и бараны» бараны, утратив вожака, который «строг был и умён не по-бараньи», на его место поставили осла: «Тот был безрог, а значит, безоружен. Иной вожак баранам и не нужен. И серый, и умом не оснащён». Осёл же возомнил о себе, как о «сущем Моисее», «сам апостол, не иначе!» Басня заканчивается моралью для баранов: «Так вот, осёл, скажу для простоты: Их наказание – это ты!»

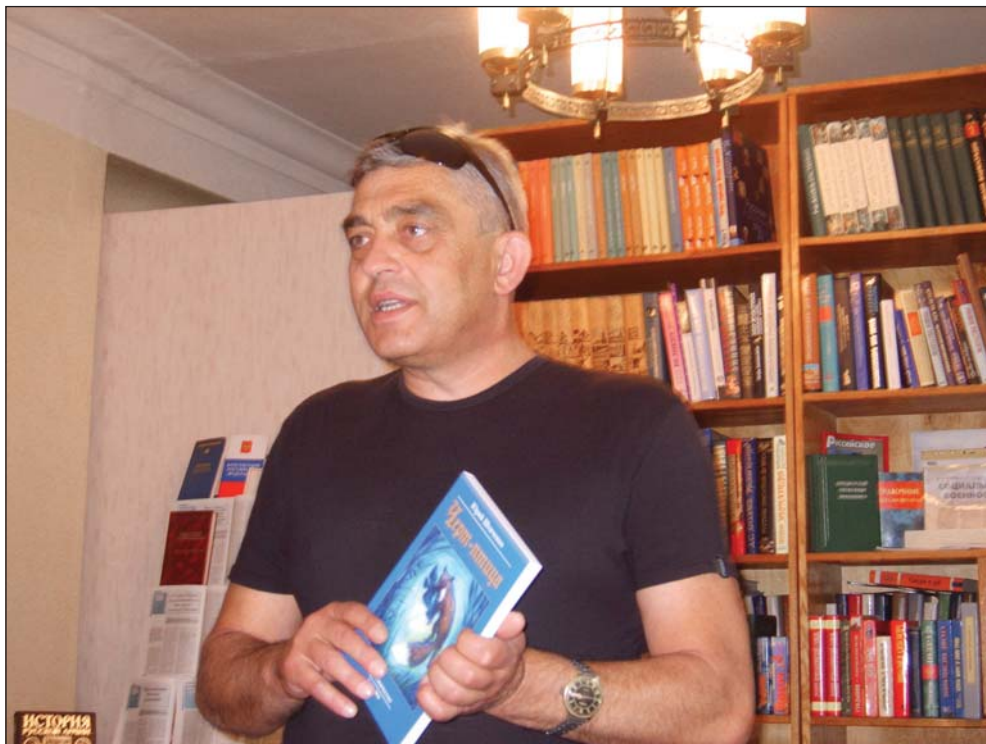
Басня «Потерянная коза» приводит к выводу: «Не всё в порядке с памятью людской. Хоть век живи достойно и культурно, А помнят люди всё, что пахнет дурно». В басне «Компот» поднимается тема истолкования исторических фактов недобросовестными исследователями:

История – сплошной компот!
Ведь плод, что сух и несъедобен,
Уму для пищи не удобен.
И потому в ней, как нигде,
Все факты плавают в воде.

Глупые, неграмотные мартышки в басне «Мартышки и светлячок» пытаются, чтобы согреться, раздуть огонь из светлячка, пока его не склевал петух, развеяв иллюзии мартышек.

Не все басни Ю. Шевченко заканчиваются однозначной моралью. Так, два Барбоса делятся каждый своим жизненным кредо и остаются при своём мнении. Кормящийся с помойки предпочитает свободу, чтобы не «тереться у людских сапог». Тот же, кто ходит лишь на поводке, уверен: «Когда б ты ладить мог с людьми, то не копался б на помойках!» Бегущие в жизненном «забеге» в авангарде, на финише жизни, истратив себя, вдруг прозревают, что оказались последними.

Автор то предлагает читателю самому сделать вывод, то предупреждает, что простотой и доверчивостью могут воспользоваться другие, дающие оценку в силу своей собственной посредственности. Что уж там говорить, случается и такое, что искренняя вера вызывает удивление у тех, кто регулярно ходит в храм («Дождь»).

Ю. Шевченко, поднимая тему творчества и востребованности автора, тонко подметил, что порою в толпе предпочтут купить горшок, чем томик поэзии, но всё же для автора важно качество ремесла и гончара, и поэта. Осёл, который дудел для власти и поверил лести, не заметил, как «лис его дудою завладел». Лев ли ты среди овец или овца, может тебе сказать правду лишь мудрец: «В нас тот раскроет дарованье, кто сам талантом одарен!»

Басня «Две истины» ассоциируется с извечным спором в России западников и славянофилов, дискуссии которых заканчивались известным обвинением с каждой стороны: «О сволочь, родимая сволочь!» Потом, как говорится в басне, «На стенку шла стена, чтоб с боем выяснять детали». Увы, и войны, и даже «реформы» часто отбрасывают общество на десятки лет назад в его развитии.

«О будущем задумывайся ныне, чтобы потом о прошлом не жалеть!» («Ворона и лисица»), «Богатство – вид людской невзгоды самих себя лишая свободы» («Богатство и свобода») и другие наблюдения автора, как, например, «Различие всех святых теорий в истолкованье мелочей» («Две истины») подводят читателя к мысли, что Ю. Шевченко, с одной стороны, сатирик, с другой – мудрец и пророк.

Фантастика, мистика и невероятные приключения

Автор книги «Чёрт-птица» всегда был равнодушен к фантастике. Да и мало кто из тех, кому сегодня за сорок, не стоял в очереди к книжным магазинам с 6 часов утра за Стругацкими или Беляевым. Одобрение, советы: «Надо публиковаться» – привели Шевченко к созданию около 50 фантастических повестей. Многие пока лежат в его писательском портфеле, но восемь из них предстали читателю в сборнике «Чёрт-птица». Как сказал автор на встрече с читателями: «С фантастикой мы встречаемся каждый день, слыша по телевизору о «программах, проектах, реформах». Но на самом деле есть место в жизни чудесному и интересному».

Таинственные случаи, произошедшие с героями повестей, рассматриваются автором как своеобразный дар свыше. Жанр фантастики требует, чтобы осталась тайна, поэтому писатель предоставляет самому читателю шанс эту тайну разгадать. Да, чёрт-птицу поймали, но не смогли её сохранить. Даже обладая истиной, человек не может её сохранить, или кто-то свыше скрывает истину от человека, понуждая его к новому поиску.

В.И. Литвинов, этот интеллигентнейший, интеллектуальный и благородный адмирал и писатель, отметил, что, несмотря на то, что больше всего он ценит Шевченко как поэта, всё же сборник фантастики он прочёл с удовольствием. Повесть «Тимка» – наиболее любимая автором. По его словам, основой того, что описано в повести, были реальные события. Соседи автора переживали пропажу любимой собаки, перед которой позже, когда её отыскали, стал выбор: кого она больше любит – своих первых или новых хозяев. У писателя Тимка – потерянное инопланетное существо, имеющее вид ящерицы. Тимка делает выбор между звёздным хозяином и земным человеком в пользу человека, со всеми его слабостями, но обладающего любящей душой. Правда, писатель оставляет читателя перед загадкой, чем закончился этот выбор.

Эксперименты человека с сознанием становятся темой размышления Ю.Шевченко в повести «Дино сапиенс». «Маленький сверхчеловек» – главный герой повести – задумал перенести матрицу своего сознания на мозг дракона, дать возможность «безличности обрести черты личности». Подопытный кончает жизнь самоубийством, оставляя загадочную записку: «Разум требует разума». Писатель же ставит читателя своей книги перед открытым вопросом о соизмеримости интеллектуальных возможностей человека с его душевными возможностями.

Социальная тема развивается автором сборника в повести «Кошель золота». Благородство и предательство, искушение золотом и неожиданная смерть, изнуряющая жизнь и награда за человечность предоставлена героям повести. Люди во имя золота могут совершить убийство. Трагическая судьба офицера, который воевал в Афганистане, неглуп, недурён собой, а на переломе эпох деградировал. Высшие силы рассудили и дали – кому что надо было. Агрессивное вмешательство человека в нетронутую природу тайги оборачивается гибелью человека. Читатель остается с вопросом, кто же творит злодеев, почему умные люди, не без таланта, оказываются вне общества, становясь на криминальный путь? Это умная, глубокая, развивающая книга. Пока у людей будет воображение, пока человек будет способен мыслить, он будет нуждаться в том, чтобы научные и социальные идеи приходили к нему не в виде нравоучений, а незаметно, легко, в произведениях фантастики.

Многогранность личности

Жители Балтийска, сослуживцы, коллеги по перу помнят Юру не только как поэта, писателя, журналиста. Обладая незаурядным чувством юмора, он был активным участником игр КВН, он автор сценариев городских праздников и вечеров, он был добрейшим Дедом Морозом в Новый год. Наряду с талантливым Владимиром Ковалем, несравненно играющим Петра Первого на городских и флотских мероприятиях, Юра не менее колоритно играл роли то прусского короля, а то и самого Петра Первого. Высоко оценивая качество фотографий Юрия Шевченко, которые он делал для газет «Красная звезда» и «Страж Балтики», журнала «Морской пехотинец», Калининградский областной историко-художественный музей оформил великолепную выставку фотографий, которые после библиотеки имени Белинского в Балтийске переехали в музей Балтийского флота. Юрий Шевченко принадлежал к самым талантливым людям Балтийска, нёс свою миссию в области культуры и продолжает её нести своим творчеством, которое остаётся с нами.

Берега памяти

Юрий Шевченко

Юрий Викторович Шевченко родился 9 ноября 1954 года в Керчи. Поэт-маринист и писатель-фантаст, журналист, первый на Балтийском флоте баснописец. Член Союза писателей России. Корреспондент газеты «Страж Балтики», «Красная звезда», журнала «Морской пехотинец» и др. Окончил Киевское Высшее военно-политическое училище. Офицерскую службу начинал на крейсере «Октябрьская Революция», завершил в бригаде спасательных судов Балтийского флота. Автор гимнов многих кораблей старейшего флота, восьми сборников стихов и басен («Лейтенантский вальс», «Лесные басни», «Зеркало», «Насмешник», «Бенефис насмешника», «Баснослов» и др.), автор книги фантастики «Чёрт-птица», публицистической книги «Белостокицы в чёрном берете». Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Басни

ГОНЧАР И ПОЭТ

Перед собранием народа
Читалась пафосная ода.
К любви поэт в ней призывал,
В азарте к небу вскинув руки.
Народ в ответ страдал от скуки
И беззастенчиво зевал,
Внимая лирике топорной,
От рифм хромых, метафор спорных,
Где шатких строк корявый слог
Рвал ткань стиха за клоком клок.
Терзало слух творенье это.
Взяв под сомненье дар поэта,
Всяк шёл за рубль серебра
Купить горшок у гончара.
Хоть из обычной глины слеплен,
Но был горшок великолепен.
Они у каждого встречались на столе.
Гостям в них вина подавали,
И знатоки их называли
Сонетами в гончарном ремесле.
А мысль поэта вслух роптала:
«За что молва предпочитала
Горшок творению пера?»
Был зол поэт на гончара.
А тот в ответ смеялся с чувством
И объяснял без лишних слов:
«Любое творчество – искусство
И в то же время – ремесло.
Чтоб слог твой был искусно связан,
Ты ремеслом владеть обязан».

ДВЕ ИСТИНЫ

Ходила истина по свету,
И кто встречал особу эту,
Тот до своих последних дней,
Шёл неотступно вслед за ней,
Её прельщённый чистотою.
Считалась истина святою,
И потому людей число
День ото дня вокруг росло.
И цель у всех была благая –
Чтоб рядом истина жила.
А между тем народу шла
Навстречу истина другая.
Святой считалась и она,
Людьми была окружена,
Что тоже к истине тянулись...
Святые истины столкнулись,
И все вокруг лишились сна.
Одни с другими спорить стали
Какая, в частности, верна?
Потом на стенку шла стена,
Чтоб с боем выяснить детали,
Когда иссяк запас речей,
И аргументы вышли в споре.

Различие всех святых теорий
В истолкованье мелочей.

ГРИБНИЦА

Дана всем поровну удача от судьбы.
 Сумей–ка лишь воспользоваться этим.
 Однажды ранним утром, на рассвете,
 Отправилась девица по грибы.
 А там, в лесу, нет времени для грусти:
 Куда ни глянь, всё – рыжики да грузди.
 Была девица норовом строга.
 «А, ну! – кричит. – С дороги, мелюзга!
 А то, едва лишь нацепили шляпы,
 А к девушке протягивают лапы!»
 И прочь пошла, лишь фыркнув зло.
 Ей на грибы в тот день везло:
 Встречались крупные и ростом невелички,
 И белый гриб, и рыжие лисички,
 И шампиньоны в шёлковом бельё,
 Ей кланялись, как истый шевалье.
 Но всяк для ней был чем–то непригоден:
 Толст боровик и в шляпе старомоден,
 Лисичка – гриб был приторный на вкус,
 А шампиньон, так вовсе не француз.
 Пока перебирала и ершилась,
 Пора ее грибная завершилась.
 И возле пня, кряхтя, как старичок,
 Торчал один лишь гриб–сморчок.
 Тут молвит он: «Приветствую, подруга!
 Бери меня, коль встретили друг друга!
 Других не будет. Экие дела!»
 Скривилась женщина, вздохнула... и взяла.
 Под вечер одиночество – не манна,
 Тут и сморчок обрадует порой.

Для женского последнего романа
 Уже не важно, кто его герой.

МУХА

На томик Пушкина, распахнутый с утра,
 Испачкав лапки в капельке чернила,
 Слетела муха с кончика пера
 И по странице вдоль засемила,
 Для пущей важности жужжа на все лады.
 За ней тянулись чернильные следы,
 Меж строк стараясь втиснуться упорно,
 Где памятник себе нерукотворно
 Тому назад две сотни лет
 Воздвиг в истории поэт.
 А числиться у гения в знакомых
 Как раз и есть инстинктом насекомых.
 Влечёт талант, как лампа среди тьмы.
 Чем ближе к свету, тем заметней мы.
 Того как раз та муха и хотела,

И, наследив, поспешно улетела,
 Жужжать большим и малым в ушки,
 Мол, в книге рядом я и Пушкин.

Чтоб по бумаге перышком водить
 Нуждаемся ль мы в творческой натуре?
 Коль не оставил след в литературе,
 Тогда в ней можно просто наследить.

ЛИС И БАРАНЫ

Крутою тропкою над яром
 Вёл пастырь агнцев и ярок.
 А по другой его конец –
 Пастух баранов и овец.
 Шли их стада когда-то рядом,
 Да разошлись вожатых взгляды,
 Хоть скажем так: из них любой
 Вёл ту скотину на убой.
 Шли врозь. Друг с другом не якшались,
 Пока отары не смешались,
 Как в мире люди разных стран.
 Пойми, где агнец, где баран, –
 Все на одно обличье стали.
 И пастырь, и пастух устали,
 Скликая сбившихся с пути.
 А те не знают, с кем идти.
 Пастух на пастыря похожий,
 Да и кричат одно и то же.
 На месте топчутся стада...
 А мимо лис бежал тогда.
 Кричат бараны: «Слышь-ка, рыжий!
 За кем податься? Подскажи же!
 Самим путь выбрать мудрено».
 Лис отвечал без всякого желанья:

«Коль ты баран, не всё ль тебе равно,
 Каким путём погонят на закланье?»

СВИНЬЯ И ПЕТУХ

Свинья в свинарнике обычном родилась.
 А где ж ещё рождаются свиньи?
 Жила в грязи, с соседями дралась
 За порцию отваренной ботвиньи.
 Её судьба по молодости лет
 Была сойти на дюжину котлет.
 И та судьбы своей бы не минула,
 Когда бы не вмешательство извне.
 Фортуна раз в свинарник заглянула
 И просто улыбнулась той свинье.
 А для Фортуны нет ни званий, ни фамилий!

Свинью тотчас отмыли, подкормили,
Провозгласив под громкое «Ура!»
Мисс «Свинство» скотного двора.
Вот так свинье теперь досталось
Всё то, о чём и не мечталось.
Уж та теперь дорвалась до добра!
И золота набрав, и серебра,
Всё на себя напялив без разбора.
От гордости захватывало дух.
Её увидев, старенький петух
Чуть не свалился в ужасе с забора,
Воскликнув по душевной простоте
От блеска драгоценного металла:
«В какой росла ж ты в жуткой нищете,
Что столь убогим разум воспитала?!»

ОТЦЫ И ДЕТИ

Ах, эти дети! нежности цветы.
Мы их растим, лелеем, но бывает,
Чем больше мы им дарим теплоты,
Тем сердце их быстрее остывает.
И мы добра всё ищем от добра!
О том, как раз, и поведем мы речи.
Сынка однажды, усадив на плечи,
Отец пошёл на рынок со двора.
Такую вот заботливость отца
Родители высмеивать не станут.
На рынке жизни глупого юнца
Злодеи и обидят, и обманут.
Ну кто б своё дитя не пожалел?
О жалости родительской – подробней.
Прошли года, ребёнок повзрослел,
На шею перебравшись поудобней.
А там лишь знай, что папу торопи:
«Купи мне то, и это вот купи!»
Куда на рынке от соблазнов деться?
И то хочу, и это подавай!
А папочке лишь только успевай
По всякой детской прихоти вертеться.
Для сына и старался, и радел,
Хоть тот уже давно обородел,
А всё твердил заученную фразу:
«Всё, папа, «Дай»! А, папа «На» – ни разу!»
Вот этим–то, как раз, и потрясает
Родительской заботы феномен.

Хоть руку ту, что кормит, не кусают,
Но ничего и не дают взамен.

ДВА ФИЛАНТРОПА

От знаний умный силы ищет,
А глупый получает без труда.
Где вьётся тропка вдоль пруда
Сидел убогий хмурый нищий.
Кишела рыбою вода.
Был на базар тот пруд похожий.
Была у нищего уда,
А он всё кланчил у прохожих:
«Голодному подайте, господа!»
И вот одной из божьих троп
Шёл как–то мимо филантроп.
Увидев нищий облик жалкий,
Он обучил его рыбалке.
Ведь тот, кто знаньем обладал,
Уж никогда не голодал.
Но вскоре там же утром рано
Шёл филантроп другого плана.
Взглянув на нищенский улов,
Тот благодетель именитый
Дал рыбаку без лишних слов
Брусок взрывчатки – динамита.
И научил себе под стать,
Что делать с ним, и где достать.
Взял просто так и удружил.
С тех пор в пруду никто не жил.
Сему есть в басне толкованье
И вразумительный ответ.

Дашь дураку образование,
Так он погубит целый свет.

ГЛУПЕЦ И БЕСТОЛКОВЫЙ

По морю жизни на челнах,
Пустившись в путь рисковый,
Гребли, качаясь на волнах,
Глупец и бестолковый...
Один на греблю вид имел,
Да с вёслами не ладил.
Другой и вовсе не умел,
И был умом внакладе.
Вот так и плыли день-деньской.
И, стало быть, не новость,
Что вскоре с глупостью людской
Столкнулась бестолковость.
Разбились в щепки их челны,
Круша борта носами.
А те, кто их спасать должны,
При этом гибли сами.

И свет увидит свой конец,
Скажу в последней строчке,
Коль бестолковый и глупец
В одной столкнутся точке.

ФИЛОСОФ И ПЬЯНИЦА

На праздник по дороге в Парфенон
Шагал мудрец по имени Зенон.
А следом на почтенномрасстояньи
Ступал за ним нетрезвый афинянин.
Философа случайно повстречав,
Он шёл за ним и блажью докучал.
Всё толковал доходчиво вполне
Об истине, что кроется в вине,
И сколь процесс её познания приятен:
«Хлебнул глоток, и мир вокруг понятен,
Да вот в речах – словесный бурелом,
И мысли языку не поддаются.
Меня послушав, жители смеются
И величают истинным ослом.
Хоть всяк вином не жажду утоляет».
Мудрец вздохнул: «Ты прав, наверняка.
Кто этой истиною злоупотребляет,
Тот чаще и похож на дурака».

МУЖИК И ГРАБЛИ

Однажды по дорожке, по лесной
Куда-то шёл мужик честной.
Никто ещё не видывал такого!
О пройденном вздыхая горячо,
Он шёл вперёд и как-то бестолково,
Оглядывался вспять через плечо.
А на пути, утерянные с лета,
Валялись грабли на дороге где-то.
Уж то-то он ругался и вопил,
Когда на эти грабли наступил!
Хоть по лбу и досталось рукояткой,
А шёл мужик по-прежнему, с оглядкой.
И грабли попадались под пятой
С какой-то постоянной частотой.
Мужик в ответ на лешего блажил,
Мол, грабли по дороге разложил,
Крестился и плевал через плечо.
И вдруг услышал: «Я-то тут при чём?
Хоть я и бес, скажу, как другу,
Ты, глядя вспять, идёшь по кругу,
И не понять тебе, невеже,
Что грабли тут одни и те же!»

А вот тому достойный эпилог:
История – ошибок каталог,
На лбах записанный дубовой рукояткой.
И сколь её уроков не тверди,
Когда живут на прошлое с оглядкой,
То грабли не увидеть впереди!

Берега юбилеев

Лидия Довыденко

Меценат России

*К 50-летию благотворительного служения культуре России
князя Н.Д. Лобанова-Ростовского*

Мечты Господни многооки,
Рука Дающего щедра,
И есть ещё как он, пророки –
Святые рыцари добра.

Николай Гумилёв

Его благотворительная деятельность на благо культуры России не имеет себе равных в истории меценатства. Во всём, что делает Никита Дмитриевич, он мастер и повелитель сердец. Огромное число людей в мире отдают ему должное и почитают как успешного и в то же время благородного и великодушного человека. Его любят и восхищаются его проектами, готовы биться за них, поддерживать, возражать, спорить, лишь бы всё сложилось по справедливости, потому что у них одна цель – бережное отношение к каждому прекрасному проявлению многовековой культуры России. Деятельность Лобанова-Ростовского стала ориентиром в современном мире – как строить жизнь, планы и их воплощать, поднимая самые актуальные темы в области культуры и истории России.

Первое дарение

Получив приглашение на литературно-музыкальный вечер 29.10.2019 в родовой дом Танеевых, в концертный зал «Танеевский» (Москва) в честь 50-летия благотворительной деятельности Н.Д. Лобанова-Ростовского, я написала князю в Лондон свой вопрос о первом дарении. Я получила перечисление дарений на две страницы. Первым в списке находится Российский государственный архив литературы и искусства, куда в 1970 году Н. Лобанов-Ростовский привёз чемодан документов: архив С. Судейкина, 12 тетрадей с текстами художника Александра Яковлева (\$6000), множество дополнительного литературного и фотоматериала, описанного на трёх страницах в публикации ЦГАЛИ под заголовком «Архив Лобанова-Ростовского» (\$5000). (См. Российский государственный архив литературы и искусства: Путеводитель. Вып. 7. Фонды, поступившие в РГАЛИ в 1984–1992 гг. М., 1998. С. 153–155). Сергей Юрьевич Судейкин был главным оформителем в балиевском кабаре «Летучая мышь», много работал в Метрополитен-опере. Н. Лобанов-Ростовский в Нью-Йорке познакомился с вдовой художника Джин-Палмер-Судейкиной и приобрёл у неё работы Судейкина и его архив. Ей пришлось много распродать, так как Судейкин создал кабаре «Подвал падших ангелов», где было очень красиво, но прекрасный художник был плохим коммерсантом. Все его вложения и также деньги Джин были потеряны.

Именно РГАЛИ и дарения ему князя привели меня к знакомству с Никитой Дмитриевичем, когда я в поисках материалов к книге о религиозном философе Н.С. Арсеньеве (Л. Довыденко. Кёнигсберг – Русское Зарубежье. Н.С. Арсеньев. – Калининград. 2008), нашла письма Н.С. Арсеньева из Си-Клифа Нине и Никите Лобановым-Ростовским, относящиеся к 70-м годам XX века. И я думаю, что множество исследователей литературы и истории Русского Зарубежья благодаря этим архивным данным смогли продвинуться в своих поисках.

Дарение Дому-музею М.И. Цветаевой

24 февраля 2005 года в Доме-музее М.И. Цветаевой проходил вечер, на котором директор Дома Э.С. Красовская вручила Никите Дмитриевичу медаль Цветаевой в благодарность за подарок – портрет подруги Марины Цветаевой Саломеи Николаевны Андрониковой.

Никита Дмитриевич хорошо знал Саломею Николаевну и считал личным долгом выполнить её последнюю волю – она завещала свой портрет работы Зинаиды Серебряковой Грузии. И это было сделано. Саломея Николаевна дружила с матерью князя, с его дядей Н.В. Вырубовым, а также, узнав об увлечении Никиты Лобанова-Ростовского театральной живописью, всячески поддерживала его в этом, делилась своими знаниями предмета и воспоминаниями, знакомствами с художниками, подарила эскиз костюма работы Шухаева. На аукционе «Сотбис» князь приобрёл в мае 2004 года портрет Андрониковой работы Александра Яковлева, выполненный в Париже в 1922 году. Анна Ахматова назвала Саломею Андроникову «красавицей тридцатого года». Она была центром всех литературных салонов, как в России, так и в Париже, в Лондоне, и много сделала для Марины Цветаевой, поэтому образ, созданный А. Яковлевым, так важен в Доме-музее Цветаевой.

Портрет императора Александра II в дар Посольству Российской Федерации в Париже

История этого дара очень живо изложена Никитой Дмитриевичем в его книге «Эпоха. Судьба. Коллекция». Посетив посольство РФ в 2006 году, он обратил внимание, что нет ни одного портрета императора, даже Александра II, по распоряжению которого был приобретён особняк под российское посольство.

Дядя Никиты Дмитриевича Н.В. Вырубов пожелал подарить посольству прижизненный портрет Петра Первого кисти Жан-Марка Натье, а позже на аукционе «Сотбис» в Лондоне Никита Лобанов-Ростовский обнаружил красивый портрет Александра II кисти Ю.А. Ковако (1868). Ему удалось приобрести портрет и вручить его послу А.А. Авдееву с просьбой, чтобы «переданный мной портрет навсегда оставался в стенах Посольства и нашёл себе достойное место среди других картин». Церемония передачи портрета состоялась 6 октября 2007 года.

Известный коллекционер своим даром, – сообщило ИТАР-ТАСС, – хотел содействовать исторической справедливости. «В этом доме мы находимся, – подчеркнул посол России во Франции Александр Авдеев, – благодаря мудрой записи в кадастровой книге, сделанной по указу Александра II: «Собственность России». И в советское время никто и не помышлял переделывать эту запись 1864 года».

Через три года в резиденции посла России во Франции появился ещё один дар Н.Д. Лобанова-Ростовского – портрет императора Александра III кисти художника Николая Тимофеевича Богацкого (1887 год, масло, холст), который был приобретён на торгах старейшего аукционного дома «Стокхолмс аукционсверк», а затем отреставрирован за счёт дарителя. Посол РФ во Франции Александр Орлов в благодарственном письме выразил искреннюю благодарность «за самоотверженный труд на благо России».

Дары ГМИИ имени А.С. Пушкина

15 февраля 2008 года СМИ активно обсуждали событие – действительно событие культурной жизни – передачу в дар Музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина двух редких произведений искусства от князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Это акварель «Чёрный зигзаг» голландского мастера-супрематиста Тео ванн Дусберга, созданная в 1924 году и оцененная в 10 тысяч евро. Второе полотно – это картина маслом на картоне итальянского метафизика Джорджо де Кирико «Меланхолия поэта» (1916), оцененная в 250 тысяч евро. Эти работы Лобанов-Ростовский приобрёл у барона Свена фон Падака в Цюрихе. Церемония дарения в кабинете директора музея Ирины Антоновой и в присутствии министра культуры и массовых коммуникаций Александра Соколова была приурочена к памяtnому событию в истории музея. Ровно 20 лет на-

зад открылась в ГМИИ имени Пушкина выставка «Русское театральное-декоративное искусство 1880–1930-х годов» из коллекции Никиты и Нины Лобановых-Ростовских, что было существенным расширением горизонтов в представлении москвичей и гостей столицы о художниках Серебряного века и мастерах авангарда. Никита Дмитриевич подчёркивал, что дар двух произведений он сделал в честь директора музея Ирины Александровны Антоновой, в знак благодарности и восхищения её организаторскими способностями и возможностью убедить чиновников в необходимости выставки 1988 года в ГМИИ им. Пушкина из 404 работ. И выставка была роскошно оформлена, что привело к составлению и публикации каталога-резоне всей коллекции Лобановых-Ростовских в издательстве «Искусство».

По договорённости с Николаем Бенуа, Лобанов-Ростовский купил в 1974 году у Большого театра в Москве все его эскизы (около 80 работ) к опере «Мазепа» и подарил их ГМИИ им. Пушкина (\$40000).

Музей личных коллекций

Будучи рьяным сторонником идеи И.С. Зильберштейна – создания Музея личных коллекций как филиала ГМИИ им. А.С. Пушкина, Никита Дмитриевич активно участвовал в создании Музея личных коллекций – в 1987 году передал в дар 80 произведений русской графики из своего собрания. Особое место среди них занимает известная серия Александры Экстер «Театральные декорации» (1930): 11 шелкографий театральных декораций на сумму \$22000.

Накануне открытия Музея личных коллекций в 1994 году передал музею дар фарфора первой трети XX века: 42 предмета фарфора революционного периода 1920-х гг. \$45000.

24 января 1994 состоялось официальное открытие Музея личных коллекций при ГМИИ и второе представление собрания театральной живописи произошло уже в Музее личных коллекций (3 ноября 1994).

Другие дарения России (перечислены лишь главнейшие)

1980. «Литературное наследство» (Зильберштейн): Портрет И. Бунина работы Л. Бакста. \$7000. Портрет С. Есенина работы А. Бенуа. \$10000.

1996. Международная ассоциация творческой интеллигенции, Москва. Для распространения в библиотеки по всей России 600 экземпляров книги «Художники русского театра», каждая весом в 2,5 кг. \$36000.

2006. Фонд «Русское зарубежье», Москва. Портрет И.А. Бунина. Масло. \$30000. В 2010 году – Библиотека книг по русскому искусству (3718 томов) и 10 гравюр-портретов русских художников общей стоимостью 107000 евро.

2008. Мэрия города Москва, 6 декабря. Старинная карта Москвы, изданная в Италии (1790), оценена в 5000 евро.

2010. Санкт-Петербургский музей театрального и музыкального искусства. 8 «силуэтов» Бакста стоимостью 26000 евро.

2013. Музей «Ростовский кремль», Ростов Великий, зал, посвящённый семье Лобановых-Ростовских. Более 10000 работ, оценённых в 3,4 миллиона евро, среди которых: 40 старинных гравюр дома Романовых с их генеалогической таблицей и портретов полководцев, служивших во славу Российской империи; 12 копий и оригиналов семейных портретов маслом, книги и реликвии, относящиеся к семье Лобановых; 20 гравюр с видами Москвы и Петербурга, старинные картины империи. Семейные портреты и документы, посвящённые Лобановым-Ростовским и их ближайшим родственникам; 90 обрамлённых старинных гравюр, копии 50 театральных работ и произведений художников 1920-х гг.

Дарения вне России

2012. Оксфордский университет, Великобритания. Основал факультет планетарной геологии. 1 млн фунтов.

2012. Фонд св. Кирилла и Мефодия, София, Болгария. Учредил ежегодную стипендию для изучения планетарной геологии в Оксфорде, 2000 евро.

2013. Крайст-Черч Колледж, Оксфордский университет, Великобритания. Профинансировал «на-веки» место для преподавателя органической химии. 250000 фунтов.

2013. Факультет геологии, Оксфордский университет, Великобритания. Портрет основателя геологии в Великобритании Чарльза Лайла. 2000 фунтов.

Меценатство сегодня

50-летний юбилей меценатства Лобанова-Ростовского – это повод поговорить на эту тему, о разных подходах к её решению в России и в странах Запада. «На следующий день после пожара в соборе Нотр-Дам в Париже, – рассказывает Никита Дмитриевич, – французский миллиардер Франсуа Пинот (владелец аукционного дома «Кристис») дарит 100 млн евро на реставрацию собора. Спустя полчаса Бернар Арно (владелец бренда «Луи Вуйтон / Эрмес»), пожертвовал 200 млн евро на эти же цели. Семья Беттенкур (владельцы фирмы «Лореаль») добавили в казну 200 млн евро, нефтяная компания «Тоталь» пообещала 100 млн евро».

Мысль Никиты Дмитриевича совершенно определённа: огромное накопление капитала у немногих частных лиц превышает возможности правительств ассигновать казённые деньги на культуру. В этом контексте меценат приводит несколько данных: 50 % всего имущества на планете принадлежит 1 % населения. 90 % финансовых средств в РФ принадлежат 3 % населения. Сегодня в России, США и Китае возможности меценатов на поддержку культуры превышают возможности правительств. В Соединённых Штатах в 2018 году дарение (меценатство) составило 400 млрд долларов, что составляет 5,5 % валового дохода и превышает федеральный бюджет по культуре. В России же на меценатство было потрачено 400 млрд рублей (т.е. более чем в 60 раз меньше, чем в Америке). В Великобритании меценатство составило в два раза больше государственного бюджета на культуру. Соединённым Штатам Америки 242 года, но количество объектов мирового культурного достояния в Штатах превышает количество таковых в Англии, основанной 1100 лет тому назад (937 г.). Это обстоятельство объясняется двумя факторами: 1) в США никогда не было налога на ввоз/вывоз антиквариата и искусства; 2) американские олигархи, в отличие от российских, в начале XX века вкладывали свой капитал в индустриализацию страны и закупку антиквариата и искусства в широком масштабе в Европе, включая демонтаж замков во Франции и Италии и их перевозку и переустановку в штатах Нью-Йорк и Калифорния.

Каково же положение в России? По благотворительности Россия занимает 137-е место из 145. «Крупномасштабное меценатство в РФ директивно. Президент указывает госкомпаниям или олигарху субсидировать тот или иной проект», – отмечает Никита Дмитриевич.

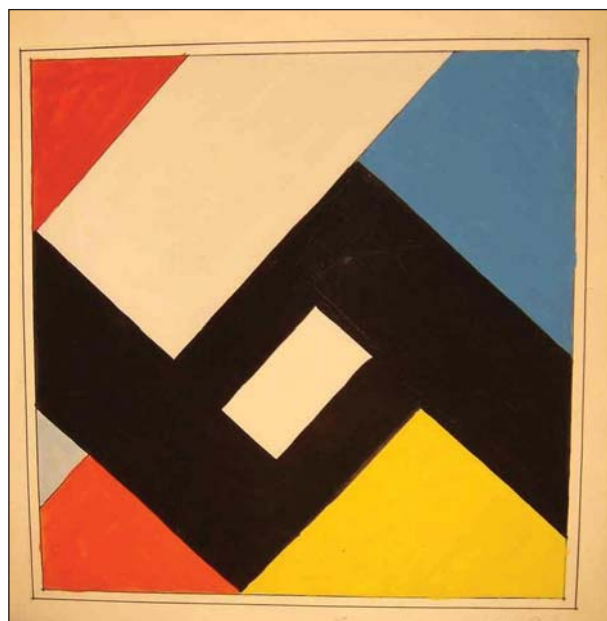
При отсутствии у олигархов интереса к русской культуре, к будущему России, вывозу капитала из России ежегодно мощным потоком, меценатство в РФ может реально осуществляться, – считает Никита Дмитриевич, – на основе малого и среднего бизнеса. Только они могут быть носителями национальных интересов. А для этого нужно изменить законодательство о меценатстве, продвигая этот вопрос в Комитете по культуре при Государственной Думе РФ.

Огонь любви

Огонь любви к театральной живописи зажгёт в молодом Никите Лобанове-Ростовском, только что поступившем в Оксфорд, Ричард Бакль, театральный критик, в 1954 году организовав в Лондоне выставку, посвящённую Дягилеву. Тогда молодой человек впервые увидел живопись Бенуа, Бакста, Гончаровой, Ларионова, всех двадцати двух художников, которые работали для Дягилева, и захотелось иметь такие же картины у себя дома. И также он хотел быть Лоренцо Медичи. Но сделал гораздо больше.

*Посол России во Франции Александр Орлов,
леди Джун и Никита Лобанов-Ростовский*

Тео ван Дуйсбург. Чёрный зигзаг

Протоиерей Всеволод Чаплин

*Посол Франции с супругой и
Н.Д. Лобанов-Ростовский, 9–11 сентября*

*Посол А. А. Авдеев с супругой, князь Н. Д. Лобанов-
Ростовский с супругой леди Джун*

*Никита Лобанов-Ростовский, Екатерина Фёдорова.
за ними Галина и Евгений Киндиновы*

Коллекция русской театральной живописи из тысячи работ, собранная с нуля, спасённая от забвения и неизвестности, от гибели, признана лучшей в мире, она способствовала упрочению позиции русского искусства на планете как явление самобытной национальной культуры. Этот феномен Русского Зарубежья в конце концов переехал в Россию. Её история неотделима от родословной Рюриковичей, прямые потомки которой Лобановы-Ростовские служили Отечеству.

Для Никиты Дмитриевича собирательство и меценатство слились в единое поприще деятельности на поле культуры России. Из трёх идей, которые он мечтает воплотить в России, одна уже осуществилась – установка памятника участникам Первой мировой войны на Поклонной горе. Две других: памятник примирения между красными и белыми во имя новой возрождённой России, создание картинной галереи с портретами лучших людей России на протяжении её истории, – эти идеи вызревают в разрешающих умах руководства страны.

Встреча в Танеевском зале

29 октября 2019 года в зале не было свободных мест. Пришли друзья и почитатели общественного деятеля, мецената России Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, ярчайшей личности современного мира. Гостеприимно встречала гостей директор ДМШ, заслуженный работник культуры России Гугули Ревазишвили. Литературно-музыкальный вечер вела автор исследования о романе княгини В.Д. Лобановой-Ростовской «О российской трагедии XX века: до и после 1917 года», научный куратор ДМШ, профессор МГУ Екатерина Фёдорова.

Талантливые учащиеся, выпускники и педагоги ДМШ имени Сергея Танеева, лауреаты международных конкурсов удивляли своим мастерством. Отрывки из книги «Эпоха. Коллекция. Судьба» и дневниковых записей Никиты Дмитриевича блестяще читали народный артист России Евгений Киндинов и заслуженная артистка России Галина Киндинова. Автор книги скромно считает: «Мои записи не претендуют на обстоятельность или исследовательскую глубину. Но, очевидно, имеют право на существование – как малые зёрна величественной мозаики русского искусства». Но на самом деле при каждой встрече с планетарным мышлением русского человека, мецената и коллекционера, поражают его рассуждения не только о русском искусстве, но и о России сегодняшней, её трудностях и возможных стратегиях, уверенность в «светлом будущем Европы» только в союзе с Россией, высокое искусство которой утверждает правду и служит справедливости.

Берега культуры и искусства

«Птица счастья на ладони князя»

Художница Ольга Соколова о жанре лубка и о картине, посвящённой Рюриковичу, беседует с Екатериной Фёдоровой

Екатерина Федорова – профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор культурологии, к.ф.н., научный куратор ГБОУ ДМШ имени С.И. Танеева.

Ольга Соколова – художник, член Творческого союза художников России, Союза художников народного искусства, действительный член Академии Народного Искусства.

Лаконичность жанра и выразительность текстов

Говорят, что если живопись можно перетолковать словами, значит, в ней недостаёт чего-то живописного. Но есть жанр, где живописная и словесная составляющая нуждаются друг в друге, притягиваются и взаимно обогащают произведение. И оба равноправно несут художественную функцию, а не только пояснительную. Это жанр лубка. Что скажете об этом? Как и когда Вам пришло в голову работать в этом красочном и экспрессивном жанре?

Мне лубочные картины нравятся давно, я к ним пришла, ещё учась в Московской художественно-промышленной академии имени Строганова. В то время – это был конец 80-х годов – меня учили проектировать интерьеры, выставки. Мало, что из замыслов можно было воплотить и реально построить. А мне захотелось чего-то большего, чем анодированный алюминий. И я обратилась к жанру лубочных картинок, потому что они меня потрясли лаконичностью образов и выразительностью текстов. Я увидела их в музеях, мне попались на глаза некоторые листы из собрания Дмитрия Ровинского «Русские народные картинки». Я увлеклась, стала изучать, купила книги по истории лубка. Сначала я копировала листы – мне хотелось понять пластический язык и овладеть им. А потом я почувствовала, что могу плыть сама по себе, оттолкнувшись, как лодка от берега. Занимаюсь лубком 35 лет.

*Чествование князя
Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.
Худ. О.Соколова. Холст. Акрил. 60х60см. 2019*

Предмет, слово и образ

Я считаю, что текст не только равноправен, но иногда бывает главнее изображения. Смотря каков сюжет и тема картины. Мне, например, сейчас интересно, как складывалась история фейерверков в России. Вникаю в описание фигур, материалов.

А ещё раньше, до изобретения фейерверков, пускали зажигательные стрелы. И для меня было открытием, что в смолу добавлялось святое масло – бенедиктум. И бывает, остро заинтересовывают такие материальные подробности. А иногда, напротив, одно слово или рассказ вдохновляют написать картину.

Фейерверк с Купидоном

Рождественская ночь

Однажды в Третьяковке я зашла в книжный отдел – мне попала книга, в которой было воспроизведено сербское народное предание о том, как праздновалась Рождественская ночь. Я прочитала всё, пока ещё ехала в метро. А оказавшись дома, уже полностью была в плену замысла: тотчас стала делать эскизы, написала картину. И она до сих пор мне нравится.

Небесные розы – земной снег

На Рождество в полночь, – рассказывалось там, – надо выйти к перекрёстку и поднять глаза к небу. Праведные люди увидят, как открываются небеса и виден рай с яблонями, на которых золотые яблоки. А Заря выводит Солнце. Солнце я изобразила как прекрасного князя. Заря усыпает ему дорогу розами и золотыми монетами. И эти розы и монеты, падая на землю, превращаются в снег. Праведные всё это видят, а неправедные на небе не видят ничего, кроме темноты, ну и звёзд – в лучшем случае. Внизу, на земле я написала несколько людей, и среди них – молодая пара. Юноша держит в руках розу, ибо они так любят друг друга, что небесная роза не превратилась в земной снег, оставшись розой.

Будни и праздники

Выходит, Вы «художественная билингва»: литература – часть Вашего творчества.

Конечно, слово для меня значимо. Я очень много читаю. Стараюсь в книгах найти описания исторических праздников. Ведь будни всем хорошо известны. А меня интересует, как люди праздновали – в X веке, в XIII, в XV. Сейчас меня интересует XVIII век – зарождение балета, история русского театра. Я и театральным художником, в качестве сценографа поставила двадцать спектаклей. Театр мне близок, и сейчас мне хочется писать картины, связанные с историей театра.

Меня вдохновили

К каким литературным источникам Вы обращались?

К этнографической и мемуарной литературе. Считаю, что в своё время меня очень вдохновили такие книги: «Поэтические воззрения славян на природу» Александра Афанасьева, «Русский народ.

Зажигательные стрелы

Царица вод и цветок русалок

Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», собранные Михаилом Забылиным, «Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» Аполлона Коринфского. Было прочитано и пересмотрено очень много документальных фильмов, куплено и прослушано записей народных песен, былин, народных театральных сценок, я уж не говорю про сами лубочные картинки с их потрясающими текстами из собрания Дмитрия Ровинского.

Сейчас читаю сочинение барона Филиппа Вигеля «Светская жизнь Российской империи», изучаю труды мемуариста, мастера фейерверков XVIII века Якоба Штелина. Из современных авторов с большим интересом читаю книги Людмилы Стариковой по истории русского театра времён Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны.

Откуда стихотворные цитаты, которые Вы славянской вязью вставляете в картины?

Тексты, которые я подбираю для моих картин, как правило, подлинные, из старинных книг или из современных с репринтными текстами. Это песни, былины, сказки, предания, всяческие описания.

Сейчас читаю и цитирую Александра Сумарокова, Василия Тредьяковского, поскольку интересуется XVIII век. А когда речь заходит о древних временах, мне приходится и описание праздника, его реконструкция, и тексты народных песен и былин.

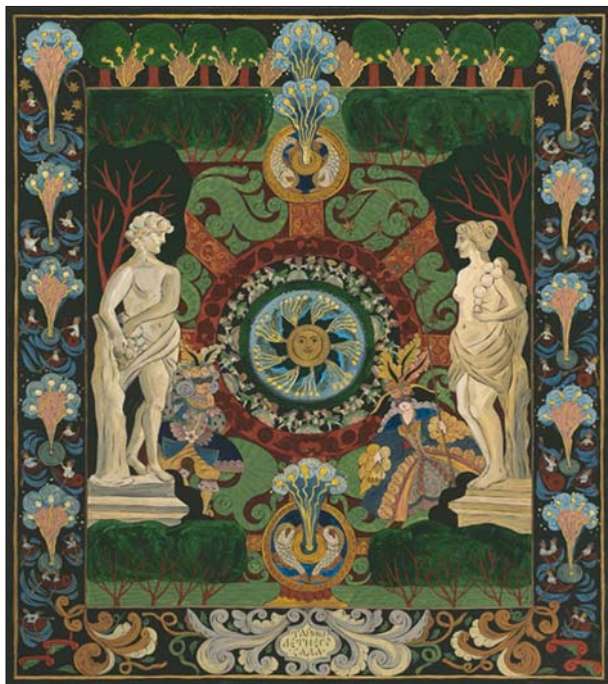
Стилизация народного искусства в Серебряном веке

Бывало ли, чтобы Вы использовали тексты XIX века, Серебряного века?

Мне однажды пришло в голову написать серию картин «История цветов». А по тематике и предполагаемым линиям – это Серебряный век в чистом виде. Я написала пока одну – «Царица вод и цветок русалок». Среди кувшинок-водяных лилий – Русалка – Царица вод в зелёно-голубоватой гамме и в тёмном золоте. И здесь я вписала текст конца XIX века.

Ваш дубок изысканный, как бы пропущенный сквозь призму глубокого знания стилей разных эпох. Мне кажется, Вы стилизуете разные эпохи, как это делали в Серебряном веке. У меня сложилось впечатление, что Вы очень много взяли от этого времени. Это так?

Некоторые искусствоведы мне говорили, что чувствуются отзвуки «Мира искусства». Мне близко

Тайны Летнего сада

Зеленый балет

и то, что создавалось в художественном центре Талашкино, который организовала и спонсировала меценатка княгиня Тенишева. И керамические опыты Врубеля в Абрамцево. Стилизация народного стиля в Серебряном веке для меня волнующая тема. Иногда хочется показать в картине своё переосмысление. Однако когда я писала, например, как праздновались Святки, то писала как получалось, вне стилизации.

Мне показалось, что у Вас есть аллюзии на Ивана Билибина и Виктора Васнецова?

Откажусь. Поскольку я обращалась к источникам подлинного рисованного лубка. И они обращались. Мы шли своими путями. Мне была бы неинтересна «цитата из цитаты». – А также Билибин – не первооткрыватель в стилизации лубка. Хотя мне очень нравится, как он оформлял книги, меня удивила и порадовала другая сторона Билибина: на выставке в Царицыно я увидела его графические пейзажи. Блестящий рисунок растений, сосен.

В картине мне не нужно много цветов...

если поместить все, которые нравятся, – они поубивают друг друга

Я думаю, что рисованный лубок – рядом с иконописью. В нём много золота, которое мне всегда хочется употребить. Много красного цвета. Есть синий, но меньше. У меня много работ в голубовато-синей глубокой холодной гамме. Или: тона тёплые, красные, охристые. В лубке не так много цветов. Но и мне не нужно много цветов. В картине я использую обычно три-четыре цвета, плюс золото, и ещё – несколько оттенков одного какого-то цвета. Когда много цветов – получается каша. Мы знаем из теории цветоведения, что смешение многих цветов приводит к серому цвету.

То есть если в картину поместить все цвета, которые нравятся, – они поубивают друг друга.

Цветовая гамма картины задумывается, но иногда получается не такая, как хотелось изначально. Я так долго пишу, что у меня есть возможность проанализировать своё творчество, посмотреть его по цветам. В ранних работах – на чёрном фоне – красные, жёлтые, зелёные цвета. Затем была серия красных картин. Потом пошёл ряд серых, сложных по цвету картин, пастельных и приглушённых. Несколько лет. Я не хотела таких спокойных по цвету работ и страдала оттого, что так получается. Цвета как будто сами диктовали. Сейчас много ярких картин с густой синевой и с глубокими зелёными красками.

**У меня с картинами тесная связь,
но потом я их отпускаю...**

Некоторые и потом мне очень нравятся. У меня с ними тесная связь, как будто это мои дети. Не отпускают. А потом они уже состоялись. Отошли от меня. И тогда уже я их отпускаю. Впоследствии смотрю на них как посторонний зритель. А иногда длительное время не могу отпустить. Мне хочется ещё что-то поправить, ещё что-то... И чувствую, что переборщила – обратно возвращаю. Работа над картиной иногда длится не год и не два. Больше. Я нечто задумываю. Замысел настаивается. Делаю зарисовки – такие маленькие, что их даже нельзя выставлять на выставках. Мне удобен такой формат. Потому что главная задача – решить работу композиционно. А детали я отрисовываю непосредственно на холсте. А потом я пишу красками. И только затем наношу сверху графику. И графика их немножечко собирает, придаёт законченность и лубочность.

Снегурочка

Эти Ваши романы с цветом, влюблённость то в один, то в другой, не заканчиваются ли на какой-то момент отчуждением от того или другого?

Нет. Я просто замечаю за собой, что в картине оказывается, например, зелёного больше, чем надо. Я недавно написала «Тайны Летнего сада». Мне захотелось передать ощущение тайны в глубоком тёмно-зелёном цвете. И что, оказалось, в картину попало? Терракотовый и песочный. Вдруг почувствовалось, что от обилия зелени темно и грустно, ночь, захотелось добавить яркости.

К каким художникам содержатся отсылки в Ваших произведениях? Каких Вы особенно любите?

Мне очень нравится Лев Бакст как театральный художник. И когда-то он стал для меня настоящим открытием. Потому что у него такая экспрессия, такая динамика, такая свобода! Я бы сказала, свобода мысли.

И у Никиты Дмитриевича это любимый театральный художник, мне кажется.

Среди самых любимых художников на первом месте у меня Константин Коровин. По гениальной недосказанности в произведениях. И по отношению к жизни. Я читала его воспоминания, которые меня потрясли. Помимо его внешней живописной привлекательности, он как личность неизменно производит на меня сильное впечатление. Когда его в 1900 году пригласили работать в Большой театр, ему кто-то подсыпал соль в краски, чтобы они не засыхали, а он не мог закончить работу. Коровин столкнулся с этим – констатирует как факт, но не даёт оценки. Идёт дальше. Вот это по-нашему! Очень запомнилось, как дружили они с Серовым, как ездили в деревню, как тосковал он по России, как писал для своего сына рассказы о родине, когда тому было плохо...

Замысел и исполнение

Как обычно вы работаете, как заставляете своё воображение формировать замысел? Вы говорили, что несколько дней ходите по квартире, думаете.

Это не несколько дней, этот процесс иногда занимает месяцы. Сначала – зарисовки. Потом начи-

Торгованы

Игра в мельника

наю интересоваться темой в целом. Например, меня захватили женщины-императрицы, их характер, судьба. Я даже полюбила Анну Иоанновну. Хотя о ней пишут как о «кровоавой Анне», подчёркивают непрезентабельную роль Бирона, описывают дикие нравы. Но Анна Иоанновна – это человек, который обратился к Саксонскому двору, написав королю письмо с просьбой прислать итальянских актёров в Россию – ведь их так много у него при дворе! За одно то, что она хотела организовать театральные представления в России и сделала это, работала над этим, – ей большое спасибо. И когда я читала описание Людмилы Стариковой «Театральная жизнь в эпоху Анны Иоанновны», как актёры едут в Россию – у меня уже сложился в голове образ. Мне для картины важны выразительные исторические детали: как собирали труппу, как готовили к отъезду, как договор составляли. Оказывается, от ужаса перед неведомой страной актёры назначили цену вдвое больше, чем обычно. А императрица написала, что, мол, дайте им, что просят – если не боятся, пусть приезжают. А за ними были посланы курьеры и актёр, уже служивший в России. И вот он поехал впереди всех. И у него-то в дороге украли сундуки с декорациями и костюмами. А когда приехали – театр оказался недостроенным. И я представила себе живые события и характеры, с их положительными и негативными сторонами.

Ощущение нашей огромной истории

Судя по Вашей образности в речи я бы предположила, что Вы пишете литературные произведения?

Нет.

Тексты в картинах удовлетворяют Ваше литературное дарование?

Я не считаю, что у меня есть литературное дарование. Я не всегда могу рассказать, что чувствую. А в картинах чувства проявляются через образы. Тексты же поддерживают эмоции. И тексты иногда ведущие. Ведь это ощущение нашей огромной истории, которое даётся человеку при рождении. Вот он родился. Вздохнул. И все события, люди, плохое и хорошее, погода и архитектура, взаимоотношения – всё прошлое он получает как дар при рождении. Потом этим даром кто-то пользуется во всём объёме, кто-то частично, а кто-то вовсе нет. Как передать ощущение истории? Это и сказки. Текст сказки я часто умудряюсь вписать в картину по периметру. Или клейма делаю, чтобы вся сказка поместилась. И мне нравится взять сказку в наиболее древнем варианте.

Наименее обработанный фольклорный вариант, диковатый? Потому что если сказки записаны честными фольклористами так, как рассказаны, они производят впечатление немного диковатое, не могу найти другого слова. Перводанное.

Да. Это колоритные тексты, встречаются забытые слова, старинные выражения.

На Вашем сайте четко указаны Ваши темы: Праздники, Фейерверки, Московские истории, Галантный век, Сказки. Как выстроились Ваши картины в циклы?

Геометрическая прогрессия открытий в сказках

Из интереса к лубочным картинкам – именно так надо сказать: картинкам, – возник интерес к истории. И в истории появились любимые темы. Погружение началось с описания народных праздников. Это было связано с тем, что у меня родился первый ребенок, дочь. Жизнь была сложной, было столько бытовых хлопот, что я заставляла себя думать о прекрасном, чтобы не потонуть в быте. Я не очень умею заниматься бытом, и стараюсь делать всё так, чтобы он проходил мимо. Но это обязательная часть жизненной программы. Я старалась её выполнить побыстрее и компенсировала себе тем, что жила в своих сказочно-цветовых фантазиях. А в сказках – чем больше узнаёшь, тем больше открывается. Одну дверь откроешь – а за ней обнаруживается ещё три. А за теми – ещё три. Геометрическая прогрессия открытий в сказках: сюда вовлекаются исторические, этнографические факты. У меня была в 1996 году персональная выставка в Центральном доме художника – я выставила серию картин «Святочные вечера». Перед этим ходила в Ленинскую библиотеку, меня пускали в запасники, давали смотреть диафильмы редких изданий. А сегодня, когда я открываю новую тему, у меня дома собралась такая большая библиотека, среди книг которой много старинных, что дай Бог эти осилить. Иногда бывает, что в какой-то книге для меня столько информации, что пока её осознаешь, переработает, проходит несколько лет.

Если читать по-настоящему, а не скользить...

Да. Вот, например, картина «Торгованы» – это обычай на Святки, игра: в избу приходили *торгованы* – молодые, ряженые в купцов, будто бы продававших ткани. Как только они заходили в избу – все понимали, что надо прятаться от них. Потому что каждому они назначали купить то 5 метров ткани, то 10, отмеряя метры ударами розги. Кто-то бежит, кто-то укрывается, а бабуся лежит наверху на полотах и смотрит, как эта игра происходит. Вот такая картина.

Или у меня есть картина «Игра в мельника». Ряженые приносят «муку» в больших мешках – входят в дом и вываливают снег на пол. А окружающие кидаются этот снег собирать, пока не растаял.

Меня потрясли в своё время росписи на северных избах – и я тоже вставила этот мотив в картину. Каждым моим открытием я стараюсь поделиться в картинах. Поэтому они получаются такими разными.

Но уж платьев-то себе понашивала!

Мне интересны подробные описания, как жили люди московские. Например, сохранился коронационный альбом Елизаветы Петровны. Есть описание, как она ехала по улицам Москвы, как её встречали и на балконы вешали ковры – для красоты. С тем же обычаем столкнулась на острове Корфу – на праздник Святого Спиридона так же вешали ковры, ещё лепестки цветов бросали. Я Елизавету Петровну тоже очень люблю. И вот получилось «Платье Елизаветы». По легенде после неё осталось 15 тысяч платьев. И вплоть до эпохи императора Александра I в русском театре в этих платьях игрались представления. Надо вспомнить, что Елизавета Петровна была рождена до венчания Петра I с Екатериной I и по тем понятиям – незаконная дочь. Из-за этого её и замуж не хотели брать. У неё было много причин для огорчений. И вот это для меня очень человеческое: занималась ли, не занималась ли она государственными вопросами, став императрицей, – но уж платьев-то себе

Платье Елизаветы

она понашивала! И на картине она стоит в императорском платье, с портретом Петра I, которого очень любила. И есть на картине платье мундирное, в котором она была с военными в период переворота, приведшего её к власти. И окружают её образ различные красивые платья, с кружевами, со всякими украшениями. Потому такое название – хотелось сделать акцент именно на этом.

Нужно беречь наши традиции

Моё мнение – нужно беречь и восстанавливать наши древние традиции, собирать по частям и бережно передавать следующим поколениям. Некоторые традиции или очень упрощены, или представлены с дурным вкусом. Русь – это совсем не матрёшки, на Руси их и не было.

Залп в честь Лобанова-Ростовского

Поговорим о картине «Чествование Князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского». Вы говорите, что порой на картину у Вас уходит несколько лет, пока она отстаетается, настаивается... А вот Никиту Дмитриевича Вы написали мгновенно. Почему?

Некоторые картины я пишу как выстрелы, как фейерверк. Наверное, хотелось дать залп в его честь.

Вы его почувствовали сразу?

Ну, можно было бы подумать год-другой. Но хотелось сделать ему сюрприз. И потом я прочитала книги о нём, которые Вы мне любезно подарили. Мне это было интересно. Да я и раньше знала о нём, поскольку посещала выставки, посвящённые его собранию.

Этот человек для меня – человек государственный. Потому что у него мышление государственное.

А затем он и светский человек – в самом положительном смысле слова, который хранит традиции и выглядит в соответствии с ними.

Мне хотелось показать, что он имеет прямое отношение к Москве – к моему любимому городу, потому что я здесь родилась, живу и работаю. Поэтому я на картине изобразила усадьбу Лобановых-Ростовских на Мясницкой. Может быть, она и не так долго принадлежала его семье, зато потом там были Рисовальные классы, из которых родилась Строгановка. А я училась в Строгановке. В здании сейчас находятся меценаты – правда, другие. А Лобанов для меня – меценат, потому что он подарил такое количество художественных произведений России. И ему не безразлично то, что здесь происходит.

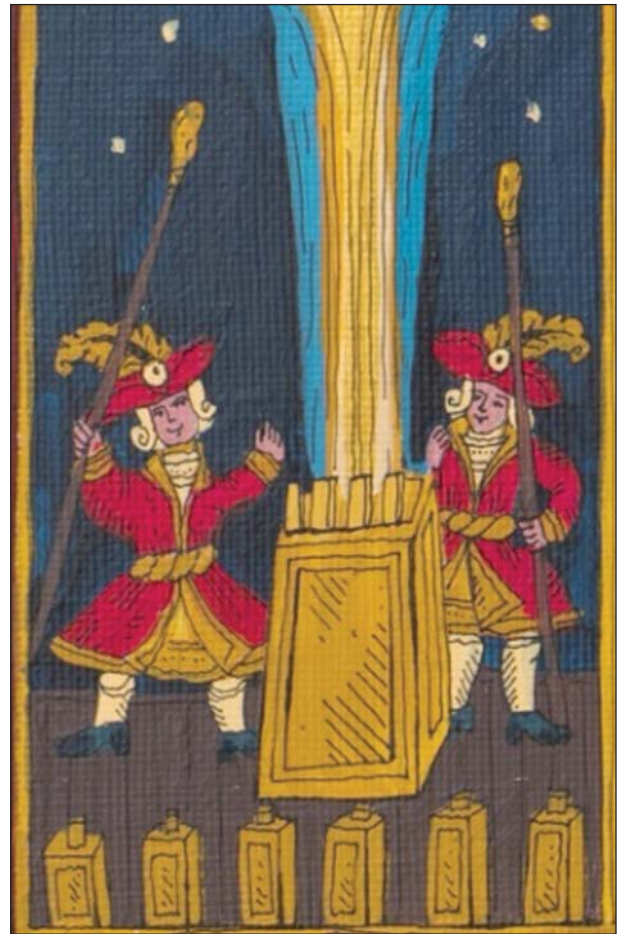
Когда Кремль был белым

Понятно, что текст, обрамляющий картину и присутствующий в клеймах, включает главную информацию об этой личности. И то, что для Никиты Дмитриевича важно в себе самом. А это: предки, историческое прошлое славной семьи, его профессия, его коллекционерство, его общественная позиция, его меценатство. Понятно, что горностаевая мантия – отсылка к царскому княжескому роду Рюриковичей.

А как Вы трактуете Кремль над его головой?

*Чествование Н.Д. Лобанова-Ростовского.
Фрагмент. Герб, Клеймо*

Чествование Н.Д. Лобанова-Ростовского. Фрагмент. Бомбардиры

Кремль – белый. Это важно. Старый Кремль. Мне хотелось показать древность его рода, потому я поместила над его головой герб. И Кремль не такой, как сейчас, ибо отношу рассказ об этом человеке к очень давним временам. Мне хотелось показать, что Никита Дмитриевич имеет отношение к Москве не меньшее, чем к Петербургу. У меня несколько ревностное к этому отношение. Я знаю, как ему нравится «Дом со львами» в Питере. Но мне захотелось сказать ему в картине, что мы и в Москве его любим, и по-московски.

Да, и в правой руке он держит царский жезл с двуглавым орлом – тоже отсылка к его происхождению.

Внизу картины фрагмент герба – олень – более древнего времени?

Это ростовский герб.

А вот почему он в одеждах эпохи Петра?

Конечно, это стилизация времени, близкого к тому. В картине несколько эпох. Мне хотелось передать своё ощущение от Никиты Дмитриевича, от того, как бы он выглядел в XVIII веке. Я посмотрела его портреты, написанные другими художниками. Он сидит, в элегантном костюме. Весьма галантный. А галантные молодцы в XVIII веке выглядели по-другому. Это я и хотела изобразить. А так как я сейчас этим временем увлечена, то хотелось показать фейерверки.

Что означают маленькие человечки в кафтанах?

Ресторан начала XX века

театрально-декорационное искусство. А мне это всегда было очень интересно, важно и близко.

А Вы до него писали когда-нибудь современного человека, не историческую личность? Мне понравилось, что в нашей беседе ключевое слово «Я люблю». И Вы пишете то, что любите. Но обращая взоры в прошлое.

Я писала портреты друзей и родных. Но не так много. Иногда я в шутку у исторического персонажа делаю портретное сходство с моим другом, который вписан в картину и которого можно узнать. Он может не занимать основное место в картине, но выразительное.

Например, есть у меня картина «Ресторан начала XX века». И лица половых – это лицо моего однокурсника в разных ракурсах. Стоит у каждого столика, встречает и провожает гостей. Шуточный элемент в картине.

В лубке, который называется ещё «потешные картинки», тут это свойство лубка – юмор – полностью разворачивается...

Сходство и стилистика

Как Вы оцениваете сходство Никиты Дмитриевича на портрете? Притом что я понимаю: оно обобщено, стилизовано, не может быть другим в данном жанре.

Я пыталась добиться большего сходства. И даже сделала глаза голубыми. Но тогда портрет вдруг ожил, а потому стал выпадать из стилистики работы. Когда я это почувствовала, то вновь сделала портрет более графическим. Я считаю, что здесь большое сходство необязательно. Портретист – другой жанр. А я пишу «потешные листы». И они для радости и «Не для чего чего иного,

– Как прочего другого». Такая «потешная» скороговорка, игра слов могла быть написана в лубочном листе.

Птица Сири́н на ладони

Что означает птица Сири́н на его ладони? Ведь это амбивалентный древнерусский символ. Она ведь и райская птица, и птица печали.

Это бомбардиры, фейерверкеры. Они Лобанову-Ростовскому отвечают салютом. Фейерверки в честь Никиты Дмитриевича.

Мне хотелось ещё и шляпу написать. Но потом я от этой идеи отказалась: потому что это уже бытовые перечисления. Тогда надо было бы и пуговицы прописать. А мне хотелось подчеркнуть обобщенный образ.

Картина открывает новый цикл – Персона

К какой своей теме отнесли картину, в какой ряд поставите на своём сайте?

Я её назвала «Чествование Князя». Это салют в честь его существования, в честь его деятельности. Это ему от меня – восторг. Наверное, я открою новый цикл и назову его «Персоны». Поскольку он личность. Любит искусство. Собирает

Так как его семья прожила непростую жизнь – и в его книгах я об этом много читала – отношение к нему и осмысление его судьбы привело меня к мысли, что мне хочется посадить Никите Дмитриевичу на ладонь Птицу Счастья. Чтобы показать и себе самой объяснить, что такие люди просто так не приходят в этот мир.

Смотря на жизненные перипетии, ударившие по его семье и многим другим, которые родились в России в те тяжёлые времена, понимаешь, что Птица Счастья русским людям необходима.

И в то же время, когда Птица Сириин прилетает и начинает петь – это печальное пение может довести до того, что человек переступает порог жизни. И в неё палят из пушек, чтобы заставить замолчать. И эта сторона Птицы Сириин – в память о трагической судьбе родных Никиты Дмитриевича.

Но моя Птица – мирная. Она не поёт. Здесь она несёт счастье. Птица сложный символ. Она высвечивает понятие «человек, русский душой». Иметь на руке Птицу Счастья, которая может петь о трагическом, – это избранность.

*Чествование Н.Д. Лобанова-Ростовского.
Фрагмент. Птица Сириин*

Отголосок народной живописи – народному князю

Это наше наследие. Репрессии были, и от этого никуда не деться. Так же, как Великая Отечественная война коснулась всех и каждого.

Я даже не понимаю, за что мы платили? – За всё. Люди веками собирали свои дома, свои фамилии, передавали своим детям. И произошёл взрыв. Традиции потеряны. Всё разрушено. Вдруг? И вдруг, и нет. Трагедия не в том, что пришли и отобрали нажитое, а в том, что люди в то время почему-то не смогли жить по-старому. Я не историк, но ощущение у меня такое: эти испытания, потеря родины и имущества для многих были обусловлены причинами, тянущимися из глубины веков. А в то же время именно эмигранты сохранили чувство утраченной родины. Жить с подобными традициями в душе непросто, но очень здорово. Никита Дмитриевич смог их пронести через всю жизнь и одарить Россию многими дарами. Мне хотелось показать этой Птицей Счастья, которую я ему желаю, – именно отголосок народной живописи – народному князю.

Её лицо кого-то должно напоминать?

Мне казалось, что Птица Сириин должна была симпатичной... Не было желания изобразить сходство с кем-то ему близким. Здесь другое, более исконное, мифологическое – в прямом смысле слова.

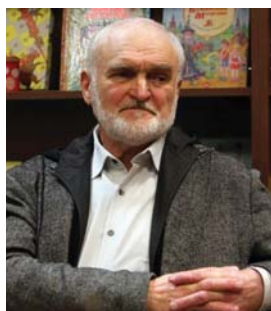

К 200–летию со дня открытия Антарктиды

28 января 2020 года будет отмечаться юбилейная дата – 200 лет со дня открытия Шестого Континента русской экспедицией под руководством наших героических соотечественников Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева.

Журнал «Берега» продолжает серию публикаций, посвящённых 200–летию открытия Антарктиды, рассказом Сергея Воробьёва, участника 21–й САЭ и зимовки на ст. Новолазаревская из его книги «По ту сторону Земного шара»

Сергей Воробьёв

Воробьёв Сергей Павлович родился в Ленинграде. Автор нескольких книг прозы, вышедших в издательствах «Светоч» и «Алетейя». Сопредседатель рижского Общества литераторов «Светоч». Член Союза писателей России с 2011 года. Редактор и составитель литературного сборника «Русская проза. XXI век».

Мирный, разгрузка

Десять суток перехода в Мирный растворились в бесконечности нашего длинного рейса, прошли, как миг, не оставив сколько-нибудь заметного следа в истории. Но, тем не менее, в конце января мы закрепились на ледовых якорях, врытых в припайный лёд, тянущийся на юг до границы материка – до берега Правды. Так назвали первопроходцы обрывающийся в море ледник, лежащий на каменных выступах континентальных пород. На них и была построена в 1956 году первая советская южно-полярная обсерватория Мирный.

Район расположения Мирного оказался в итоге не совсем удачным по причинам, речь о которых пойдёт ниже. Когда в 1956 году выбирали место для первой советской антарктической станции, первооткрывателям место показалось удобным. Станцию расположили в живописной ложине между двумя вытянутыми сопками. Посёлок строили быстро, с учётом богатого опыта строительства наших северных поселений и дрейфующих полярных станций в районах северного полюса. Планировка посёлка напоминала деревенскую застройку: один ряд домов напротив другого, между ними улица, названная нашими первопроходцами именем Ленина, в конце улицы на высокой тумбе – гипсовый бюст вождя, выкрашенный белой масляной краской. На окраине с противоположной стороны, ближе к барьеру, разместили радиоцентр, дизель-электростанцию (ДЭС), мастерскую и гараж. Никто не мог тогда предсказать, что станцию с «головой» занесёт снегом. Выросший в хорошо продуваемой ложине посёлок явился как бы плотиной для несущегося в ветровых потоках снега. И он стал постепенно заполнять пространство между сопками, пока не заполнил ложину до краёв. Через 20 лет дома оказались под 8-метровым слоем спрессованного снежного фирна.

Но к настоящему времени на остатках выходных коренных пород, которые не были занесены снегом и представляли чистые моренные участки, уже давно построены двухэтажные жилые и служебные комплексы, склады и новая ДЭС. Мирный пережил второе рождение. А старый, погребённый под снегом посёлок ввиду аварийного состояния стал необитаем и лежит теперь на дне каменной ложины, как древнее поселение под культурным слоем.

У читателя не должно остаться впечатления, что жители Мирного из года в год пассивно наблюдали за скапливанием снега в приютившей их ложине и не предпринимали никаких мер от частых заносов. Напротив, предпринимались самые энергичные меры. После метелей и пурги устраивались авралы, вручную и бульдозерами методично расчищались снежные наносы. Но ветры со снежными зарядами всё-таки оказались более энергичны и настойчивы, и улица Ленина из года в год приподнималась над домами вместе с гипсовым бюстом вождя мирового пролетариата, пока не легла над крышами и не сравнялась с окружающим ландшафтом. А бюст Ленина как бы царил над снежной

пустыней, где совсем ещё недавно была жизнь, движение и люди. И это было очень символично. Но люди не сдавались. В крышах погребённых домов прорубались входные люки, так как это было самым удобным и коротким путём из жилища на волю и обратно. Полярники зажили норной жизнью. По мере роста снежного покрова над люками росли и входные шахты, которые обшивались досками и фанерой, а внутри сооружались деревянные лестницы. Сверху шахты закрывались крышками – те же двери, но в горизонтальном исполнении. Поэтому над станцией возвышались только тамбучины шахт и приёмно-передающие антенны радиостанции.

В таком доме, погружённом глубоко в снег, было уютно и хорошо полярной ночью, когда наверху мело частыми метелями, достигающими порой ураганной силы. Фиксировались порывы ветра до сорока и более метров в секунду. Главное, конечно, что не надо было больше убирать снег. Нужно было просто постепенно, по мере роста снежного наста, надстраивать вертикальные шахтные лазы для выхода во внешний мир.

В летний период, когда на улице светило незаходящее солнце, эти дома были не столь уютны. Верхний подтаивающий снежный свод проседал, давил на крыши, испытывал дома на прочность. Из-за этого в помещениях наводили подпорки из брёвен и толстых досок, и, спустившись в такой дом по длинному вертикальному стволу, можно было подумать, что попал в шахту. Талые воды пробивали себе пути сквозь толщу снега и просачивались через потолок в виде частых капелей. Приходилось всюду ставить вёдра, тазики, сооружать импровизированные отводные желоба. Места для коек выбирали в относительно сухих местах, но всё равно: если не капало на голову, то обязательно капало на ноги (тогда-то и сооружался отводной жёлоб, и вода отводилась в сторону и сливалась в ближайшее ведро). Единственный положительный результат этих фильтраций состоял в том, что при них повышалась влажность воздуха, которая в зимний период не превышала 20 – 25%. А при такой влажности дома высыхали и становились сверхпожароопасными. Зимой такой дом от случайной искры может вспыхнуть, как порох, и сгореть в считанные минуты. Так и случилось в один из трагических дней существования станции. Обитатели вспыхнувшего дома не успели даже добежать до лаза.

В островном архипелаге Хасуэлл, что напротив Мирного, есть два небольших острова, названных именами погибших на пересменке 1-ой и 2-ой Экспедиции полярников – это острова Буромского и Зыкова, на которых нашли своё последнее пристанище не только жертвы этого пожара. Антарктида не отпускает просто так ступивших на её «хребет» неусидчивых людей. Почти каждая экспедиция кладёт на жертвенный алтарь далёкого Материка своих представителей. Судьба выдёргивает их из сонма живых по каким-то своим прихотливым и не понятным для нас законам.

Конечно же, станция не рассчитывалась на подснежное обитание. (Все коммуникации тоже остались под снегом, и доступ к ним был отрезан, что создавало дополнительные трудности.) Но люди всё равно жили, работали, побеждали. Мирный был и остаётся нужным, наперекор всем неблагоприятным факторам. Это был фронт, на котором решались неотложные задачи науки. Это и сейчас фронт, но более выдержанный и устоявшийся в борьбе со стихиями, окрепший и набравший новую силу. Мирный долгое время оставался основной стартовой базой для обеспечения внутриконтинентальной станции Восток. Сейчас такой базой стала относительно новая станция Прогресс.

Очень долго от первой станции оставался в нетронутым виде указательный столб, закреплённый на моренном участке в условную черту южного полярного круга: четыре стрелки на север и одна на юг:

Ленинград 14931 км

Москва 14402 км

Южный полюс 2503 км

С Б. 1991 14937 км

Париж 14001 км

С Б. 1991 – это сберегательный банк № 1991 на углу Невского проспекта и улицы Бродского в Ленинграде, где полярники открывали свои лицевые счета, на которые каждый месяц аккуратно приходили отчисления, положенные за зимовку. (Из этого напрашивается вывод, что материальные стимулы играют далеко не последнюю роль в выборе дальних дорог.) Сейчас этот столб заменили на новый с более подробными указателями, из которых явствует, что на Москве и Париже свет клином не сошёлся, а вождельный банк сменил свою дислокацию, также как и время сменило названия многих городов и улиц. И Ленинград опять стал Санкт-Петербургом, а улица Бродского – Михайловской. И, как ни странно, случилось это в 1991 году. Именно это число (номер банка) значилось на стрелке.

Свои столичные права Мирный потом передаст Молодёжной. Но всё равно, как научный центр и как аванпорт для обеспечения станции Восток, Мирный держал за собой ещё долгое время. Однако, он всё так же остаётся неудобным для подхода обеспечивающих судов, всё так же район этот остаётся коварным из-за частых трещин и сбросов выходных ледников в океан. Да, в этих местах довольно активно «делаются» айсберги. Иногда ветра и течения собирают их в обширные белые города с узкими и широкими улицами-проходами, сложными перекрёстками и тупиками, и судам, подбирающимся к Мирному, приходится лавировать в этих импровизированных улицах, как в лабиринте. Если у станции держится припайный лёд, то задача облегчается, так как опыт выгрузки на припай и переброска людей и грузов на материк отработаны ещё с первой экспедиции и не вызывают больших опасений. Но если припайный лёд уходит в океан, тогда крутой и высокий ледяной берег, за которым стоит Мирный, представляет серьёзную проблему для швартовки судов и выгрузки грузов на материк. Бывали случаи, когда верхняя кромка барьера обламывалась и вместе с ней с высоты 20 – 30 метров падали люди, грузы, техника. Из этих переплётов не все выходили живыми.

Более пологий берег находится у сопки Ветров, но он тоже далеко не идеален для причаливания. Выручает остров Строителей, куда выгружают по большей части крупногабаритный груз, а при установлении припайной перемычки, уже в зимний период, грузы эти переправляют в Мирный при помощи тягачей.

Ледовая и навигационная обстановка у береговых районов Антарктиды непредсказуема и меняется из года в год. И только благодаря опыту, самоотверженности и настойчивости, экипажам судов и зимовочным отрядам удаётся порой в невероятных условиях выходить из трудных, казалось бы, безвыходных ситуаций, осуществлять сложные манёвры среди айсбергов, прорубаться в массивных ледяных полях, осуществлять погрузку и выгрузку в очень специфических условиях.

Можно себе представить в каких невероятно сложных ситуациях оказывались деревянные парусные суда «Восток» и «Мирный» в 1820 году, когда впервые в истории подошли к берегам Антарктиды. А ведь тогда не было ни точных навигационных приборов, ни гребных винтов, приводимых в движение мощными судовыми машинами, ни воздушной ледовой разведки, ни спутниковой информации, ни радиосвязи. Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев – командиры легендарных шлюпов – со своими блестящими экипажами совершили беспримерный исторический подвиг и навечно внесли свои имена в списки великих первооткрывателей.

В 1973 – 1974 годах капитан обеспечивающего судна «Профессор Зубов» Октавиан Витольдович Андржеевский, имея за плечами немалый ледовый опыт, выходил, например, из неудобного положения следующим образом. Он подыскивал ближайший к искомой станции плавающий айсберг, который давал возможность удобно швартоваться и был не очень старым (старый, подточенный снизу течениями, мог в любой миг перевернуться), и использовал его, как посадочную площадку для вертолётов, которые оперативно совершали все транспортные операции, связанные с переброской людей и груза. Покидая такой айсберг, экипаж обязательно водружал на нём советский флаг.

Айсберг, плывущий под красным флагом, конечно, удивит редкого в тех водах мореплавателя. Но не менее удивится он, если повстречает вдруг айсберг с вмёрзшими в него строениями, как на музейном макете. Такой айсберг был встречен в море в 1963 году американцами. Их соотечественник Бэрд в 1947 году на шельфовом леднике организовал южно-полярную базу Литл Америка. (Позже база была законсервирована.) Постройки постепенно покрылись многометровым слоем снежного фирна, а потом откололись от коренных льдов вместе с айсбергом, который и был встречен впоследствии американским ледоколом. Больше этот айсберг никто не встречал. Возможно, он постепенно растворился в южно-полярных водах, растаял под солнцем, подмываемый снизу заблудшими туда тёплыми течениями. И база Литл Америка таким образом была предана морю.

От Мирного тоже в своё время откололся солидный кусок. Место скола пришлось по складу и механической мастерской, которые буквально разорвало пополам. Остатки строений повисли над 20-метровым барьером. Откол произошёл ночью, когда в основном все спали. Жертв, по счастью, не было. Но проснулись все, так как рождение айсберга сопровождалось звуком, похожим на залп гаубичной батареи.

Наша планета всеядна, она поглощает всё без разбора. Деятельность её внутренних и внешних сил, проявляемых порой незаметно, направлена на некое обновление, а, может быть, даже и на созидание. Но в этом созидании-обновлении присутствует параллельный и непрекращающийся процесс утилиза-

ции всего отмирающего и отжившего, а также всего того, что не вписывается в естественную деятельность природы. Всё, созданное человеком (то есть вторая природа, которая, наверное, всё-таки враждебна первой), существует до тех пор, пока сам человек поддерживает существование своих творений. Уберите людей. И сами начнут рушиться города: от эрозий, дождей, ветров, землетрясений, оползней, селей, вулканической деятельности, наводнений, от наступления животного и растительного мира, от вмешательства бактерий и простейших организмов, – и всё перемешается, съестся и перемелется. Уже уходят в утробу планеты первые постройки советской антарктической станции Мирный, станций Пионерская, Комсомольская, Лазарев, Элсуэрт, в солёной воде океанов, как в желудочном соке, «переварилась» Литл Америка. Мы с вами, читатель, тоже не избежим этой участи.

Нас уже пятеро суток дождался наш брат-близнец «Василий Федосеев». Разгрузка на нём шла полным ходом. Вываленные за борт грузовые стрелы с туго натянутыми телефонами всё время майнали разного рода грузы: бочки, ящики, палеты с горками упакованных и затаренных продуктов, кислородные и ацетиленовые баллоны в связках, научный скарб в стропальных сетках. Мы тоже последовали его примеру. Опять были скомплектованы разгрузочные бригады для круглосуточной работы в три смены. В работах участвовали все кроме капитана. Капитан считался фигурой неприкасаемой и почти не видимой. За три месяца моего пребывания на «Маркове» я видел его один только раз. И то мельком и случайно. Так что его незримый образ приобрёл для меня почти мифическое значение.

Под борт подошли два трактора со срезанными кабинами. За тракторами в одной сцепке находились волокуши с пустыми металлическими контейнерами. Два водителя-тракториста в кожаных костюмах топтались рядом. Они были похожи на больших императорских пингвинов, отбившихся от стаи. Фигуры трактористов в блестящей на солнце коже, казалось, хаотично передвигались по замкнутому пятаку, как в японском театре «Кабуки», где жесты, мимика и позы несут в себе сложную смысловую нагрузку, не понятную примитивным европейцам. Я долго наблюдал за этой немой картиной и, наконец-то, в позе одного из трактористов уловил нечто мне близкое и почти родное. Да-да, я не мог ошибиться. Это был Боря Ткачёв, легендарный рассказчик самых невероятных историй и мой сосед по кубрику на «Василии Федосееве».

– Боря!!! – заорал я.

Боря стал озираться по сторонам и только после моего повторного рыка, наконец, поднял голову вверх. По выражению его глаз я сразу мог догадаться, что он плохо ориентировался, кто кричит, зачем кричит, и кому вдруг он мог потребоваться после очередного тридцативосьмикилометрового перехода под незаходящим южным светилом.

– Боря, чего топчешься там, как неприкаянный? Забирайся сюда, блудный сын!

Ничего ещё толком не понимая, повинувшись инстинкту Адама, – раз зовут сверху, надо лезть, – Боря подошёл к свисавшему с полубака на лёд шторм-трапу, поставил ногу на нижнюю балясину и медленно и тяжело стал поднимать своё измотанное в тракторных переходах тело. Шторм-трап качался, извиваясь, как змея, а Боря медленно, но упорно, словно нелепый клоун в мешковатых кожаных одеждах, взбирался под несуществующий купол цирка. Взбирался без аплодисментов, без восторженных взглядов зрителей, без надежды кого-то удивить или насмешить. Я принял его наверху, помог перевалиться через фальшборт, обнял, потряс, и только тогда он узнал меня.

– А, Палыч! Сколько лет!

– Да всего-то чуть более месяца.

– Точно. А я будто три года на лесоповале отгрохал без сна и отдыха. Работа сейчас такая. Как пришёл сюда пять дней назад, так с трактора и не слезаю. Прикорнёшь на пару-тройку часов и то во сне рычагами ворочаешь, будто трактор по припаю ведёшь. А дороги здесь, бляха-муха, не простые. Уже две подвижки было. Не успеваешь мосты через трещины наводить. Вона – брёвна с собой всё время возим. Разгрузим вас, полегче будет.

Он посмотрел в необъятное белое пространство, из которого появился. Следы гусеничных траков уходили в бесконечность, терялись в морозных километрах монотонного пути с наведёнными где-то по ходу перекидными мостами из толстых брёвен. Скуластое и немного худощавое лицо моего товарища было сильно опалено ультрафиолетом незаходящего летнего солнца: губы потрескались и вспучились кровавыми кратерами, глаза, как смотровые щели танковых бойниц, ввалились и японски сузились. Его напарник казался покрепче. Для защиты от всепроникающего ультрафиолета он пользовался старым проверенным приёмом: замотал своё лицо белым вафельным полотенцем,

оставив узкий прогал для глаз, прикрытый светозащитными очками в пластмассовой оправе. Они, действительно, напоминали действующих лиц из театра «Кабуки», из-под которых внезапно выбили сцену, и они оказались в необъятном белом мире другой планеты.

– Вам надо скафандры выдавать, как космонавтам, – пожалел я Борю, – сгорите от радиации.

Боря только вяло махнул рукой и с трудом улыбнулся.

– Пройдёт, не впервой, – оптимистично заключил он, – просто надо заматывать лицо. – А я, как всегда, работой увлёкся. Вот и результат.

– Ладно! Соловья баснями не кормят. Для начала могу предложить тебе супцу из кроличьих потрохов. Мы только что отобедали, второе, наверное, уже всё съедено. А вот австралийский фирменный супец наверняка остался.

– Предложение своевременное. Думаю, не повредит.

Боря осторожно вливал в себя суп, обильно сдобренный почками, сердцем и печёнкой бедного австралийского кролика. Ел он с аппетитом, но воспалённые губы не давали ему в полной мере насладиться блюдом, которое для нас было уже повседневным и приевшимся.

– На второе у меня есть для тебя хорошее полено настоящего красного дерева, – предложил я.

Боря с недоумением посмотрел на меня.

Я пояснил:

– Помнишь, ты рассказывал, как один резчик из Ганы, где ты оказался с особым поручением от Министерства культуры, учил тебя искусству резьбы по чёрному и красному дереву?

Боря скосил глаза в сторону – чувствовалось, что не помнил.

– Ну и... – произнёс он

– И с тех пор, – продолжил я, – у тебя созрела мечта вырезать из красного дерева ритуальную маску, надев которую можно взывать к вечным духам Земли, предсказывающим наше будущее и видящим далёкое прошлое.

– Я надеюсь, объёма взятого мною материала тебе должно хватить.

Боря стукнул себя ладошкой по лбу:

– Вспомнил! Это ты вовремя подвёз. Но, честно говоря, не ожидал.

– Дело случая, – как бы оправдывался я, – сам не ожидал, что подвернётся такое богатство. И главное, никому не нужное. Кроме тебя, конечно. Так что считай, как по заказу.

Будучи в Австралии, куда мы заходили за продуктами, я натолкнулся рядом с нашим причалом на груды старых деревянных шпал, которыми ещё недавно была выстелена железнодорожная колея. Меня удивил их красноватый цвет. Оказалось, что красное дерево они в своё время использовали для прокладки рельсового полотна. Оно очень стойкое и долговечное. И я подумал, почему бы мне не прихватить с собою парочку наиболее хорошо сохранившихся шпал для осуществления давней мечты Бори Ткачёва?

Я пригласил его в свою каюту, где Валера, идущий с нами на станцию Молодёжная, сразу же предложил:

– А не оседлать ли нам «Катти Сарк»?

И он из рундучных закровов вынул красивую бутылку с нарисованным на этикетке парусником, бегущим на всех парусах по маршруту чайных клиперов XIX века.

– Последняя, – добавил он, – из Австралии. За десять дней ящика как не бывало, вот одна только и завалилась...

– Нет, – твёрдо возразил Боря, – мне ещё двадцать миль по припаю пилить, у меня башка и так плохо соображает от напряжения.

Он со всех сторон осматрел кусок старой шпалы, потом другой, приложил его к лицу и выбрал тот, который побольше.

– В самый раз будет. А вот этот оставь себе. Вырежешь из него какого-нибудь деревянного истукана, отполируешь, гуталинчиком натрёшь до благородного блеска и будешь выдавать за произведение народного африканского творчества. Такие истуканы, знаешь, сколько в Гане стоят? – Целое состояние. Никакой валюты не хватит.

– Нет, Боря! Не хочу брать на себя лишнюю обузу. Мне уже здесь подарили малый набор художника: кисти, краски, бумагу. А я так толком ничего и не нарисовал. Если не считать двух набросков-копий с готовых репродукций – одну с картины Саврасова «Грачи прилетели», а другую из журнала

«Penthous». Но чтобы не вгонять тебя в дурное настроение, я тебе их не покажу. Так что забирай весь материал и режь себе на здоровье.

Но Боря наотрез отказался забирать второе полено. Я не стал больше настаивать и положил его рядом с валериным диваном.

– Если что, будешь занюхивать свой австралийский ром. И от чертей отмахиваться тоже сподручно, если до белой горячки допьёшься.

– Только нас, чур, за чертей не прими, – добавил мой сосед по каюте.

Валера расплылся в благодушной улыбке с благорасположением принимая наш грубый морской юмор.

Я с сожалением прощался с Борей. Услышать от него какую-нибудь бесподобную историю из его насыщенной событиями биографии мне, конечно же, больше не удалось. Слишком короткой была наша встреча, и слишком усталым был рассказчик, чтобы из закров своего подсознания, тесно переплетённого с жизненными реалиями, вынести на свет божий нечто несусветно-фантазийное.

– Боря, – вдруг вспомнил я, – а где твой «Рыцарь в тигровой шкуре»? Ты ведь никогда с ним не расставался.

– Рыцарь? – задумчиво затянул Боря.

Он остановился у фальшборта, где свисал на капроновых канатах шторм-трап, посмотрел в мутно-белое безбрежье снегов, в ту сторону, где находилась Земля его юношеского обета, и сплёкшимися губами медленно и членораздельно произнёс:

– Этот витязь, походил бы он в моей шкуре, давно бы уже обд...ся от такой жизни и волком бы взвыл от тоски и бесприютности. Оседлал бы он моего железного «скакуна», который в любую минуту может разом под лёд ухнуть, узнал бы тогда, почём фунт лиха, и откуда задние ноги у тигров растут.

Такой тирады, честно говоря, я от него не ожидал.

Боря уже собрался перелезть через фальшборт, поднял высоко правую ногу, лёг животом на планшир и вдруг остановился в этой позе и произнёс с выражением:

Разве муж достоин чести, коль он бед не поборол?
Неприлично от несчастий убежать в соседний дол!

Потом громко рыгнул и добавил:

– Хорош был супец! Такого и в ресторане не подадут.

Пустые контейнеры, стоявшие на волокушах под бортом нашего судна, уже загружали продуктами. Боря спустился вниз, принял от меня полено красного дерева, которое я спустил ему следом на бросательном шкертке, и пошёл к своему трактору пружиняще-покачивающейся походкой, как астронавт на Луне к своему ракетному модулю.

Через 30 лет я позвонил Боре и предложил встретиться, чтобы передать ему мои воспоминания, вылившиеся на 300-ых страницах убористого текста моей первой книги. Вид у него был уже далеко не космический, и тремор в руках выдавал более пристрастие к огненной воде, чем к стамескам и штихелям резчика по дереву. Дух авантюризма, когда-то игравший таинственными бликами на его скулах, явно поугас, а само лицо стало походить более на ритуальную маску малоизвестного племени западного африканского побережья, куда Боря, по его же словам, часто заходил на судах Дальневосточного пароходства.

– Работы много, – пояснял он, как бы оправдываясь, – перенапряг. Да и возраст, сам понимаешь. Вибрации души в итоге передаются и рукам. А за книгу спасибо. Не думал, что буду отражён в истории. Никто ведь не знает, что он оставляет на Земле после себя...

– По следам ищите нас, – отвечивал я. А где и как ты наследил, тебе, наверно, лучше знать.

– Лучше знать..., – шёпотом зашуршал Боря мне на ухо, потом сделал непродолжительную паузу и уже громко, голосом пророка, закончил: – Ему!...

И он многозначительно «постучал» дрожащим, поднятым вверх, пальцем в далёкое невидимое небо.

Год театра

Лидия Довыденко

«В мою жизнь пришло что-то прекрасное!..»

О Евгении и Галине Киндиновых

В моей жизни было много даров судьбы и светлого Божьего промысла. И один из них – встреча с четой актёров кино и театра Евгением Арсеньевичем и Галиной Максимовной Киндиновыми. Это случилось в июне 2019 года. Позвонив в дверь их квартиры, я попала сразу к ним на завтрак, приехав с утра, проговорив почти до вечера, изумляясь их терпимости и доброте.

Ровесник Победы

Заслуженный и народный артист России Евгений Киндинов родился 3 июня 1945 года. Окончил Школу-студию МХАТ (курс В. Монюкова), был принят в труппу МХАТ им. А.П. Чехова, где сыграл около 30 ролей в различных спектаклях. Что касается кинематографии, то у Евгения Киндинова более 50 фильмов, в числе которых такие знаменитые, как «Городской романс» П. Тодоровского, «Романс о влюблённых» А. Кончаловского, «Вас ожидает гражданка Никанорова» Л. Марягина, «Таёжная повесть» В. Фетина, «Возвращение резидента», «Конец операции „Резидент“» В. Дормана и другие.

Думаю, что дата рождения имеет значение. У Евгения Арсеньевича – вскоре после Великой Победы, значит, написано ему небесами – побеждать себя, обстоятельства, недуги. Я счастлива – смотреть в глаза и слушать любимого актёра, возвращаться мысленно в 1974 год, к фильму «Романс о влюблённых», где гениально сыграл главную роль Евгений Киндинов. С неподражаемым спокойствием и внутренней лёгкостью Евгений Арсеньевич рассказывает, как Андрей Кончаловский взялся за эту сложную работу – воплотить в фильме сценарий Евгения Григорьева, долго лежавший невостребованным на Мосфильме. Никто не решался заставить актёров говорить белыми стихами. Требовалась предельная искренность, чтобы это было естественно, чтобы преобладали эмоции. На съёмках делали по семь дублей, и фильм получился. С благодарностью вспоминает он блестящую плеяду его современников: Елена Коренева, Иннокентий Смоктуновский, Ирина Купченко, Ия Савина... А я как будто слышу гитару в руках героя фильма, песню Александра Градского: «Любви не будет конца...» Мощная, правдивая, великолепная картина. Живое и настоящее переливается с экрана в сердце. Поэтическое сказание о первой любви и долг, верность, благородство, рыцарство, великодушие. Лично для меня эти понятия до сих пор значат очень много. А Трубач, которого играет Смоктуновский... Ведь такой Трубач постоянно где-то в мире ежеминутно с какого-то высокого, красивого места на земле извещает о новой любви двух людей, о любви и разлуке... Евгений Киндинов после того, как фильм прошёл в кинотеатрах, стал не только одним из самых популярных молодых актёров, на которого зрители с удовольствием ходили в кино и в театр, его полюбили, навсегда, почитая высоту, красоту не только внешнюю, но и душевную.

Органичные, настоящие, комфортные

В светлой квартире Киндиновых мы пьём кофе, читаем молитву, крестим еду и благославляем новый день! Я смотрю на дорогих мне людей и радуюсь, что не вижу усталого ума или сокрушённого сердца, наоборот, ощущаю духовные и нравственные силы, надежды на гармонию, на то, что есть мир Божий, в котором сегодня нам вместе комфортно. Я рассказываю, что возвращаюсь домой через Москву с Волги, из Ульяновска, а Галина Максимовна – о недавней поездке в православный Пюхтицкий Свято-Успенский монастырь, который сегодня находится на территории Эстонии. Пюхтица – святое место, расположено на Богородицкой горе, недалеко от Чудского озера. В утешение

измученным в борьбе с тевтонскими рыцарями жителям явилась когда-то Божия Матерь, где и возник монастырь. Галина Максимовна и Евгений Арсеньевич там с радостью бывают, наслаждаются скромной красотой и деятельной жизнью в монастыре, верны нашей православной вере, вере наших предков, и нас это ещё сильнее сближает. Говорим о сегодняшнем дне. Киндиновы преподают в Московском государственном институте культуры и искусства, ведут курс актёрского мастерства, репетируя этюды, монологи, спектакли. Оба до сих пор радуют зрителей, работая в МХТ имени А.П. Чехова, выходя на сцену в спектаклях: «Лес» по пьесе Островского, «Деревня дураков» по повести Натальи Ключаровой.

Рядом с великими

Евгений Арсеньевич на мою просьбу – показать фотографии – достаёт буклет, выпущенный его коллегами и студентами к его 70-летию в 2015 году. Смотрим фотографии из спектакля «Валентин и Валентина» Михаила Рощина, где он играет роль Валентина.

В «Деревне дураков» Евгений Арсеньевич играет роль деда Фима, мудрого и всезнающего.

Я всматриваюсь в фотографии, а Евгений Арсеньевич вспоминает, как играл с такими артистами, при звучании имён которых захватывает дух: Станиславом Любшиным, Сергеем Безруковым, Андреем Мягковым,

Анастасией Вертинской. Святые имена для тех, кто любит театр и кино. «Светлейшие люди, – говорит Евгений Киндинов, – Иннокентий Смоктуновский, Татьяна Доронина, Олег Ефремов, Василий Ливанов, Алексей Грибов, Михаил Яншин, Алла Тарасова. Как играли! Вспоминается Алексей Грибов в «Трёх сёстрах», его глаза в финале пьесы, глядя в них, я сам не мог сдержать слёз, как он создавал на сцене драму несостоявшейся жизни. Гениальный актёр! В пьесе «На дне» в постановке В. Немировича-Данченко у нас была потасовка на сцене, и я ударил неосознанно Грибова так, что у него синяк потом появился. Он мне говорит: «Ты что, пацан?». Но очень ему нравилось, как я играл. В 70-х годах пришёл Олег Ефремов, Евгений Евстигнеев, Татьяна Лаврова, Иннокентий Смоктуновский, с которым мы дружили, встречались, он рассказывал, как был в плену, как спасся, спрятавшись под мостом за столб. Он работал в Сибири, а потом переехал в Ленинград, затем – к нам. Как он играл князя Мышкина – это глаз не оторвать... Рядом с ними жить и играть – это школа!».

Гастроли

В детстве Евгений Арсеньевич мечтал о путешествиях по миру. И всё сбылось. В советские годы театральный коллектив много гастролировал, за границей ставили классику: в Китае, в Японии, в Австралии, в США, не говоря уже о европейских странах. «А Советский Союз мы весь объехали, – рассказывает Евгений Арсеньевич, – Тбилиси, Самарканд, Камчатка, Север... Мечта сбылась. Гастроли были на ура! В Японии после пьесы «На дне» один корреспондент задавал вопросы на английском языке, который я специально учил. «На дне» – это был самый популярный спектакль в Японии. Очень большая тема людей талантливых, но не нашедших себя в жизни, – интересовала японцев. И мне была интересна страна: Сад камней, Императорский дворец, вокруг которого были деревянные, скрипучие настилы, специально такие, чтобы охрана слышала, что кто-то идёт».

В насыщенной спектаклями, кинофильмами, гастрольями и фестивалями жизни Евгению Арсеньевичу вспоминается кинофестиваль в Сан-Себастьяне в Испании в начале 70-х годов: «Ездили туда с фильмом «Молодые» с Аллой Ларионовой. Ехали через Париж. В гостиницу уже в Испании в фойе пришли люди, которые говорили по-русски, они принесли бутылку роскошного вина в благодарность СССР, где они выросли, вывезенные из Испании и спасённые от смерти в детстве, а потом вернулись на Родину». (В период гражданской войны в Испании 34 тысячи «детей войны» было вывезено в разные страны. Около трёх тысяч оказались в 1937 году в СССР).

Однолюб

В юбилейном буклете бросается в глаза чудная фотография молодых Евгения и Галины Киндиновых, танцующих вальс, необыкновенно красивых и романтичных.

«Мы были однокурсниками», – говорит Евгений Арсеньевич. Я помню, как в каком-то интервью он сказал: «В том, что я однолюб, нет моей заслуги». «Галина появилась у нас на курсе, и мы любили, прежде всего, наше дело, живое. Наши

учителя: Кира Николаевна Головки-Иванова, Виктор Карлович Монюков, – они старались не только помочь нам обрести профессию, но чтобы мы были нормальными людьми. Мы все дружили. С нами учился Николай Караченцев, Борис Чунаев. Они в Ленком пошли. А мы с Галей оказались во МХАТе. В 1967 году окончили студию МХАТ и поженились». Для Евгения Арсеньевича Галина Максимовна – красавица, умница, талант. У них дочь Дарья, тоже красавица, любимая и любящая.

Галина Киндинова. Истоки

Заслуженная артистка России Галина Киндинова играла в спектаклях: «Синяя птица» (Молоко, Свет, Фея), «Валентин и Валентина» (Катюша), «Евгений Базаров» (Одинцова), «Московский хор» (Эра), «Преступление и наказание» (Мать Раскольников), «Мишин юбилей» (Наташа). Участвует в спектаклях: «Амадей», «Антигона», «Гримерная», «Лес», «Священный огонь». Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени. Фильмография: «Приваловские миллионы», «Нахлебник», «Личное счастье», «Настенька», «Талант», «Алиса», «Священный огонь» и другие.

Галина Максимовна родом из Киева. Она верила, что будет работать в театре, мечтала о нём. Приехала в Москву и поступила в студию МХАТ.

«Это всё промысел Божий, – уверена Галина Максимовна. – Сейчас, по прошествии лет, вспоминается детство на улице Сапёрная слободка, река Лыбедь, дом бабушки, катание с горы, игры у реки, железнодорожная станция, паровозное депо, лозунг «Слава СССР!» над ним».

«Уезжая в Москву, – рассказывает Галина Максимовна, – я говорила «до свидания» депо, вечерним фонарям, реке, понимая, что это всё пройдёт, уйдёт, а будет что-то другое, когда я уеду. В нашем дворе жили родственники, бабушкины сестры: Поля, Маня, Нюра. Маня звала к себе: «Пооди сюда, Галка!» и открывала свои румяные пироги, говорила, чтоб была такой же румяной. Бабу Маню называли ведьмой, потому что сама она была очень красивой женщиной. Ели кашу с жареным луком, и вкусно было. Баба Поля ходила в длинной юбке, много раз зашитой и латаной, но чистенькой. Была печка, которая отапливала дом, деревянные полы, а я сижу в подоле юбки и раскачиваюсь. Мне тепло, мне хорошо. Ощущение покоя и надёжности.

У нас в доме был целый иконостас от пола до потолка, горели лампадки. Не было богатства, но было уютно и чисто прибрано. Соблюдался пост, а потом наступали торжества, например, Пасха. Собиралось в доме человек 15. Готовили заливного судака, грибочки-маслята, квашеная капуста, солёные огурцы, жаркое, если Пасха – обязательно куличи, мясо и домашняя колбаса.

Если кто не приходил в гости, бабушке было досадно, но она скрывала это, мы сидели и пели. И ощущение родства и тепла. Часто собирались у Ивана Павловича и его жены Дуси, играли в дурака, я и младший брат. У брата в четыре года было обнаружено белокровие. Мама не стала его отправлять в больницу, а поила его соками смородины, моркови, давала красное вино и вылечила».

Дивный танец...

«И вот я еду в Москву, – продолжает Галина Максимовна. – Если есть цель, то уже всё складывается, как надо. Я пришла в школу-студию, встретила с Кирой Николаевной Ивановой-Головко. Она была молодой и очень красивой. Я пришла ко двору и была принята на второй курс. У меня не было документов, поэтому я поехала за ними домой счастливая.

А потом занятия в студии. Виктор Карлович посадил нас полукругом, мы с Женей сидели по разные стороны. И вот помню, как Женя встаёт, видны белые манжеты из рукавов свитера, который ему связала мама. «Какой красивый мальчик! – подумала я, – только жаль, что молоденький». С головой окунулась в учёбу. Были потрясающие дисциплины: сценическая речь, сценическое движение, русский театр, зарубежный театр. Мы ходили в музеи, занимались изобразительным искусством. Удивительные преподаватели у нас были. Абрам Александрович Белкин учил нас читать русскую литературу: как надо читать классику? Как птичка воду пьёт. Глоток – голову вверх, проглотить. Прочтите немного и голову поднимите – подумайте.

Педагоги приглашали нас к себе в гости. Особенно часто это делала Кира Николаевна Головко-Иванова. И кормила, и поила, и одевала, и обувала. «Галка, выбирай туфли!» И выбирала сама для меня самые красивые. Она и деньги давала со словами: «Плохо выглядишь, сходи поешь!».

И вот выпускной вечер. Я хотела танцевать вальс с Караченцевым, но Ольга Всеволодовна сказала: «Ты будешь танцевать с Женей!». Я в белом длинном платье, а Женя в зеленоватом сюртуке. Выход был такой: сначала идут два сгорбленных старика в плащах, а потом сбрасывают плащи, открывая свою молодость. Это был дивный танец.

«А потом у Бори Чунаева была вечеринка. Было совсем не так, как в спектакле «Валентин и Валентина», где героиня говорила: «Посмотрела и подумала: он мой!». Вот ничего подобного. Но с вечеринки меня пошёл провожать домой Женя. Мы идём через Каменный мост пешком, потом на Дмитровку и всю дорогу целуемся. Это непостижимые вещи. На следующий день я встаю и понимаю: в мою жизнь пришло что-то прекрасное!»

Современный театр

«Современный театр? Неважно, хвалят или ругают, главное, чтобы фальши не звучало, – делится Евгений Киндинов. – К сожалению, становится всё больше пиара. Есть много одарённых и талантливых ребят, посмотрим дальше, что с ними будет. Я вырос в другом времени. Сейчас театральные критерии меняются, у молодых другие правила жизни. Продолжается вечная тема отцов и детей. Важна «ясность Божьего лица». Мы ищем свет вокруг себя. Это душевные ощущения, а не анализ, не утверждение себя за счёт других. Литература для меня не знамя, а то, что делает нас иными.

Я всю жизнь занимался тем, что мне нравится, а нравится сам процесс общения, не заставляя себя, не преодолевая себя. Талантливый человек очень чувствует доминанту характера своего собеседника. Если не совпадают, будет коротко отвечать. Очень нужное качество для актёра – лёгкое восприятие того, что он видит вокруг себя. Мы со Смоктуновским, встречаясь, очень часто хохотали. Была открытость и лёгкость общения. И студентам я говорю: откройтесь, радуйтесь, давайте поиграем. Пусть будет свободная реакция на то, что слышишь. Я помню, как веселились с Евгением Евстигнеевым. Олег Николаевич Ефремов был сложнее и строже, но иногда с ним тоже обхохочешься.

Катарсис

«Студия – это колыбель, дом, альма-матер, – продолжает Галина Киндинова, – а театр – это арена, где надо устоять. Окончив студию, мы с Женей стали играть в театре, где часто вмешивается его величество – случай. Нам повезло. Рядом с нами были великие актёры, вместе играли в великих спектаклях. Замечательные Алла Тарасова, Алексей Грибов, Василий Ливанов, Михаил Яншин, Ольга Андровская. Они были рядом, и мы могли у них учиться. Прелестные роли, удивительные спектакли. Казалось, что они всегда будут. Но вот уже нет «Села Степанчиково», закрыт спектакль «Гри-мёрная». Отношения между молодыми актёрами другие. Но я знаю, что школа наша продолжается, живут заветы старших: театр должен превращать толпу в людей. Сцена – над зрительным залом, потому что театр должен поднимать людей над жизненной суетой. Хочется быть лучше, чтобы человек уходил из театра с надеждой, а не с упадническим настроением. В театре требуется терпение, чтобы роль твоя выросла в тебе, созрела в тебе, соответствовала твоим духовным устремлениям. Говорят, что зрителя надо удивить? А чем? Не внешними какими-то эффектами, а тем, что слово затрагивает твои духовные переживания. Спектакль «Братья и сёстры». Там герой достаёт буханку хлеба, как самые дорогие пирожные. Я начинаю плакать. Это катарсис. Такие вещи потрясают, когда спектакль остаётся в душе, когда происходит что-то такое, что видишь перед собой личность, отражение судьбы, и это тебя трогает».

Тайна несказанная

Тайна несказанная – этот день общения с Галиной и Евгением Киндиновыми. Это русские православные актёры, и служение театру – для них служение искусству в лучшем смысле этого слова, как возможность Преображения.

Я с благодарностью и теплом прощаюсь с ними, прохожу через двор, и взгляд мой обращён к куполу Власьевского храма. Мне предстоит путь в аэропорт и в Калининград. Этим маршрутом впервые в его истории в 1923 году летели Есенин с Дункан (Москва – Кёнигсберг). С храмом Святого Власия связана романтическая легенда об Айседоре Дункан и Сергее Есенине. Ночью извозчик повёз их на Пречистенку, где жила Айседора. Лошадь медленно брела по пустынным улицам, усталый извозчик заснул. Есенин с Дункан этого не заметили, увлечённо беседуя друг с другом. Переводчик Айседоры вдруг заметил, что лошадь всё время проезжает около церкви Святого Власия. «Эй, отец, ты что, венчаешь нас?! Вокруг церкви, как вокруг аналоя третий раз едешь!». Есенин рассмеялся: «Повенчал! Повенчал!». Есенин и Дункан через полгода – весной 1922 года поженились.

И зачем я это вспоминаю? А чтобы сказать, что Евгений и Галина Киндиновы венчались уже в зрелом возрасте, по-настоящему, осознанно.

Уже в самолёте, вспоминая в подробностях день, глядя вниз, на землю под редкими облаками, думаю о фильме «Пой песню, поэт!» Сергея Урусецкого, где Евгений Киндинов в роли Русого парня читает великого поэта. В нашем разговоре он восхищается Сергеем Никоненко в роли Сергея Есенина, которого и я навеки запомнила, как он произнёс: «Как прекрасна земля, и на ней человек...»

Берега Новороссии

Вадим Десятерик

Десятерик Вадим Николаевич родился в 1976 году в Донецке. Окончил Славянский государственный педагогический институт (валеология и физическая культура), мастер спорта по лёгкой атлетике (прыжок с шестом). Публикуется с 2016 года. Автор-исполнитель песен, поэт. Член Союза писателей Донецкой и Луганской народных республик. Публиковался в альманахах: «Время Донбасса» (Луганск), «Душа Донбасса» (Краснодар), «Территория слова» (Краснодон), «Пушкина 30А» (Донецк), «В Донбассе мужеству забвенья нет» (Донецк), «Жизнь – как подвиг» (Краснодар), «Душа и мудрость гордого Донбасса» (Донецк), на сайте «Мир Новороссии». Книга: «Перезвон» (Луганск), 2018. Лауреат фестиваля «Большой Донбасс». Живёт в Донецке.

ПУТЬ В ОДИНОЧЕСТВО

Под тенью уставшего Бога
ищу в одиночество путь.
На сердце ложится тревога,
и боль обжигает мне грудь.

Волхвы, словно ближние звёзды,
зовут постоянно к себе.
Иуды вбивают мне гвозди
в ладони на ветхом столбе.

Ползёт раскалённым железом
светило по коже моей...
Раздолье заблудшим и бесам,
когда истязают людей.

Сочатся предсмертные раны.
Жара. Закипает вода.
Мой путь в одиночество странный,
зато моя совесть чиста.

И сердце не гложет тревога,
и боль не царапает грудь.
Под тенью уставшего бога
иду, чтоб навечно уснуть.

РУССКИЙ ДУХ НЕПОКОРЁННЫХ

Вольным ветром в диком поле
бродит тень донбасской славы.
Рядом с ней орёл двуглавый
держит поле под контролем.
Белый цвет на триколоре
степью заменён на чёрный.

Гордый флаг непокорённых –
дух солдат в ночном дозоре.
Каждой ночью алой лентой
вяжет враг рубеж последний,
где несовершеннолетний
парень хочет стать легендой.
Быстрой птицей в небе тёмном
мчится вера над копрами.
Это наш венец мечтаний –
русский дух непокорённых.

ШАХТЁРЫ ПОДЗЕМНЫХ РЕК

По руслам подземных рек,
глотающая чёрную пыль,
проходят из века в век
шахтёры сквозь шторм и штиль.

Дают на-гора добро
у Шубина взяв займы.
Но, плата – не серебро,
а жизни – выход из тьмы.

Герои плывут в забой,
им некуда больше плыть.
Неважно какой ценой,
но уголь должны добыть.

Да только не яркое свет
для тех, кто терял родных.
Тем более звон монет,
когда горе бьёт под дых.

Но, снова из века в век
проходят сквозь шторм и штиль
шахтёры подземных рек,
когда горе бьёт под дых.

ОМУТ ЧУДЕС

Конский топот на душе.
Вид унылый.
Где тот Рай, что в шалаше
даже с милой?
Бредит сказками любовь,
мы ей верим,
закрывая вновь и вновь
к сердцу двери.

То ли мечется душа,
то ли разум.
За душою ни гроша –
быть отказам.
Где же мне найти её,
ту, что сможет
чувство нежное моё
растревожить?

Может, между ярких звёзд,
это чудо?
Я готов построит мост
к ним отсюда.
Дотянуться до небес
я сумею.
Чтобы в омуте чудес
гибнуть с нею.

Бредит сказками любовь,
мы ей верим,
закрывая вновь и вновь
к сердцу двери.
Где тот Рай, что в шалаше
даже с милой?
Конский топот на душе.
Вид унылый.

ЛАБИРИНТ

Наша жизнь – сплошной лабиринт.
Вход – рождение, выход – смерть.
Кто бежит марафон, кто спринт,
чаще любят бега смотреть.
Пробегут, не оставив след
или просто сгорят звездой.
Наша жизнь – суета сует,
где добро заросло травой.
Говорит, показывает
Нам, заблудшим овцам, Пастух.
Только мы приплясываем
и Его матюгаем вслух.
Наша кровь – болотная муть.
Нож да ложь укрепляют злость.
Пастуху нас трудно тянуть,
для него мы, как в горле кость.

Временной промежуток лет,
что отмерен для нас судьбой,
без добра не оставит след,
чтобы он не зарос травой.
Кто бежит марафон, кто спринт,
есть, кто любит бега смотреть.
Наша жизнь – сплошной лабиринт.
Вход – рождение, выход – смерть.

КАПИТАН ГРЕЙ

Росой умою лицо поутру.
Не сглазит дьявол.
Бесшумно устье реки покорю.
Тоскует гавань.
Войду безмолвно в большой океан
навстречу грёзам.
Морскому волку не страшен туман
и узость плёсов.
На грубость ветра и гребень волны
лечу, как птица.
Вокруг планеты с весны до весны
«Секрет» мой мчится.
Глотая мили одну за другой,
Алеет парус.
Лежит под яркой полярной звездой
на курсе старом.
Зовёт девчонки печальная песнь –
мечта из детства.
Ко мне приходят напевы с небес
у сердца греться.
Ассоль на берег выходит не в снах
встречать рассветы.
Иду в Каперну на всех парусах
с попутным ветром.

ОБЕТ

О, Боже, сколько ненависти к русским
за то, что всех спасали, и не раз.
За веру, что для Запада – обуза,
за Крым, за Приднестровье и Донбасс.
За светлый образ православной правды,
до дна испитый с войнами стакан.
Безумный риск свободой оправдан
для всех забывших помощь братских стран.
Сжигают всё, что связано с Россией,
потом золою платят за добро.
Без фактов приравняли к тирании,
клеймя как скот агрессорским тавром.
Но, мчится вдаль истории карета,
где вновь на рубежах алеет день.
Россия не отступит от обета,
чтобы поднять беспомощных с колен.

Я К ТЕБЕ НЕПРЕМЕННО ВЕРНУСЬ

Сизым облаком
на твои плечи
упадёт предрассветная грусть.
До свидания!
До скорой встречи!
Я к тебе непременно вернусь.
Ветром северным
уносит лето
нас с тобой в непроглядный туман.
С алым парусом
в лучах рассвета
уплыву бороздить океан.
Чайкой белою
в небо Арктики
отошлю свои чувства к тебе.
Пусть полярная
звезда яркая
обо мне напевает с небес.
Как печалится
в холодный вечер,
как во сне домой птицею рвусь.
Моя милая,
до скорой встречи!
Я к тебе непременно вернусь.

ВИДНО, ТАК ПОВЕЛОСЬ НА РУСИ

Ворон ворону глаз клюёт,
еретик в избу сор метёт,
на кресте невиновный висит...
Видно, так повелось на Руси.

Верным Богу грозят кнутом.
Богачам ниже бьют челом.
Предают, как Иуды, Христа,
оттого и душа нечиста.

Верят золоту, не словам.
Барыши делят по углам.
Голосят о сыновьей любви.
Топят Русь в православной крови.

Певчим с мясом рвут языки.
Остальным, кто не ест с руки –
топоры, без вердикта судьи...
Так живём, так на том и стоим.

ВОЛЬНО ИЛИ НЕ ВОЛЬНО

Вольно или не вольно
жить на Руси стало?
Стольно или не стольно
люди обобрать? Мало?

Стыдно или не стыдно
ветер пускать в уши?
Тот, кто живёт сытно,
чернь не привык слушать?

Больно или не больно
под топором шее?
Может, уже довольно
быть для своих зверем?

Дойно или не дойно
твердь покрывать алым?
Вольно или не вольно
жить на Руси стало?

РЫЖАЯ ВЫЖЛИЦА

Люди сходятся и расходятся,
жизни время бежит, как река.
Помоги им, мать Богородица,
отыскать луч любви на века.

Песни пишутся и не пишутся,
между строками прячется грусть.
С ней разлука – рыжая выжлица,
гонит к сердцу уныния груз.

Ходит ревность вокруг да около,
сеет ссоры на поле любви.
Улетевшего в небо сокола
не воротишь – зови не зови.

Кто-то молится не отмолятся,
кто-то топчет печали в вине.
Люди сходятся и расходятся,
как туманы в немой тишине.

ПОД ЗВЁЗДНЫМ ОЗЕРОМ

Я не видел советских поэтов,
что сгорали в багряном огне.
А тем более Пушкина с Фетом,
и Майкова, что нынче в цене.

Маяковского, Бальмонта, Блока –
этих гениев лучших стихов.
И Есенина, пусть неживого,
на трубе КГБэшных грехов.

Я Ахматовой серые очи
на портрете Кардовской ищу.
От Цветаевских солнечных строчек,
каждый раз и смеюсь, и грущу.

Жаль. Родился в Союзе, но позднем,
где поэты умчались в закат.
Только часто под озером звёздным
на себе ощущаю их взгляд.

Калининградские берега

Протоиерей Георгий Бирюков

Родился в 1961 году в Рязани. Окончил ленинградское Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Служил на Балтийском флоте. Капитан-лейтенант запаса. С 1992 года – священник Русской Православной Церкви. Настоятель одного из приходов Черняховской епархии, Занимается исследованием истории Православия на Калининградской земле, событий Первой мировой войны на территории Восточной Пруссии и действий российского Балтийского флота в водах Южной Балтики. Член общества развития русского исторического просвещения «Двуглавый орёл».

Семья Арсеньевых и японский святой

Знакомясь с материалами о жизни и деятельности Николая Сергеевича Арсеньева в Кёнигсберге, я был озадачен несколько необычным местом работы его брата Юрия. Юрий Сергеевич Арсеньев работал техническим секретарём в японском консульстве. Каким вообще образом русского эмигранта, не владеющего японским языком, могли взять на такую работу? Да, можно учесть, что японское консульство располагалось совсем рядом с домом Арсеньевых. Оба здания, кстати, сохранились. Арсеньевы жили в доме №3 на нынешней улице Чапаева, а японское консульство располагалось в доме №14 на нынешней улице Закавказской; в нём сегодня находится детский сад. Конечно, очень удобно иметь работу рядом с домом, но как же удалось её получить? Попробуем это выяснить!

Напомню, что Юрий (Георгий) Сергеевич Арсеньев был младшим братом профессора Кёнигсбергского университета Николая Арсеньева. Родился Юрий в Стокгольме 30 июля 1890 года. Из дворян, сын дипломата. Окончил Императорский лицей Николая II и Московский университет. Юрист, переводчик. Прапорщик запаса кавалерии. С началом Первой мировой войны Юрий Арсеньев служил в 53-й артиллерийской бригаде. Во время Зимней битвы на Мазурах эта бригада в составе 20-го армейского корпуса после отхода из Восточной Пруссии была окружена в Августовских лесах. 8 февраля 1915 года Юрий Арсеньев попал в германский плен. Капитан Успенский, также оказавшийся в плену после гибели 20-го армейского корпуса в Августовских лесах, в своей книге вспоминает, как в лагере военнопленных офицеров был создан православный храм. Псаломщиком в этом храме служил прапорщик Арсеньев – сын Российского посла в Норвегии, читавший, между прочим, шестопсалмие на Всенощной наизусть. После окончания Первой мировой и освобождения из плена Юрий Арсеньев служил в Северо-Западной армии Юденича в конно-егерском полку и был тяжело ранен под Гатчиной. По выздоровлении направился к Врангелю и служил в Русской армии до эвакуации Крыма. Эмигрировал в Югославию, затем некоторое время жил во Франции. В 1928 – 1929 гг. в Париже участвовал в работе семинаров Русского студенческого христианского движения (РСХД), выступал с докладами. В 1930 году примкнул к Союзу младороссов. Позже переехал к брату в Кёнигсберг. И при чём тут Япония?

Японское консульство в Кёнигсберге было официально открыто 1 мая 1941 года. Возглавил его некий Тиунэ Сугихара, входящий ныне в десятку самых известных японцев мира. Он включён Израилем в список «праведников народов мира». Он удостоен государственных наград Литвы и Польши. В Каунасе, Лос-Анжелесе, а также в кампусе японского университета Васаса ему стоят памятники. О нём снято несколько документальных и художественных фильмов. А ещё Тиунэ Сугихара – местночтимый святой Японской Православной Церкви (автономная церковь в составе Московского Патриархата). Вот этот человек и взял на работу в японское консульство Юрия Арсеньева.

Тиунэ Сугихара родился первого января 1900 года в семье врача Ёсимидзу Сугихара. Яцу Сугихара, мать будущего православного святого, происходила из самурайского рода. Отец хотел, чтобы сын выучился на врача, но Тиунэ поступил в университет Васаса на отделение английской литературы. Отец лишил сына материальной поддержки, и Тиунэ из-за недостатка средств смог проучиться в университете только год. Тогда в 1919 году он прошёл экзамен на стипендию министерства иностранных дел. Сугихара был отправлен в Харбин, тогдашний центр русской эмиграции, для изуче-

ния русского языка. В то время в Харбине действовало 26 русских православных храмов, целая сеть русских школ и шесть высших учебных заведений. Здесь Тиунэ Сугихара познакомился с православием, и оно его поразило.

В 1920–1922 годах Сухигара служил в японской армии. Службу закончил в звании подпоручика. Позднее, в 1928 году, он сдал экзамен на звание поручика. В 1924 году Сугихара был принят на работу в японское посольство в Харбине. Сугихара много общался с русскими эмигрантами, с бывшими белогвардейцами. Более того, в том же 1924 году он женился на дочери белогвардейского офицера Клавдии Семёновне Аполлоновой (её отец и братья служили у атамана Семёнова). Перед свадьбой он принял православие, крестившись с именем Сергей. В Японии уже существовала своя православная церковь, основанная святым равноапостольным Николаем (Касаткиным). Она всегда была довольно малочисленной. Показательно, что основу японского православия составили выходцы из сословия самураев. Воспитанные на идее служения своему земному господину, они истово приняли идею служения Царю Небесному. Японские же крестьяне, купцы, ремесленники и чиновники к Христу в своей массе прийти не смогли. Вспомним, что мать будущего православного святого была из самурайского рода.

Став православным, Сугихара остался японским патриотом. В тридцатых годах японская военная администрация создала на оккупированных территориях Маньчжурии марионеточное государство Маньчжоу-го. Сугихара работал в МИДе Маньчжоу-го, достигнув поста заместителя министра иностранных дел. Именно он вёл переговоры с советскими властями о покупке Японией Китайско-Восточной железной дороги, и вёл их настолько успешно, что выторговал для своей страны около миллиона долларов по тогдашнему курсу. Первоначально советская сторона требовала в качестве компенсации за убытки в результате передачи Китайско-Восточной железной дороги выплаты суммы, превышавшей 600 миллионов японских иен, но в конечном итоге согласилась на выплату в размере примерно 140 миллионов иен, что составляет менее одной четверти суммы первоначального запроса.

При этом Сугихара стал совершать дела христианского милосердия. Так, для китайских детей, оставшихся после вторжения Японии в Китай сиротами, он создавал детские дома. Сугихара занимался и вопросом оказания помощи сиротам из среды «белых» русских, которые были убиты «красными партизанами» во время советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 году. Он лично занимался назначением им денежных пособий, пересылаемых Обществом Красного Креста Японии. В конце концов Сугихара решил оставить свою успешную службу в Маньчжоу-го в знак протеста против унижения японскими властями китайцев. Он сам объяснял это так: «японцы очень плохо обращаются с китайцами, не принимая их за таких же людей. Я этого не мог вынести». Подлинному христианству чужд национализм.

В 1936 году Тиунэ покинул Харбин и вернулся в Японию. После одиннадцати лет совместной жизни распался брак с Клавдией Аполлоновой. По утверждению автора книги о Сугихаре профессора Бостонского университета Гиллеля Левина, решение о разводе приняла Клавдия, решившая, под впечатлением увиденного во время бегства из России, включая картины деторождения в тесных вагонах поездов, никогда не иметь детей. Забеременев, Клавдия скрывала это от мужа, и несколько раз прибегала к абортам, о чём не сообщала Сугихаре. В конце концов Клавдия посоветовала Сугихаре, желавшему иметь детей, жениться на «женщине общего с ним происхождения», что и привело к разводу. Православную веру Сугихара сохранил. Второй раз Сугихара женился уже на японке Юкико Кики. Для этого Юкико приняла православие и крестилась с именем Мария. В счастливом браке родилось четверо детей.

К этому времени Тиунэ Сугихара со его знанием русского, английского, французского и немецкого языков, с опытом дипломатической работы стал ценнейшим кадром для Министерства иностранных дел Японии. При этом Сугихара стал признанным экспертом в вопросах, связанных с Россией. Общеизвестно, что любой дипломат является разведчиком, собирающим для своего го-

Юрий Сергеевич Арсеньев

*Японский дипломат
Тиунэ Сугихара*

сударства информацию, необходимую для принятия правильных политических решений. Информация собирается и о потенциальных противниках, и о союзниках. Нужно ведь убедиться в возможностях союзников, в их намерениях добросовестно выполнять принятые на себя обязательства. Япония готовилась к грядущей войне. С 1932 года японские военные, обладавшие правом вето при формировании кабинета министров, практически полностью контролировали всю политическую жизнь Японии. Используя вражду СССР и стран Запада, занятость Великобритании и Франции испанскими событиями, своё сотрудничество с Германией и Италией, Япония в 1937 году начала захватническую войну в Китае. Ситуация в мире на тот момент была ею оценена в принципе верно. Европейские державы и США категорически не желали вмешиваться в японо-китайский конфликт. Они никак не помешали Японии завоевывать китайские провинции одну за другой. При этом японская армия совершала многочисленные преступления против мирного населения. Например, в Нанкинской резне были

убиты сотни тысяч мирных жителей.

Правда, японцы недооценили готовность гоминдановского правительства к сопротивлению. Война затянулась. Несмотря на это, японское правительство и руководство вооружённых сил уже планировали создание «Великой Восточной Азии», о чём Япония и заявила 3 ноября 1938 года. Милитаристская Япония настроилась на завоевание новых территорий. Вопрос не заключался в том: воевать или не воевать? Вопрос заключался в том: на кого напасть в первую очередь? Существовал северный вариант – нападение на СССР. Его сторонником традиционно были представители армии. Существовал вариант продвижения в Юго-Восточную Азию и на острова Тихого океана, к богатым ресурсами колониям Голландии, Франции и Англии. Его сторонниками были представители флота. Было осознание опасности вмешательства США в этот завоевательный процесс. От результатов соперничества флота и армии зависело направление японской агрессии. Соперничающим сторонам нужны были убедительные аргументы.

Ещё 25 ноября 1936 года Япония и Германия заключили Антикоминтерновский пакт. В ноябре 1937 года к пакту присоединилась Италия. Летом 1938 года Япония спровоцировала двухнедельный вооружённый конфликт у озера Хасан. Весной 1939 года началась полномасштабная война на реке Халкин-Гол. Япония серьёзно рассчитывала на подключение Германии к войне против СССР. Антикоминтерновский пакт на бумаге существовал, но какова была ситуация на деле? Японии нужны были разведчики в Европе, поэтому сразу в нескольких восточноевропейских государствах стали создаваться посольства и консульства Японии. Имевшиеся дипломатические представительства спешно укреплялись профессионалами.

Первоначально японский МИД направил Сугихару на работу в посольство в Москве, но ему отказали. Хориути Кэнсуке вызвал на встречу временно исполнявшего обязанности посла СССР в Японии по фамилии Лайбит и попытался переубедить его, но Лайбит ясно и доходчиво разъяснил причину, по которой Сугихаре было отказано во въезде в СССР. Он сослался на то, что Сугихара в период своей рабочей деятельности в консульстве Японии в Харбине, а затем – в МИДе Манчжоу-го состоял в близких отношениях с так называемыми «белоэмигрантами», которые питали враждебные чувства к Советскому Союзу. Сугихара воспринимался советскими властями как опытный японский разведчик. На фоне подписания Антикоминтерновского пакта позволить Сугихаре легально действовать в Москве «Советы» никак не хотели. Да и миллион долларов, выторгованный на переговорах о передаче КВЖД, материалисты простить не могли.

После неудачи с Москвой Сугихара в августе 1937 года получил назначение в консульство в Хельсинки (Финляндия). Из-за отсутствия советской визы в Финляндию пришлось добираться кружным путём через Америку. Отметим для себя, что Финляндия была одним из центров русской эмиграции в Европе, а Тиунэ ещё в Харбине нашёл общий язык с русскими. Почти два года Сугихара проработал в Финляндии. 20 июля 1939 года было принято решение о его назначении вице-консулом в Каунас, тогдашнюю столицу Литвы. В МИДе решили, что там он будет полезней. Впрочем, русские

Тиунэ Сугихара с семьёй и сотрудниками. Японское консульство в Кёнигсберге

эмигранты были и в Литве, а в Каунасе был центр православной Литовской епархии. Сугихара стал первым японским дипломатом в истории Литвы. Видимых потребностей в открытии японского консульства в Литве вроде бы не было. Суть работы консульства состоит в том, чтобы гарантировать безопасность японских граждан в иностранном государстве, в пределах которого расположено консульство, и выдавать визы местным жителям, собирающимся ехать в Японию. Однако в тот период времени, когда Сугихара был направлен в Литву, в Каунасе, кроме Сугихара и его семьи, не проживал ни один японец, и, с другой стороны, почти никто из литовцев не собирался отправляться в Японию. Среды для обычной консульской деятельности там просто не существовало. Но следует обратить внимание на то, что в марте 1939 года Германия отобрала у Литвы Мемельский край. В Восточной Европе стремительно возникал новый очаг напряжённости, грозивший перерасти в войну. Очевидно, что Сугихара должен был на месте изучить политическую ситуацию, следить за перемещением германских и советских войск, прогнозировать дальнейшее развитие событий и информировать об этом свой МИД. В один день с Сугихарой получили назначения ещё четыре японских дипломата. Их назначили в Польшу, Латвию, Эстонию и СССР.

28 августа Сугихара прибыл в Каунас и активно приступил к изучению ситуации на месте, даже выезжал в Мемель. Интересно, что германская разведка немедленно установила пост наблюдения в подвале дома перед японским консульством в Каунасе, а перемещения Сугихары в Мемеле отслеживались сотрудниками германской контрразведки. Да, немцы следили и за своими союзниками. Впрочем, советская разведка также установила за японским консульством наблюдение.

Как известно, события развивались так... В самый разгар боёв на Халкин-Голе Советский Союз и Германия подписали 23 августа 1939 года Договор о ненападении. Поражение, нанесённое японцам советско-монгольскими войсками, и одновременное подписание советско-германского договора привели Японию к правительственному кризису и существенным изменениям военных планов. 25 августа 1939 года министр иностранных дел Японской империи Арита Хатино заявил послу Германии в Токио Ойгену Орту протест по поводу подписания советско-германского договора о ненападении. В протесте отмечалось, что «этот договор по своему духу противоречит антикоминтерновскому соглашению». Он действительно противоречил... 28 августа 1939 года правительство Японии во главе с Киитиро Хиранумой, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, подало в отставку. Ведь получилось, что Германия предала Японию. Все на-

дежды, связанные с развитием Халхин-Гольского конфликта с помощью Германии и превращением его в победоносную войну против коммунизма, лопнули. И когда 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, Япония 4 сентября выступила с заявлением, что ни в какой форме не намерена вмешиваться в конфликт в Европе, а 15 сентября подписало соглашение о перемирии с СССР и МНР. Новое правительство Абэ окончательно выбрало для будущей войны южное направление.

Сугихара тем временем продолжал работу в Каунасе. По советско-германскому Договору о ненападении от 23 августа 1939 года Литва оказалась в сфере влияния Германии. Но по договору о дружбе и границах от 28 сентября 1939 года Литва перешла в сферу влияния СССР. 10 октября между СССР и Литвой был подписан договор о взаимопомощи. Советский Союз передал Литве город Вильно, а 18 тысяч красноармейцев разместились в нескольких военных базах на территории Литвы. Никаких внешних признаков будущего конфликта между Германией и СССР пока не наблюдалось, о чём и сообщалось в Токио.

В своей деятельности Тиунэ Сугихара стал контактировать с II отделом Генерального штаба Войска Польского, т.е. с «двойкой», польской военной разведкой. Японско-польское сотрудничество в области разведки началось ещё в 1919 году. В своё время поляки многому научили японцев в вопросах разведки. Так, они научили японцев шифровальному делу. Капитан Павловский, польский криптограф, в 1919 году сделал полномасштабную ревизию японской криптографической системы. Важно отметить, что Япония никогда не воспринимала Польшу как потенциального противника. В ситуации, когда Германия стала восприниматься как предательница, было естественно установление тесных связей с польской разведкой. Сами поляки крайне нуждались в помощи. В Литве оказались тысячи военнослужащих разбитой польской армии. Они хотели бы пробраться во Францию, где формировались польские части для продолжения борьбы. Для этого надо было пересекать границы нейтральных на тот момент государств, что было невозможно без виз. Польское дипломатическое представительство в Каунасе было ликвидировано. И вот, инженер Людвиг Гринцевич («Верба»), руководивший польской разведывательной сетью в Литве, установил контакты с Сугихарой. Японский консул стал получать ценнейшую информацию относительно концентрации немецких войск в оккупированной Германией части Польши. От сохранившейся польской разведывательной сети в Минске и Смоленске шла информация о подготовке СССР к войне. В обмен на эту информацию Сугихара позволил полякам использовать каналы дипломатической почты для связи с польским правительством в изгнании, находящимся в Лондоне.

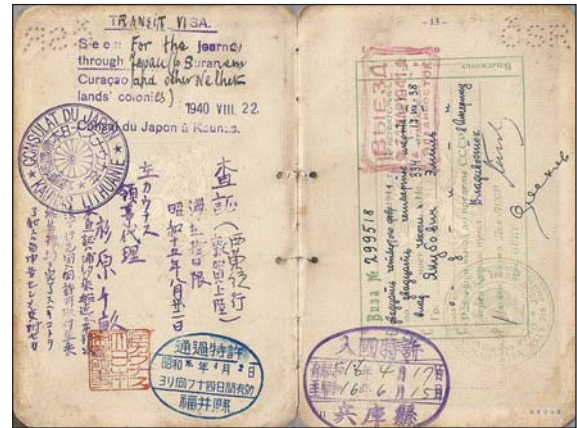
Также Сугихара добился от своего начальства разрешения на выдачу 600 транзитных виз, по которым польские офицеры и солдаты смогли вполне легально выбраться из Литвы через территорию Советского Союза в Японию, а дальше – в Европу. Картина получалась интересная: интернированные Советским Союзом польские офицеры находились в лагерях, ожидая своей участи, а такие же польские офицеры в комфортабельных купе ехали мимо этих лагерей из Литвы по Транссибирской магистрали в Японию. Из вышеизложенного становится понятно, почему в 1996 году польское правительство посмертно наградило Сугихару орденом Заслуг перед Республикой Польша, а в 2007 году – ещё и орденом Возрождения Польши.

По рекомендации Гринцевича Сугихара принял на должности секретарей консульства офицеров польской разведки капитана Альфонса Якубанца и поручика Лешека Дашкевича («Рыба»), которым были выданы японские служебные паспорта. Для успеха разведывательной работы Сугихаре были нужны сотрудники с европейской внешностью.

Ценнейшая информация собиралась и ежедневно отправлялась в Токио. Японское правительство могло убедиться, что в ближайшие месяцы конфликта между Германией и СССР не будет. Поэтому Япония на время сосредоточилась на войне в Китае. В западной части Европы до мая 1940 года продолжалась т.н. «странная война», то есть активные боевые действия отсутствовали. Впрочем, в апреле Германия захватила Данию и Норвегию. Наконец, 10 мая Германия начала широкомасштабное наступление. За короткое время были захвачены Нидерланды и Бельгия, 22 июня 1940 года капитулировала Франция. Пока Германия была полностью занята на западе Европы, Советский Союз начал присоединение Прибалтики. Так, 14 июня Литве был выдвинут ультиматум в связи с хищением военнослужащих Красной армии. От Литвы требовалось отстранить от должности министра внутренних дел и руководителя Департамента по безопасности и сформировать правительство, способное выполнять заключенный ранее Договор о взаимопомощи. На заседании правительства

Евреи в очереди в японское консульство за визами

Транзитная японская виза, выданная Сугихарой

Литвы ультиматум был принят большинством голосов. Утром 15 июня президент Антанас Сметона передал управление страной премьер-министру Антанасу Меркису, а сам бежал в Германию. Было сформировано дружественное СССР, хотя и не коммунистическое правительство во главе с Юстасом Палецкисом. В Литву были введены дополнительные части Красной армии. На аэродром Каунаса приземлилась эскадрилья советских самолетов. В этих условиях 14–15 июля прошли выборы в Народный сейм. 21 июля новый сейм объявил о желании Литвы войти в состав СССР. Для подписания соглашения о вхождении Литвы в состав СССР 3 августа в Москву отправилась литовская делегация. Одним из последствий этих событий стало упразднение всех иностранных дипломатических представительств, ещё существовавших в Каунасе. Тиунэ Сугихара также должен был покинуть Литву. Неожиданные обстоятельства заставили его задержать свой отъезд.

После нападения Германии на Польшу поток еврейских беженцев из этой страны устремился на восток. Гитлеровский режим внушал им ужас. Около 15000 польских евреев бежали в 1939 году в Литву и осели там. Литовское правительство искало возможности избавиться от этих беженцев. Для этого весной 1940 года проводились переговоры с советскими дипломатами, чтобы получить разрешение на транзит через территорию СССР. В качестве одного из коридоров планировалось использовать порт в Одессе, но с этим как-то не сложилось.

Большинство евреев было радо вхождению Литвы в состав СССР, так как в отличие от Германии антисемитизм в Советском Союзе не просто отсутствовал, но даже считался преступлением. Однако СССР был государством атеистическим и социалистическим. Раввинам, учащимся религиозных школ, богатым людям и прочим классово чуждым элементам оказаться в советской действительности было не только неудобно, но даже опасно. Люди знали о репрессиях 20–30-х годов. События июля 1940 года привели многих еврейских беженцев в отчаяние. Считалось, что между Германией и СССР существует соглашение о возвращении всех беженцев в места их постоянного проживания, то есть на занятую немцами территорию Польши, в так называемое Генерал-губернаторство. Но в один прекрасный момент кто-то из еврейских активистов обнаружил, что при въезде на принадлежащий Нидерландам остров Кюрасао виза не требуется. В это время голландским консулом в Каунасе сравнительно случайно оказался Ян Звартендейк. Изначально Звартендейк руководил представительством фирмы «Филипс» в Литве. В мае 1940 года Германия оккупировала Голландию. Однако дипломатическая служба этой страны продолжала подчиняться королеве Вильгельмине. Решением посла королевства Нидерландов в Латвии с должности консула в Литве был снят дипломат, жена которого придерживалась пронацистских взглядов. Место уволенного занял бывший сотрудник «Филипса».

Когда к Яну Звартендейку стали массово обращаться польские граждане еврейской национальности с просьбой помочь им покинуть советскую Литву, тот по доброте душевной начал вписывать в их польские паспорта разрешение на выезд в заморские колонии Голландии – Кюрасао и Суринам, заверенные консульской печатью. В период с 24 по 27 июля 1940 года Ян Звартендейк оформил таким образом около 1300 паспортов. Еще 1050 было оформлено с 29 июля по 2 августа 1940 года. Но чтобы добраться до тех благословенных и безопасных краёв, надо было как-то проехать через территорию Советского Союза. А вот советские власти вполне резонно заявили, что королевство Нидерлан-

Вывеска японского консульства в Кёнигсберге

Японию, а из Японии попали туда, куда хотели. Однако следует вспомнить, что японский МИД дал разрешение Сугихаре на выдачу виз полякам в рамках большого сотрудничества японской и польской разведок. Оказав помощь польским офицерам и солдатам, японцы получили в своё распоряжение польскую агентуру по всей Европе. Дать же визы тысячам евреев (что само по себе могло стать причиной ненужного конфликта с союзной Германией) и ничего не получить взамен – на это японский МИД согласен не был.

Сугихара попросил евреев дать ему время, чтобы запросить своё руководство в Токио, однако 29 июля начал выдачу транзитных виз, не дожидаясь ответа. Незадолго до смерти он ответил на вопрос о причинах такого нарушения правил: «А что бы вы сделали, если бы увидели, как люди со слезами на глазах просят о помощи. Среди беженцев были старики и женщины. Они были готовы целовать мои сапоги. Я это видел своими собственными глазами. И я решил не ждать ответа из Токио». Ответ из Токио пришёл 31 июля. Прошение было отвергнуто, в разрешении на выдачу виз отказано. Но Сугихара всё-таки продолжать выдавать визы. Он говорил близким и коллегам: «Если я повернусь спиной к тем, кто нуждается в моей помощи, я предаю свои убеждения как христианин».

Беженцам оставалось преодолеть главное препятствие – получить разрешение на проезд через территорию СССР. Тиунэ Сугихара встретился с Владимиром Деканозовым, заместителем наркома иностранных дел СССР. Владимир Георгиевич Деканозов (Деканозишвили) – деятель советских спецслужб, один из активных участников сталинских репрессий (большого террора), дипломат, входивший в ближайшее окружение Лаврентия Берии. Был арестован по «делу Берии» и расстрелян в декабре 1953 года. В реабилитации отказано. Летом 1940 года он находился в Литве, где координировал деятельность местных и прибывших из СССР сил по присоединению Литвы к Советскому Союзу. Сугихара убедил Деканозова в необходимости открыть коридор для польских евреев-беженцев через советскую территорию. Деканозов в свою очередь озвучил проблему еврейских беженцев перед Кремлём, подчеркнув, что они будут обеспечены визами. Была учтена возможность вербовать из числа беженцев агентуру для работы в других странах, а также возможность заработать на их перевозке по Транссибирской магистрали (160 долларов с человека). Наконец, на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 29 июля 1940 года было принято решение, подписанное Сталиным, «позволить евреям-беженцам из бывшей Польши транзитный проезд через СССР».

Сугихара продолжил работу по выдаче виз. Весь август 1940 года он провёл за письменным столом, работая с восьми утра до поздней ночи. По тогдашним японским правилам виза заполнялась консулом вручную. Ежедневно выдавалась месячная норма виз. Доходило до того, что ручка ломалась в пальцах. Многие беженцы не имели требуемой для оплаты выдачи визы суммы денег. У многих не доставало необходимых для оформления документов. Сугихара подписывал всё. Здание консульства было отобрано новыми властями Литвы. Сугихара продолжил работать в номере отеля «Метрополь». Работа продолжалась до конца августа 1940 года, когда советские власти потребовали от него покинуть наконец территорию СССР. Последние визы дипломат выписывал на железнодорожном вокзале и в купе отправляющегося в Берлин поезда. Утверждают, что когда поезд отправлялся с вокзала Каунаса, Сугихара бросил в окно провожавшей его толпе евреев консульскую печать и визовые бланки, чтобы они сами могли подделывать транзитные визы.

В консульских документах зафиксирована выдача Сугихарой 2139 транзитных виз. Отмечается, что виза чаще всего выдавалась на целую семью, поэтому только официально выданными визами

воспользовалось до 6000 человек. Количество фальшивых виз неизвестно, но они были. Евреи, которым достались консульская печать и бланки виз, японским языком не владели и в японских иероглифах не разбирались. Иногда одна виза просто многократно копировалась. Можно представить себе возмущение японских пограничников, обнаруживших на судне, пришедшем в порт Цуругу, 30 человек с одинаковыми именем и фамилией Яков Гольдберг.

Из Японии около тысячи евреев-беженцев успели перебраться в США до нападения Японии на Перл-Харбор. Некоторое количество осело в городе Кобе, где существовала община российских евреев. Основная масса была отправлена японскими властями в Шанхай, где образовалась большая еврейская община. Практически все они благополучно пережили Вторую мировую войну.

Судьба же оставшихся в Литве евреев была печальной. К моменту нападения Германии на СССР в Литве жило от 225 до 265 тысяч евреев, включая 13–15 тысяч беженцев из Польши, по разным причинам не воспользовавшихся возможностью уехать по японским транзитным визам. Присоединение Литвы к СССР отложило геноцид евреев в Литве на один год, но усугубило судьбу литовских евреев, усилило враждебность литовцев, которые возлагали на них вину за советизацию страны. Убийства евреев начались в первые же дни войны. Они сразу приобрели организованные формы. Так, уже 25 июня 1941 года в Каунас прибыл командир айнзатцгруппы А бригадефюрер СС Вальтер Шталекер. Он стимулировал лидеров литовских националистов начать еврейский погром. С 25 по 29 июня литовские националисты во главе с Альгирдасом Климайтисом устроили в Каунасе массовую бойню евреев, во время которой погибло около 4000 человек. 4 и 6 июля тысячи евреев были убиты в девятом форте Каунасской крепости. Командир айнзатцкоманды 3 Карл Егер 1 декабря 1941 года составил подробнейший отчёт о совершённых его командой «подвигах». Согласно отчёту, этим подразделением в тесном сотрудничестве с литовскими добровольцами был уничтожен 136 421 еврей (46 403 мужчины, 55 556 женщин и 34 464 ребёнка). Всего уже к концу января 1942 года в результате массовых казней, смерти от холода и голода в Литве погибло 185 000 евреев (80% от довоенного числа). Понятно, что те евреи, которые вовремя смогли выехать в Японию при помощи Сугихары, впоследствии были благодарны ему за своё спасение.

Позднее Тиунэ Сугихара сказал: «Я был уверен, что поступаю правильно. В спасении многих жизней ничего неправильного нет. Дух человечности, благотворительности... соседской дружбы – именно в этих чувствах кроется причина, по которой я продолжал начатое с удвоенной отвагой».

В конце августа 1940 года Сугихара навсегда покинул Каунас. Он не был наказан своим начальством из Министерства иностранных дел за немислимое неповиновение. Его по-прежнему ценили как выдающегося дипломата и специалиста по «русским делам». Нужда в Сугихаре как в разведчике перевешивала раздражение от этого непонятного инцидента в Каунасе. Сугихара был назначен консулом в Прагу, оккупированную Германией бывшую столицу Чехословакии. Здесь также проживало множество русских эмигрантов, бывших белогвардейцев. Здесь действовала православная церковь во главе с будущим святым мучеником епископом Чешским и Моравско-Силезским Гораздом. Здесь была привычная для Сугихары ещё с времён жизни в Харбине среда. Забрал он с собой и поручика Лешека Дашкевича («Рыбу»). Сотрудничество японцев с польской разведкой продолжалось.

Продолжалась и политическая игра Японии с Германией. 27 сентября 1940 года между Германией, Италией и Японией был заключён так называемый Берлинский пакт (Пакт трёх держав). Он предусматривал разграничение зон влияния между странами Оси при установлении нового мирового порядка. Германии и Италии предназначалась ведущая роль в Европе, а Японской империи – в Азии. Пакт учитывал также право договаривающихся сторон иметь свои собственные отношения с Советским Союзом. Первоначально казалось, что это было в интересах Германии, которая уже имела серьёзное экономическое и военно-техническое сотрудничество с Советским Союзом и Договор о ненападении. Но и Япония уже выстраивала свою особую политику по отношению к СССР.

Пользуясь предоставленным Берлинским пактом правом, Япония 13 апреля 1941 года подписала с Советским Союзом Пакт о нейтралитете. Вот это уже было крайне негативно воспринято в Германии и Италии, так как терялся союзник в готовящейся войне с СССР. Япония развязала себе руки в разработке плана войны за Великую Восточную Азию против США, Голландии и Великобритании. Да, она ещё в сентябре 1939 года приняла решение направить свою экспансию на юг. Предотвращение конфликта с СССР было теперь в интересах Японии, так как воевать на два фронта она не хотела. Но на Дальнем Востоке Советский Союз продолжал держать мощную военную групп-

*Здание бывшего японского консульства
в Кёнигсберге*

ировку. Поэтому война Германии с Советским Союзом была для Японии в принципе очень выгодна, так как она привела бы к переброске значительной части советских войск с Дальнего Востока на запад. Японские дипломаты продолжали вести разведывательную работу в Европе, пытаясь выяснить подлинные намерения Германии, скрываемые и от врагов, и от союзников. В какой-то момент времени в японском МИДе появилась идея открытия консульства в Кёнигсберге, в ближайшем к советской границе крупном германском городе. Лучшей кандидатурой на пост консула был Тиунэ Сугихара.

Он прибыл в Кёнигсберг в марте 1941 года. Видимых потребностей в открытии японского консульства в этом городе не было. Японские граждане, чью безопасность в иностранном государстве должно гаранти-

ровать консульство, в Кёнигсберге отсутствовали. У местных жителей отсутствовала потребность в японских визах. Германские власти понимали, что в Кёнигсберге открылся легальный разведывательный центр, но были вынуждены терпеть его, так как рассчитывали на участие Японии в войне против СССР. Неужели они забыли, что в 1939 году Япония также рассчитывала на Германию во время войны на Халкин-Голе? Вальтер Шелленберг в своих мемуарах, кстати, указывал, что Рихард Зорге, поставлявший информацию не только советской разведке, но и германской, сообщил в Берлин оценку общего положения, согласно которой он считал вступление Японии в Пакт трёх держав всего лишь политической манипуляцией, не имеющей для Германии никакого реального военного значения. После нападения Германии на СССР он также указал на то, что Япония ни при каких обстоятельствах не нарушит пакт о ненападении, заключённый с Советским Союзом. Зорге также утверждал, что Япония направит свою экспансию на юг. Всё сбылось...

Но в 1941 году Япония должна была убедиться, что Советский Союз будет связан войной с Германией. Для этого, в частности, и было открыто консульство в Кёнигсберге. Сугихара привёз с собой в Кёнигсберг всё того же Лешека Дашкевича («Рыбу»). Учтём, что к весне 1941 года немцы знали о Сугихаре достаточно много. Они прекрасно понимали, что перед ними – опытный разведчик. Они прекрасно знали все подробности об истории с визами для евреев. Они прекрасно знали, что Сугихара сотрудничает с польской разведкой. Кстати, в мемуарах Вальтера Шелленберга много строк посвящено именно связям японских дипломатических представительств в Европе с польской агентурой.

Гауляйтер и обер-президент Восточной Пруссии Эрих Кох демонстративно избегал общения с Сугихарой, хотя по своему служебному положению обязан был встретиться с ним сразу после приезда японского консула в Кёнигсберг. Причины столь открытого проявления неприязни понятны, если вспомнить, что позднее правление Коха на оккупированной территории Советской Украины привело к смерти более 4 миллионов советских граждан (включая евреев). Эрик Кох лишь на несколько минут посетил японское консульство в день его официального открытия.

В таких условиях вести разведывательную деятельность на территории Восточной Пруссии японскому консулу было трудно. Сугихаре требовались новые связи, новые люди, новые лица. И вот здесь мы снова должны вспомнить, что Сугихара был православным христианином, что он со времен учёбы и службы в Харбине имел очень хорошие отношения с русскими белогвардейцами, знал в совершенстве русский язык. Итак, на кого он мог опереться в Кёнигсберге в своей работе? Немцы исключались практически на все 100%. Оставались русские, православные, бывшие белогвардейцы. Выбор был невелик. Всем требованиям удовлетворял Юрий Сергеевич Арсеньев, брат профессора Кёнигсбергского университета Николая Арсеньева, русский, православный и бывший белогвардеец. Он и был принят на работу в японское консульство в качестве технического секретаря.

Как состоялось знакомство? На семью Арсеньевых Сугихара вышел сразу по приезде в Кёнигсберг. Профессор Кёнигсбергского университета Николай Сергеевич Арсеньев за неимением постоянного священника возглавлял православную общину Кёнигсберга. Он вёл учет прихожан, поддерживал с ними постоянную связь, организовывал проведение богослужений. Примерно раз в месяц

*Николай Сергеевич
Арсеньев*

*Сугихара во время поездки в приграничные районы
Восточной Пруссии. Второй справа – поручик
Лешек Дашкевич («Рыба»)*

в съёмном помещении Лёбенихтской гимназии богослужение проводилось приезжим священником. Обычно это был отец Александр Аваев из Эккерсдорфа (Войново). Сугихара с семьёй приехал в Кёнигсберг во время Великого поста. Пасху православные праздновали 20 апреля. Период Великого поста и Пасхальных праздников – самое лучшее время для личного знакомства с Николаем Арсеньевым и его родными. Понятен и интерес Арсеньевых к японскому консулу, внезапно оказавшемуся православным христианином. Следует учесть и то, что отец братьев Арсеньевых (в Кёнигсберге тогда жили Николай, Василий и Юрий Арсеньевы) был видным российским дипломатом. Точек соприкосновения нашлось очень много. Для себя можно особо отметить, что хорошо знакомые с миром дипломатов братья Арсеньевы наверняка прекрасно понимали, что Сугихара, как любой другой дипломат, выполняет разведывательную миссию.

Свои служебные обязанности Сугихара выполнял добросовестно. В статье «Праведник народов мира Чиуне Сугихара», опубликованной в журнале «Новая и новейшая история», №5 за 2014 год, Илья Альтман ссылается на отчаянные рапорты начальника полиции Восточной Пруссии в Берлин о японском дипломате, который разъезжает по всей провинции, фиксирует перемещение войск, отмечает факты эвакуации детей из пограничных районов. Начальник полиции призывает отозвать японского консула.

Сугихара тем временем отправляет из Кёнигсберга в Токио донесения. Так, 9 мая 1941 года он впервые утверждает, что война Германии и СССР неизбежна. 29 мая он докладывает о создании при Кёнигсбергском университете и штабе 1-го военного округа курсов по изучению русского языка. От кого Сугихара мог узнать о курсах по изучению русского языка, созданных при университете? Мог узнать напрямую от профессора Кёнигсбергского университета Николая Арсеньева. Общались они довольно часто. Мог, конечно, узнать от Юрия Арсеньева, технического секретаря японского консульства. Но тот, в свою очередь, узнал об этом от брата.

В начале июня Сугихара сообщает в Токио: «30 мая мною замечено, что между всеми пунктами восточнее Кёнигсберга проведён полевой телефон. Вдоль шоссе между Тильзитом и Эйдткуненом (ныне соответственно город Советск и посёлок Чернышевское Нестеровского городского округа Калининградской области) поспешно возводятся площадки для установки тяжёлых пулеметов и мортир. На главных улицах в Тильзите насыпаны кучи песка, кроме того, на всех площадях внутри города и даже в узких переулках стоит большое число автомобилей. Все это наводит на мысль о начале войны». Наконец Сугихара назвал точную дату начала войны.

В японском Министерстве иностранных дел была своеобразная практика: дипломатические представители этой страны поддерживали зашифрованную телеграфную связь не только со своим МИДом, но и с дипломатическими представительствами в других странах. В соответствии с этой практикой Сугихара дублировал свои телеграфные сообщения об обстановке в Восточной Пруссии в посольство Японии в Москве. Как сейчас известно, советская разведка перехватывала и расшифровывала эти телеграммы. Информация Сугихары из Кёнигсберга о дате начала войны, так же как и

Сугихара с семьёй на ступенях японского консульства в Кёнигсберге

сообщения из Токио Рихарда Зорге, была в распоряжении советской разведки. Увы, этой информацией не смогли правильно воспользоваться...

Японскому же руководству передаваемая Сугихарой в Токио информация помогала определиться с дальнейшими действиями в условиях мировой войны. Выше уже говорилось, что после августа 1939 года Япония выбрала южное направление для своей экспансии. Сейчас японское руководство терпеливо ожидало нападения Германии на СССР. Движение на юг можно было начинать тогда, когда Советский Союз будет надёжно связан войной в Европе. 22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Гитлер вполне серьёзно ожидал от Японии начала боевых действий против СССР на Дальнем Востоке. Но их не было... Рихард Зорге сообщил германской разведке, что Япония ни при каких обстоятельствах не нарушит пакта о ненападении, заключённого с Россией. Эту информацию боялись доложить Гитлеру. Вальтер Шелленберг в своих мемуарах отмечает: «Зорге вёл шпионскую деятельность в широком масштабе не только против японцев,

но и против Германии в пользу советской России. В частности, он выдал русским срок нападения Германии на Россию, а также сообщил им о том, что Япония не вступит в войну против России. Это позволило России высвободить свои сибирские дивизии и бросить их на Западный фронт против Германии».

Сугихара тем временем сообщает в Токио всё, что может узнать о реальной ситуации на советско-германском фронте. Германская пропаганда утверждала, что Красная армия разбита и бежит, что Москва скоро будет взята. Соответственно, Гитлер настойчиво требовал от Японии вступить в войну, чтобы успеть к разделу «русского пирога». Но действительность отличалась от германской пропаганды. Несмотря на ужасные потери, Красная армия упорно сопротивлялась, война явно затягивалась. По сравнению с другими японскими дипломатическими представителями Сугихара оказался в наиболее выгодном положении в смысле добычи объективной информации. Восточная Пруссия была плацдармом для нападения на СССР. Сюда поступили первые партии военнопленных, сюда прибыли с фронта первые партии раненых. Ценнейшая информация могла поступать от местных русских, в первую очередь – от семьи Арсеньевых. Николай Сергеевич Арсеньев был взят переводчиком в Вермахт и осенью уже был под Ленинградом. Его брат Юрий, как мы помним, работал в японском посольстве техническим секретарём. Через него Сугихара мог узнавать то, чего не сообщала официальная германская пропаганда. Например, он мог узнать то, что доверительно писал Николай Арсеньев из-под Ленинграда своим родным. Вермахт завяз в жестоких боях. Блицкриг сорвался.

Вальтер Шелленберг написал в своих мемуарах: «С начала осени 1941 года наши отношения с Японией стали неопределёнными. Гитлер уже несколько раз высказывал Гимmlеру жалобы на то, что министерство иностранных дел не в состоянии дать ясную информацию о позиции Японии, в особенности касательно американо-японских переговоров. Риббентроп, говорил он, тоже, видимо, вряд ли может сделать это, так как японский министр иностранных дел и его заместитель с начала сентября 1941 года отказываются сообщать какие-либо сведения германскому послу в Токио о ходе вышеупомянутых переговоров. Гитлер был раздосадован этим оскорбительным поведением члена тройственного союза и уже учитывал возможность того, что Япония вообще хочет остаться нейтральной. <...> все попытки Риббентропа оказать давление на Японию с тем, чтобы вовлечь её в войну против Советского Союза, закончились неудачей». Наконец, 7 декабря 1941 года японцы напали на... американский флот в Перл-Харборе. Войны Японии против СССР Гитлер так и не дождался.

Занятый разведывательной деятельностью, Сугихара не забывал и о консульских обязанностях – несколько кёнигсбергских евреев получили у него визы, позволившие им покинуть город. Деятельность Сугихары в Кёнигсберге привела к настойчивому желанию германских властей от него избавиться. Речь шла об объявлении его персоной нон грата. В конце концов японский МИД решил перевести его в Румынию, что и было сделано в 1942 году. Отметим, что Юрий Сергеевич Арсеньев продолжил работать в японском консульстве. Он выполнял обязанности технического секретаря консульства до конца 1944 года, когда семья Арсеньевых окончательно покинула Кёнигсберг и переехала в западную часть Германии. Известно, что Польское правительство, находившееся в годы Второй мировой войны в Лондоне, предоставило Николаю Сергеевичу Арсеньеву почётный паспорт. Очевидно, польские паспорта получили и другие члены семьи Арсеньевых, в частности, его брат Юрий. Это обстоятельство имело очень большое значение в их судьбах. После капитуляции Германии англо-американская оккупационная администрация не выдавала СССР лиц, имевших гражданство довоенной Польши. Им разрешалось оставаться в английской, французской или американской зонах оккупации, а затем переезжать в любую страну, куда пустят. Уже в мае 1945 года Николай Арсеньев со своим польским паспортом вполне легально перебрался в Париж. Таким образом, наличие паспортов Польши решило многие проблемы семьи Арсеньевых, сохранило их свободу, а возможно – и жизни.

Каким образом Арсеньевы могли получить польские паспорта? Между Германией и Великобританией шла война, Кёнигсберг и Лондон разделяла линия фронта. Но из изложенного выше становится понятно, что Николай Арсеньев мог довольно просто связаться с родными и знакомыми, проживавшими в Великобритании, используя японские дипломатические каналы и польскую агентурную сеть. Даже после отъезда Сугихары в Румынию Юрий Арсеньев продолжал работать в японском консульстве. Покидая Кёнигсберг, Сугихара передал новому японскому консулу все свои связи, а также поручил ему заботу о старосте православного прихода и членах его семьи.

Связь с Лондоном осуществлялась элементарно просто. Письма переправлялись с дипломатической почтой из Кёнигсберга через Берлин в нейтральный Стокгольм, где передавались прямо в польское дипломатическое представительство. Польские дипломаты переправляли корреспонденцию в Лондон, где пребывало польское правительство «в изгнании». Обратная почта из Лондона поступала тем же путём. Вальтер Шелленберг в своих мемуарах посвятил несколько строк описанию методов работы японского посланника в Стокгольме Онодера, «одной из ключевых фигур японской разведки в Европе». Агенты Шелленберга выяснили, что официальным сотрудником японской миссии в Стокгольме является бывший польский офицер, работающий одновременно и на польскую, и на советскую разведки! Этому поляку разведывательная информация поставлялась прямо из Берлина. Сам японский посланник Онодера, по утверждению Шелленберга, «...имел обыкновение в буквальном смысле слова вести меновую торговлю поступающей к нему информацией, уже проанализированной японскими разведывательными центрами в Виши, Риме или Белграде» с советской и английской разведками. Но, вернёмся к судьбе Тиунэ Сугихары...

Румыния была союзным Германии государством и участвовала в войне против антигитлеровской коалиции, прежде всего против Советского Союза. Во главе государства находился кондуктёр (аналог фюрера или дуче) Ион Антонеску. При этом подавляющее большинство населения было православным. Одного этого факта достаточно, чтобы понять причину назначения в Румынию именно Сугихары. Здесь он мог легко завязать нужные знакомства и добывать информацию для японского МИДа и о ситуации в Восточной Европе, и о ситуации на советско-германском фронте, где сражались три румынские армии. В 1943 году Сугихара получил повышение в должности, а в 1944 году был награждён японским орденом Священного сокровища 5-й степени. Можно понимать, что деятельность Сугихары оценивалась начальством как успешная, а разведывательная информация, собираемая им – как ценная.

В 1944 году вырисовалось поражение Румынии в войне против СССР. В конце августа король Михай I произвёл государственный переворот. Антонеску был арестован, военные действия против СССР, Великобритании и США были прекращены. В дальнейшем Румыния вела боевые действия уже против своей бывшей союзницы Германии. В биографии Сугихары обычно указывается, что он с семьёй был помещён в фильтрационный лагерь и вернулся в Японию только в 1947 году. Подробности пребывания в лагере неизвестны. Также непонятно, на основании чего Сугихара был лишён

*Икона святого праведного
Тиунэ Сугихара*

свободы. Советский Союз в 1944 году войны с Японией не вёл и поддерживал нормальные дипломатические отношения. Так, после взятия Красной армией Кёнигсберга был обнаружен уцелевший во время штурма города японский консул Ода Тораносуке, сменивший Сугихару в 1942 году. Никто его в плен не брал. В целости и сохранности и со всеми почестями японского дипломата доставили в Японию.

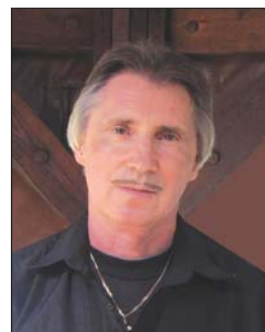
Представляется, что Сугихару лишили свободы не советские, а румынские власти. Румыния вовремя изменила Германии в августе 1944 года. С этого момента румынская армия стала вместе с советскими войсками сражаться против германской армии, а 4 марта 1945 года Румыния объявила войну Японии. Практических последствий это объявление войны не имело. После нападения Японии на Перл-Харбор польское правительство в изгнании, находящееся в Лондоне, также объявило 11 декабря 1941 года войну Японии. Премьер-министр Японии Хидэки Тодзио прокомментировал данный факт следующим образом: «Объявления войны от Польши категорически не принимаем, поскольку это было сделано исключительно под давлением правительства Великобритании». Японские дипломаты в Европе продолжили плодотворное взаимовыгодное сотрудничество с польской разведывательной сетью. В 1957 году кто-то вспомнил, что Польша находится в состоянии войны с Японией, и правительства обеих стран официально прекратили это состояние войны. То же произошло и с румынским объявлением войны. Великобритании и Соединённым Штатам, которые реально воевали против Японии, было приятно, а практического смысла это деяние не имело. Однако японского консула Сугихару с семьёй румынские власти ограничили в свободе перемещения. Через некоторое время после поражения Японии в войне их отпустили домой. Добираться до родины Сугихаре пришлось через территорию Советского Союза всё по той же Транссибирской магистрали. В Японию он вернулся только в 1947 году.

Капитулировавшей Японией заправляли США. Японский МИД был сокращён на 90 процентов. Сугихара также был уволен по сокращению штатов и некоторое время перебивался случайными заработками. Благодаря совершенному знанию русского языка он получил работу в представительстве торговой компании в Москве, где и жил с 1960 по 1975 гг. В это время сменил имя и фамилию на Семпо Сугивара, чтобы в нём не узнали бывшего заместителя министра иностранных дел Маньчжоу-го. В 1960-х годах поляки начали поиск некоего японского дипломата, спасшего в 1939 году несколько сот польских военнослужащих. Искали его и спасённые им бывшие еврейские беженцы, один из которых стал даже министром в правительстве Израиля. Но Тиунэ Сугихара в Японии не было. Случайно в 1968 году Сугихару нашёл в Москве один из спасённых им евреев, израильский дипломат Йошуа Нишри. С этого момента начинается мировая известность бывшего консула. В 1985 году Сугихаре было присвоено почётное звание Праведника мира. Сугихара и члены его семьи также получили постоянное гражданство Израиля. Сугихара умер 31 июля 1986 года у себя дома в Фудзисаве. И если в Израиле к тому времени его деятельность получила огласку, то в Японии он был практически неизвестен. Только во время похорон, на которых присутствовали посол Израиля и множество евреев с разных стран мира, японцы узнали о его подвиге. Сегодня Тиунэ Сугихара является одним из наиболее известных в мире японцев и почитается как местночтимый святой Японской православной церкви, в лике праведных. Для нас интересен период его деятельности в Кёнигсберге в качестве главы японского консульства. Православный святой жил и работал в Кёнигсберге в 1941 – 1942 гг. С ним была близко знакома семья Арсеньевых, проживавшая тогда в Кёнигсберге. Время было жестокое. Однако православные христиане, Арсеньевы, Тиунэ Сугихара и многие иные старались жить по воле Божией, старались выполнять двуединую заповедь о любви к Богу и любви к ближнему. Несмотря на мировую войну между странами, народами и идеологиями они смогли сохранить в себе образ Божий, смогли сохранить человечность. Поэтому нам так дороги так непохожие внешне, но единые в духе люди: русский профессор Кёнигсбергского университета Николай Арсеньев и японский консул Тиунэ Сугихара, праведник мира и святой Японской православной церкви.

Калининградские берега

Валерий Батрушевич

Родился в городе Кемерово. Участвует в литературных объединениях «Родник» и «Балтийские зори». Печатался в различных журналах и альманахах. Автор трёх поэтических сборников: «Своими именами», «Тепло уходящего лета» и «В свободном полёте». Живёт в Калининграде.

ЛЕТО

О нём мечтали так давно:
Всю зиму – грустно и устало,
И вот в прикрытое окно
Оно стучится солнцем алым,

Ключим розовым кустом
Прохладной утренней порою,
И неожиданным дождём,
И утомительной жарою.

Но мы ему не первый год
И зной прощаем и ненастье,
Ведь летом кажется – придёт
Хотя бы маленькое счастье...

ЗЕЛЕНОГРАДСК

Он в летнее солнце влюблённый,
Ведь лето – волшебней всего,
И первое слово – зелёный –
В счастливом названьи его.

Какие роскошные лужи
Нам дарит шальная весна!
Да он и зимой был не хуже,
Особенно – вид из окна.

Когда после яркого лета
Расстанется осень с листвою,
Он будет зелёного цвета.
Всегда, даже – белой зимой.

ПРЕКРАСНЫЙ МИФ

Когда я трезвый или во хмелю,
Но чаще – всё же трезвый, несомненно,
Тебе шепчу волшебное – «люблю»,
То я не лгу, поверь мне, совершенно.

Когда меня, как в сказочном кино,
Ты награждаешь поцелуем нежным,
То верю я в любовь... и в НЛЮ,
И в человека, что зовётся «снежным».

Все слышали любви хмельной мотив,
Но знает трезвый мир благоразумный,
Что вечная любовь – прекрасный миф,
В который верить хочется безумно...

РОССИЙСКОЕ КИНО

У нас привыкли откровенно
Социализм былой ругать,
Но разучились совершенно
Кино хорошее снимать.

Пусть прошлый век иные судят,
Но примечательно одно,
Что были неплохие люди
И – бесподобное кино.

Хоть чувства светлые, большие
Сменились новыми давно,
Люблю по-прежнему Россию,
Но – не российское кино.

ЗАДУМЧИВЫЙ ВЕРБЛЮД

За дальним тропическим морем,
Где райские розы растут,
Не зная вселенского горя,
Задумчивый бродит верблюд.

Задумчивый он, потому что
Однажды поверил тому,
Что очень весёлая мушка
Шепнула на ушко ему:

«Тебя невозможно, двугорбый,
Сравнить с быстроногим конём,
Но всё человечество гордо
Пустынным зовёт кораблём».

Случилось великое горе –
О вечном задумался зверь:
Не может без милого моря
Корабль сухопутный теперь...

ЯРКИЙ СЕЗОН

Листья жёлтые вновь облетают,
Поражая своей красотой:
Кто божественной осень считает,
Кто законно зовёт – золотой.

С жёлто-красно-зелёной макушкой
Сыплет медленно листьями клён...
Не случайно восторженный Пушкин
Так любил этот яркий сезон.

А листва облетает красиво,
И когда вся она облетит,
Это будет довольно тоскливый,
Далеко не божественный вид.

ОТВАЖНЫЕ ОПТИМИСТЫ

Дружить с оптимизмом, как дети,
Нам СМИ регулярно велят,
Чтоб выжить на страшной планете
С прекрасным названьем «Земля»,

Без лишнего крика и стога,
Без слёз из испуганных глаз
Прожить три ужасных сезона,
Смертельно опасных для нас.

Не лучше – осенние лужи,
Чем летний безжалостный зной,
Но будет значительно хуже
Безумно холодной зимой.

Мы стерпим все беды отважно:
Зной, холод и осень с дождём
И даже, возможно, однажды –
До новой весны доживём...

ВЕСЕННИЙ СОН

Не от великого ума
Мы все порой – слегка влюблённые,
Когда суровая зима
Закончится весной зелёною.

Ручьёв весёлый перезвон
И небо – чистое, свободное,
Всё это – как прекрасный сон
В сравнении с зимой холодной.

Когда душа в весеннем сне
Настроена на лад лирический,
Вдруг вспомнится летящий снег –
Пушистый, белый, фантастический...

ТАКАЯ ДИЕТА

Иногда в роскошном магазине
Я встречаю скромных стариков,
Вижу в их полупустой корзине
Только чёрный хлеб и молоко.

И тогда становится неловко
Не за всевозможное жульё,
И не за элитную тусовку,
И не за правительство своё.

Просто я не на такой «диете»,
И корзина не пуста моя,
Стыдно не за *божских тварей* этих,
А реально – только за себя.

ГРОЗОВОЕ НЕНАСТЬЕ

Спокойно стоять у балкона
И, слушая птичий базар,
Дышать непривычным озоном,
Когда пронесётся гроза.

Считать неожиданным счастьем
Свободный от туч небосвод,
Когда грозовое ненастье
Закончит свой грозный налёт.

А там – у небесной границы –
Закат цвета утренних роз,
И радостны шумные птицы,
Не ведая будущих гроз...

ЦВЕТУЩИЕ КАШТАНЫ

Душевные исчезнут раны,
Теплее станет грустный взгляд,
Когда цветущие каштаны
В весеннем городе шумят.

И наступивший светлый вечер
Становится ещё светлей,
Когда сияют нежно свечи
Густых каштановых ветвей.

Печально то, что май не вечен,
И обязательно должны
Погаснуть сказочные свечи
До новой солнечной весны.

Калининградские берега

Николай Шумилов

Шумилов Николай Владимирович – краевед, поисковик, историк-любитель, публицист, эксперт в области телевизионных документальных фильмов, руководитель поискового объединения «Белый поиск» (Калининград), автор и редактор сайта «Белый поиск», Калининград

Возвращение награбленных ценностей

Солнце моё, взгляни на меня,
Моя ладонь превратилась в кулак

Виктор Цой, «Кукушка», 1990

2019 год. Логика событий не предвещает миру ничего хорошего. Человечество вновь скатывается в пропасть геополитических, межнациональных, расовых и религиозных противостояний, делая ежедневно маленькие шаги к нарастанию экстремизма и большим войнам. Во многих странах на фоне борьбы за господство на мировых рынках свирепствует затяжной экономический спад. Что противопоставит современным вызовам Россия, сможет ли она противодействовать усилившейся напряжённости и выстоять? Мы знаем, что наша страна имеет мощное вооружение, сильный государственный аппарат, но достаточно ли нам надеяться только на жёсткую силу, проигрывая битвы на информационных и идеологических полях? Думается, что и для нашего народа, и для всего мира важно, чтобы Россия стала одним из мощных стабилизирующих и направляющих факторов на нашей планете. Для этого россиянам следует мобилизовать все имеющиеся в их распоряжении духовные и экономические возможности. Одним из потенциальных ресурсов развития может послужить вскрытие многочисленных (более четырёхсот) подземных нацистских хранилищ на территории нынешней Калининградской области, где в годы Второй мировой войны нацистами был создан восточнопрусский район сокрытия культурных и исторических ценностей. В этом районе в числе прочего находятся до двух третей российского национального наследия (по состоянию на 1941 год). О существовании гигантской кладовой награбленного стало известно ещё в январе 1945 года после начала второго наступления Красной Армии в Восточной Пруссии. Не случайно в Калининградской области с апреля 1945 по 1983 год работали около 40 государственных поисковых экспедиций, групп и бригад, не достигших, к сожалению, успеха. Но ведь важность возвращения народного достояния и святынь с годами только возрастает.

О тотальном вывозе нацистами культурных ценностей из СССР мы впервые узнали в октябре 1942 года, когда под Моздоком разведчиками РККА был взят в плен оберштурмфюрер Норман Ферстер из особого батальона СС «Кюнсберг» – одной из шести десятков грабительских структур Третьего рейха, действовавших на восточных оккупированных землях. О результате его допроса незамедлительно было доложено в Ставку Верховного главнокомандующего, и уже 2 ноября 1942 года была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). После окончания войны в Германии было найдено немного из награбленного в СССР, поэтому для компенсации по репарациям были вывезены немецкие предметы культуры. В справке ГПУ ВМФ для партактива (авторы – Н. Ерофеев и Ф. Хейфиц, 1944) «Восточная Пруссия» говорилось: «Много награбленного гитлеровцами в СССР находится в имениях у пруссаков. Из Восточной Пруссии происходит значительная часть генералов и высших офицеров немецкой армии. Вся эта знать имеет здесь свои поместья, и на неё работают не только 200 тысяч батраков-немцев, но и сотни тысяч угнанных в рабство советских людей и поляков». В 1948 году группа ленинградских искусствоведов во главе с сотрудницей Государственного Эрмитажа К.А. Агафоновой, приехавшая в ГДР для поиска утраченных российских ценностей, встретила с референтом Министерства народного образования республики доктором Герхардом Штраусом, работавшим с 1939 по 1945 год ассистентом

городского объединения музеев Кёнигсберга. Герхард согласился помочь в поиске мест сокрытия культурных ценностей в Калининградской области, в том числе и знаменитой Янтарной комнаты. За разрешением на его приезд в Калининград работники культуры в начале 1949 года обратились к самому Сталину. Резолюция вождя на их письмо была краткой и ясной: «Доставить доктора Штрауса в Калининград. А Янтарную комнату – по назначению». В конце того же года Сталин проконтролировал исполнение поручения, спросив Молотова: «Ну, так где у нас находится Янтарная комната?» К сожалению, последующие руководители СССР, РСФСР и РФ не проявили воли и желания к решению проблемы поиска и вскрытия нацистских хранилищ в Калининградской области. К эпизоду с поручением Ельцина руководителям МО и КГБ РСФСР в 1991 году о принятии мер по поиску Янтарной комнаты можно относиться как к грустному политическому анекдоту (если при этом не учитывать странноватую операцию ГРУ по отвлечению внимания от хранилищ в Калининградской области на объекты в бывшей ГДР). Во время своего первого визита в Германию в ноябре 1991 года Ельцин оконфузился: «Мы знаем, где в Германии находится Янтарная комната, и что хранится в ящиках, это был военный объект». Причина проявленного руководством страны интереса к поиску была понятна: копия шедевра изготавливалась с 1979 года, средств не хватало (позднее обратились за финансовой помощью к немецкому концерну «Рургаз АГ»). Этот эпизод подтвердил ещё раз, что поиск Янтарной комнаты и других сокрытых нацистами ценностей, в отличие от поиска грибов, требует серьёзного отношения и выполнения немалого объёма поисковых работ. С таким равнодушным отношением властей утраченное национальное достояние не вернётся к нам никогда. Да и с преодолением других негативных последствий той войны дела у нас обстоят не блестяще: не найдены многие воины, павшие в боях и в плену, почти не расследованы чудовищные преступления нацистов в отношении миллиона военнопленных в северной части Восточной Пруссии, земля изобилует взрывоопасными предметами. При наличии таких пробелов трудно говорить о сильной России. Конечно, правда когда-нибудь победит, но современная обстановка требует решать старые проблемы максимально быстро. Следует заметить, что власть состоит из граждан, зачастую избираемых жителями. Падение уровня культуры, патриотизма, исторической памяти и национального самосознания формирует общество и его запросы. С начала 80-х годов возвращение вывезенных нацистами культурных ценностей нации перестало входить в число запросов нашего общества. Стала отрицаться сама необходимость наличия национальных культурных и исторических ценностей. Равнодушие народа к национальной культуре – тревожный признак прекращения связи времён и поколений, самого существования нации. Но от того, что проблема не признаётся большинством, она не исчезает. Работа многих российских чиновников и депутатов направлена на обеспечение личного безбедного существования, на накопления не в душах, а на банковских счетах. Гражданское общество и демократия стали похожи скорее на муляжи, во многом на деле являясь бутафорией. У нации, отказавшейся от значительной части своего культурного и исторического наследия, нет будущего.

* * *

Это нужно – не мёртвым!

Это надо – живым! ...

Роберт Рождественский

«Истину нужно постоянно повторять, ибо заблуждения проповедуются вокруг нас постоянно», – говорил Иоганн Гёте. «И я должен непременно с каждым днём, с каждым годом становиться нравственно выше и выше, лучше и лучше, совершеннее и совершеннее...», – учил Святой праведный Иоанн Кронштадтский («Моя жизнь во Христе», т. 1, запись 310). Каждый гражданин России должен оставаться человеком, отвечать за свои мысли, слова и поступки. Задача усиления нашей страны не решится сама собой, её необходимо выполнить, восприняв правду и духовное очищение истиной, разорвав порочный круг зла. Бескультурье, моральное и духовное разложение членов общества готовит социальную основу, питательную среду для внутренних и внешних врагов России. Недруги нашего государства давно мечтают об его ослаблении, распаде и превращении в их сырьевую базу. Культ потребления и удовлетворения физических потребностей человека почти добил национальную культуру. Прислушаемся, о чём поёт победитель конкурса песни Евровидения 2015 года швед Монс Зельмерлёв: «Мы – герои нашего времени. Но мы танцуем с демонами в наших мыслях... Мы продолжаем танцевать с демонами. Ты можешь быть героем...» Вот такие навязывают-

ся нам герои нашего времени, потерявшие внутреннюю человеческую сущность и отдавшие души Дьяволу. Люди должны знать правду, уважать правду и найти в себе мужество смотреть ей в глаза, какой бы горькой она ни была.

11 и 13 октября 1987 года в газете «Красная звезда» была опубликована статья корреспондента, капитана 2 ранга Сергея Турченко «Подземелья Кёнигсберга: мифы и реальность». 15 января 1988 года газета опубликовала отклики читателей под общим заголовком «Нужна экспедиция». Читатели из разных городов Советского Союза задавали журналисту одни и те же вопросы:

1. Будет ли организована экспедиция по изучению подземелий Калининграда?

2. Когда окончательно будет очищена от снарядов и мин территория области и города? Ответов на них нет и спустя почти 30 лет. Российские власти с 1983 года полностью отказались от решения проблемы возвращения сокрытого нацистами наследия, открыто и сознательно демонстрируя слепоту и глухоту к позорнейшей проблеме страны. Ни одно ведомство РФ с тех пор не имеет функции поиска утраченных культурных и исторических ценностей. Были лишь несколько попыток возобновить поисковую деятельность со стороны равнодушных калининградских энтузиастов. Так, известный писатель Юрий Иванов, председатель областного отделения Советского Фонда культуры, организовал в нём поисковую группу, работавшую в 1988-1991 годах (кроме неё, при Фонде работала общественная группа «Поиск»). Последний директор Калининградской геологической археологической экспедиции (КГАЭ) Елена Евгеньевна Стороженко инициировала создание Координационного центра по поискам культурных ценностей, похищенных в годы Великой Отечественной войны, при исполкоме СНД области (1991–1996). Авторитетный историк и писатель Авенир Петрович Овсянов добился открытия отдела по поиску культурных ценностей в НПЦ по охране памятников при министерстве культуры области (1996–2007). Тем не менее, отказ от вывезенного нацистами наследия уже нескольких поколений стал объективным фактором, типичным явлением жизни современного российского общества. Но это – лишь верхушка айсберга, важный индикатор нравственного состояния российского общества, которое не спасут от падения ни нефть, ни газ. Это нормально для нынешней России, но такой ли мы хотим видеть нашу страну?

* * *

«... И Аз воздам, глаголет Господь»

Послание к римлянам апостола Павла, гл.12, ст.19

Мы все ответственны за свои деяния перед Господом, независимо от нашего социального положения. Те, кто пришли во власть не для служения своему народу, должны перечитать Заповеди Божьи и постараться меньше грешить. Коррупция, алчность, эгоизм и другие грехи разъели почти всю страну подобно ржавчине. Для многих из нас сейчас настаёт момент истины. Мы незаметно для себя оказались в мире абсурда, искажённой морали и смещения духовных координат, когда чёрное выдаётся за белое, ложь – за правду, пустяк – за значительное событие. Нельзя построить духовность, не имея совести и нравственной основы. Нельзя ставить под сомнение приоритет правды и добра. Уважая прошлое, необходимо брать с собой в будущее лучшее от предыдущих поколений, чтобы обеспечить неразрывную связь времён. Укрепление России само по себе станет фактором стабильности в мире, покажет всем истинный путь развития и остудит некоторые горячие головы.

Практически единственный способ решения проблемы вскрытия нацистских хранилищ – создание специализированной отрасли экономики на многие десятилетия, на базе принципиальной позиции органов власти и политических сил России. Факт, что за прошедшее после войны время ни одно значительное нацистское хранилище в Калининградской области не было вскрыто, говорит о системности, закономерности и знаковости проблемы. В её решении упущено непозволительно большое время. Мы должны вернуть награбленное нацистами российскому народу, и тогда наша страна станет сильнее. Ценности на 50 триллионов рублей помогут экономике государства в период спада и кризисных явлений.

В чём же причина столь невероятной слабости России в решении, казалось бы, несложной проблемы? Думается, что она – не в уровне технической оснащённости и не в отсутствии финансовых средств для начала работ, а в отказе подавляющего большинства граждан от утраченного народного наследия, от восстановления исторической справедливости. Но важнее признания потерь – действия по их возвращению. Вскрытие нацистских хранилищ будет иметь лечебный эффект для российского

общества. Патриотизм – не только автопробеги с флагами и исторические реконструкции. Высокий уровень интеллекта и знаний не гарантирует чистоты души. Современное общество привыкло жить одним сегодняшним днём. Понятия правды, справедливости, добра, свободы, честности, скромности, братства, демократии, труда, мира, дружбы и здорового образа жизни оказались выхолощены и развеяны по ветру времени, превращены в пустышки в угоду геополитическим, олигархическим, корыстным и эгоистическим интересам. Познание истины, отделение зёрен от плевел, вразумление никогда и никому не давалось легко.

* * *

Нет на свете милее доброй души человеческой.

М.Е. Салтыков-Щедрин, «Добрая душа», 1869

1 декабря 1939 года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер своим приказом назначил штандартенфюрера СС профессора Генриха Хармьянца из Общества «Аненербе» Главным хранителем Востока с задачей конфискации документов и культурных ценностей в восточных оккупированных территориях. Герман Геринг говорил: «Я делаю ставку на негодяя. Я не собираюсь соблюдать справедливость, я должен лишь уничтожать и истреблять, и ничего более». 1 мая 1941 года рейхсмаршал, он же – Президент Комитета по спасению произведений искусства, распространил «Директиву о создании на всех оккупированных территориях особых штабов по выявлению, сбору и вывозу культурных ценностей в Германию». Рейхскомиссар Украины Эрих Кох, выступая 5 марта 1943 года на собрании членов НСДАП в Киеве, заявил: «Меня знают здесь как жестокого пса. Поэтому меня и направили комиссаром Германии на Украину. Наша задача заключается в том, чтобы выжать из Украины всё до последней капли. Господа, жду от вас абсолютной беспощадности в отношении всех туземцев – населения Украины. Мы – господствующий народ, а это означает, что самый простой в расовом отношении немецкий рабочий биологически в тысячу раз ценнее в сравнении с местным населением». Когда военная обстановка осложнилась для Третьего рейха, Министерство восточных оккупированных областей рейхсляйтера Альфреда Розенберга издало «Распоряжение рейхскомиссариатам «Остланд» и «Украина» и Поручение Оперативному штабу Розенберга (ERR) о сохранении культурных и научных ценностей для вывоза их в Германию» от 07.04.1942. Достаточно уничтожить памятники культуры народа, чтобы он уже во втором поколении перестал существовать как самостоятельная нация», – таково одно из программных заявлений идеолога нацизма Альфреда Розенберга. «Для уничтожения нации надо уничтожить её культурные ценности», – цитата из речи рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса. Из БССР нацисты вывезли около 90% наследия, из УССР – 85%, из РСФСР – 80%, из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР – по 40–50%. Целью гитлеровской Германии был не только грабёж, но и стирание национальных культур и идентичностей, исторической памяти народов. И действительно, о крупнейшем в новой и новейшей истории человечества ограблении народов постепенно практически забыли. Нам хорошо известно, что произошло на Украине в последние годы. Если бы не сильные системы власти, то такое же могло бы случиться и в Беларуси, и в России.

* * *

И рассвирепели язычники, и пришёл гнев
Твой и время судить мёртвых и дать возмездие рабам
Твоим, пророкам и святым и боящимся имени
Твоего, малым и великим, и погубить губивших землю.

Откровение Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, гл. 11, 4–18

Время всё расставляет на свои места. Наступает важнейшая в современности битва добра и зла, Света и Тьмы. Мы должны припасть к родникам чистых мыслей, очистить мозг и души от грязных наслоений деградации, преодолеть сумятицу в умах и потерю нравственных ориентиров, выстроить или проверить свои системы ценностей. Теперь мы должны меньше говорить красивых слов, но делать больше реальных позитивных и добрых дел. Замыкая пространства и времена, мы должны стать сильнее, проявить принципиальность, разум и волю, осознать свои ошибки и начать возвращение утраченного национального достояния. Тогда, устранив один из главных позоров страны, мы сможем по праву назвать нашу Россию сильным государством. Межрелигиозные распри должны быть прекращены на основе взаимного признания, диалога конфессий и сближения различных духовных учений, ибо Господь один для всех людей на Земле.

Волжские берега

Татьяна Качкина

Ведущий специалист Центра истории и культуры АНО «ЦСИ Ульяновской области»

«Симбирское-Ульяновское поволжье – флоту»

Создание региональной флотской энциклопедии

Ульяновская флотская энциклопедия – научно-популярное издание, ориентированное на широкий круг читателей. По характеру материала она относится к тематическим региональным энциклопедиям.

В конце XX – начале XXI века в Российской Федерации наблюдается резкий скачок в развитии региональной энциклопедистики. На середину 2019 года по 80 субъектам и 8 федеральным округам Российской Федерации выявлено 840 печатных и электронных региональных энциклопедий и энциклопедических справочников, включая универсальные, отраслевые и тематические*. Создана Международная ассоциация издателей энциклопедий, проводятся научные конференции, создан портал «Российские региональные энциклопедии». Активно осваивается пространство Интернета, появляется все больше электронных энциклопедических проектов.

Причины роста внимания к региональной энциклопедистке заключаются в возрастании социокультурной роли провинции после распада СССР, в усилении внимания к процессам самоидентификации и, как следствие, – в появлении потребности в обобщении знаний о прошлом региона и населяющих его народов. Издание энциклопедий выступает также признаком определённого состояния научного сознания, его уровня, и отражает потребности читательской аудитории.

подавляющее большинство изданных региональных энциклопедий в начале 2000-х годов носило комплексный характер, позже появились и продолжают появляться историко-культурные, этнокультурные. Промышленных энциклопедических региональных изданий практически нет. Поэтому тематическое профильное издание, связанное с флотом, его историей, историей предприятий, связанных с судостроением, является шагом в развитии региональной энциклопедистики.

Проект «Ульяновская флотская энциклопедия» может вызывать вопросы – А почему именно в Ульяновске появится такая энциклопедия, ведь в Ульяновске нет моря?

Моря нет, но есть флот, есть славное флотское прошлое Симбирского-Ульяновского Поволжья, есть могучая судоходная Волга.

Историческая судьба нашего региона издревле определялась великой русской рекой. На её берегах возникали первые поселения людей. Хозяйство волжан было связано с рыболовством. Они осваивали не только берега, но и водные просторы, учились строить суда.

По Волге и её притокам шли торговые караваны, строились укрепленные засечные черты, поднимались струги Степана Разина, тянули лямку бурлаки. Волжские леса давали лес для постройки кораблей.

По Волге перевозили грузы и пассажиров первые пароходы, летели скоростные суда на подводных крыльях. В нашем крае родились замечательные российские и советские конструкторы, кораблестроители, флотоводцы, путешественники.

В годы Великой Отечественной войны в Ульяновске, как одном из центров эвакуации, были размещены Наркомат Военного-морского флота СССР, Наркомат речного флота СССР, научно-исследовательские институты, связанные с флотом. В Ульяновске размещался 31-й Арсенал ВМФ...

Ряд предприятий в Ульяновске работали и сегодня работают на отечественный флот. В марте 2021 года исполняется 60 лет одному из ведущих предприятий оборонно-промышленного комплекса Рос-

* Региональные энциклопедии России: портал.URL: <http://nlr.ru/res/epubl/rue/> (дата обращения 23.07.2019)

Симбирск. Пристань на Волге. Открытка. Начало XX в.

сии – Научно производственному объединению «Марс». К этой знаменательной дате и приурочено создание *Ульяновской энциклопедии флота*.

В нашей энциклопедии мы не только стремимся рассказать о том, что было и есть, мы стараемся показать возможные перспективы, обозначить направления и тенденции развития флота в регионе и его проблемы. В тоже время энциклопедизация флотской темы отражает желание «сохранить уходящую натуру», показать героические подвиги моряков-симбирян, трудовые свершения работников речного флота, достижения промышленности, инженерной и конструкторской мысли.

Создание энциклопедии предполагает огромную поисковую работу, в ходе которой уже сделаны интересные находки, систематизированы разнообразные факты, свидетельства, документы. За два года собран обширный и очень интересный материал.

В будущей энциклопедии представлены следующие тематические направления:

- предприятия, работающие для флота, их продукция, достижения и проблемы сегодняшнего дня;
- история предприятий, которые производили изделия и системы для флота, судостроительных и судоремонтных заводов, рыболовецких совхозов и артелей...;
- Наркоматы речного и морского флота, Центральный военно-морской музей и его библиотека в эвакуации в Ульяновске в годы Великой Отечественной войны;
- речные и морские плавания, кругосветные путешествия с участием наших земляков;
- история судоходства по Волге и Суре (пароходные и судоходные компании, пристани на Волге и Суре, развитие рыболовного промысла, рыболовной и перерабатывающей промышленности);
- действия Волжской речной флотилии в Среднем Поволжье в годы Гражданской войны и в период Великой Отечественной войны;
- добровольные общества и спортивные клубы и общества, их история (Общество спасения на водах, яхт-клубы, клубы парусного спорта и др.);
- виды судов, характерных для региона Среднего Поволжья;
- суда, чьи названия связаны с именами симбиряков/ульяновцев или с Симбирским-Ульяновским Поволжьем;
- художественные картины, сюжетами которых является Волга у Симбирска/Ульяновска, книги о флоте, написанные симбиряками-ульяновцами;
- флотская тема, связанная с нашим регионом, на марках и художественных конвертах;
- места памяти и события, связанные с флотом и его героями в Симбирском-Ульяновском Поволжье нашем регионе...

Но главное в энциклопедии – это люди – наши земляки, кто родился, учился и трудился на симбирской-ульяновской земле, их трудовые и героические биографии, их вклад в развитие отечественного флота:

- моряки и речники, командиры и флотоводцы;
- участники войн, героических переходов;
- конструкторы, учёные, судостроители;
- путешественники и первооткрыватели.

Мы стремимся тому, чтобы Симбирская-Ульяновская флотская энциклопедия была максимально полной и точной.

В 2019 году Центр истории и культуры АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области» провёл конкурс исследовательских работ учащихся, посвящённый истории флота в Симбирском-Ульяновском Поволжье. По итогам конкурса около 30 лучших работ были представлены 25.04.2019 года в виде докладов на самостоятельной «флотской» секции в рамках VIII научно-практической конференции по краеведению «Малые Сытинские чтения», которая посвящается памяти выдающегося ульяновского учёного и краеведа, почётного гражданина Ульяновска Сергея Львовича Сытина (1925–2010). По результатам работы секции уже подготовлено восемь энциклопедических статей с указанием авторства ребят – участников конкурса и их научных руководителей.

В создании нашей энциклопедии принимают участие музеи, архивы, промышленные предприятия, спортивные общества, местные краеведы...

Мы обращаемся к читателям «Берегов»: вы можете стать участником этого интересного проекта и автором энциклопедической статьи, а ваш земляк или родственник может стать «героем» флотской энциклопедии. Самое главное требование к выбору тем и персонажей – связь с Симбирским-Ульяновским краем (место рождения или проживания, учёба, работа).

Что должно быть отражено в биографии симбирян-ульяновцев, чья судьба была связана с флотом (моряки и речники, конструкторы, учёные и судостроители, путешественники, спортсмены...):

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Дата и место рождения, дата и место смерти.
3. Служба на судах Российской империи, служба на ВМФ в рядах РККА/Советской армии/Российской армии, чины и звания. Когда и куда демобилизован. Участие в военных действиях, награды (с указанием даты вручения, по возможности).
4. Работа на судах речного флота, на судостроительных и судоремонтных заводах. Достижения и награды.
5. Спортсмены и спортивные достижения (парусный спорт, судомоделизм, морское многоборье...)
6. Образование, в том числе специальное: военное, инженерное, др.
7. Учёные – флоту: достижения, авторские свидетельства, патенты, печатные издания...
8. Желательно адрес проживания в настоящее время (по возможности) или контакты близких для уточнения данных, с их согласия.
9. Фотографии (отдельным файлом JPEG, желательно с разрешением не менее 300 пикселей, и, по возможности, с указанием даты).

Наши пожелания:

Использование документов, в том числе из архивов (включая семейные) и фондов музеев.

Связь с историей Симбирского-Ульяновского края.

Наличие ссылок на источники и литературу, включая ссылки на интернет-источники.

Объём не определяется. Невероятно важный, новый и интересный материал может занимать совсем немного места. В энциклопедической статье обязательно будет указано авторство приславшего материал.

Наши контакты:

Центр истории и культуры АНО «ЦСИ Ульяновской области».

E-mail – csi-history@mail.ru (Качкиной Т. Б.)

Благодарим за сотрудничество!

Критика

Лидия Довыденко

Вечные слова

Певец вологодского слова

Вышла новая книга-монография Л.Г. Яцкевич «Православное слово в творчестве вологодских писателей», – Москва–Вологда, 2019. Людмилу Григорьевну, её исследовательские работы по краеведению, русской словесности и прозаические труды хорошо знают в научных и писательских кругах. Она доктор филологических наук, профессор, автор двухсот публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе десяти книг («Русское формообразование», «Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнувших времён: Имена собственные в поэзии Н. А. Клюева», «Очерки морфологии вологодских говоров», «Слово о родной деревне», «Квасюнинская поговорочка» и другие). Подготовила и издала словарь «Народное слово в произведениях В.И. Белова» (2004). Участвовала также в составлении «Словаря вологодских говоров», школьных словарей «Вологодское словечко» и «Золотые россыпи», «Поэтического словаря Николая Клюева».

Член Союза писателей России, она публиковалась в журналах: «Вологодский лад», «Берега», «Родная Кубань», а также на сайтах: «Вологодский литератор», «Русская народная линия», «Российский писатель», «День литературы». Автор художественных произведений: сборника рассказов «Вологодская нива» (2004), небольших повестей «Поэт и блаженный» (2017), «А я всё живу ... Повесть о жизни Григория Кононовича Лавреги, рассказанная им самим» (Журнал «Берега», 2019, №3), «Детство на Шексне» (2017-2019, сайт «Вологодский литератор»). Опубликовала книгу о череповецком поэте, погибшем под Ленинградом в 1943 году: «Владимир Калачёв. Стихи. Письма. Воспоминания» / Составитель Л.Г. Калачёва (Яцкевич). – Вологда, 2007. – 184 с.

Светлые думы

И вот я держу в руках красивый, объёмный, почти 400-страничный том, впечатлениями о котором хочу поделиться. Он поражает своей композицией и Светом Православия в творчестве вологодских авторов, имеющих разный духовный опыт и разный стилистический почерк. Л.Г. Яцкевич обращается к произведениям таких писателей, как: Константин Батюшков, Николай Клюев, Алексей Ганин, Василий Белов, Александр Романов, Николай Рубцов, Виктор Коротаев, Ольга Фокина, Михаил Карачёв, Александр Цыганов, Николай Устюжанин, Алексей Шадрин, Александр Пошехонов, Наталья Сидорова, Юрий Максин, Андрей Лушников и некоторых других. Автор постоянно обращается к духовной поддержке святителей Тихона Задонского и Игнатия Брянчанинова, которые тоже родились на Русском Севере. Светлые думы, воплощённые в благодатном слове писателей Вологодского края, привлекают читателя.

Как отмечает автор книги «Православное слово...», ещё в 1855 году после паломничества по Вологодским и Белозерским местам писатель Андрей Николаевич Муравьев назвал свою книгу о Вологодчине, отмечая духовный подвиг святых православных подвижников, – «Русская Фиваида на Севере». Эту намоленность северной земли и посеянные в ней зёрна христианского духа мы ощущаем и сегодня.

Свет православной веры воплотился в художественных образах и поэтических символах в произведениях вологодских мастеров слова, а Людмила Яцкевич рассматривает их творчество с точки

зрения православной этики и эстетики, построив книгу на основе ключевых понятий: *вера, истина, любовь, терпение, красота, молитва, радость, грусть, слово, покаяние, соборность*. Каждое из этих слов, вечных спутников жизни русского человека, стало названием отдельной главы книги.

Слова роднящие

В мире, где каждый день СМИ проливают на наши головы негатив (слова *грабеж, воровство, падение нравов*), так отрадно открыть книгу Людмилы Григорьевны и напитаться благодатью, наполнить своё сознание очищающими словами, как написал Юрий Максин:

*Немного в целом Мире вечных слов, / ваяющих сознание народа:
Любовь, Семья, Отечество, Природа, / Надежда, Вера и опять Любовь.
Они роднят и очищают кровь.*

«Имеют ли право писать о Православии не святые и не богословы?» – задаётся вопросом автор книги. Можно ли писать об истине, «не ведая истины»? Конечно, нет. Однако православный дух пронизывает русскую литературу и приближает её к истине. «Духовный опыт, – пишет Людмила Яцкевич, – связан с умением созерцать, то есть видеть мир в органическом единстве, в центре которого Бог». Для художественного созерцания писателям необходимо творческое безмолвие, о котором поэт Юрий Кузнецов сказал: «Очами духа светит щит молчанья».

Святая Русь

«Россия, Русь! Храни себя, храни!» – завещал нам вологодский и мировой величины поэт Николай Рубцов. Святое близко стоит к Священному, о чём много думал Николай Клюев, пытаюсь разбудить «духовных слепцов». Людмила Григорьевна сожалеет, что некоторые современные писатели и читатели утратили священные начала жизни. Она опирается на размышления философа И.А. Ильина о том, что духовная рана современной культуры – утрата священного. Часть человечества пыталась «создать культуру без веры, без сердца, без созерцания, без совести, и ныне она переживает своё крушение и бессилие». Путь к священным истокам требует духовного мужества.

«Нерукотворную Россию свидетельствую, братья, Вам», – писал Николай Клюев. Нерукотворную – значит святую. Поэт говорил: «Узнал я, что существует тайная, скрытая от гордых взоров иерархия, церковь невидимая, Святая Русь... Есть души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в плане Бога, раскрытия красоты лика Божьего».

Неслучайно Николай Гумилев сказал о Клюеве: «Славянское ощущение светлого равенства всех людей и византийское сознание золотой иерархичности при мысли о Боге».

А Клюев как будто писал для нас, сегодняшних:

Сгинь, Запад, – змея и блудница. / Наш суженый – отрок Восток...

Не зовите нас в Вашингтоны, / В смертоносный железный край!

Слепцы, различаєте небо восточное...?

Постижение Божьей правды

Слов «Святая Русь» почти не встретишь у вологодских поэтов, вместе с тем они относятся к Отечеству как к святыне, – отмечает автор исследования.

Белый храм как священный образ России мы встречаем у дореволюционного писателя Никона Рождественского, епископа Вологодского, у поэтов Виктора Коротаева и Николая Рубцова. Вот как говорил о Ферапонтове Николай Рубцов: «*И казалась мне эта деревня чем-то самым святым на земле*». А вот его поэтические строки о святыне Вологды:

*Красотою древнерусской / Обновился городок.
Снег летит на храм Софии, / На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России, / Слово радостная весть.*

Лики святой Руси просвечивают в произведениях Василия Белова, Ольги Фокиной, Александра Романова, Алексея Шадринова, Александра Цыганова.

Постигать Божью правду – тяжелейший духовный труд. Автор книги сравнивает двух авторов, написавших о Соловецком лагере, Бориса Ширяева и Захара Прилепина. Борис Ширяев полученный в лагере духовный опыт выразил в книге «Неугасимая лампада». Уже после окончания Великой Отечественной войны, всмотревшись в прошлое, написал: «Дивная, несказанная прелесть преображённого Китежа засияла из-за рассеянной пелены прошлого, смрадного тумана. Обновлёнными золотыми ризами оделись обгорелые купола Соловецкого Преображенского собора, вознеслись в безмерную высь и запели повергнутые на землю колокола. Неземным светом вечного духа засияла поруганная, испепелённая, кровью и слезами омытая пустынь русских святителей, обитель веры и любви. Стоны родили звоны. Страдание – подвиг, временное сменилось вечным». Писатель-творец научался правде у Бога-Творца.

Когда этого не происходит, у писателя возникает ложный образ мира, как это произошло у Прилепина в романе «Обитель». Главный герой его – не политический заключенный, а столичный молодой человек, убивший отца. Это уголовный преступник. Основное внимание Прилепина уделено его любовным похождениям, а не безвинным узникам, сохранившим в духовном борении чистоту души. Фальшивый сюжет: у Прилепина происходит подмена истинных духовных трагедий мучеников описанием физиологические страдания плоти грешного человека. А книга Бориса Ширяева – постижение Божьей правды. В русском национальном сознании Соловки – святыня, духовный оплот Отечества, непобедимый, преображённый Китеж, потому что там на протяжении веков не прекращалась молитва. Там в разные времена страдали жертвы безбожного произвола. В поэме «Соловки» Николай Клюев вспоминает святых Соловецких: преподобных Изосима и Савватия, пономаря Авиу, строителя пустыни Феодора, рассеченного саблей отца Парфения, отрока Ивана на колу. И сам автор через несколько лет после написания этой поэмы был арестован и расстрелян.

А недавнее награждение Захара Прилепина за героя-преступника говорит только об одном: не читали «восторженные поклонники» поэмы Николая Клюева, не знакомы они с наследием русского философа Павла Флоренского, писателей Бориса Ширяева и Олега Волкова. И необъяснимо, почему критик Владимир Бондаренко вознёс Прилепина, зная творчество вышеназванных писателей, которые поняли, что «если физические законы по крепости железные, то духовные законы – алмазные» (отец Павел Флоренский).

Жанр молитвы

В русской поэзии этот жанр довольно распространён. К нему обращались Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Вяземский, отец Иоанн Шаховской, С.С. Бехтеев, Н.А. Клюев. Поэтическое созерцание сродни религиозному. О духовном свете невечернем писали многие русские писатели, начиная с А.С. Хомякова. Помню, как впервые я переступила порог храма на поле Куликовом, когда весенний мартовский день клонился к закату, в сумерках зажегся свет в храме. И вспоминались мне строчки Ивана Бунина:

*Любил я в детстве сумрак в храме, / Любил вечернею порой
Его, сияющий огнями, / Перед молящейся толпой;
Любил я Всенощное бденье, / Когда в напевах и словах
Звучит покорное смирение / И покаяние в грехах.
Безмолвно, где-нибудь в притворе, / Я становился за толпой;
Я приносил туда с собой / В душе и радости, и горе.
И в час, когда хор тихо пел / О «Свете тихом», – в умилень
Я забывал свои волненья / Я сердцем радостно светлел...*

«Вечер и утро особенно благодатны, – писал Павел Флоренский своему другу Василию Розанову, – для молитвы, для созерцания». Вот как описывает Флоренский всенощную службу в Троице-Сергиевой Лавре: «Вечерело. Золотые лучи ликовали. И торжественным гимном Эдему звучало солнце. «Свете тихий» совпадало с закатом. Пышно нисходило умирающее солнце. Сплетались и расплетались древние как мир напевы. Ритмически пульсировало чтение канона. И грусть потери таинственно зажеглась радостью возврата. Слава Тебе, показавшему нам Свет! И звезда Вечерняя стала тогда в алтарное окно. А в сердце всходила неувядаемая радость».

Людмила Григорьевна в своей книге дарит эту неувядаемую радость, напоминая вечные слова русской литературы: стихотворения Константина Бальмонта «Свете тихий», Александра Блока «Вечерняя», Марины Цветаевой, вдохновлённой «Вечерней» Блока: «Божий праведник мой прекрасный, свете тихий моей души».

Постигая эту «неувядаемую радость», мы, подобно поэту, «забываем свои волнения», они уходят в осознание Божественной тайны мира, как в стихах Николая Рубцова:

*...и над Родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!*

Эти стихи, рождённые в прикосновении души поэта к тайне мира, перекликаются со словами Игнатия Брянчанинова: «Все существо человека погружается в духовное утешительное наслаждение священным миром Христовым...»

У Рубцова в стихотворении «После грозы»:

*Как это странно
И всё-таки и мудро:
Гром роковой перенести,
Чтоб удивительно
Светлое утро
Встретить, как светлую весть.*

Как это созвучно с библейским «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

По словам Игнатия Брянчанинова, вера является «причиной сердечного спокойствия, сердечного благодатного мира» – этих драгоценных свойств христианской души.

«Любовь на вечный срок»

Христианский идеал любви в книге «Православное слово...» рассматривается в творчестве таких вологодских поэтов, как Николай Рубцов, Михаил Карачёв, Нина Иванова-Романова. Строки Николая Рубцова о «неувядаемом цветке, неувядаемой ниве» перекликаются с библейской и святоотеческой традицией понимания любви. Земная жизнь конечна, как полевые цветы, а душу человека наполняет «любовь на вечный срок». Сквозь неё прозревает поэт Святую Русь в стихотворении «Жар-птица». Лирический герой, познав суету земной жизни, возвратился домой для того, чтобы узнать святую истину любви. В стихотворении «Старая дорога» он признаётся в любви к «древним дорогам» родины, видит над ней «голубые вечности глаза»:

*Здесь русский дух в веках произошёл...
И ничего на ней не происходит,
Но этот дух пойдёт через века!*

К голосу души прислушивается Михаил Карачёв. «Все дарования без любви ничто», – этими апостольскими словами можно определить духовное и художественное мерило русской поэзии. Чувство поэта сродни молитве, творческое восхищение души – сила, побеждающая смерть.

О жизни и поэзии Нины Ивановой-Романовой, судьба которой сложилась трагически, Людмила Яцкевич пишет как о судьбе поколения, представителями которого стала поэтесса и её Герой – Александр Афанасьев. Её стихи и роман «Книга жизни» оставили нам живые чувства: любовь и горечь вечной разлуки, мужественную победу над обстоятельствами. В стихотворении «Мысли без оглядки», посвящённом Анне Ахматовой, с которой Нина Михайловна была знакома, она писала:

*Как ты ошибся, человек!
Ты торопил себя безмерно
Не в этот ли двадцатый век,
Кровавый, грубый, лицемерный?*

Автор книги хотела бы создать портрет Нины Ивановой-Романовой, с которой она была знакома в молодости в 60–80-е годы. Людмила Яцкевич пишет: «Стихи и роман потрясли меня глубиной чувств, суровой судьбой героев, красотой романтического, необыденного восприятия жизни».

*Редко-редко, меж дождём и градом,
спазмой горла, горьким жестом рук –
И ко мне заглядывает Радость,
Словно лето за полярный круг.*

Эта светлая радость верной любви – духовная сила, которая преодолевает мировые катастрофы.

«Священный дар красоты»

В главе «Красота» Людмила Яцкевич размышляет о рассказе Николая Устюжанина «Вечная девушка». В храме молодой человек увидел на клиросе среди поющих необыкновенную девушку, он ощутил в крови «неутихающую нежность». Однако образ целомудренной, божественной красоты был ограждён от земных проявлений любви: девушка оказалась горбуньей. «Слёзы разбитого счастья» ощущал на лице герой рассказа, обращаясь к Богу в молитве, чтобы Он «открыл тайну произошедшего». И вот «восторги утихли», «сменились ровным ходом отрезвлённого сердца». Описывая духовное возрастание молодого человека, писатель в своём рассказе сплетает в единый узор земное и небесное.

Гёте говорил: «Красота – в глазах смотрящего». Такой вывод делает и Л.Г. Яцкевич, размышляя над рассказом А.А. Цыганова «Садовник». Писатель реалистично изобразил внешний облик главного героя, неудачливого, униженного и бедного человека, и по контрасту показал прозорливо его сокровенную душу, красоту которой люди не замечают. По своему терпению, любви к ближнему и милосердию его душа уподобилась Христу, которого в Евангелии называют «Господином виноградника».

«Свете тихий народного лика»

Духовная радость и чистота живут на страницах книги Людмилы Григорьевны. Обращаясь к творчеству вологодских писателей, она напоминает нам о «вековом родстве», не раз выручавшим и спасавшим народ в годину горя, беды. Она выполняет свой главный творческий долг – напомнить об исконном соборном единстве православных людей и о его сохранении:

*И поныне те злодеи
Рвутся к власти неспроста.
Что ж мы в горе холодеем?
Встанем,
Встанем в круг родства! (А.А. Романов)*

Русский народ издавна соборность жизненного уклада определял словом «лад». Книга с этим названием Василия Белова напоминает о соборном сознании, включающем веру, главную хранительницу русской земли, труд и русскую природу. А как потрясающе напоминает книга Людмилы Яцкевич об исконно русском, древнейшем слове *хор*. Хоровое пение было распространено на Руси в церкви и в быту, было выражением соборного сознания народа. Отмечаемое митрополитом Иоанном Сычёвым хоровое пение – это «свидетельство богатства соборного опыта, поднимавшегося в иные мгновения до вершин истинно святоотеческой чистоты и ясности».

«Невыразимы смертными словами» величие духа русского народа, его судьба, здесь нужны «вечные слова», которые и находит автор книги, созидая её как молитву под благодатным покровом умиления, полноты сердечного чувства. Прочитав книгу, ты прошёл тем путём, который объединяя с ушедшими и грядущими поколениями, подобен нашей жизни, нашему земному пути среди родных просторов и сквозь историческое время Отечества.

А вологодские писатели подобны «вещим Бояновым сынам» (Н. Клюев), которые своим православным словом несут благовест – твёрдое желание соборного единения народа и созидания нетленной России.

Людмила Яцкевич

Не потерять надежду

О книге А.А. Цыганова «Помяни моё слово»

Недавно вышла из печати новая книга известного вологодского писателя Александра Александровича Цыганова «Помяни моё слово». Название книги – народная поговорка, на первый взгляд довольно простая. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Фёдорова значение этого выражения так объясняется: ‘будет так, как я говорю, предполагаю, думаю; выражение употребляется для того, чтобы уверить собеседника в правоте своих слов, предположений, мыслей’ [8: 427]. В словаре определено основное значение поговорки, однако в живой речи её смысл может всё время меняться. Наши предположения и мысли о будущих событиях бывают как радостные, так и печальные. Да и говорят эту фразу люди по-разному: или с любовью, или, наоборот, со злостью, или с отчаянием, или с надеждой. Соответственно смысл и значение этого выражения будет значительно изменяться в разных житейских ситуациях. Если прочитать книгу А.А. Цыганова да задуматься над тем, о чём же она, то её название окажется вовсе не простым, а очень многозначительным и глубоким. Действительно, выражение «Помяни моё слово» встречается в этой книге несколько раз: в названии всей книги, в названии второго раздела этой книги, в названии рассказа и, наконец, в живой речи героев этого рассказа, старой матери и сына. Для них оно – знак родства, знак их возвращающейся из небытия общей жизни. Таким образом, данное выражение для автора книги очень дорого и является ключевым для всего повествования. Почему? Размышляя над книгой, я пришла к выводу: в этом названии книги, как и во всём её содержании, выражена глубокая мысль о том, что **прошлое, настоящее и будущее едины, неразрывны в сознании и памяти народа, в его языке, в его слове**. Русский народ это чувствует сердцем. Характерная для языка рассказов и повестей А.А. Цыганова насыщенность народными пословицами, присловьями и поговорками также утверждает эту идею бессмертия народной жизни и его духа, выраженного в своём собственном самородном слове. Автор книги сокровенно передаёт нам, читателям, это единое житие русского народа, умирающего и вновь воскресающего, вопреки всем невзгодам. Неслучайно Василий Иванович Белов обратил особое внимание на слова старой крестьянки – героини рассказа «Помяни моё слово», сказанные с блаженной радостью после перенесённых ею потрясений: **«Подико снова надо жить, раз такое дело»** [2: 5].

Подобное самочувствие русского народа нашло отражение в письме Ф.М. Достоевского, лично меня поразившем. Оно было написано 22 декабря 1849 года в Петропавловской крепости после того, как писатель пережил публичное объявление ему и другим петрашевцам смертного приговора, после подготовки к казни и неожиданной отмены этого приговора и затем – нового приговора к сибирской каторге. Молодой Ф.М. Достоевский нашёл в себе силы в этот же день написать брату: **«Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и оставаться им всегда, в каких бы то ни было несчастьях не уныть и не упасть – вот в чём жизнь, в чём задача её»** [3]. Эти мужественные слова нашли отклик в душе Игоря Цыплакова, главного героя повести «Вологодский конвой», после всех испытаний в первые дни работы воспитателем в колонии строгого режима. Кульминацией тяжёлых событий стал пожар в библиотеке, где он несколько дней назад увидел бюст Достоевского и взял для чтения его «Дневник писателя». Чудом минова смертельную опасность, Игорь спасает бюст писателя из пламени. Этот поступок у одних вызывает негодование, у других – усмешку непонимания, и только некоторые свидетели улавливают символический смысл его рискованного поступка [9: 340]. У Достоевского Игорь Цыплаков нашёл эти особые слова, что дают человеку силы жить и надеяться даже в самом бедственном положении.

Молодой неопытный воспитатель отряда преступников в колонии строгого режима, подавленный вначале тяжестью тюремного бытия, обнаружил в «Дневнике писателя» и такое обнадеживающее его размышление: «У нас есть, бесспорно, жизнь разлагающаяся, но есть, необходимо, и жизнь, вновь складывающаяся на новых уже началах. Кто их подметит и кто укажет? Кто может определить и выразить законы и этого разложения, и нового созидания?» [9: 328].

Представление о жизни у православных людей очень широко, а писатель А.А. Цыганов – человек православный. В христианском понимании жизнь человека не заканчивается могилой, после смерти начинается новая жизнь в мире духовном: «У Бога все живы». В вечно живой душе человека всегда ощущается эта невидимая связь с Богом. Поэтому своих героев А.А. Цыганов всегда изображает одновременно в земном и духовном видении. Это проявляется в самом сюжете его произведений (например, в таких, как «Защитник Отечества», «Три свечи», «После дороги», «Под сосною, под зелёною», «Помяни моё слово», «Вологодский конвой»), которые только на поверхностный взгляд кажутся фантастическими и мистическими. Я думаю, это вещее сердце автора видит своих героев и все события, случающиеся с ними, в едином поле пророческого зрения. Критик В.Н. Бараков отмечает: «Его мистицизм – не мистицизм вовсе, просто автор, погружаясь в глубины реальной действительности, творчески познаёт её. Если Рубцов слышал «печальные звуки, которых не слышит никто», то Цыганов оком художника видит печальные картины, сокрытые от простого «житейского» взгляда» [1: 372]. Но и простой «житейский» взгляд обычного читателя нередко начинает несмело проникать вслед за писателем в тайну бытия, но сразу не может переступить грань нового для него, непривычного художественного восприятия, поэтому и задаёт вопросы (мне лично их задавали): «Что это было? Фантазии автора? Или это и на самом деле бывает в жизни?» На эти вопросы я бы ответила так: да, так бывает на самом деле. Только мы часто этого не замечаем, потому что не хотим и боимся заметить. Нас отвлекает суета сует. Именно поэтому мы становимся читателями А.А. Цыганова не сразу, а постепенно – по мере того, как мы учимся внимать своему сердцу и через его око смотреть на жизнь и познавать людей, о которых идёт речь в его произведениях.

Только человек, мужественно прошедший испытание болью и несчастьем, воспринимающий жизнь не только разумом, но и душой и сердцем, способен не испугаться и приблизиться с сочувствием к чужому горю, искренне разделить чужую беду. К сожалению, многим современным писателям такое сочувствие незнакомо. Их нередко увлекает занимательный сюжет и спасительная ирония, от которой не болит сердце. Но не таков стиль произведений А.А. Цыганова. Он откровенно страдает вместе со своими героями, вместе с ними совершает мужественные поступки или ошибается, расплачивается за эти ошибки душевной болью. Его герои во время беды, войны или душевной смуты проявляют невероятную волю к жизни и духовное мужество, чтобы снова жить. И, конечно, все они никогда не теряют надежды. Неслучайно А.А. Цыганов поставил эпитафией к первой части повести «Вологодский конвой» слова из упомянутого выше письма Ф.И. Достоевского: «*Брат! Клянись тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте*» [9: 321]. Сохранить дух и сердце в чистоте наставляла Игоря Цыплакова, главного героя этой повести, его мать, когда узнала, что его направляют работать воспитателем заключённых в колонию строгого режима. Её материнское сердце чувствовало, какие жестокие испытания ждут сына. Советы матери нашли выражение в народных пословицах: «С совестью не разминуться. ... А добрая совесть – глаз Божий. Ясны очи» [9: 339].

Эта мысль, по-разному выраженная в сюжетах и судьбах героев, звучит во всех рассказах и повестях книги А.А. Цыганова. Обратимся к наиболее запомнившимся образам из его произведений. Главная черта характера его героев, собственно русская черта, – это духовная сила терпения. Именно духовная сила. Терпению ведь учит глубокая вера в Бога, в Его Благой Промысел, поэтому святые люди – самые терпеливые. Терпению учит тяжёлый труд, поэтому русские крестьяне были самыми терпеливыми. Терпению учит материнство – поэтому настоящие матери самые терпеливые женщины. Терпению учит воинский долг, поэтому верные присяге солдаты должны быть самыми терпеливыми воинами. Терпению учит любовь. Как сказал апостол Павел, «*любовь долготерпит, ... все переносит*». Кто прошёл одно из таких испытаний, тот претерпел до конца. А по Евангелию, «*претерпевший до конца – спасётся*».

Что же такое терпение? Святитель Игнатий Брянчанинов так кратко определил его: «*Терпение – дом души, смирение – её пища*» [6: 400]. Значит, нетерпеливая душа – бездомна, а лишённая сми-

рения – всегда голодна. И одно с другим прочно связано. При этом можно иметь деревянный или кирпичный дом, или даже хоромы, а душа при этом всё равно будет бездомна. Можно и есть сытно, и гордо повелевать другими людьми, а душа всё равно будет голодна! Размышления святителя Игнатия, изложенные в его богословских сочинениях, проистекают из его духовного опыта и христианской традиции. Писатели также приобретают духовную опытность, если их творческий дар обращён к правде жизни, к её высшему смыслу. Характеры и судьбы героев рассказов и повестей А.А. Цыганова с художественной очевидностью показывают нам, как человек благодаря терпению достигает духовной силы. И с другой стороны, писатель раскрывает гибельность нетерпения.

Героиня рассказа «Ночью месяц пёк» – бесстрашная терпеливая хранительница родного дома, которая *«с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше»* [9: 278]. Образ старой русской крестьянки предельно конкретен, хорошо узнаваем, то есть типичен для вологодской деревни. Не случайно в рассказе постоянно употребляются местные вологодские слова (*месяц пёк, кирилловская трёхрядка, отводок, дювья, баской*) и топонимы родного для А.А. Цыганова Кирилловского района (*Славянка, Иткольское*). Вместе с тем это символический образ, ведь автор даже не дал своей героине имени, называя её или *она*, или *одинокая женщина в белом одеянии*. Как это и характерно для символа, образ этой героини построен многопланово. Пространственный крупный план – это описанная в мелких бытовых подробностях обветшавшая изба старой женщины, заросшая усадьба. В дальнем плане просматривается северная деревня с заброшенными домами, из которой ушли все люди кроме этой одинокой хранительницы родного крова. А дальше воображение рисует всю деревенскую Россию... Временной крупный план изображает подробно все события тревожной ночи, которая могла быть последней для героини, а значит, и для её дома, и для всей этой деревни ... А потом, может, и для всей крестьянской Руси! Такая мысль формирует дальний временной план изображаемых событий.

Однако кроме тревожного настоящего и предполагаемого гибельного будущего в сюжете этого рассказа есть прошлое, картины и события которого проливают свет на происходящее и помогают его осмыслить в духовно-нравственном ключе. Автор не ищет виновных, не берётся решать социально-политические вопросы, хотя они невольно всплывают в сознании читателя и вызывают горечь. Автор просто изображает, как шла жизнь в северной русской деревне последние полвека, и беспощадно правдиво показывает тьму и свет крестьянского мира.

Да, вряд ли можно рассказать о сокровенном житии русской деревни чужому человеку!.. А вот писатель А.А. Цыганов сумел рассказать об этом, доверчиво надеясь, что его читатель – свой родной человек, который поймёт его. Только все ли его услышат? Ведь чтобы понять крестьянскую жизнь, нужно терпеливо прожить её или с любовью прикоснуться к ней. Для этого нужно быть христианином (напомним: имя *крестьянин* произошло от слова *христианин*). Именно такой христианкой была главная героиня рассказа «Ночью месяц пёк». Её терпение и молитва победили послевоенное ожесточение и дикость мужа, и он стал *хозяином* – так его постоянно называет автор в рассказе. Она победила своим мужеством и духовной силой ночных поджигателей, посланных чужими людьми уничтожить её дом. Она твёрдо верит, что Господь ей поможет, и поэтому неустанно молится.

Жизнь русской деревни в XX веке была и страшной, и светлой, потому что она стояла на самой передовой линии духовной смуты. Крестьяне дольше городских жителей хранили в душах веру православную, трудолюбие и терпение, но когда начали их терять – тогда-то и наступили тёмные времена разорения северной деревни под натиском чужой беспощадной воли. Героиня рассказа – *последняя* хранительница этого истока Руси. Вот это самое страшное. Но не хочется верить, что это последний рубеж. Если народ сохранит дом своей души – терпение, то тем самым сохранит и Россию – наш общий дом. А пока с каждым днём деревня сиротеет всё более и более.

Печальная тема трагического сиротства и бездомности современной северной деревни звучит во многих рассказах писателя. Обратимся к рассказу со странным названием «*Ерпыль*». Это местное деревенское слово с очень древним корнем вряд ли известно городским читателям. В самом конце повествования о горькой судьбе нетерпеливого блудного сына автор даёт ему народную оценку: «*Ерпыль – так здесь издавна прозывали любую непоседливую натуру*». Русский народ всегда ценил терпение и порицал нетерпеливых, что нашло своё выражение в его языке. В «Словаре русских народных говоров» отмечено, что у слов *терпение* и *терпеть* кроме основных значений есть и другие

положительные оценочные значения: *терпеливый* – значит «пригодный, подходящий к чему-либо, для чего-либо», *терпеть* – значит «сохраняться, не портиться». Но *терпеть* ещё значит и «страдать, мучиться», поэтому от этого слова образовались слова *терпеливец* и *терпеливица* – это «об очень терпеливом человеке». Для обозначения нетерпеливого человека в русских народных говорах есть много слов (*зуда, сулема* и др.), вот и *ерпыль* имеет однокоренные с ним слова *ерпеза, ерпеса, ерпесило*. Все они имеют пренебрежительную окраску. Трагизм бездомности героя, которого автор назвал *ерпыль*, потрясает. Если библейский блудный сын всё-таки нашёл силы вовремя вернуться в родной дом отца, то вологодский блудный сын спохватился слишком поздно. После многолетних скитаний по чужой стороне он возвращается в родную деревню, но она встречает его не теплом родного очага, а космическим холодом, стылой пустыней и снежной бурей. Героя охватывает тоска, ему страшно внимать вою ветра в этой пустыне: *«Перекрывая это вселенское неистовство, и совсем уже неведомо из какой и где уживаемой бездны нет-нет, да и пронзало оловянное пространство надмирным и сиротским плачем незримого малютки, вековечно и одиноко страдаемого по обычному, никогда неизбывному участию, нашему теплу»* [9: 265].

Терпение во имя высокого предназначения сопряжено всегда с выдержкой и мужеством. В славянском языке *терпеливый* значит и «сильный, могучий», и «мученический». Именно в таких значениях употребляется это слово в славянском переводе Библии. Именно об этих смыслах терпения повествует третий рассказ А.А. Цыганова «Под сосною, под зелёною». Его герой, бывший разведчик, ныне одинокий, старый и, на первый взгляд, слабый человек, который *«готов сидеть день-деньской»* в кафе в окружении мужского общества, так как ему после смерти жены отчаянно одиноко *«в своей пустой однокомнатной панельке»*. Он не пьёт вина, обычно молчит, так как к нему здесь относятся насмешливо и называют «Слава-разведка». Вот и в этот день шумная компания ему кричит: *«Слышь, разведка? Ещё не всех врагов повязал? Колись, боец!»* [9: 121]. Однако именно этот человек в этот же день вечером мужественно защищает своё человеческое достоинство от приезжих жестоких бандитов, напавших на него недалеко от его дома на безлюдной окраине Вологды. Только терпение и выдержка помогли ему справиться с леденящим душу страхом. И в этот момент духовного возвышения на помощь ему приходит сам Господь: *«Тогда-то, не покидая его, словно кто-то неведомый и оказался рядом, чтоб до последнего вместе держаться. И, как будто вживую, заодно добавил спокойствия и сил, чтоб в коленках не дрогнуло»* [9: 127]. Обстоятельства неравной схватки складываются так, что два бандита погибают: один, поскользнувшись, напоролся на собственный нож, а второй, в темноте и в состоянии бешенства, – на толстый сук сосны, под которой происходило нападение на старого разведчика. Третий бандит бросается на ослабевшего старика и пытается задушить его *«славиной родительской тесёмкой от нательного креста»*. *«И тут всё, что осталось в Славе, ходуном заходило: как-то это было совсем уж не по-русски – последний бой проигрывать»*... И он побеждает, хотя и умирает в этом последнем бою: *«И Слава-разведка, недвижимый, продолжал глядеть высоко вверх, словно отыскавший там, наконец, кого-то самого родного, безотрывно и манившего его отсюда, от этой одинокой сосны на голой зябкой земле, – к себе, в долгожданный покой и отдых»* [9: 134].

При внимательном чтении этого рассказа обнаруживается, что за его сюжетом стоит очень многое, что связывает главного героя с русской православной традицией. Главное – это его способность к терпеливому мужеству. В доказательство привожу мысли жившего в XVIII веке святителя Тихона Задонского о терпении, которое проявляет человек в тяжёлых и опасных обстоятельствах: *«Терпение мужественным и непобедимым делает человека. Может терпеливый лишён быть всего, ... может убиен быть, но победим быть не может. Ибо крепость его не телесная, но духовная есть: телом побеждается, но духом непобедим бывает, ... и тако над всеми своими врагами духом торжествует»* [7: 137].

В творениях святителя Тихона Задонского звучит гимн терпению: *«О! блажени те дома, грады, веси, села и общества, в которых терпение обитает: оно бо более сохраняет общество, нежели оружие, более защищает град, нежели стены»* [7: 1039]. В рассказах А.А. Цыганова тоже звучит этот древний русский гимн.

Далее обратимся к рассказу Александра Цыганова «Садовник». Это современная притча, написанная с библейской глубиной постижения мира. Писатели и поэты обладают способностью видеть красоту и истину там, где другие проходят мимо, ничего особенного не замечая, кроме картины обы-

денности. В своё время Гёте кратко определил эту способность так: «*Красота – в глазах смотрящего*» [4: 62]. Христианская эстетика считает: талант видения красоты определяется способностью человека к любви. Выдающийся мыслитель XX века митрополит Антоний Сурожский пишет: «*Для того чтобы видеть красоту человека там, где другие её не замечают, достаточно полюбить его*». И тогда мы не только его внешний облик замечаем, а «*видим сквозь это сияние личности*» [4: 66].

Писатели нередко болезненно переживают уродства нашего мира. Они следуют завету Н.А. Некрасова: «*То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть*». Но если безоговорочно опуститься в пучину ненависти, то и любить можно разучиться. Можно и ослепнуть, и красоту мира не увидеть.

В рамках критического реализма этому противоречию не найти решения. Всех нас слишком долго учили только ненавидеть, а любить предлагали фальшивые ценности, поэтому многие из нас утратили чувство красоты. Христианский взгляд на человека открывает писателям другой путь познания жизни: «*Когда Бог смотрит на человека, Он видит в нём не добродетели или достижения, которых может и не быть, но ту красоту, которую ничто не может уничтожить*» [4: 59].

Писателей, одарённых таким духовным видением, в наше время немного. Один из них – Александр Александрович Цыганов. Сюжет рассказа «Садовник» даёт повод некоторым критикам снова упрекнуть писателя в мистицизме. Но этот термин многозначен и вряд ли подходит для характеристики творчества Цыганова. Писатель использует палитру критического реализма, но это для него лишь вспомогательное средство. Главное, что определяет художественное видение автора и на что постепенно настраивается взгляд внимательного читателя – это его **духовный реализм**. Тот самый метод письма, который был освоен ещё гениальными творцами XIX и XX веков: например, Пушкиным в «Капитанской дочке» и «Пиковой даме», Лермонтовым – в «Демоне», Гоголем в «Петербургских повестях», Достоевским в «Бесах» и «Братьях Карамазовых», Шмелёвым – в «Лете Господнем», Булгаковым в «Мастере и Маргарите», В. Распутиным в рассказе «Наташа».

На первый взгляд, рассказ «Садовник» – это всего лишь жанровая зарисовка. Как обычно у А.А. Цыганова, в повествовании всё узнаваемо: улицы, церковь, рынок, набережная, ларьки и киоски города Вологды. Вологжанин смог бы провести экскурсию по маршруту движения главного героя. Реалистически изображены типы горожан, с которыми встречается герой. Зоркий глаз писателя точно определяет характеры людей и создаёт индивидуальные художественные портреты всех участников драмы. Но это всего лишь панорама, на фоне которой и происходят главные события. А дальше включается глубинное измерение души героя и его поступков, то есть выясняется его духовная значимость. Главную роль в раскрытии этой стороны содержания рассказа играет композиция, которая придаёт повествованию звучание трагической симфонии.

В рассказе используются различные имена и названия главного героя. Сначала он назван нейтрально по фамилии и роду занятий: «*Горелов – сторож в кандейке*» (в винном магазине). Фамилия и профессия говорят о том, что это человек с неудавшейся и, видимо, трагической судьбой. Об этом же свидетельствует и его внешний вид: «*Под сорок уже, а на вид и того больше: давно не брит, волосы не стрижены, вдобавок ещё всё старое на нём надето. И пальто, и штаны, и пиджак. А у шапки одного уха совсем нет, оборвалось. Бывает, какую-нибудь зловредную дырку, что совсем на виду, закропаешь, как умеешь, и дальше бегаешь. Может, и рад бы в новое обрядиться, да с такой зарплаты быстро закукуешь. Но это ещё ладно, платите хоть вовремя и то бы хорошо. Думают, сторож в кандейке, так уже не человек?»* [9: 234]. Таково первичное поверхностное представление о герое. Для чёрствых и озлобленных людей этого достаточно, чтобы называть Горелова *бомжом*, *тронутым*, *дворником-лентяем*, *гадом*. Даже его гибель при спасении девушки эти холодные люди трактуют как самоубийство и считают: «*пьяница какой-нибудь или с ума человек сошёл*». В городе оказалось мало людей, жалеющих этого неприкаянного жителя Вологды. Однако и продавщица, и старушка в церкви, которые ласково обращались к нему *молодой человек*, *милок*, не поняли его.

Холод царит на улицах города, он страшен герою, так как у него нет от него защиты. Ещё больший холод царит в людских душах, он-то страшнее уличного мороза. А теперь обратимся к внутреннему голосу героя, обратим внимание на его слова и поступки. Он незлобив, кроток, честен: «*И что с того, если иногда возьмут да бомжом на улице обзовут, сорвётся с языка. Не на таковых напали, гореловская порода другая: чтоб с протянутой рукой на люди сунуться, это уже надо особенную натуру иметь. Все нынче на одно лицо – и те, что торгуют на каждом углу, и те, что*

деньги у каждого встречного без зазрения совести морщат. Раньше тоже всяко жили, но ведь этого не было – откуда что и взялось?» [9: 234].

У Горелова, несмотря на страшную нищету и неустроенность, сохранился внутренний духовный стержень, личное достоинство: он не суетится и не вступает в непристойную борьбу за какие-то жалкие бытовые приобретения. Автор повествует: «... ему давно хватало кружки горячего чая и куска хлеба. Там, где он прожигал, о первом и втором мечтать не приходилось: в зареченской коммуналке, как в общем вагоне, если не хуже. К плите не подступиться: очередь с утра до вечера вперемежку с пьянкой на том же месте. Да и без ругани с мордобоем не обходится. Какое домой идти. Вот и сейчас не тянет. Хоть мороз на улице, а лучше по городу пройтись» [9: 231].

Герой А.А. Цыганова поражает тем, что, постоянно сталкиваясь с уродствами нашей жизни, превозмогает их и выходит «за пределы уродства к иному видению» [4: 134]. Так, грубого, сытого и подвыпившего молодого парня в богатой дублёрке, который его оскорбляет, приняв за нерадивого дворника, он не презирает, не вступает с ним в бесполезный спор, а пытается привести в чувство и говорит добродушно: «Земляк, я такой же прохожий, как и ты». Но его не слышат, и это не его вина. «Я бы сказал здесь то же, что было сказано о красоте: уродство – в глазах смотрящего» [4: 134]. Фраза «**Земляк, я такой же прохожий, как и ты**» выражает главный жизненный принцип человека, живущего по христианским заповедям. И она по-евангельски многозначна и глубока.

В окружении постоянной несправедливости и грубости душа героя скорбит. Бездна отчаяния звучит в его словах: «На душе и без того худо. Тошно: как по рукам-ногам связали и в колодец без дна бросили» [9: 232]. Тем более удивительны и трогательны милосердие и щедрость этого нищего и униженного людьми человека. Никому не нужный в своей горемычности, он, тем не менее, помогает, чем может, всем, кого встречает на своём пути: утешает растревоженного дедушку, счищает лёд на крутой лестнице, чтобы люди не расшиблись, пытается в церкви передать через служительницу деньги чужой девушке, чтобы она не совершила опрометчивого безрассудного поступка. Особенно поражает милостыня, данная дважды из последних денег, таджикским женщинам, сидящим с детьми на морозе прямо на земле: «Возле нового магазина в гирляндах цветных шариков и с надписью «Мы открылись!» снова оказалась тоскливая фигура в стёганом полосатом халате со склонённой головой и протянутой ладошкой – голой, потрескавшейся на морозе. Тогда Горелов, сжав зубы, выгреб остатки денег, на глазок разделил пополам и половину сунул нищенке, а после, не выдержав, перешёл на другую сторону улицы. И сколько бы он ни старался, так и не услышал, что думали эти полубомороженные женщины. Наверное, они давно уже ничего не думали» [9: 235-236]. Все эти поступки тревожат, как-то теребят наши равнодушные души и заставляют устыдиться своей чёрствости. Дважды спасает Горелов встретившуюся ему на рынке девушку-старшеклассницу: сначала от бесчестья, а потом – от смерти. Это юное существо погибало от страсти, типичной для современных школьников: «Ну, я вам устрою, – бездумно глядя глазами, полными слёз, на холодные киосковые стёкла, негодовала школьница. – Блин, прикольно: смартфон им жалко купить! Все наши уже по второму сменили, а мне фигу показали: потерпи немного, сейчас не можем! Потерплю, потерплю, не расстраивайтесь: такое вам устрою, потом и рады бы всё отдать, да только поздно будет!» [9: 236]. Горелов спасает бросившуюся под автомобиль девушку, но сам погибает...

Во всех этих событиях последнего дня героя он выходит, как мы уже подчеркивали, за пределы уродства мира к иному видению. На обывательском уровне все поступки Горелова кажутся неправдоподобными или бессмысленными. Иные скажут мне: «Таких людей нет! Да и не нужны они вообще!» Смею возразить: такие люди бывают и такие люди нужны, так как их личность создана по образу и подобию Божию!

Свидетельствую, что среди моих деревенских родственников были такие люди. Они были готовы взвалить на себя твою ношу, накормить последним куском хлеба, отвратить от беды. Я их помню поимённо. Они победили в страшной войне, многократно совершая подвиг самопожертвования. И сейчас такие люди есть, так как наши современники – от корня тех родных нам соотечественников.

Говорить в заключение такие высокие слова справедливо и уместно, так как весь рассказ-притча А.А. Цыганова пронизан евангельским духом. Читая его, вспоминаешь евангельские заповеди и притчи, например, о лепте вдовы, о блуднице, в которую никто не смог бросить камень, о милостивом самаритянине. И наконец, вспомним о *садовнике*. Так сам герой назвал себя, по какому-то

внутреннему чувству. Так же назвал автор свой рассказ. И это не случайно. Этот человек исполнил многие евангельские заповеди и таким образом уподобился Христу, которого в Евангелии символически называют *Господином виноградника* (Лк 20: 9-16), или *Садовником* (И 20:15-16).

А.А. Цыганов удивительным образом передаёт момент подвига-самопожертвования своего героя как очищение от тёмного начала в человеке и полёт души в бесконечное пространство света:

Но ещё раньше, успев всё-таки понять, что такое чужеродное сидело в нем, – Горелов уже точно знал, что́ станет делать дальше. И тогда, как будто это услышав, что-то дегтярно-блестящее с рёвом вышло из его нутра вон, спасительно освободив душу от непосильной маеты. А он сам тотчас прыгнул, оттолкнув от проезжей части вздрогнувшую школьницу прямо к самым деревьям, что тёплой порой не иначе, как самым настоящим райским садом и не обозвать из-за неизменно благоухающий, буйно-неукротимой зелени». ...

Горелов видел своё тело с разбросанными руками и разбитой, раздавленной головой, со свивающимися сосульками красных волос. А следом нечто светлое подняло его уже неосязаемую светящуюся оболочку высоко-высоко, но будто всё его, гореловское, светлое, не отставало кричать и кричать, невесомо уходя в запредельные невозвратные дали. Только уж если там, на земле, никто не хотел слышать – кто же теперь услышит оттуда – из света? [9: 240].

Последняя фраза выражает горькую истину – мы не видим красоты человека при его жизни. Для этого он должен сначала умереть. Но и этого часто бывает мало.

В рассказе «Садовник», несмотря на его трагический конец, автор снова ясно выражает самую важную для него мысль о том, что есть в нашей современной жизни люди, которые «с совестью не разминувшись», не потеряли надежды и сохранили свой дух и сердце в чистоте. Поэтому вместе с писателем А.А. Цыгановым мы уверены: «Много дней впереди, много и позади. Но помрут и внуки наши, а конца этой песни не дождутся; и, вспомнив теперь всё происшедшее, передо мной будто бы на миг приоткрылось таинство изначальное, и зрятя сейчас – чтоб жить да молодеть, добреть да радоваться!» [9: 339].

ЛИТЕРАТУРА

Бараков В.Н. Река невидимого духа // Цыганов А.А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В.Н. Бараков] – Вологда: Полиграф-Периодика, – 371–373 с.

Белов В.И. На взлёте // Цыганов А.А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В.Н. Бараков] – Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. – 5 с.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – М.: Азбука-Классика. – 464 с.

Митрополит Антоний Сурожский. Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности. – М.: «Никея», 2017. – 192 с.

Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Издание Московского Данилова монастыря, 2006. – 1152 с.

Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский. Творения. Книга 1: Аскетические опыты / Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский. – Москва: Лепта, 2001. – 865 с.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского / Схиархимандрит Иоанн (Маслов). – Москва: АОЗТ «Самшит», 1996. – 1180 с.

Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 828 с.

Цыганов А.А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В.Н. Бараков] – Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. – 374 с.

Критика

Валентина Коростелёва

Родилась в Кирове (Вятке), окончила Литературный институт им. Горького. Стихи, а позднее рассказы, а также очерки о русских писателях публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали на радио. Издано 20 книг, из них 11 поэтических (в том числе в Болгарии). В 2012 году вышли – избранное поэзии «Золото судьбы» и прозы «На ветрах горячих лет». Член Союза писателей России, лауреат литературных конкурсов имени Андрея Платонова, «Добрая лира», «Литературная Вена», «Слово-2017», а также им. Фёдора Тютчева и Андрея Белого. Заслуженный работник культуры РФ. В настоящее время живёт в подмосковной Балашихе.

Русская звезда Фёдора Тютчева

1

Я очи знал – о, эти очи!
Как я любил их, – знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!..

Без тени сомнения берусь утверждать, что любовная лирика Тютчева – вершина не только его творчества, но и во многом всей русской поэзии. В наш, чересчур цивилизованный век, когда живое человеческое общение всё чаще заменяет интернет, а само искусство подменяется (для массового зрителя, в частности) мыльными кино-операми и бесконечными кулинарными поединками с участием преуспевающих актёров и писателей, – обращение к поэзии великого лирика равноценно глотку свежего целительного воздуха.

Она сидела на полу
И груды писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

Истинная поэзия дышит и мыслит образами. Но не теми, что являются наживками для читателя, не более. Настоящий поэтический образ, как солнце или луна, – освещает всё стихотворение, делает его и жизненным, и высоким одновременно.

Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело... –

вот так можно одним-двумя штрихами поднять к Высоте и Мудрости простой жизненный эпизод! Таков почерк таланта. Именно он истинное чувство превращает в истинную поэзию, что не так

часто бывает – при всём огромном количестве стихов о любви, что созданы до сих пор! Зачастую вместо чувства – жалкое его подобие, вместо душевной глубины – набор известных эпитетов, а потому и вместо читательской благодарности и восторга – равнодушие к так называемым «сердечным мукам», а то и прямая досада: тоже мне, так-то и я смогу!.. Вот почему лирика Тютчева засияла сегодня ещё более ярко и желанно.

Однако было бы несправедливо петь похвалу только его лирике. Фёдор Иванович – автор многих не только философских, но и, как бы сегодня мы сказали, публицистических стихотворений. Несколько десятилетий, проведённых на службе за границей, работа дипломатом в беспокойной Европе, не слишком жалующей Россию, со временем вывели его поэзию на передний край общественной жизни.

Постоянно стремившийся к полным и глубоким знаниям во всех доступных сферах, Тютчев, конечно же, не мог не знать об исторических корнях своей семьи. В данном случае о том, что умелым и дальновидным послом в Орде был близкий по крови боярин Захарий Тютчев, который сумел выведать и передать весть князю Дмитрию Ивановичу о новых враждебных замыслах Мамаю, благодаря чему русские рати не были застигнуты врасплох и дали внушительный отпор Орде.

Тютчев был подростком, когда разразилась война 1812 года. Надо ли говорить, какая мощная волна патриотических настроений с головой накрыла и его? А такое остаётся в сердце на всю жизнь. И ещё одна деталь: в основе всех традиций его родной семьи была глубокая духовность, и не случайно известный киевский митрополит Филарет приходился ему родным братом. И, наконец, родители не жалели средств на образование сына и пригласили к нему воспитателем Семена Егоровича Раича, учёного и литератора, знатока классической литературы, уже известного переводами стихов Вергилия и Тасса, не говоря о его глубоком знании русской словесности.

Эти корни не дали Тютчеву внутренне оторваться от родной страны, её истории и языка. Несмотря на то, что вся работа и связанная с ней переписка происходили на французском, в те же годы в уме и душе его шла незримая и постоянная творческая работа, результатом которой стали первые циклы стихов, в том числе философских и публицистических.

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!

Многие строки стали уже давно крылатыми, особенно эти:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Но вера без действия – ещё не выход из разного рода испытаний. И вот – страстный призыв, идущий из глубины души:

Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Стоит оглянуться хотя бы на двадцатый век, на то, что происходило с Россией, – и ясно, что только глубокая вера вкупе с работой ума и души помогла народу пережить и гражданскую войну, и репрессии, и Вторую мировую, и все «прелести» перестройки под либеральным зонтиком, что до сих пор дают о себе знать отнюдь не пустяшно, потому что, как показала жизнь, либерализм и демократия – далеко не всегда в тесном союзе. И как тут не вспомнить:

Напрасный труд – нет, их
не вразумишь, –
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

Для таких строк в те далёкие годы нужно было иметь смелость. Но и творчески быть готовым выразить так чётко и образно свою мысль, в данном случае – приговор либералам той поры. Прекрасное владение русским литературным языком вкупе с характером европейски образованнейшего человека давало замечательные результаты в сфере поэзии. Не случайно, по воспоминаниям знакомых с ним литераторов, «он был дурен собою, небрежно одет, неуклюж и рассеян; но все это, все это исчезало, когда он начинал говорить, рассказывать; все мгновенно умолкали, и во всей комнате только и слышался голос Тютчева». И как не вспомнить слова одного из его современников: «Поэзия Тютчева никогда не была к услугам сильных мира сего, кто бы они ни были и где бы они ни были – на троне или в литературе».

Сила духа поэта и твёрдость в убеждениях во всех перипетиях его многогранной деятельности и судьбы, верность России, – не может не вызывать огромного уважения, если помнить, что с 18-летнего возраста ему пришлось строить свою жизнь и характер вдали от родины. Фактически в течение 22-х лет он только несколько раз побывал в России на короткий срок. И сама дипломатическая работа в течение долгого времени, учитывая его молодой возраст, больше способствовала сближению с Европой, чем с Россией. Его жёны почти не знали русского, то есть, даже дома он не слышал родного языка. Однако же именно в эти годы из-под пера его выходят такие произведения, как «Весенняя гроза», «О чем ты воешь, ветер ночной?..», «Silentium» («Молчи, скрывайся и таи...»), «Зима недаром злится...», «Не то, что мните вы, природа...», «О, как убийственно мы любим...» и другие, вошедшие в сокровищницу русской поэзии. К тому же он был первым переводчиком на русский язык Генриха Гейне. Именно сила духа поэта питала его стихи той энергией, что не могла не передаваться и читателю.

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда –
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись – теперь иль никогда...

(« Ты долго ль будешь за туманом...»)

И вот свершилось: сам Пушкин опубликовал стихи Тютчева в «Современнике» незадолго до своей гибели, а в 1850 году Некрасов печатает там же статью о нём. И наконец в 1854 году выходит в свет первый сборник стихотворений Федора Ивановича благодаря Тургеневу. И тем не менее широкая известность придёт к нему только в конце XIX века.

Жизнь, её события проходили через сердце поэта, а сердце не приглаживает слова, не думает об опасности самых острых строк, чреватых неприятностями для автора. В конце октября 1854 года, когда в Крыму шли тяжелейшие бои с турками, Тютчев написал стихи, в которых – и боль, и обида на саму жизнь, что сталкивает между собой целые страны. А его пророческий талант словно заглянул на полтора века вперёд:

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...

... Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

... О, в этом испытанье строгом,
 В последней, в роковой борьбе,
 Не измени же ты себе
 И оправдайся перед богом...

Однажды, при встрече с именитым земляком, я рассказала о своём плане издать книгу новых стихов. И он убеждённо отреагировал: «Кому она нужна сегодня, поэзия?!» И не война с Турцией уже тому виной, как когда-то, а рынок, подмявший под себя всё, в том числе истинную культуру и связанную с ней духовность. И «слово русское, родное» на глазах исчезает из повседневного быта, где всё больше господствует уже привычный сленг (заменитель полнокровного слова), нередко «сдобренный» матом. И, судя по тому, что он давно уже в ходу, начиная от бездомных и заканчивая депутатами, а также так называемой новой литературой, порой схожей с телегой на рыночных колёсах, – стихотворение Тютчева остаётся более чем актуальным.

Писатель и критик Алексей Петрович Плетнев уверенно заявлял о Поэте:

«Западник по воспитанию, по вкусам он является одним из ярких истолкователей русской души». Редкий случай, когда поэт пользовался безоговорочным признанием и уважением – как среди светского общества, так и в читающих низах. Любимец престижных гостиных благодаря пронизательному уму и изящным манерам, он редко подвергался обструкции за свои острые, с явным политическим акцентом, стихи и, само собою, был любим всеми, кто болел за настоящее и будущее России. Когда в каждой строчке ощущалось биение горячего сердца истинного патриота, – не надо было иных доказательств этому.

Эти бедные селенья,
 Эта скудная природа –
 Край родной долготерпенья,
 Край ты русского народа.

Не поймет и не заметит
 Гордый взор иноплеменный,
 Что сквозит и тайно светит
 В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
 Всю тебя, земля родная,
 В рабском виде Царь небесный
 Исходил благословляя...

Поэзия у Тютчева много раз становилась не только предметом литературы, а прямой публицистикой, сминавший рамки искусства, становясь явлением общественной жизни. Мягкий лирик, Тютчев открывался нараспашку как человек и поэт, причём стихи его не переставали быть поэзией, не были простой констатацией фактов или явлений. И в этом плане он существенно обогатил русскую литературу, показал её возможности и горизонты.

Первый биограф и зять Тютчева Иван Сергеевич Аксаков отмечал, что Фёдор Иванович «хранил полную свободу мысли и чувства». И не только хранил, но и давал им волю в стихах. За такие, к примеру, строки можно было угодить и на Кавказ под пули, и в Сибирь:

Не Богу ты служил и не России,
 Служил лишь суете своей,
 И все дела твои, и добрые и злые, –
 Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
 Ты был не царь, а лицедей.

Такое вот «посвящение» заработал от Тютчева Николай I в связи с потерей Севастополя в Крымской войне. Понятно, сколько горечи вложил поэт в свои строки как истинный радетель за Отечество. Он также твёрдо стоял за отмену крепостного права, за выборы, в которых может участвовать каждый гражданин. И непосредственный начальник Фёдора Ивановича министр иностранных дел Нессельроде всё более жёстко относился к такой «вольности», строго следил за поэтом. В конце концов Тютчев

был уволен. Но и в Петербурге, будучи председателем Комитета иностранной цензуры, он то и дело остро спорил с представителями этого ведомства. И они «заслужили» от поэта почти убийственную характеристику: «Все они более или менее мерзавцы, и, глядя на них, просто тошно...»

2

Но вернёмся к лирике Поэта. Именно она более известна и более любима нашим читателем. И есть за что! Иван Сергеевич Аксаков так говорил об этом: «Что особо пленяет в поэзии Тютчева, это ее необыкновенная грация. Не только внешняя, но и еще более внутренняя. Все жесткое, резкое и яркое чуждо его стихам; на всем художественная мера; все извне и изнутри, так сказать, обвеяно изяществом». На мой взгляд, ключевое слово здесь – «грация». Редко какой писатель удостоивался такого эпитета. Прочитаем же не спеша, с удовольствием, одно из таких произведений:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоит как бы хрустальный
И лучезарны вечера.

Где бодрый серп ходил и падал колос,
Теперь уж пусто все: простор везде, –
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь,
И льется чистая и тихая лазурь
На отдыхающее поле.

А жизнь с её взлётами и падениями, разочарованиями и болезнями не очень щадила чуткий ко всему организм Поэта. Уже в сорок четыре года он выразился так: «Я отжил свой век и... у меня ничего нет в настоящем». Но прошло три года, и он сам, и его творчество испытывают потрясение огромной живительной силы. Имя ему – Любовь.

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!..

«Заря вечерняя» засияла дня него летом 1850 года, когда он встретил Елену Денисьеву, замечательную русскую девушку. Любовь эта захватила его целиком, и наперекор осуждению света, потере respectable положения в обществе, – Тютчев, связанный узами брака, окунулся в «прощальный свет» с головой. Но это было несравнимо с тем, какую цену заплатила за свою «незаконную» любовь Елена. От неё отреклись не только знакомые, но и родные. Но эта любовь подвигла поэта к написанию замечательного цикла стихов, вошедших в мировую поэзию.

Именно Тютчев, и особенно в цикле, посвящённом Елене Александровне Денисьевой, поднял на недостижимую прежде высоту само это чувство любви, всё его многоцветие и многогранность, его чистоту и драматическую глубину.

... Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.

Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой ловлю...
Слава Богу, я с тобою,
А с тобой мне – как в раю.

Тютчев словно приравнивает святость такого чувства к Божественному небу, его глубине, красоте и совершенству. Что и говорить, – не тем ли самым поэт напоминает нам, какой должна быть ис-

тинная любовь? Ибо мелкая душа и плавает мелко. А наполнить её светом и солнцем может только такая любовь:

... Любила ты, и так, как ты, любить -
Нет, никому ещё не удавалось!
О, Господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

Даже после ухода Денисьевой из жизни незабвенный свет любви ещё долго оставался для поэта поистине животворным.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землёю -
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Я не смогла не привести это стихотворение полностью. Невозможно ради цитаты опустить что-либо. Бывают случаи, когда, по словам Бориса Пастернака, –

...И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

Но гениальность поэта сказывается и в том, насколько лирический герой, чаще всего сам автор, – может не только почувствовать и выразить накал страстей, но и дать компас в руки тех, кто ещё только на пороге прекрасной драмы, именуемой любовью:

... И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою –
И самого себя, краснея, узнаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

Невозможно не вспомнить и знаменитое «Предопределение». За тяжеловатым названием – такая глубина и точность поэтических образов, что само стихотворение уже стало бессмертной формулой любви:

Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной -
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

Так распорядилась судьба, что в восприятии читателя на первом месте и, возможно, справедливо, из самых близких Тютчеву женщин оказалась Денисьева. Но всё это время оставалась любящей и верной – Эрнестина, его вторая жена. В годы романа мужа с Еленой она уезжала в Овстуг, имение Тютчевых, и там продолжала ждать и надеяться на его скорый приезд. «*Задержки papà погружали ее в беспросветную тоску*», – это слова из переписки дочерей Дарьи и Анны в августе 1855 года. «*Если увидишь своего отца, посмотри на него внимательно, как посмотрела бы я. Как он выглядит? Подстрижены ли волосы? Радуют ли его приятели и, главное, приятельницы?*», – спрашивает Эрнестина в письме Анну. А вот что писали о ней дочери от первого брака Дарья и Анна: «*Мама как раз та женщина, которая нужна папе, – любящая непоследовательно, слепо и долготерпеливо. Чтобы любить папу, зная его и понимая, нужно быть святой, совершенно отрешенной от всего земного...*» Эрнестина и в эти, мучительные для неё годы, старалась заботиться о муже, сохраняла

семейный очаг, радовалась даже коротким его весточкам в Овстуг. *«В прошлую пятницу почта принесла мне письмецо от моего Любимого с очаровательными стихами его сочинения»,* – радостно сообщает она подчерице Дарье. *«Хочу поговорить с тобой о Любимом, всегда таком хвором, – его состояние тревожит меня чрезвычайно...»*

Такой и осталась Эрнестина – и тогда, когда Любимого резко подкосила болезнь. Почти полгода не отходила от постели – до самой его кончины. По рождению немка, она оказалась сродни русской женщине: всё претерпела и вынесла ради семьи, ради любви к своему гениальному мужу, выучив русский для того, чтобы понимать его поэзию. И, судя по всему, именно красавице-жене он посвятил вот эти стихи.

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг..

Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

(«Люблю глаза твои, мой друг...»)

Несмотря на успех у женщин, Фёдор Иванович не был, как тогда называли, ловеласом. Любовь для него была частью божественного дара, возможностью познавать новые грани не только своей души, постигая самую прекрасную сторону жизни. Не случайны слова Фёдора Фёдоровича, его сына: *«В его отношениях не было и тени какой-либо грязи, чего-нибудь низменного, недостойного. В свои отношения к женщинам он вносил такую массу поэзии, такую тонкую деликатность чувств, такую мягкость, что походил больше на жреца, преклоняющегося перед своим кумиром, чем на счастливого обладателя».*

И, конечно, всё это не могло не дарить чудесного света его стихам.

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И всё еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

(« Я знал ее еще тогда...»)

Тютчеву многое было дано. Его мысль и душа воспаряли в такие глубины Вселенной, что бытовало мнение о недоступности его поэзии широкому кругу читателей, в первую очередь философской лирики. Но прошло сто лет, и томик Тютчева стали брать с собой космонавты, отправляясь к звёздам, которые так хорошо видел и чувствовал их красоту Поэт, не прибегая к иным инструментам, кроме души.

Есть некий час в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес...

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, -
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Способность Тютчева взглянуть на многие явления жизни философски, используя при этом всю палитру языка, говорит о нём и как о большом Мастере, так и о масштабе его личности.

И конечно, среди вершинных стихотворений Фёдора Ивановича Тютчева есть одно, ставшее не только любимым в России романсом, но и яркой звездой на фоне всей мировой поэзии, когда само совершенство его не нуждается в похвале. Оно лишь великодушно, как июльский роскошный восход, – позволяет купаться в своих лучах и чувствовать себя совершенно счастливым человеком – даже в начале третьего, очень непростого, тысячелетия... Тютчеву Александру Николаеву удалось привести убедительные доказательства, что знаменитые строфы были написаны под впечатлением встречи с Клотильдой Ботмер, с которой Тютчев увиделся весной 1826 года после возвращения из отпуска на родине. В это время к Клотильде сватался коллега Тютчева, барон фон Мальтиц. Однако юная красавица всё тянула с согласием, не в силах забыть Тютчева. Но узнав о том, что Фёдор Иванович женат и поняв всю тщетность надежд, дала согласие Мальтицу. Через годы они встретились снова в Карлсбаде, и былые чувства вспыхнули вновь...

Нет необходимости приводить стихотворение целиком: во-первых, оно не коротко, во-вторых, известно даже тем, кто просто слышал романс «Я встретил Вас...» (музыка Леонида Малашкина). И всё же – последние строчки:

...Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, -
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

«Он умел, – по свидетельству А. Фета, – вместить в небольшом объеме книги столько красоты, глубины, силы, одним словом, поэзии!..» Его целиком поддерживает Лев Толстой: «Вы знаете, кто мой любимый поэт? – Тютчев». И он же: «Без него нельзя жить».

Широко известны такие строки Поэта:

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Поистине Россия – великая страна, коли время от времени рождает таких людей, как Тютчев. От одного только имени его становится на душе и теплее, и светлей. Ибо он не боялся открыть своё сердце нам, ибо верил, что главными для нас станут не перипетии его личной жизни, а то, что осталось на века: его совершенно волшебные стихи, его душа – любящая, открытая, тонкая, щедрая, мудрая. Так, как он писал о любви, – мало кому удавалось. Знание женской души, способность не только принять её – сложную, непостоянную, но ещё и понять, – такое редко удаётся как в жизни, так и в поэзии. Его публицистика, на том же гениальном уровне, во многом оказалась пророческой, и не только для России. Вот почему поэзия Тютчева, дай бог, будет освещать и согревать сердца ещё не одного поколения в нашей стране и за её пределами.

Берега Австралии

Тамара Малеевская

Тамара Малеевская – главный редактор литературного журнала «Жемчужина» (Брисбен, Австралия). Родилась, выросла и училась в эмиграции. О себе: «Вот уже 20-й год издаю литературный журнал «Жемчужина», его главное направление – верность Православию, России и чистоте русского языка.

Автор стихов и прозы – публицистика, мемуары, путевые очерки, рассказы – весёлые или с грустинкой, а также детская серия сказок «Приключения Тузика», что в каждом номере журнала «Жемчужина»

Старый Ворон

Рассказ

Летом жара в Квинслэнде опрокидывается на землю с утра. Жестокая. Изнуряющая. Ещё на расвете начинают назойливо трещать цикады, предупреждая всё живое замереть или спрятаться, куда придётся, от блеснувших из-за горы лучей солнца, и скоро звук их невидимых смычков превращается в мерный, звенящий гул. И как бы в ответ цикадам, изредка хохотнёт насмешливо где-то над головой кукабарра, проворкует голубь, или каркнет с высоты эвкалипта, имеющий по любому поводу собственное мнение, большой старый ворон...

Только эвкалипт, да ворон видят, как ранним утром сгорбленный старик в широкополой соломенной шляпе, с пучком полевых цветов в руке, плетётся по узкой, пыльной дороге к старому заброшенному кладбищу; оба теряются в догадках: они знают, что у старика там никого нет, а между тем, он годами так ходит, всегда в определённое время; подойдёт к какой-нибудь могиле, снимет шляпу и тихонько постоит... потом положит цветы и уйдёт.

И это хорошо, что старик уходит, потому что часам к десяти ослепительное солнце, стремясь во что бы то ни стало пробиться сквозь нависшую над землёй сизую хмарь, белеет от ярости и грозит испепелить на земле всё живое. Вот уже оно достало до глубоких трещин в земле; вот уже незаметно подкралось к высохшему овражку, где в былые дни, перепрыгивая через камни, бежал весёлый ручей – один из тех, что австралийцы любят именовать «речкой». В раскалённом воздухе начал носиться запах нагретой травы и отдалённого, неизвестно откуда взявшегося дымка, который сразу придал воздуху, и поднявшемуся солнцу, и жиденьким облачкам, и прозрачно-голубым теням эвкалиптов – какой-то рыжеватый оттенок. Сушь вокруг такая, что, кажется, только поднеси спичку... Однако в траве мирно и едва уловимо посвистывает, потрескивает и точно бисером рассыпается щёлканье кузнечиков; вдали из-за бурого камня осторожно выглянула и сделала два-три прыжка невозмутимая кенгуру; не обращая внимания на мудрые замечания ворона, на соседнем эвкалипте пересмеиваются и ядовито злословят кукабарры. Значит, в природе всё спокойно...

И потому солнце, пользуясь своей безнаказанностью, снова пробежало по дороге, осторожно заглянуло за поворот и, увидав там приютившуюся под раскидистым деревом кособокую, почерневшую от времени лачугу, разом вылило на неё море беспощадного, палящего света. В отместку. За то, что не настигло старика, когда тот возвращался обратно.

Почти одновременно, рядом с домиком качнулась и наклонилась, словно поднимая что-то с земли, знакомая соломенная шляпа. На секунду из-под неё мелькнула хмурая, сутулая спина; но вот шляпа качнулась снова.

– Где им, австралам, знать, да и зачем? – послышалось тихое ворчанье. – Сил нет говорить... А цветы – так ведь, земля-то одна: всё же легче, и не так одиноко! – и человек, потирая поясницу, с трудом переставляя непослушные ноги, поднялся на скрипучее крылечко и скрылся в чёрном проёме двери.

Мало кто из австралийцев сейчас имеет представление, как и откуда пришёл в их местечко Рэс-дауни, одинокий, угрюмый с виду старик. Знают только, что он обитает здесь ещё с незапамятных времён, то есть, с начала 50-х годов, а ведь большинство из них безвыездно живёт здесь, на своих фермах, не то что годами, но целыми поколениями. Вот разве самые древние старожилы... тем, наверное, известно больше. Но молодые не страдают любопытством и ни о чём их не спрашивают, и если бы не Джо, который и вовсе ещё не стар, то знали бы только то, что у странного старика есть странное прозвище: «Ворон». И не больше. Причём не на английский лад – «Кроу», а именно «Ворон». Впрочем, все познания соседей-фермеров в области чего-то «чужого» всегда сводились к тому, что, проходя или проезжая на грузовичке мимо почерневшей лачуги, они, завидев старика издали, приветливо и лукаво кричали:

– Г-дай, Кар-кар..., что по-фермерски должно было означать «здравствуй, сосед!» – и ладонь, сжатая в крепкий кулак, с отставленным большим пальцем, красноречиво взлетала в сторону дерева – туда, где, на толстом суку задумчиво сидели вороны: – «ну, ну, молодец, мол, держись, брат!»

Раньше, ещё в незапамятные времена, в ответ на подобное приветствие из лачуги неслась отменная русская брань.

Австралийцы, конечно, не понимали ни слова. Но догадывались. Считали соседа, которому в то время было не более тридцати, странным, нелюдิมкой. Впрочем, в 50-е годы они и сами сторонились иностранцев: что греха таить! – очень даже недолгоблывали их, считали, что «чужакам» нельзя доверять. И потому, отдав долг вежливости – «Г-дай!» – и не встречая в подробности ответного «приветствия», спешили прочь.

Приблизительно в то же самое время австралийцы окрестили своего нового соседа «Вороном». Получилось это случайно: они никак не могли выговорить его фамилии, «Воронцов», ломали и коверкали, пока из неё не получился «Ворон». Так он Вороном и остался. Кажется, это был единственный раз, когда австралийцы видели своего соседа смеющимся, – тыча пальцем вверх, где, высоко, на ветке эвкалипта собрались посудачить большие чёрные птицы, он крикнул:

– Ворон: кар-р, кар-р!

И тут, как нарочно, с ветки сорвалась увесистая ворона и, усевшись на перевёрнутую телегу неподалёку, разразилась громким: «Кар-р-р!»

Раздался взрыв хохота. Сосед-«чужак» в сердцах махнул рукой, дескать: «Ах, чтоб вам..!» – повернулся и ушёл. Язык ли тому причиной, или ещё что, только с тех пор Ворон стал старательно всех избегать.

Время шло. Ворон так и продолжал жить – сам по себе, почти что ни с кем не общаясь. Разве что, кроме самой крайней необходимости. И только соседские мальчишки во главе с Джо, усевшись вдоль проволочного забора, снаружи, могли упорно не сводить с него любопытных глаз. В конце концов, их родители-соседи к Ворону тоже привыкли, ведь, по всей справедливости, он никого не беспокоил и никогда ни во что не вмешивался. И, если и не полюбили его, то, во всяком случае, начали уважать. Особенно после одного случая...

В этих краях частенько случались пожары. Не всегда, конечно, начинались они в соседнем посёлке Калбара. Но это не важно. Важно, что огонь неизменно захватывал огромную полосу местных лесов, посевов и пастбищ, где мирно пасся скот, и, конечно же, угрожал поселениям. Бывало так, что горело неделю, и больше; и багровый отсвет с охваченных пожаром склонов и вершин гор, который по вечерам, казалось, поднимался до самого неба, представлял собой жуткое зрелище.

Когда удавалось, австралийцы заранее пускали встречный пал, чтобы хоть как-то оградить себя от стихии. И не было такого случая, чтобы Ворон не вышел на подмогу первым. А потом опять уходил в своё затворничество. Но однажды случилась беда: неожиданный порыв ветра и – огонь перебрósился на ближайшие поселения. Большинство фермеров были к этому готовы, эвакуировались. Но нашлась семья, которая ни за что не пожелала покинуть своё жилище, решив отстаивать его у огня до последнего. И не в том дело, правы эти люди или нет. В такую минуту поздно об этом судить, особенно, когда в доме застрял двенадцатилетний мальчишка, Джо.

Есть у австралийцев чувство самоотверженности. Всегда было. Но есть в жизни момент, доля секунды, когда нет времени решать «быть или не быть», когда инициативу кто-то должен взять на себя первым. Ворон ворвался в пылающий дом, когда каждый ясно сознавал, что выхода оттуда уже не будет...

Никто не мог понять, каким чудом Ворон спас тогда парня. Но сам обгорел так, что два месяца пролежал в больнице. Думали, не выйдет... После этого случая австралийцы стали относиться к

Ворону уже не просто с почтением, но и с примесью искренней дружбы. Можно было бы с уверенностью сказать, что его, «чужака», полюбили, если бы только он сам так старательно не сторонился всех. Однако труднее всего оказалось избавиться от излишней благодарности со стороны отца мальчугана, которого «странный пришелец» спас от верной смерти. Ворон, отмахиваясь от назойливого австралийца, каждый раз бурчал себе под нос:

– Да какой я вам, к чёрту, «хируу»! – и скрывался в лачуге.

С мальчишкой же оказалось не так просто.

Однажды, когда заходящее солнце золотило почерневшие от недавнего пожара стволы деревьев вдали, Джо, впервые набравшись храбрости, осторожно пролез под колючей проволокой забора и уселся на крыльце Ворона. Это было так неожиданно и дерзко, что в первую минуту Ворон опешил. Но мальчишка не собирался никуда уходить. Сидел и преспокойно рассматривал изуродованные, в шрамах, лицо и руки соседа-нелюдимки. Некоторое время Ворон угрюмо молчал, сосредоточенно приколачивая что-то к деревянному ящику. Раздражение закипало, он уже приготовился было заворчать, но тут увидел, что по лицу Джо пробежала тень, губы мальчика дрогнули и на широко раскрытых, безгранично доверчивых глазах навернулись слёзы, точно он вспомнил, как вот этот самый, «чужой», странный человек, вырвал его тогда из пылающего ада... В душе Ворона шевельнулась жалость: – «Бедняга, такого ему никогда не забыть!» Злости как не бывало; он молча протянул мальчугану ворох гвоздей, жестом велел «подавать» и продолжал колотить. Когда ящик был готов, он вскинул на парня потеплевшие глаза, но в то же время выразительно и грозно махнул в сторону забора:

– А ну, марш домой!

Джо словно ветром сдуло.

Но на следующий день, едва мальчуган примчался из школы, он уже снова сидел на крыльце Ворона. Гнать было бесполезно, и Ворон смирился. Давал работу: где-то поднять, где-то подержать, а там и самому что-то смастерить. Как они договаривались, один Бог ведает. Но понимали друг друга. Так терпел Ворон присутствие мальчишки, пока солнце не опустилось до средней ветки эвкалипта. А после этого... Впрочем, Джо не дожидался, пока «чужак» метнёт в сторону забора яростный взгляд или, чего доброго, запустит чем-нибудь в него...

Но разве в таких делах дети кого-либо спрашивают?! Подходят себе соседские ребята к забору и стоят, смотрят! Во двор, как это осмелился сделать Джо, конечно, не заходят, не рискуют. И невдомёк было Ворону, что детвора его всего-навсего обожала. А было за что: как бы невзначай, между делом, он постоянно делал для них игрушки. Так повелось с незапамятных времён. Хотя это нисколько не мешало шпане дразнить его:

– Эй, Ворон, кар-р-р, кар-р-р!

Конечно, Ворон нисколько не сердился, и только для острастки бранился, швыряя в них очередной игрушкой. И кто знает, сколько бы это продолжалось, если бы не один случай...

Проезжал как-то мимо лачуги сосед на грузовичке, и опять весело крикнул:

– Г-дай, кар-кар!

Ворон, по привычке, выругался: благо, никто по-русски не понимает! И вдруг попугаи, белые с жёлтым хохолком, какаду, раскричались и точно эхо подхватили удивительно знакомые фразы. Джо рассмеялся:

– Ворон, что это значит?

Ворон опешил. С тех пор он подобным образом с соседями не «здоровался»...

За ту неделю, что упорно навещался в гости Джо, Ворон успел сколотить из досок несколько ящиков, которые легко могли бы служить соседям-погорельцам – столом, шкафом, да мало ли, и теперь они с Джо несли их по назначению. Именно ОНИ: Ворон уже к пареньку привык и скучал, если тот запаздывал. Само собой разумелось, Ворон выбирал ящик полегче и молча протягивал его Джо: неси, мол! С тех пор так у них и повелось: раз в неделю Джо с гордостью помогал Ворону тащить кому-то из соседей то самодельный стул, то «кровать» или просто ящик для хранения продуктов, а то и продукты. Деньги, однако, или рабочий материал, Ворон брал с тех, кто побогаче. И обход начинал обычно с них для того, чтобы тут же раздать тем, кто потерял всё...

Ворон и раньше помогал семьям, которые, вопреки мнению многих, будто в Австралии “манна с неба сыпется”, жили в окрестностях Калбара очень и очень скромно. Появлялся незаметно, оставлял что надо, и так же незаметно исчезал. Если случалось, что его всё-таки кто-то видел, он смущённо бормотал: «детям», жестом показывая на кого-то из малышей, и сразу уходил. Но тут, после

пожара, едва из больницы вышел, ещё раны толком не зажили, Ворон ещё больше занялся работой. У большинства фермеров в 50-е годы не было страховок таких, какие существуют сейчас, полвека спустя: потеряв в пожаре имущество, многие оставались буквально ни с чем. Только мало кто догадывался, что сплошь и рядом этот «чужак», нелюдимка, отдавал пострадавшим соседям также и своё последнее. Джо случайно узнал об этом: из единственных двух рубаш, которые Ворон целый год бережно стирал в тазике, сидя на корточках возле жестяного бака с водой, он уже больше месяца носил одну и ту же, причём, самую рваную.

Так всю жизнь Ворон никого, кроме Джо, и не признавал, но не потому что с языком у него было слабо. Напротив, ещё до приезда в Австралию он немного знал английский, даже учебник с собой привёз. Часто видели, как он вечерами при слабом свете сидел над своей пожелтевшей от времени книжкой, иногда писал. А иногда просто глядел куда-то вдаль. Но это уже на старости лет. А с тех пор, как Ворон подружился с двенадцатилетним Джо, он уже довольно прилично говорил по-английски.

С тех пор Джо вырос. Своя семья появилась. Богатым стал, настоящим фермером-«австралом»: в старых шортах и сильно поношенной майке, в мощных ботсах-«чоботах», что, точно ледокол, проходят через любые дебри, навоз или размокшую глину; натянув с утра, он снимал их уже только вечером. Ворона Джо не забыл, век ему благодарен будет не только за спасение: «чужак» научил когда-то его, мальчишку, хитроумному ремеслу, сделал «мастером на все руки».

Как и многие австралийцы, Джо просто обожал посидеть вечером на крыльце со своим старым другом и поговорить о былом, вспомнить «что было, чего не было» или, как называли это праведное занятие австралийские фермеры, плести языком «ярны». Закончив дневную работу, он с кружкой чая в руке вышел на заваленную хламом веранду и, наблюдая за пустынной дорогой, стал ждать, не придёт ли Ворон. Но, как видно, упрямый отшельник не намеревался на старости лет менять свои привычки. Джо не выдержал и сам пошёл к нему: его не волновало, что старик вечно молчит, он не был требовательным, ему – лишь бы самому говорить...

Джо начал с того, что едва не протопал в своих «ледоколах» в дом. Но чистый половочок и мрачный взгляд Ворона, устремлённый на выдавшие виды ботсы, все в глине, остановили его у порога: «пора бы, дескать, научиться!» Старик до истерики не переносил грязи. Однако, стаскивать обувь не хотелось: всё равно им на дворе сидеть...

Джо добродушно подвесил над маленьким костром жестянку с водой. Как только в жестянке забурлило, и повалил пар, он, по традиции первых австралийских переселенцев, бросил туда добрую горсть чайных листьев – прямо в общий кипяток! С едва заметной усмешкой Ворон молча наблюдал. Но простодушному Джо очень хотелось хоть чем-то развеселить старика...

– А дальше пойдёт, – мирно приговаривал он, – настоящее действие, – с этими словами он взял немало повидавшие на своём веку две бурые кружки с трещинами и плеснул в обе немного молока: – это так, «чтобы рыжих не было!» – опять заурчал он, – «детей», то есть...

Вдруг Джо крикнул: – и как это у него могло такое сорваться с языка?! Всего навсего, известная австралийская шутка, но Ворон мог подобного рода «предосторожность» плохо принять: чего-чего, а уж детей-то у «чужака» нет, не было и не будет. Джо взял жестянку с заваренным чаем и нацелил ароматную горячую струю в чашку с молоком – не разбавляя, аккуратненько эдак, чтобы не попали чайные листья; получилось, как положено, крепко, чтобы «ложка стояла»...

– Да уж какие там, «рыжие»! – неожиданно отозвался Ворон, пряча лицо в огрубевших от работы ладонях, и через минуту добавил с горечью: – Один я! Один, как перст!

Джо насторожился: за все годы старик никогда никому не говорил о себе, о своём прошлом; не говорил даже, откуда приехал. При малейшем любопытстве людей у него темнело лицо, и он уходил, и потом не появлялся несколько дней. Нет, никогда Джо не спросит старика о чём-либо – даже у него, простого фермера, имеется врождённый такт.

– А ведь была у меня семья! – снова почти что простонал Ворон, взъерошив пальцами рыжеватобелёные, точно кора эвкалипта, волосы, – Боже мой, всё, всё было...

Так суждено было австралийскому другу взглянуть в этот вечер на одну из страниц одинокой жизни «чужака».

Во-первых, он Воронцов, а никакой не «Ворон»: Димитрий Иванович Воронцов. Дворянин, инженер по образованию. Когда-то в молодости учился на священника, но потом – перелом в жизни, и решил стать инженером. Вот так-то... Хотя всю жизнь оставался глубоко верующим. Из Китая приехал, со станции Яблоня. Что? Почему он не «раскосый», не «жёлтый»? А что, потеряв когда-то

родину, русские не могут жить, где им вздумается?! Или, попав в Африку, люди должны сразу почернеть?! Кажется, он к парню окончательно потеряет уважение...

Неожиданно старик замолк, словно не в силах был произнести самое горькое. Но скоро, усилием воли, взял себя в руки. И тогда Джо узнал, что, когда на посёлок напали хунхузы – воры, то есть, китайские разбойники – Ворона не было дома... От руки злодеев погибла его жена и двое маленьких детей. И он, Ворон, был так потрясён, увидев своих ненаглядных малышей и жену зверски растерзанными, что едва не сошёл с ума. Больше года не мог он прийти в себя; потом решил бежать, бежать как можно дальше от страшных воспоминаний. Он уехал в Австралию. Весёлый, общительный человек превратился в сварливого отшельника-нелюдимку.

Впрочем, не совсем...

– Это ты, Джо, помешал мне «сойти на нет», – поднял Ворон мокрое от слёз лицо.

Джо сидел, не шелохнувшись: когда плачет его почтенная «миссус», как фермеры называют своих жён, он, Джо, очень хорошо знает, как её утешить; но слёзы мужчины, да ещё старика – эти вздрагивающие острые лопатки на костлявой, как у старой лошади, спине – это серьёзно, даже страшно как-то, он к такому не привык. Лучше уж молчать, чем сказать что-нибудь невпопад.

Прошло месяца два после того памятного вечера. И вдруг Джо заметил, что неладное начало твориться с Вороном: заклятый холостяк в лачуге тщательно прибирает, вещицы свои скудные соседям раздаёт, а потом часами под любимым эвкалиптом просиживает, в пустоту глядит. А какая от этого дерева тень? Ровным счётом никакой. А солнце-то палит. В душе Джо шевельнулась тревога: лет «чужаку», поди, уже за восемьдесят...

– Зачем затосковал старый..?

– А что? Жизнь начинается, жизнь кончается...

Теперь уже Ворон откровенно говорил о «печальном». И так просто, обыденно. Но самый факт, что молчаливый «чужак» заговорил... пугал и угнетал Джо.

Между тем, как-то Ворон сказал, что решил завещать своё состояние на Каушев, албанцев, кажется, которые год назад невесть откуда переехали из Калбара в Рэсдауни. Вернее – на их сынишку, Бронка. Небольшое, конечно, состояние...

– Когда-то арендовал у твоего родителя крохотный участок, в обмен за труд; потом подкопил денег и – выплатил; огородик развёл, курочек, в лавке не тратил – обходился. Так-то...

– Пропьют же... цыгане! – ахнул Джо. – И парню ничего не достанется!

– Да уж, семейка! – покрутил носом Ворон. – Но Бронек... всё же Кауши сынишку не обидят! А может, лучше теперь им отдать? Пусть мальчишку на ноги поставят. Об одном только попрошу их: пусть похоронят меня по русскому обычаю, вот, под этим эвкалиптом, и только изредка приходят на могилу немного прибраться...

После этого разговора «чужак» опять месяца два-три молчал. Но это уже было нормально, и Джо перестал тревожиться. Как и прежде, на закате, они посиживали на крылечке и «плели ярны», ляды точили, то есть.

Заходящее солнце золотило белёсо-серые стволы и кроны эвакалиптов, несущихся вдаль, в клубах пыли, коней, собак и бесконечное море бурых спин коров – это фермеры загоняли в конце дня молочный скот в родные пенаты. Щёлканье бича, трубно-густое мычание коров, лай собак, топот конских копыт, и даже самый воздух – все это сливалось и казалось рыжевато-серым.

По мере того, как опускалось солнце, всё больше тянуло прохладой. Потемневшие стволы эвкалиптов уже только изредка вспыхивали последними огненно-яркими бликами, точно кто-то спичкой по ним чиркал, и, вместе с синееющим лесом и горами на горизонте, погружались и растворялись в голубовато-серой сонной дымке.

Топот коней и лай послышался где-то недалеко от лачуги Ворона: это несколько незадачливых коров увильнули от пастухов, приотстали от стада на дороге и подошли к изгороди, то есть, к редким столбикам, с длинной, натянутой в два-три ряда, колючей проволокой. Толкаясь, коровы просунули головы под проволоку и задумчиво уставились на людей во дворе.

Старческой походкой, не спеша, Ворон направился к изгороди.

– Хороший вы народ, коровы! – проговорил он вполголоса, протягивая на ладони ломоть хлеба и норовя погладить тёплую бурую голову.

Шершавый мокрый язык прошёлся по ладони, хлеб упал в пахнущую солнцем траву, по другую сторону изгороди. Ворон наклонился его поднять, вытянул вперёд руку и, навалившись на проволоку,

невольно подался вперёд. Корова испуганно шарахнулась в сторону, за ней – другая, третья. Почти одновременно раздался крик Джо, лай собак, и где-то над головой заржал вставший на дыбы конь.

Удар пришёлся в висок.

Разве можно удивляться, что Кауши не захотели хоронить Ворона, как он просил, «почеловечески»? Узнав, что они решили тело сжечь, за счёт наследства, конечно: так дешевле, мол, – Джо страшно возмутился:

– Мне лично, всё равно, как хоронить. Но сжигать – против религии старика! И потому – *его, русский Бог*, вас накажет!

В общем, сжигать Ворона Джо не позволил. В отместку за это, Кауши, несмотря на завещание, не пожелали хоронить старика на участке под любимым деревом, чтобы не «жить рядом с привидением», и похоронщики должны были свезти тело на кладбище.

– По-английски ни бум-бум, только и знали, что «сенькать» за бесконечные подарки! – выходил из себя Джо, кидая яростные взгляды в сторону наследников. – А теперь, когда всё им отдал...

Джо отыскал русского священника и сам, на свои деньги, сделал всё честь по чести. Через некоторое время поставил «чужаку» памятник.

Из местных жителей теперь мало кто помнит, что с незапамятных пор в этих местах жил добрый, но странный нелюдимка по кличке «Ворон», который всю свою жизнь помогал людям. Тем более не помнят, что он был русским. И только, когда случайный приезжий заглянет на сельское кладбище и, прочитав на памятнике необычную фамилию «Vorontsoff», спросит об этом кого-то из местных, те в недоумении почешут голову:

– Да кажется был такой, «чужак», что ли... или как его там..? – и разойдутся.

А Кауши... Какое уж там за могилой «ухаживать»! Нерадивые, они даже за участком не следят. Поговаривали, что лачугу снесут, но и до этого у них руки пока не доходят. Так и стоит она – кособокая, почерневшая – у забора, возле самой дороги, до сих пор.

Джо сам на могилу к Ворону ходит, заботливо следит за ней, прибирает.

Время от времени, большой старый ворон с высоты эвкалипта видит, как его крепкая, коренастая фигура топает ранним утром вдоль пыльной дороги в сторону старого кладбища...

Что значит быть русским в эмиграции

Какой сложный вопрос, и какой простой...

Ещё до недавнего времени никому из нас не приходилось давать строгий отчёт в своей национальности. Быть русским – казалось естественным, как дыхание; перестать быть русским было бы то же самое, что перестать быть самим собой. А между тем наши предки, покинувшие Россию после событий 1917 года, сознательно и систематически, годами воспитывали в нас любовь к России, её культурному наследию и великому прошлому. И теперь, когда приходится подвести итог их стараниям и дать отчёт в своей *русскости*, хочется ответить на поставленный вопрос буквально в двух словах: быть русским в эмиграции, это – *моральная ответственность*.

Считается, что любой эмигрант представляет свою нацию на чужой земле. Для русской же эмиграции революционного периода вопрос этот всегда составлял особую важность: русская эмиграция того времени была, прежде всего, *политической*, а точнее – *духовной* эмиграцией, в отличие от экономической или какой-либо другой, поскольку Россию русские люди покинули, главным образом, из-за воинствующего безбожия, поэтому сознание, что русский человек на чужбине несёт в себе Россию, обязывало его быть в ответе не только перед приютившей его страной, или перед покинутой родиной, но и перед своею совестью, которую в огромной мере сформировало его Православное мировоззрение, и потому, независимо от его личного отношения к существующему строю, русский человек на чужбине всегда стремился вести себя так, чтобы никогда ни один иностранец не мог плохо отзываться о России.

Всю свою любовь, всю тоску по потерянной родине, всю надежду на её возрождение эмигранты передавали своим детям. Они воспитывали в них чувство патриотизма к родной земле предков, прививали им понятие о русских обычаях, культуре, традициях, но превыше всего – верность Правосла-

вию. Эмигранты также знакомили с русской культурой иностранцев. Старались, чтобы иностранцы, видя в них самих отражение истинной России, прониклись к этой необыкновенной стране искренним уважением. А русские обычаи, традиции – что и говорить, они хороши! Конечно, соблюдение традиций всегда играло огромную роль в жизни русского эмигранта, но всё же говорить только о пасхальных яйцах, куличах, о сверкающем огнями Сочельнике, или восхищаться русским венчанием, крестинами, или умиляться проникновенным обрядом Православных похорон – мало. Это не только слишком упростило бы понятие о *русскости*, это его попросту исказило бы. Вся эта красота – это всего лишь внешнее проявление более глубокого, истинного смысла. Ведь для русского человека родные обычаи и традиции неразрывно связаны с Православной верой – они построены на Православии: только Православие придаёт им смысл. Поистине, только тот человек вправе называть себя «русским» – не только в эмиграции, но и у себя на родине, – кто всем своим сознанием, всем существом проникнут искренней любовью и уважением к Православной вере, кто всеми силами старается хранить её заветы, кто помнит, что именно Православие формировало величие былой России, её историю, культуру, традиции... Это особенно важно не забывать нам, потомкам эмигрантов, для того чтобы не раствориться в иностранной среде, чтобы не потерять своё великое наследие, поэтому быть русскими в эмиграции, это значит – быть Православными.

Неумолимо идут годы. Уж давно не сидим мы возле самовара и о прогулках на санях на Масленицу знаем только из русской литературы или воспоминаний наших престарелых родственников. И едва ли кому-то из нас, молодых, приведётся морозной ночью прокатиться на тройке с бубенцами по необъятным русским просторам, которые многие из нас даже никогда не видели, или коротать зимний вечер в бревенчатом домике у печи, где уютно потрескивают дрова. Но русские песни с их безудержным весельем или чисто русской тоской, по-прежнему туманят глаза, лихая пляска всё так же зажигает всем кровь. Конечно, представители старшего поколения чаще предпочитают картины русской зимы, так как они напоминают им родную сторонку. И русские берёзки, запах майского ландыша, сирени, или тени легендарных героев из великой русской истории – очарование давно ушедшего мира – теперь уже больше затрагивают души взрослых, чем молодёжи. Что же касается русского языка, то – что греха таить! – за эти десятилетия он у многих эмигрантов в третьем и четвёртом поколении сильно пострадал.

Давно ушли в лучший мир наши предки, постепенно уходят и наши родители. Что же остаётся у нас? Что теперь делает нас, их потомков, *русскими* в эмиграции? На этот вопрос можно ответить совершенно точно и определённо: Православная вера. Она, как жемчужная нить, связывает в одно целое и язык, и культуру, и традиции России, и дорогую для нас память родителей. Без веры, русский человек – ничто. Ведь берёзки, сирень да майские ландыши найдутся и в других странах. Точно так же найдётся там и своя захватывающая история... и пляска, и музыка, и живопись... и свои легенды. Но только у русских вековая культура жила и дышала Православием, – эта вера вдохновляла людей на неслыханные подвиги. И сейчас, много лет спустя, уже за границей, та же самая вера способна пробудить потомков эмигрантов – пусть даже единицы – на великий труд во имя *русскости*, во имя России. Вспоминаются знаменитые слова Достоевского: «Русский, без православия – дрянь...» Жёстко сказано, но верно. Конечно, православным может быть человек любой национальности, независимо от цвета кожи, но настоящий русский, действительно, может быть только православным. Это – именно то, что делает русского *русским*, определяет его сущность. В конце концов, человек может говорить на любом языке мира, но тогда он будет относиться к разряду «англизоязычных», «франкоязычных», или прочих «язычных», и среди них, к стати, и «русскоязычных», населяющих теперь все части земного шара.

Как просто и, вместе с тем, сложно ответить на вопрос: «Что значит быть русским в эмиграции?» Ведь, это – боль за лучшую, загубленную, духовную часть России; это – сознательное стремление всеми силами сохранить её отражение на чужбине; это – боль за несчастье ни в чём не повинных русских людей, оттого, что на их исконной земле вот уже более 80-и лет хозяйничают власть имущие заезжие инородцы. Быть русским в эмиграции, это – надежда и радость оттого, что в России вновь пробуждается вера, и русский богатырь, восстав от заколдованного сна, вновь расправляет свои могучие плечи... Быть русским в эмиграции, это – сознание, что ты всегда и везде чужой, даже в самой гостеприимной стране. Это значит – быть всегда один на один со своей русской думкою, со своими убеждениями, верой и совестью среди чужих, не разделяющих этих взглядов людей. Это значит, всю жизнь проверять себя – «Кто я?» и «Что я?» – и не бояться быть самим собой, потому, что полнота «русскости» начинается и заканчивается Православием.

Берега Литвы

Анна Тураносова-Абрас

Поэтесса, публицист, автор-исполнитель в жанре современного городского романса, редактор. Дважды лауреат Международного фестиваля поэзии «Славянские объятия» (Варна, Болгария). Член Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Секретарь вильнюсского литературного общества поэтов и писателей, пишущих на русском языке «Логос» (Висагинас, Литва).

ВЕРЮ Я

Верю я в тоску немую
И в молитву без ответа;
Жизнь страдания не минует,
Не минует ночь рассвета.
Верю я – всему на свете.
Бесприютен путь и долог,
Верю в день, который светел,
Верю в дом, который дорог...
Верю я – достоин счастья
Каждый смертный, каждый грешный,
Если только в нашей власти
Эта боль и эта нежность.

НЕРИС

Нерис несёт тихие струи
Вдоль тихих лесов и полей,
И я эти струи целую
Душой помутневшей своей
Из давности в дальние дали
Течёт эта Лета-река,
И воды её, как скрижали,
Впитали года и века...
Но нет у души отраженья,
И в зеркале лишь пустота,
Когда в непрерывном движенье
Река преломляет цвета.

В МОЕЙ ОДИНОКОЙ СВЕТЁЛКЕ

В моей одинокой светёлке
Последний огонь затуши;
Тоскуют осенние ёлки
На тёмном подворье души,
И к вечности льнущие двери,
В которых забвенью живёт,
От глупости всякой потери
Смиряют мучительный ход...

ЗАМИРАЛО СЕРДЦЕ, ЗАМИРАЛО...

Замирало сердце, замирало,
Застывала патокою грусть...
Словно мне непрожитого мало,
Снова я несбывшимся томлюсь...
Возвращаюсь по весенним тропам
В сад, где всё искрилось и цвело,
Где струилось огненным потоком
Вечное блаженное тепло...

Я НЕ ПРОЩАЮСЬ

Я не прощаюсь с вами, нет;
Нет, мне с тобою не проститься...
Мне никогда не превратиться
В изящный, невесомый след,
Не стать портретом за спиной...
ТЫ не прощаешься со мной...

ВЫСОТА ПАДЕНИЯ

Высота падения.
Чистота сгорания.
Вера в провидение.
Пепел умирания.
Высота возмездия.
Боль прикосновения.
Глубина созвездия.
Тишина мгновения.

ВСЁ ПОВТОРЯЕТСЯ...

Всё повторяется – исходы
Из века в век, из мига в миг;
Пути от омота до брода,
Последний стон и первый крик;
Благословенье нечестивым,
Несокрушённым аналой,
Долготерпенье терпеливым
По старой памяти былой...

А Ты – над всем, а Ты – над всеми,
Всё покрываешь – для чего?!
Душа, душа, какое семя
Растёт доверчивей всего?..

КОМУ ИЗ НАС...

Кому из нас висеть в петле,
Кому – лакействовать тайком,
Кому – скитаться по земле
С заплечным прорванным мешком,
Кому – склоняться пред судьбой,
Кому – услышать благовест...
Лишь быть собой, самим собой –
Благословение и крест...

ОТВЕТ ПАСТЕРНАКУ 1

Быть знаменитым некрасиво...
(Б. Пастернак)

Царят гордыня и кокетство
В отказе от земных похвал –
Так стариком играет детство,
Так тишиной играет бал...
Мне не близка такая поза,
Не впечатляюсь и другой:
Стоять, как срезанная роза,
Перед притихшею толпой...

ОТВЕТ ПАСТЕРНАКУ 2

Но поражения от победы
Ты сам не должен отличать...
(Б. Пастернак)

Кто знает, что такое слава?..
По мановенью чьей руки,
Кому дана она по праву,
Кому – даётся вопреки?..
Что это – рок, усилие, случай,
Гордыня, бремя, тяжкий труд?..
Кто невезучий? Кто – везучий?
Кого посмертно ототрут?

КОНЕЦ ГОРЯ

Как хорошо и бездумно, –
Тихо желтеет листва,
Падают листья бесшумно,
Словно простые слова;
Всё превращается в воздух –
Листья, и тени, и сны...
Быть перестало серьёзным
Бремя недавней вины...
Больше не жду, и не плачу,
И не прошу ничего...

Это, наверное, значит
Горя конец моего.

НАБРОСКИ

Сердца смятённого трепет
Не растает со мной,
Словно младенческий лепет
В комнате полуночной...
Длинные узкие тени
Вновь обступили меня –
Полузабытых видений,
Полуушедшего дня...
Ваших шагов отголоски,
Отзвуки сна одного –
Всё это только наброски
Замысла не моего.

У ПОЭТОВ ДОМОВ НЕ БЫВАЕТ

У поэтов домов не бывает,
Не найдётся бездомным приюта...
Тихо сердце моё уплывает
В темноту, как пустая каюта...
Ты меня провожаешь глазами,
Но в глазах у тебя нету ласки...
Непреклонное небо над нами
Обновляет поблекшие краски.

БЛАГОСЛОВИ МЕНЯ, ЛЮБОВЬ

Благослови меня, любовь,
На крестный путь неразделенья...
Душа моя, не прекословь.
Не жди. Не требуй утolenья.
Благослови меня, печаль.
Пути твои исповедимы.
Ни при луне, ни при свечах
Не позовёт меня любимый.
О, свет души моей, прости!
Я неприкаянное море.
Обет, утраченный в пути.
Слеза, горящая во взоре...

* * *

А слёзы такие горячие,
Рука не успела остыть...
Кругом только воды стоячие,
Которых вовек не испить...
И вовсе не тени минувшего
Прощаешь ты и признаёшь,
А сердцу, себя обманувшему, –
Последнюю нежную дрожь...

Берега Латвии

Ираида Кельмелене

Ираида Алексеевна Кельмелене родилась в Риге в 1952 году. Образование средне-техническое. В 1982 году окончила Даугавпилский техникум железнодорожного транспорта.

Стаж работы на Латвийской железной дороге – 44 года.

С 2004 года по 2017 год постоянно печаталась в отраслевой газете «Latvijas dzelzceļnieks». Публиковалась в сборнике «Творчество железнодорожников» и альбоме «Жизнь и творчество Валентина Пиккуля». Автор двух книг. В 2013 году вышла книга «Душевная струна», и в 2016 году книга «Благо дарю Вам»

Публиковалась в журналах «Берега» и «Корни». Член МАП, член Пушкинского общества Латвии и общества Кришьяна Барона, координатор клуба поэзии, музыки и живописи «Созвездие».

Я ПРОШУ ТЕБЯ, НЕ СПЕШИ

Я сгораю свечою в глазах твоих.
Отдаю теплоту души.
Рядом нет никого, кроме нас двоих,
Но прошу тебя, не спеши.

Я прошу, все мосты за собой не жги,
Может ветер задуть свечу.
Я укрыться хочу от ночной пурги,
Прислонясь к твоему плечу.

Опускаюсь, как в омут, я вся в плену
Глубины твоих нежных глаз.
И снимаю неверия пелену –
Это наш с тобой звёздный час.

Но прошу, все мосты за собой не жги,
Может ветер задуть свечу.
Я укрыться хочу от ночной пурги,
Прислонясь к твоему плечу.

Омываюсь счастливой слезой, дрожа,
Словно время вернулось вспять.
Возвращаюсь, в реальность едва дыша,
Но пытаюсь ещё шептать...

И прошу, все мосты за собой не жги,
Может ветер задуть свечу.
Я укрыться хочу от ночной пурги,
Прислонясь к твоему плечу.

МОЯ ПОТЕРЯ

Я решилась сквозь толщу лет
Окунуться в твои глаза,
Как мучителен был ответ..
Мне ладони прожгла слеза.

Я решилась войти во сне
В реку нашей с тобой любви...
Камни ранили ноги мне,
Я кричала: «Лови, лови...»

Удержи, не пускай назад,
Этот взгляд, этот вздох спаси!
Встань со мною под звездопад,
Как жила без тебя спроси.»

Но, увы, ночь ушла в зарю,
Не успели поговорить.
Я шептала: «Люблю, люблю...»
И банально – хотелось пить.

Вековая мудрость гласит:
Дважды в реку ни вплавь, ни вброд.
По ночам душа голосит,
Создавая свой эпизод.
Утром кофе иль крепкий чай.
Позабуду, сердцем прошу.
Навещай меня – невзначай -
Я в окошко тебя впусчу.

ЛИК ЖЕНЩИНЫ

«Но многое ещё откроет вам
Безмолвие...»

Из притчи царя Соломона

Прислушайся к Безмолвию, мой друг.
Оно заставит волноваться кровь.
Из звёздных россыпей ты сложишь вдруг
Лик женщины по имени Любовь.

Она мелькнёт за пеленой дождя
И пробежит по радуге, смеясь.
Ты заглядишься, мимо проходя,
Неясною надеждою томясь.

Но в свой черёд, в сиянии Весны,
Она придёт, как воплощенье сна.
И ты замрёшь от чувства новизны,
Поймёшь душой – любимая, она!

И ты увидишь ласточек полёт,
От ароматов вешних будешь пьян.
Когда судьба назначит счастья взлёт,
Ты не ищи в случившемся изъян.

В твоей вселенной новая звезда
Родится от скрещения судеб.
И станет родниковая вода
Тебе вином, и будет сладок хлеб.

ЛЕТО

Середина лета,
Грешная пора.
Танцы до рассвета
И любви жара.

Буйное цветенье
Колдовских цветов.
Рук и тел сплетенье
С песнями ветров.

Ожиданья, клятвы
Да дурман-трава.
Так уходит юность
С отчего двора.

Станет цвет полыни
Ей кручинить след.
Только и поныне
Манит маков цвет.

БЕЛАЯ СИРЕНЬ

Весна! Природы пробужденье.
В груди огонь, душе – простор!
Какое должно быть везенье,
Чтоб состоялся разговор:

«Позвольте руку для пожатья,
Позвольте имя Ваше знать», -
А в мыслях: «Как хочу обнять я
Её чарующую стать».

Созвучно трелям соловьиным
За словом слово – дивный ряд.
Не страшно выглядеть наивным.
О, как волнует нежный взгляд!

И в кипени сирени белой
Коснувшись, будто невзначай,
Её волос рукой несмелой,
Вдруг сердце запоёт – встречай!

Она пришла, пора цветенья,
Любовью высветила день.
Оставь тревоги и сомненья,
Ах, эта белая сирень!

СВИДАНИЕ

Небо синим шатром в обрамлении леса,
Шум прибоя и чаек крикливых полёт.
Для духовного зренья пала завеса,
Память сердца мелодию нашу поёт.

А давай, помолчим и послушаем море,
Что нашепчет волна, мы с собой унесём.
Хорошо здесь, на солнечном, пляжном просторе,
Ни забот, ни хлопот и мы снова вдвоём.

Что ж, пускай я в реальности, ты на «Том» свете.
Параллельность миров не впервой узнавать.
Друг за друга теперь мы навеки в ответе
И молитвою можем друг друга спасать.

Ты согласен. Я чувствую прикосновенье
Ветерка, и приветливый всплеск у волны.
И горячий песок мне целует колени,
Мы в любовном молчанье с тобою вольны.

Море ластится, дымкой далёкой завеса.
Затихает мелодия, скрылся портал.
Небо синим шатром в обрамлении леса.
Исчезая, ты нежно: «Люблю» – прошептал.

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Как миг, сегодня день прошёл
В калейдоскопе суеты.
Быть может, ты ко мне и шёл,
Да в небе развели мосты.

А за окном растёт луна
И звёзд не видно. Не зажгли.
И откровения полна,
Ночь зажигает фонари.

Из года в год из века в век
Печально светел наш роман.
И перекрёсток – Имярек –
Скрывает Вечности туман.

Когда-нибудь и где-нибудь
Должны мы встретиться с тобой,
Пройдя смиренно крестный путь,
Такой божественно-земной.

Вдвоём зажжём свечу Любви
И станем звёзды зажигать!
Чтоб вслед идущие могли
Свой перекрёсток вмиг узнать.

ОТКРОВЕНИЕ

Ты меня никому не выдашь,
Ни под пыткой, ни просто так.
Я – твой воздух, ты мною дышишь.
И сердце в такт.

Ты меня никогда не встретишь.
Стану ликом на белой луне.
Красной меткой судьбу отметишь.
Дарственной мне.

И притихнет молва, не иначе.
Неизбежен суровый Рок.
Лишь душа отзовется плачем
Рифмованных строк.

Будут звёзды светить в надежде,
Что на Млечном пути в веках
Наши души сольются, прежде
Рожденья в мирах.

Сердце открыто для откровений,
Всё совершается в срок.
Сколько счастливых и горьких мгновений
На перекрёстках дорог.

ОСЕННИЙ МОТИВ

Осень в яблочном рассвете,
В жёлтых прядях у берёз.
И у солнца на примете
Георгин волшебных грёз.

День вступает торопливо,
Пахнет скошенной травой.
Птичья стая суетливо
Перелёт готовит свой.

Люди кутаются в шали
И подсчитывают дни,
Что в заботах пробежали,
Да в приветях от родни.

Осень, щедрая матрона,
«бабьим летом» одари.
Не накаркает ворона,
Если любишь до зари.

И в рябиновом платочке
Выйдешь в яблочный рассвет,
А весной расскажешь дочке
Про осенний лунный свет.

И о том, как пахли мёдом
Губы, руки и слова.
Как от счастья золотого
Закружилась голова.

ТИШИНА

Ах, как звенит в квартире тишина.
Прислушайся, звучат её аккорды.
Солируют часы. Одна и не одна.
Скрывает ночь изменчивость погоды.

На книжной полке выстроились в ряд
Солидные герои властной Леты.
И, как друзья со мною говорят.
Чернеют смокинги, сверкают эполеты.

Поскрипывает, в ритме танго, пол.
Он помнит все шаги и повороты.
Как страстную волной кружил подол,
Вмиг развенчав все мнимые заботы.

О чём ещё расскажет тишина?
Склонился Ангел над моей постелью:
«Ты выдумщица – это всё луна,
Да ветер за окном играет елью».

– Нет, нет, услышь. В квартире тишина.
Она о многом может мне поведать.
Не умолкает Вечности струна,
Я тишиной могу её изведать.

ДИАЛОГ С СУДЬБОЙ

Судьба погладила мне плечи
Своею тёплой рукой,
Сказала тихо: «Время лечит,
Пусть грусть проходит стороной.

Ты мне поверь, уж я-то знаю,
Как было, есть и будет как.
Испытываю, наблюдаю,
А слёзы, право же, – пустяк».

– «Вот как, – пустяк! Что ж, верно дело.
А я-то, думала – сама
Иду дорогой жизни смело,
Да видно – горе от ума.

С тобой не спорю, но страдаю:
Мне выпала такая честь.
Я здесь надежду обретаю
И веру в Бога, что Он есть.

А слёзы – то родник душевный,
Подспорьем служат мне года.
Из храма вот букетик вербы
И с ним крещенская вода.

Взрослеть – наука не из лёгких.
Мозоли, слёзы, синяки,
Уколы совести, упрёки
И ложь в пожатии руки.

Судьба погладила мне плечи
Своею тёплой рукой.
На город опустился вечер,
Принёс отраду и покой.

Берега Болгарии

Никола Р. Казански

По своему происхождению я болгарин, но ещё с детских лет был тесно связан с русской культурой и с российской цивилизацией. Начал собирать материалы о русских эмигрантах в Болгарии в начале 1990-х годов, когда это стало вообще возможным... Благодаря содействию Центральной библиотеки Болгарской академии наук (где я работаю уже несколько десятков лет) вышли два издания: «Русские в Болгарии» (Пловдив, 2010. 436 с.) и «Русский мир Болгарии» (София, 2012. 472 с.). Вышла и «Библиография русской православной литературы в Болгарии 1920–1948 гг.» (Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 3(15). 2016, с. 174–192). Но самое главное, я составил «Золотую книгу и Атлас российской эмиграции в Болгарии», где описаны все выдающиеся люди русской науки и культуры, а также все очаги российской цивилизации в Болгарии.

Набоков и Бицилли в эмигрантском Зазеркалье

*Петр Бицилли.
София. 1930*

«История моей жизни более напоминает библиографию, нежели биографию...»

В.В. Набоков

«Философ и историк прежде всего – творчески в области своей науки раскрывающая себя личность. Его научная деятельность и является его биографией...»

П.М. Бицилли

*Владимир Набоков.
Берлин. 1929*

Даже в самом страшном сне я не посмел бы коснуться такого незаурядного творца, как Владимир Владимирович Набоков, если бы не произошло несколько знамений.

Я, вроде бы образованный болгарин, начал не только читать, но и писать по-русски. И не потому что я был, по словам самого Набокова, «совершенно обычным трехязычным ребёнком в семье с большой библиотекой». А всё из-за того, что я уже 30 лет занимаюсь исследованиями русской эмиграции в Болгарии XX века.

В сентябре – октябре 2018 г., при замечательной погоде, я успел объехать (впервые в моей жизни) почти все сказочные дворцы и божественные храмы Петербурга, кроме Ораниенбурга и Монрепо (ещё совсем не восстановленного). Это чудо стало возможно благодаря моему закадычному другу Саше Клементьеву – коренному петербуржцу и учёному – знатоку города на Неве. Сто лет назад тут дьявольские «орки», по наущению Антихриста, взбесились и не оставили почти камня на камне, не только в духовном, но тем паче и в материальном смысле (совершенно пропал, например, волшебный «Дом-сказка» – № 21–23 по Английскому проспекту). По метким словам профессора Н.Н. Глубоковского, на месте блестящей империи Царя установилось тёмное «уголовное» государство... Тридцать лет назад всё начало возвращаться на круги своя, но было уже совсем не то... Посетил я и красочный фамильный особняк Набоковых («с цветистой полоской мозаики над верхними окнами») на Большой Морской улице...

Намедни я получил e-записочку от моего замечательного знакомого (не осмеливаюсь ещё назвать его другом), князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского по поводу заметки В.В. Набокова под девизом «*Вся Россия, которая мне нужна, всегда со мной...*».

Всё это пробудило во мне поток мыслей, которые хлынули словно быстрый весенний ручеек в моем сознании. Ими и захотелось поделиться со всем миром...

Умудрился я родиться в самом южном городе на реке Дунай, куда прибыл сам Царь-Освободитель Александр Второй в 1877 году, когда с большими жертвами была вызволена Болгария, после столетнего ига инородцев и иноверцев. Когда пришло время меня крестить, были страшные времена сатанинской сталинщины и все боялись стать крестными отцами. Тогда моя бабушка *Православа* (внучатая племянница митрополита) нашла праведного человека по имени Трегубов Валерий Георгиевич (1887–1973), который единственный не побоялся. Как не убоился в 1919 году быть штабс-капитаном кавалерии генерала К.К. Мамонтова в знаменитом рейде на Москву...

Вскоре после этого, в один и тот же год, ушли из жизни кровопиец и упырь Сталин, великий композитор Прокофьев и учёный-гуманитарист Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) – белоэмигрант в Болгарии. Кстати, таких русских эмигрантов в Болгарии было свыше 35 тысяч после 1921 года. Они были в высшей степени представителями элиты русского общества тех времён и оставили глубокий след в развитии болгарской науки и культуры. Представители русского зарубежья в стране отличались высокими профессиональными и нравственными качествами и добродетелями – европейской образованностью, профессиональным мастерством и совершенством, православной духовностью, благородным воспитанием, сердечной добротой и обострённым чувством долга и чести. Благодаря этому они производили особое впечатление на окружающих, о чём свидетельствуют воспоминания современников. Никогда не надо забывать и о том, что по разным причинам – в основном, сугубо политическим – выдающиеся достижения деятелей русского зарубежья в Болгарии, нередко людей мировой известности занижались, умалчивались, а иногда их имена были под запретом вплоть до 1990 года.

Между Набоковым и Бицилли установилась хоть и не прямая, но очень глубокая связь несмотря на все объективные обстоятельства и препятствия. Владимир Владимирович так или иначе обитал в самых развитых тогда странах: Англии, Германии, Франции и США. Пётр Михайлович, хоть и был блестящим профессором Софийского университета, попал в настоящую информационную «чёрную дыру» и из-за мизерного жалования не имел вовсе возможности ездить по Европе, как во времена Российской империи. Всё-таки они встретились, благодаря знаменитому литературному журналу русской эмиграции *«Современные записки»* (Париж). На его страницах энтомолог и писатель Владимир Сирин (Набоков) опубликовал свои романы *«Машенька»*, *«Защита Лужина»*, *«Приглашение на казнь»* и *«Дар»*. Эти провидческие шедевры были встречены критикой с большим непониманием и даже отрицанием... И это не случайно, так как все его творчество есть высокий протест человеческой души против хаоса, зла, глупости, тупости, лживых политических идей и других наущений, а также против самой критики, которая оценивает художественное произведение по внеэстетическим критериям – идеологическим, социологическим и психоаналитическим.

Первым, кто смог понять всю глубину набоковского гения, стал именно профессор Бицилли на своей тьмутараканской окраине. Это произошло в его программной и принципиально важной статье *«Возрождение аллегории»* (Совр. зап., № 61, 1936, с. 191–204), посвящённой анализу новаторского творчества писателя В.В. Набокова. В ней он толкует о романе *«Приглашение на казнь»* и сравнивает его с произведениями Гоголя, Достоевского и Салтыкова-Щедрина. Позже, в письме В.В. Рудневу он заключает, что *«...прочитавши до конца «Приглашение на казнь», я убедился окончательно, что Сирин – гениальный писатель...»* (Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Москва, 2000, с. 447). Дальше учёный констатирует, что возрождение аллегии Набоковым в высшей степени знаменательно для современной эпохи. В своих довольно глубоких рецензиях творчества молодого писателя он уловил и понял его блистательный талант и выдающуюся конгениальность с великими русскими писателями. С самого начала он рассматривал его как равного Нобелевскому лауреату Бунину.

Сам Набоков высоко оценил эти работы и справедливо заметил: *«Умнее всех, кажется, писал Бицилли»* (Шраер М.Д. Набоков: темы и вариации. СПб, 2000, с. 283). По сведениям друга Бицилли В. Ю. Макарова (1914–2007), героя процесса против Солженицына в Болгарии в 1974 году, и его дочери Марьи Петровны, выдающийся исследователь стал, вероятно, прототипом одного из героев четвертой главы романа *«Дар»* Набокова...

И всё-таки, как и зачем так получилось, что эти два одарённых и озарённых русских человека как-то через поля, леса, моря и горы разглядели друг друга и внимали душам друг друга? Этот секрет раскрывается самим Набоковым в романе «Дар» через магическую аллегория: «*В земном доме вместо окна – зеркало*». Как хорошо известно, зеркало с самых давних времён наделялось магической силой и сверхъестественными свойствами. Тут нельзя не припомнить, что именно зеркало является самым загадочным предметом среди семи священных атрибутов Элевсинских таинств древней Греции. Посвящаемый мог вглядываться через зеркало в потусторонний мир. Следы такого восприятия сохранились в русских народных сказках. Так, например, Бахтин описывает зеркало не как предмет, а как гносеологическую функцию. Для учёных тартусской школы оно является механизмом организации картины мира, строящейся на противопоставлении разных миров (Зеркало. Семиотика зеркальности. – Тарту, 1988, с. 4).

Тема изгнанничества, которую выделяют исследователи, приобретает в творчестве В. Набокова максимально расширенное значение. Это изгнание из России, из прошлого, из мира гармонии, счастья в мир чуждый, где герой расколот: физически находится в этом мире, духовно – в потерянном мире мечты. Мотив вырастает до символа – вся жизнь в эмиграции воспринимается как тень настоящей жизни в юности, в России, которую он восстанавливает по памяти. Обязательным условием допуска к мистериям Набокова можно безусловно назвать порядочность и владение русским языком.

Неслучайно именно студии Бицилли стали тем зеркалом, в котором видел себя сам Набоков. Это выражено самым проникновенным образом в стихах Вячеслава Иванова («*Прозрачность*»):

*«Я на дне своих зеркал,
Я – пред ликом чародея,
Ряд встающих двойников».*

Тогда ещё не была известна книга двадцатого века – роман «Мастер и Маргарита» их современника М.А. Булгакова. Не была ещё написана и Библия тоталитарного Левиафана «Архипелаг ГУЛАГ», но не зря её автор Александр Исаевич Солженицын, получивший Нобелевскую премию, первым делом рекомендовал на её присуждение именно В.В. Набокова. В то же время некий французский писатель (*sic!*) Жан-Поль Сартр сделал всё, чтобы эту премию не получили Анна Ахматова и Александр Солженицын... В самую страшную пору он, слывший борцом за права человека, утверждал, что советские граждане могут вполне свободно ехать за границу (!), но не хотят (!), так как они очень заняты построением нового общества для счастья всего человечества...

На фоне таких «интеллектуалов» на цивилизованном Западе Набоков и Бицилли были как старо-заветные мудрецы, которые предостерегали как от грядущего Хама, так и от уже наступившего всевластного Антихриста. Русские эмигранты (одни из самых культурных людей тогда в мире) на своей собственной «шкуре» испытали все «прелести» нового тоталитарного рая, из которого были изгнаны по причине своей интеллигентности и свободомыслия (см. *Философский пароход*, 1922 г.).

В.В. Набоков написал философско-эротический бестселлер «*Лолита*», что снискало ему мировую славу и обеспечило писателю беззаботное существование в скучной Швейцарии. П.М. Бицилли выпала иная, горькая, доля – он был беспричинно уволен из Софийского университета по навету своих новоявленных и часто малограмотных «коллег», которые завидовали его несравненной компетентности, профессиональному и моральному авторитету, неугасаемому интересу и любви студентов. Он угас в полной нищете и изоляции... В то самое страшное время вурдалаков и «длинных ножей» в Болгарии (1944–1954) был убит, без суда и приговора, только потому что он «классовый враг», князь Дмитрий Иванович Лобанов–Ростовский (1907–1948). Говорят, что перед смертью его спросили: «Это верно, что ты был князем?!», а он спокойно ответил: «Но я и есмь Князь...».

«Русскость – это не национальность (не звание и не статус) – это состояние Души и высота Духа в их устремлённости к Богу». Такие русские писатели, как Набоков, и учёные, как Бицилли, – прямое свидетельство этой апофтегмы...

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17–65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnarodom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал // www.mosjour.ru
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург – <http://rodnayaladoga.ru/index.php/onas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «Врата Сибири», гл.ред. Л.К. Иванов, Тюмень
Журнал «Белая вежа», гл.ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл.ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» – Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл.ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный журнала «Аргмак», Татарстан, гл. ред. Николай Алешков
Литературный альманах «Крылья» (Луганск) <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия) <http://zhemchuzhina.yolasite.com>, гл. ред. Тамара Малеевская

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счет: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала – 500 руб. Подписка на год – 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:

dovidenko_L@mail.ru